

**ХРЕСТОМАТИЯ
ФЕМИНИСТСКИХ ТЕКСТОВ.
ПЕРЕВОДЫ**

*Под редакцией
Елены Здравомысловой и Анны Голкиной*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2000

Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000.

Хрестоматия представляет собой сборник переводов текстов, ставших классикой феминистской теории второй половины XX в. Большинство из них переведено впервые. Благодаря им читатель сможет познакомиться с дебатами о-бого направления современной социальной теории, порожденной женским движением второй волны на Западе. Тексты представляют интерес для социологов, политологов, историков, философов, психологов, антропологов, психологов и всех тех, кто интересуется проблемами современных гендерных отношений.

Составители и научные редакторы — Е. Здравомыслова, А. Темкина

Редактор перевода — Т. Бархунова

Переводчики — Т. Бархунова, Е. Герасимова, Е. Здравомыслова, Ю. Зайкова, И. Мелникова, Ж. Чернова, С. Чуйкина, А. Хавжин, Н. Языковская

Издание этой книги стало возможным
благодаря финансовой поддержке фонда Джс. и К. Маккартуров,
предоставившего интеллектуальные гранты
Елене Здравомысловой и Анне Темкиной.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Здравомыслова, А. Темкина Введение: Феминистский перевод: текст, автор, дискурс.....	5
Д. Е. Смит Социологическая теория: методы патриархального письма	29
Дж. Б. Эвштайн Императивы частного и публичного	64
Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола	89
Н. Ходорове Психодинамика семьи	140
К. Гальеган Место женщины в жизненном цикле мужчины	166
Джс. Лорбер, С. Феррелл Принципы гендерного конструирования	187
К. Уэст, Д. Зиммерман Создание гендера	193
Р. Брайдонити Половое различие как политический проект номинализма	220
Р. Коннелл Современные подходы	251
Литература	280
Справка об авторах	300

Елена Здравомыслова, Анна Темкина

**ВВЕДЕНИЕ. ФЕМИНИСТСКИЙ ПЕРЕВОД:
ТЕКСТ, АВТОР, ДИСКУРС**

Замысел

Задача данной хрестоматии — ознакомить русскоязычного читателя с текстами, важными для современной феминистской мысли. Их выбор не случаен, но, вместе с тем, он далек от того, что в социологии представляется представительной выборкой. Для того чтобы быть большей частью представительной, эта хрестоматия должна бы включать гораздо большее количество текстов. Так, например, в «Feminism and Philosophy» (Туана & Тонг 1995) включено 27 текстов, разделенных по девяти направлениям феминизма. Хрестоматия «Second Wave» (Nickolson 1997) включает 23 текста пяти направлений. Наш замысел иной; он вырос из практической потребности преподавания курса по феминистской теории для аспирантов-социологов, в рамках которого осваивались разные подходы к гендерным отношениям, логика их развития и последующая критика.¹

Первоначально на семинарских занятиях анализировались оригинальные тексты, в ходе чего обнаружилось сложность их обсуждения на русском языке. Поскольку многие понятия еще не легитимизированы в отечественном дискурсе, мы часто пользовались английскими терминами и языковыми кальками, затруднялись найти русский аналог. Мы размышляли об ино-контекстуальности нашего обсуждения, т.е. об отнесенности текстов к иному опыту гендерных отношений. Постоянно возникала потребность найти русские аналоги терминов, соотносить понятия с российским контекстом, предлагать тексты доступными для профессиональной и широкой аудитории. Отсюда и возник замысел данной хрестоматии, которая является одновременно учебным пособием и попыткой создания российского словаря гендерных исследований.² Мы полагаем, что перевод фемин-

нистского текста на русский язык делает видимым то, что до этого было невидимым; такой перевод нарушает табу молчания, ставит «трудные» вопросы и открывает новые перспективы, создавая и осваивая новое пространство российского феминистского дискурса.

В хрестоматии вошли переводы английских текстов, что обусловлено причинами, не имеющими принципиального характера, главным образом — доступностью англоязычной литературы, определенным образом — доступностью англоязычного дискурса в общественном сознании.³

Хрестоматия как единый текст

В хрестоматию включено десять текстов, представляющих несколько направлений феминистской мысли второй и третьей волны. Эти тексты разнообразны: сборник включает аналитические статьи, ставшие классическими, главы монографий и обзорные работы, которые помогают ориентироваться в феминистском дискурсе.

Проясним, что обычно понимается под разделением феминизма на вторую и третью волну. Вторая волна феминизма — это западное интеллектуальное и общественно-политическое женское движение 1970-х—1980-х гг. Принято выделять следующие направления феминизма второй волны: либеральное, радикальное, марксистское, социалистическое, психоаналитическое. Третья волна, развитие которой наблюдается с конца 1980-х — начала 1990-х годов, включает такие направления, как конструктивистский и постмодернистский феминизм, феминизм цветных, культурный феминизм и другие. Надо отметить, что применительно к третьей волне (иногда называемой постфеминизмом) не существует канонического разделения на направления, что обусловлено усложнением и дроблением современного феминистского дискурса.

Мы считаем, что, несмотря на различия авторских подходов, работы, вошедшие в данную хрестоматию, могут быть представлены как некий единый текст. Этот текст объединен, во-первых, общностью позиций авторов по отношению к трем основным референциям и, во-вторых, рядом общих исходных положений. Каковы же три группы референций, по отношению к которым формируется общность хрестоматии?

Во-первых, все тексты можно отнести к постлиберальному феминистскому дискурсу. Это означает, что либеральная феминистская философия, утверждающая равенство и безразличие мужского и женского субъекта, является для авторов пройденным этапом. Они исходят из того, что политика либерального феминизма во многом ухудшила

положение женщин в современном мире, но ни в коем случае не порвала основ гендерного устройства общества.

Вторая референция текстов — это классическая работа Симоны де Бовуар «Вторая пол» (русский перевод: М., 1997). Дискурс, представленный в хрестоматии, можно назвать *постбовуарским*. При всем разнообразии позиций авторов этот дискурс развивается во круг центрального положения — женского как *иного*, выдвинутого де Бовуар.

Основная мысль Бовуар заключается в том, что женщина в современном обществе не является субъектом, она не способна к трансценденции, понимаемой в экзистенциальном смысле, т.е. к творчеству и преодолению себя в творении. «Всякий индивид, — пишет де Бовуар, — стремится оправдать свое существование, ощущает последнее как некую потребность в трансценденции. Вот почему особенность ситуации женщины состоит в том, что, обладая, как и любой человек, автономной свободой, она познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого: ее хотят определить в качестве объекта и обречь тем самым на имманентность, косность, поскольку трансценденция ее будет постоянно осуществляться другим сознанием, существующим и существующим» (Бовуар 1997:40). *Никакие* женщины сводятся к ее вторичности, обусловленной репродуктивными возможностями. Чтобы стать субъектом, женщина должна перестать быть *иной*. И так, де Бовуар мыслит *женское иное* как низшее, вторичное и инфраструктурное по сравнению с трансцендентными субъектом экзистенциальной маскулинности.

Феминизм двойственно относится к этой позиции. С одной стороны, философия *женского иного*, разработанная де Бовуар, является источником феминистской мысли. С другой — призыв к отказу от *иного* в пользу *публичного трансцендентного и мужского* — рассматривается как предательство женского субъекта. Позиционировать себя по отношению к де Бовуар стало необходимостью феминистской теории. Это значило представить некую концепцию *женского особенного* как позитивного *иного*, как *отличного и равного*.

Такая интеллектуальная задача должна опираться на эпистемологию, которая проблематизирует понятие прозрачного, безразличного и рационального субъекта. Субъектность прозрачна лишь по видимости. На самом деле рациональный субъект — это агент, порождающий и воспроизводящий фаллоцентричный (партриархальный) дискурс, который исключает *иное* из познания. В результате такого эпистемологического исключения множество *иных* субъектов оказываются не представленными в социальной мысли. В том

числе и женщина как *ида* субъектность («поэт чужим голосом»), т. е. либо определяется через фаллические значения культуры, либо не находит выражения вовсе. Дилемма невыразимости женской субъектности и необходимости в ее выражении постоянно воспроизводится в феминистском дискурсе.

Феминистская эпистемология утверждает, что субъектность производится переживаемым опытом индивидов и групп. Однако такой подход не разрешает проблемы женской субъектности, поскольку всепроникающие режимы власти определяют опыт на единственно существующем языке, порожденном патриархатной культурой. «Как только феминизм начинает оперировать теорией и говорить на ее языке, он тут же оказывается в ловушке «общезначимого» и теряет возможность собственного — «женского» или «иногого» — языка выражения в культуре» (Жеребкина 1996: 19). В противоположность де Бовуар, для которой женщина, являясь *другой*, все же имеет шанс на обретение трансценденции, для постмодернистских теоретиков и субъект, и другой(ая) — это способы производства доминирующего фаллотопцентричного дискурса (см., например: Butler 1990).

Решение дилеммы женской субъектности — существующей и не существующей одновременно — усложняется политическими задачами женского движения. Приказав раз и навсегда связанность культуры и патриархата, трудно требовать политических изменений, не разрушая культурных оснований собственного существования. Тупик феминистского интеллектуального и политического проекта преодолевается посредством новой концепции феминистской политики. Политический проект феминистского постмодернизма заключается в деконструкции, призванной разрушать доминирующей дискурс. В этом феминизм следует традиции Фуко — Лакана — Дерриды.

Вернемся к нашему тезису. Единство текста данной хрестоматии основывается на том, что все авторы признано необходимостью осмысления женского *иного*. Они анализируют механизмы производства и воспроизводства вторичности женского субъекта и статуса (Рубин, Лорбер, Фаррелл, Уэст и Зиммерман, Коннелл, Гиллиган, Смит, Эльштайн, Ходоров), выявляют специфику женского опыта, на который может опираться феминистская политика (Эльштайн, Гиллиган, Брайдотти, Ходоров, Смит). Через утверждение женского субъекта создается потенциальная возможность феминистского действия. Сама интеллектуальная работа такого рода рассматривается как феминистская политика разрушения доминирующего дискурса.

Итак, в любом варианте феминизм — это критика властного порядка, ориентированная на его изменение. Все современные феминистские исследователи мыслят свою аналитическую работу как политическую. Они понимают, что концептуализация женского субъекта как отличного от мужского и равного ему предполагает включение новых тем в общественное обсуждение и выдвигает новые требования преобразования общества, изменения властных структур не только на уровне реформ в политике, экономике и семейной сфере, но и сфере микро-политики языка и тела.

Третьей группой референций для всех текстов хрестоматии является основная корпус классической и постклассической социальной теории. Это означает, что феминистские исследователи постоянно соотносят себя с той или иной концепцией *mainstream* (основной теории), обнаруживая при анализе, что ее предметом является мужской субъект. Нечувствительность к опыту женского субъекта очевидна в большинстве текстов современной социальной теории, и это вызывает интеллектуальный протест феминистски ориентированных исследователей. Они деконструируют методологическую позицию, лежащую в основе социальной теории, и «переписывают» ее, включая в нее женский опыт. Так, например, Карол Гиллиган критикует Коллберга, который, по существу, ограничивал стадии морального развития личности теми, которые типичны для развития мужчин, — согласно встроеной шкале оценок, женские случаи оказываются маргинальными. Нэнси Ходоров, анализируя первичные истоки женственности, «переписывает» Фрейда, смещая анализ с отношения между отцом и ребенком на отношения между ребенком и матерью. Кэндис Уэст и Дон Зиммерман корректируют Гоффмана и Гарфинкеля, расширяя принцип гендерной конструкции на все без исключения повседневные взаимодействия. Гейл Рубин инкорпорирует идеи Маркса и Леви-Строса в анализ поло-родовых отношений и сексуальности. Идеи номинализма, разрабатываемые в феминистской перспективе Розн Брайдотти, тоже «выписаны» в современную социальную теорию. Роберт Коннелл использует теорию структуриации Гидденса и теорию практик Бурдьё для анализа гендерных отношений. Дороти Смит, отталкиваясь от дебата об эпистемологии и методологии современной социальной теории, восходящего к Дюркгейму, тестирует теорию на гендерную чувствительность и обнаруживает индoрирование женских опытов в построении всех и всячески теорий. Таким образом, пересмотр методологии, центрирование вокруг множественного женского опыта становится политической деятельностью феминистской теории. Феминистская критика создает новые подходы, включающие в теоретическую перспективу разнообразие женские опыты, и тем самым расширяет корпус современной

социальной теории, переосмысливая, проблематизируя и видоизменяя ее основания.

Кроме трех референций (феминистский либерализм, С. де Бовуар, основное русло социальной теории), тексты хрестоматии объединяет ряд *общих методологических позиций*. Во-первых, в феминистском дискурсе различные (полюс и гендеров) мыслятся как социальный конструкт в широком смысле. Это означает, что отношения между полами рассматриваются как социально создаваемые властные отношения, при которых воспроизводится субординация «слабого» пола. Во-вторых, современный феминистский дискурс принципиально междисциплинарен. Авторы опираются на психоанализ, антропологию, социологию, историю, политическую экономию, психологию, литературоведение, философию и другие дисциплинарные области. В-третьих, феминистский дискурс исходит из того, что отождествление мужского с общечеловеческим, присущее основным социальным теориям, жижется на классических когнитивных дуальных оппозициях культуры и природы, активного и пассивного, рационального и иррационального, мужского и женского. Простое дуалистическое мышление, работающее в режиме бинарных оппозиций, дискурсивно соответствует неравной властным отношениям господства и подчинения и потому должно быть отвергнуто.

Хрестоматия: логика текста

Хрестоматия открывается статьей Дороти Смит («Социологическая теория. Методы патриархатного письма», 1989). В этом тексте формулирована эпистемологическая и методологическая позиция, разделяемая (не всегда эксплицитно) большинством современных феминистских исследователей: гиноцентрический или позиционный подход в эпистемологии. Смит демонстрирует, что классическое социологическое знание является гендерно-нечувствительным, оно исключает из исследовательского поля конкретный, телесно воплощенный опыт женщин. Автор делает попытку вернуть женский субъект в социологию. Для этого она реконструирует организацию современного знания и постулирует новые принципы включения конкретных опытов в теоретический дискурс. Смит критикует методологические принципы Дюркгейма и Парсонса, которые, вслед за Ф. Баконом, устранили чувствующий субъект из процесса познания и декларируют возможность достижения объективной эмпирической истины. То, что субъекты думают и чувствуют, считается нерелевантным для конституирования социологического феномена. Смит ут-

верждает, что тексты, создаваемые по таким правилам, обслуживают существующие властные отношения.

Автор предлагает императив: феминистская социология должна дискурсивно соединить пишущих и читающих, поместив теорию в контекст повседневного опыта. Если произойдет такой поворот в социологии, то множество голосов, звучащих с разных позиций, получат доступ к публичному дискурсу. Позиционный подход — как эпистемология — открыто заявляет о том, что знание неизбежно производится с определенной позиции. Женская позиция производит иное знание, отличное от квази-объективного, то есть мужского, осмысления мира.

В своей критике позитивистской социологии феминистки не одиноки. Однако и в постклассической социальной теории, в основном, используются те конвенции, которые конституировали социологию как науку. Статья Смит, хотя и стала классической, только наметила способы теоретического и эмпирического преодоления отчуждения субъекта в феминистской социологии.

С позиции политической теории подходит к проблеме женского субъекта Джин Бетке Эльштайн («Мужчина — в публичном, женщина — в приватном. Женщины в социальной и политической мысли», 1981). Она строит свой анализ вокруг категорий приватного и публичного, которые принадлежат к основным понятиям, структурирующим социальную жизнь индивидов и групп. Эльштайн показывает, что типичное для современного социального знания и современной повседневной жизни разделение мира на публичную и приватную сферы есть механизм исключения женщины из публичного мира и политического дискурса, в результате которого она оказывается «умалчиваемой», немой. Разделение приватного и публичного, характерное для всех современных обществ, является структурным основанием гендерных отношений. Частная сфера — это традиционная сфера женского мира, поэтому в современной социальной науке она до недавнего времени не была осмыслена. Эльштайн выходит за границы приватной дихотомии публичного-приватного, разрабатывая методологию «женского субъекта» или «женщины-субъекта» (*female subject*). В рамках этой методологии женщина, оставаясь в центре семейно-приватных отношений, становится фигурой (субъектом) общественной сферы. Быть субъектом в публичной сфере — значит быть субъектом анализа, критики, изменений.

Так же, как Смит, Эльштайн отталкивается от того, что называется феминистским наследием де Бовуар: она признает, что именно после-

дней поставлен вопрос о женском субъекте. Следующий шаг — жесткая критика де Бовуар за «предастельство женщин», которое записано в призыве отказаться от своей самости как нищей по сравнению с мужчиной. Эльзштайн соглашается с тезисом, что женщина есть *лицо* (не мужское), тем не менее, настаивает на возможности конструирования позитивного женского субъекта, в основе которого лежит коллективный опыт субъекта-женщины, отличный от опыта мужчины. Самопознание женщин должно стать фокусом феминистской политической теории. Вместе с тем, Эльзштайн не склонна к простым методологическим решениям. Она отдает себе отчет в том, что феминистская политика — трансфер женщины в публичную сферу — разрушает мир приватного с его очарованием и эмоциональной насыщенностью.

То, что Эльзштайн констатирует как данность социальной теории, является проблемой для американского антрополога* Гейл Рубин («Обмен женщинами: заметки о "политической экономии" пола», 1975). Рубин анализирует истоки подчиненной женственности, восходящие к политической экономии традиционных обществ; термин «обмен», использованный в названии при переводе статьи, не случаен. Он указывает, что Рубин строит обсуждение в политико-экономическом и структуралистском дискурсе, опираясь на Леви-Стросса и Марксистов. Для этих авторов категория обмена является универсальной в анализе классовых и социальных структур. Марксистский анализ, по мнению Рубин, не является достаточным для понимания оснований мужского господства, которое воспроизводится не только при капитализме, но и в традиционных обществах. Социально-структурные основания воспроизводства вторичности женщин связаны с тем, что женщины являются специфическим товаром в системе родства традиционных обществ, т.е. необходимой основой выживания человеческого сообщества. Рубин иллюстрирует этот тезис примерами антропологических исследований тихоокеанских племен.

Действительно, и нравы так называемых примитивных обществ, и эпос, и мифология воспроизводят блуждающий сюжет об укряденных женах и красавицах, которые являются «залогом» в договорах, расприх и войнах народностей и племен. Елена Троянская, Марья Моревна и прочие фольклорные и литературные женские персонажи выступают в функции меновой стоимости, «всеобщего эквивалента», опосредующего социальные отношения как в традиционном обществе, так и за его пределами.

Текст Рубин важен не только как антрополого-исторический, но, прежде всего, как структуралистский. Она утверждает, что, хотя далеко

не все отношения обмена, наблюдаемые в традиционных обществах, могут быть обнаружены в современном мире, структуры, лежащие в их основании, и их символика до сих пор действенны. Посредством манипуляции женщинами и насилия над ними до сих пор происходит патриархальная борьба за утверждение влиятельных статусов.

Структурализм нашел свое выражение в категории гендерной системы, предложенной Рубин и ставшей классической в феминистской теории. Система пол/гендер определяется ею как «...набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности удовлетворяются». Такая система потенциально может быть эгалитарной. Однако будучи специфичной для каждого общества, она остается до сего дня патриархальной.

Феминистский анализ гендерной системы и гендерных различий включает психоаналитические и социологические исследования. Так, представительница объектной школы психоанализа Нэнси Ходоров ищет истоки воспроизводства женственности и мужественности в приватной сфере, а именно, в сфере родительских отношений («Воспроизводство материнской заботы. Психоанализ и социология гендера», 1978). В этом она опирается на социологически проработанную психоаналитическую теорию женственности, которую разрабатывали фрейдисты-ревикионисты М. Клейн, Х. Дойч и др. Признавая значимость ортодоксального фрейдизма в осмыслении роли раннего детства, сексуальности и бессознательного, Ходоров, вместе с тем, утверждает, что решающими для формирования личности мальчика и девочки являются не отношения с отцом (Эдипов комплекс), а более ранние отношения с первым объектом привязанности — матерью. Гендерные структуры, как считает Ходоров, воспроизводятся в структурах родительства, и, прежде всего, в отношениях материнства. Матери неосознанно по-разному строят отношения с младенцами разного пола, воспроизводя при этом свои собственные стереотипы: воссоздавая первичные отношения привязанности, которые они испытывали в доэдиповой фазе своего развития. Ходоров видит политическую задачу феминизма в изменении характера родительских отношений материнства и отцовства.

Кэрол Гиллиган анализирует поло-гендерные различия с позиции когнитивной психологии. Глава из ее книги «Другим голосом. Психологическая теория и развитие женщин» (1982), включенная в данную хрестоматию («Место женщины в жизненном цикле мужчины»), посвящена анализу социально-психологических оснований формирования различий по признаку пола. Исследовательская пробле-

ма Гиллиган — воспроизводство женственности традиционного типа. Гиллиган критикует классическую когнитивную психологию и лежачую в ее основе рационалистическую методологию и философию. Ее текст — это декларация индигности женщин как взгляда на мир, который мужчины не могут разделить в силу различий социализации. Вольно или невольно все когнитивные психологи, включая Ж. Пиаже и Л. Колльберга, считают женщину отклонением от нормы и недо (статочно) развитой. Гиллиган, напротив, призывает к признанию женской логики как равноправной и необходимой для социального баланса. Сравнительный анализ решения моральной дилеммы девочками и мальчиками показывает, что женская логика как логика отношений, соучастия, договоренности является не менее эффективной, чем логика абстрактная и инструментальная, приписываемая мужчинам. Женская моральность, подразумевающая ориентацию на другого, готовность к пониманию, сопереживанию и заботе, не должна считаться менее значимой, к ней не стоит относиться пренебрежительно. Без нее практически невозможно осуществление солидарного действия, ненавязчивое разрешение конфликта. Сам принцип переговоровных отношений, отличный от формального контракта, может считаться до определенной степени выражением «женской логики». Снисходительно и неважительно относятся к «женской логике» в публичной сфере, общество, тем не менее, принимает как должное и биологически оправданное то, что именно женщины принимают на себя заботу о стариках и детях, причем, в российском случае, не только в приватной сфере (учителя, врачи). Именно против такого нерелексированного двойного стандарта в оценке традиционной женственности направлен пафос исследования Гиллиган.

Если психологи анализируют когнитивные и бессознательные механизмы формирования гендерных отношений, то социологи-конструктивисты обращаются к тому, как воспроизводятся гендерное неравенство в повседневном взаимодействии «здесь и сейчас». Джудит Лорбер и Сьюзен Фаррелл во введении «Принципы гендерного конструирования» в книге «Социальное конструирование гендера» (1991) анализируют изменения феминистской теории гендерных отношений в последние десятилетия. Феминистский дискурс, начав с признания сконструированности ролей, пришел в настоящее время к более глубокому и дифференцированному пониманию социальности пола. Не только роли в публичной и приватной сфере, но и сексуальность, и так называемый биологический пол оказываются конструированными. Гендерные отношения не дихотомичны, т. е. неверно говорить о «двух гендерах» — мужском и женском. Гендерная иден-

тичность детерминирована множеством факторов: сексуальностью, этничностью, расовой и классовой принадлежностью. Лорбер считает по крайней мере семнадцать гендерных идентичностей в современном обществе.

Кэндес Уэст и Дон Зиммерман в статье «Создание гендера» (1991) показывают, что производство гендера происходит в обществе постоянно во всех институционально заданных ситуациях. Они считают методологически важным различение *пола*, *категоризации по признаку пола* и *гендера*. Отнесение индивидов к той или иной категории по признаку пола является существенно значимым для социального компетентного («подотчетного») поведения. Успешная коммуникация опирается, как правило, на возможность однозначной идентификации пола собеседника. Однако категоризация по признаку пола далеко не всегда однозначна и не всегда соответствует биологическому полу индивида. В современном обществе наличие таких внешних атрибутов, как галстук, серьги, брюки, стрижка, даже тембр голоса и манера держаться не являются гарантией адекватной идентификации половой принадлежности индивида. Приписывание пола происходит согласно правилам, принятым в данном обществе, и выражается в гендерном дисплее, т. е. в повседневном проявлении гендерной идентичности. Ресурсами гендерного дисплея являются все институциональные рефлексивные структуры, предопределенные в повседневном взаимодействии. Понятие гендерного дисплея необходимо авторам для того, чтобы утвердить социальную сконструированность не только гендерных различий, но и биологического пола. Идея сконструированности гендерных отношений методологически важна для обоснования возможности их изменения. Если неравенство создается социальными структурами, то социальный агент в состоянии сломать эти структуры и построить новое общество, в котором различия между полами не будут иерархическими.

Таким образом, мы видим, как различие полов конструируется на разных уровнях, в разных дисциплинах. Отношения женственности/мужественности мыслятся как изменчивые, социально сконструированные, неоднородные и «заряженные» отношениями власти. Пытаясь соединить множество подходов и выйти за пределы модернистской эпистемологии, Рози Брайдотти представляет многообразные различия полов в категориях номинальной идентичности («Номинальные субъекты: воплощения и половые различия», 1994). Для этого она предлагает отказаться от гендерного подхода, поскольку в его рамках, по ее мнению, не может быть конструирована дифференцированная субъектность. Само слово «гендер» — англоязычного происхождения,

и его использование во многих европейских языках затруднено. Брайдолти утверждает, что «гендер — это культурно-специфический и потому непереводаемый термин»⁴.

С точки зрения Брайдолти, аналитически категория «различие полов» является более эвристичной, чем категория «гендер». Эта категория позволяет дифференцировать субъектность женщин(ы), рассматривая многоуровневые технологии формирования Я по отношению к разнообразным другим. Идентичность на всех уровнях строится как отличие от другого. Брайдолти выдвигает политический проект, основанный на идее «номадизма-кочевничества», требующий признания множественности и изменчивости феминистских голосов, представляющих новую женскую субъектность.

Обретение субъектности, по Брайдолти, — это процесс воплощения материальных (институциональных) и дискурсивных (символических) практик. Брайдолти выделяет три уровня создания номадического женского субъекта. На первом уровне утверждается субъектность женщины как отличной от мужчин, таким образом, признается принципиальная релевантность категории женщины. На втором уровне утверждается многообразие альтернативных форм женской субъектности, на третьем — наличие разрозненных аспектов женского Я. При таком подходе феминизм как теоретическая и политическая практика представляет собой критику достаточности обобщенной категории «женщина» и реконструкцию разных уровней репрезентации «женщины» в соответствии с разными опытами и практиками номадической идентичности.

Заключительный текст хрестоматии — глава из книги Роберта Коннелла «Гендер и власть. Общество, личность и сексуальная политика» (1987), в которой автор предлагает свой вариант обобщения разнообразных феминистских подходов к анализу различия полов. Коннелл представляет панораму гендерных теорий, позволяя сориентироваться в логике их развития, в их возможностях и недостатках. Автор отходит от общепринятых классификаций теоретических моделей и рассматривает четыре основные парадигмы анализа гендерных отношений.

Первая парадигма — марксистская. Она включает такие теории, как классовый подход, теорию социального воспроизводства и теорию «двойных систем». В рамках этой парадигмы угнетение женщин рассматривается как следствие производственных или воспроизводственных отношений капиталистического общества. При этом капитализм не отождествляется с патриархатом, напротив, эксплуатация женщин концептуализируется как результат воздействия этих двух относительно

но независимых систем господства. В рамках такого подхода, однако, сохраняются трудности осмысления патриархата как социальной системы и способа взаимодействия двух систем доминирования.

Вторая парадигма — поло-ролевой подход, объясняющий зависимость личности от социальной структуры. Примененный к анализу гендерных отношений, данный подход утверждает, что быть мужчиной или женщиной — это значит выполнять роли, присписываемые данному полу и усваиваемые индивидами в процессе социализации. Однако эти теории, в конечном итоге, опираются на биологические основания в интерпретации различий полов, они не в состоянии объяснить, как люди изменяют роли, какой вклад они вносят в критику существующего гендерного порядка, действуя как активные агенты.

Третья парадигма — «теории гендерных категорий», в рамках которой общественное устройство описывается как отношения неравенства между двумя социальными категориями «Мужчинами» и «Женщинами». К этой группе Коннелл относит теорию гендерной системы Рубин и теорию воспроизводства материнской заботы Ходоров, где гендер определяется как социальный статус, постоянно воспроизводимый отношениями патриархата. Для того чтобы быть соотносимыми с конкретными обществами, такие теории должны быть дополнены, во-первых, анализом категорий класса, расы и национальности, и, во-вторых, объяснением того, как возможно сопротивление социальным структурам.

Решение таких проблем предлагается в четвертой теоретической парадигме — теории практик. В рамках теорий практик проблема организации гендерных отношений рассматривается как процесс взаимодействия агента и социальных структур, где структура складывается исторически, и тогда женственность и мужественность предстает как постоянно создаваемые идентичности. Для нового подхода характерно, наряду с признанием властного измерения гендерных отношений, и обоснование практической политики, исходящей из понимания субъекта как агента и действующего лица, ограниченного структурами, но изменяющего их.

Работа Коннелла «Гендер и власть» известна также в связи с теорией «экономной композиции». Автор рассматривает разделение труда в сфере экономики, структуры власти и эмоциональные отношения (катексис⁵) как основные структурные модели гендерной композиции, которые обуславливают возможные в их рамках практики. Коннелл отказывается от термина «система», восходящего к функционализму, и указывает, что метафора «композиция» более адекватна для

анализа гендерных отношений как структурированных и структурирующих практик.

Структурные модели являются главными элементами гендерного режима, понимаемого как правила игры (state of play) гендерных взаимодействий в конкретных институтах, таких как семья, государство, организация городского пространства.

Теория практик позволяет проследить, как создаются и воспроизводятся образцы мужественности и женственности и их иерархии в повседневной жизни. Коннелл утверждает, что в патриархальном социальном порядке не только женственность вторична по отношению к мужественности, но и среди вариантов мужественности существует гегемонный образец, по отношению к которому другие модели оказываются подавляемыми. Таким образом, анализ гендерных различий может и должен быть распространен и на разные варианты маскулинности и отношения между ними.

Итак, феминистская мысль является необходимым звеном развития современной социальной теории. Ее критический и скептический пафос оказывается возможен только как осмысление социальной теории и предельных феминистских позиций, как рефлексия множественных опытов, ставших основой теории.

Открытость российского дискурса и перевод как дискурсивный трансфер

Логика развития (феминистской) теории приобретает особый смысл, когда мы в процессе перевода переносим феминистские тексты в российский дискурс, осуществляя чуть ли не фрейдистский трансфер. Поймим нашу мысль, рассмотрим, в какой дискурс социальной теории мы попадаем, когда включаем переводные феминистские тексты в российский теоретическое поле.

В последние десятилетия мы являемся свидетелями и участниками изменения дискурсивной ситуации: происходит вхождение современной социальной теории в *особо ожидаемый российский дискурс*. Российский (теоретический) дискурс в настоящее время является открытым; он находится в состоянии усвоения, освоения, восприятия, впитывания, перевода, «переваривания» множества социальных теорий самого разнообразного происхождения. Среди них и классические подходы, и те, которые выросли как их критика. Такая *дискурсивная всеядность* явно компенсирует дискурсивный дефицит советского периода, когда многие традиции, создававшие почву для критической теории, были маргинализированы.

Как показано выше, феминизм как критическая теория также необходимо должен вырастать из древа основного дискурса. Однако в российском контексте его основания не получили развития. Такие наращения, как психоанализ, неомарксизм, экзистенциализм, феноменология, структурно-функциональный анализ, структурализм и постструктурализм существовали в советском дискурсе лишь под рубрикой критики буржуазных теорий или выражались эзоповым языком. Поскольку все эти подходы были табуированы в официальном дискурсе, невозможна была и их критика, посредством которой развивалась феминистская мысль. Теории субъектности советского времени (В. Выготский, В. Ильенков, М. Мамардашвили, Ю. Лотман, М. Бахтин и др.) до сих пор остаются неиспользованным ресурсом отечественной феминистской критики. Новая сульба у российской философии (феминистский анализ символизма Соловьева-Бердяева см.: Осипович 1998).

Еще одним проявлением российской дискурсивной открытости является тенденция поиска культурных корней, которая в данном случае принимает форму дискурсивного возвращения традиционной женственности (см. Здравомыслова, Темкина 1999). Появляется множество текстов, посвященных прославлению роли матери, супруги, подруги и музья выдающихся мужчин. Этот дискурсивный поток очевидно движется в ином направлении, чем феминистский. Он создает поле, зараженное негативизмом по отношению к феминистскому дискурсу в его (про)западном варианте. Тем не менее, мы считаем, что дискурсивное возвращение традиционной женственности — лишь первый этап для формирования отечественного собственно феминистского дискурса.

Таким образом, можно сказать, что почва для отечественного феминизма в российском дискурсе еще не подготовлена. Дискурсивная открытость означает освоение и ревизию текстов, написанных на основе иного опыта в условиях пересекающихся дискурсивных потоков, представляющих различные хронологии.

Такой трансфер дискурса и представляет собой перевод, понимаемый в широком, философском смысле. Тексты поступают в российский дискурс «пакетами», их совокупность растет, они противостоят друг другу, представляя различные хронологии, уже не разрываемые читателем. Они начинают приживаться на новой почве, жить своей жизнью и вызывать к созданию новой методологии, опирающейся на существование. Такая дискурсивная ситуация способствует тому, чтобы легитимной логикой социальной познания стали номинализм и постмодернизм. Эта логика не позволяет ни

Одной из теорий занять доминирующее положение. Само сосуществование разных претензий на истину и универсальность подрывает дискursивные основы целостности и когерентности модерна. Какое же место занимает переводная феминистская теория в саморегулирующемся хаосе современного российского дискурса?

В такой ситуации «переводной феминизм» в значительной степени оказывается оторванным от своих критических оснований. Это порождает неприятие феминистского дискурса со стороны публики и концептуальные трудности, в том числе и трудности перевода того типа текстов, тезаурус которых еще не сформирован. Несмотря на культурные барьеры, мы считаем, что в ситуации дискursивной открытости феминистская теория имеет шанс обрести свою нишу, в рамках которой «гендер» и «различия полов» становятся «полезными категориями анализа» (Scott 1986). Для создания феминистского дискursивного поля нужны осознанные действия феминистски ориентированных исследователей, выстраивание стратегий утверждения новой проблематики.

Возможности феминистской теории занять свою нишу в саморегулирующемся хаосе современной российской дискursивности достаточно очевидны. Однако гораздо сложнее выйти за пределы своего «гетто» и стать равноправным агентом в символической борьбе различных направлений социальной мысли за определение того, что является предметом социальной теории. Стратегия феминизма в отечественном дискурсе должна, в частности, отстаивать включение женского опыта, частной сферы, воспроизводства, заботы, эмпатий в сферу проблематики социальной теории. Одним из стратегических ходов — перевод феминистской классики на русский язык. Для того, чтобы феминистская теория не стала «интеллектуальным гетто», а заняла достойное положение среди равных, должны сформироваться «языковые поля», в которых разные теории смогут осуществлять коммуникацию. Именно в рамках перевода формируется тезаурус дискursивного взаимодействия теорий. Чтобы быть воспринятой в России, феминистская теория должна «заговорить» на русском языке, как и другие «переводные» социальные теории. Перевод оказывается сложным предпринятием еще и потому, что в России «языковое поле» социальной теории находится в состоянии становления, а феминистский дискурс наименее развит. Все это мы ощутили в ходе перевода и редактирования данных текстов, — т.е. в процессе их «переноса» в российский дискursивный контекст, который мы определяем как саморегулирующийся дискursивный хаос.

«Феминистский» перевод и номиналистское авторство

Как известно, каждая эпоха нуждается в своем переводчике, в каждой эпохе перевод имеет свои функции; разные дискursивные сферы требуют разных переводческих подходов. Перевод феминистских текстов, являясь одним из средств расширения пространства отечественного публичного дискурса, возвращает нас к дебатам о соотношении между переводом и оригинальным текстом.⁷

Исходной позицией этой дискуссии является тезис о вторичности переводчика, о выполнении им обслуживающей роли по отношению к автору и оригиналу. В лучшем случае он исполнитель, но не творец. Ремесло переводчика подобно исполнительскому искусству музыканта, который лишь воспроизводит замысел композитора, как и традиционный женский труд в сфере воспроизводства (Chambetain 1992). Обсуждение соотношения перевода и оригинала феминистского текста вновь делает актуальной категорию *верности*, имеющую коннотацию с патриархальным дискурсом отношений между полами.⁸ Перевод, подобно женщине, должен быть *верным*. Но кому? Верность перевода двояко направлена. С одной стороны, существуют требования верности оригиналу. С другой, необходимо соблюдать верность родному языку переводчика. Такие требования оказываются взаимоисключающими. Переводчик должен соблюсти верность двум «супругам».

Верность оригиналу относительна, может пониматься по-разному и заключается, прежде всего, в передаче духа текста, его смысла, а не в вербальной точности. В своих заметках о переводе шекспировской классики Б. Пастернак утверждает, что «...дословная точность и соответствие формы не обеспечивают переводу истинной близости. Как сходство изображения и изображаемого, так и сходство перевода с подлинником достигается живостью и естественностью языка... Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности» (Пастернак 1987: 428-429).

Концептуально информированное понимание верности есть средство сохранения верности оригиналу. «Каждоневное продвижение по тексту ставит переводчика в былые положения автора. Он день за днем воспроизводит движения, однажды проделанные автором. Не в теории, а на деле сближаешься с некоторыми тайнами автора, чултимо посвящаясь в них». Верность заключается «в поэтическом единстве мысли, любви к оригиналу, внутренней прозрачности — во всем том, что способствует пониманию и постижению» (Хелемский 1987: 191). Разделяя эту логику, мы как переводчики феминистских

текстов ориентированы на внутреннее родство с переводимыми авторами, которое является, может быть, единственной, хотя и слабой, гарантией нашей «верности».

Другая сторона дилеммы «верности» — верность родному языку, в обсуждении которой часто используются психоаналитические метафоры. С одной стороны, чтобы рожденное потомство — текст перевода — было легитимным, законным, переводчик-отец должен быть верен материнскому языку. С другой стороны, переводчик оказывается в эдиповой ситуации. Он хочет «убить отца», в роли которого в данном случае выступает авторский текст — поскольку испытывает «впечатление к матери», то есть к родному материнскому языку (Savtolsky 1977, Shamberg 1992).

Еще один аспект «верности» возникает при решении вопроса о транслитерации, т. е. о заимствовании слов из другого языка в текстах переводов. Для нас этот вопрос особенно значим в связи с «карьерой» термина «гендер» в русском языке. Будучи транслитерированным, этот термин стал знакомым для обозначения нового направления социальных исследований в России, которое требует своей легитимизации.

Заимствование может трактоваться как предательство по отношению к оригинальному тексту, т. е. как знак того, что переводчиком не найдено адекватное слово, отражающее смысл написанного. С другой стороны, инновационное заимствование можно расценивать как измену родному языку переводчика — поскольку он заворачивает «чуждыми элементами». Мы считаем, что вопрос об использовании транслитерации нельзя решить раз и навсегда. С одной стороны, точно найденный русский синоним надежней, чем языковая калька. Но языковой эквивалент не всегда возможно найти, о чем свидетельствует множественность иноязычных слов в русском языке, особенно в научных текстах. Впрочем, это относится не только к русскому языку, за счет заимствований развивается любой язык.

Итак, перевод феминистские тексты, мы постоянно решаем дилемму верности: изменяем родному языку, желая сохранить верность оригиналу; в то же время изменяем оригиналу, загоняя его в русло родного языка.⁹ Такого рода *измены* оказываются неизбежными, поскольку перевод предполагает интерпретацию текстов и создание их новых версий. Таким образом, происходит двойная измена, сохраняется двойная верность, когда формируется новая дискурсивность...

Дилемма верности родному языку и оригиналу, таким образом — результат неправильно поставленного вопроса об авторстве текста: первичности или вторичности перевода. Такой дилеммы не будет существовать, если текст будет рассматриваться как продукт дискур-

сивного производства, т. е. в традиции постмодернизма. В постмодернистской парадигме на смену иерархическому различию текста-оригинала и текста-перевода приходит понятие интертекстуальности (Derrida 1979). Исходя из этой позиции, границы текста размыты, их указать невозможно. И перевод, и оригинал зависят от предшествовавших текстов, от исторических источников. «Автор» только выражает социальные и культурные коды, поэтому понятие оригинала исчезает, текст уже не рассматривается как плод деятельности одного автора, но является результатом постоянной интерпретации, происходящей в процессе чтения, письма и перевода и нового чтения.

Поскольку и в оригинальном авторском тексте у терминов появляются новые значения (Derrida 1979), мы считаем закономерностью перевода феминистского текста невозможность перевести многие термины на русский язык (такие как *gender, political subjectivity, female subject (she)* и др. Нам остается признать, что перевод управляется двойной связью: текст оригинала одновременно требует перевода (мы его выбираем как важный для нашей культуры) и запрещает перевод (он принадлежит к другой культуре).

Итак, мы исходим из того, что оригинал и перевод — должники друг перед другом. Текст оригинала ориентирован на экспансию, он требует включения в другие иноязычные дискурсы. Переводчики оказываются исполнителями этой задачи. Перевод наделяет оригинал новым смыслом, которого он был лишен в своем родном дискурсе. Двойная связанность авторов перевода и оригинала должна рассматриваться как отношение партнерства и равенства. Перевод является обоюдонаправленным: автор и переводчик вместе «работают» над текстом и становятся со-авторами дискурсивности.

Номадическое авторство и феминистская дискурсивность

Понятие *автора дискурсивности*, противоположенного *классическому автору*, введено М. Фуко. Автор как категория возникает в процессе индивидуации в истории идей, когда важным становится не только текст, но и его создатель (Фуко 1996: 12). В дальнейшем понятие авторства меняется. В Европе XIX века появляется «автор дискурсивности», т. е. основатель традиции, классик, к текстам которого в дальнейшем обращаются все последователи. Типичными *авторами дискурсивности* являются Маркс и Фрейд. Понимаемое таким образом имя автора «выполняет по отношению к дискурсам определенную роль: оно обеспечивает функцию классификации; такое имя позволяет сгруппировать ряд текстов, разграничить их, исключить из

их числа одни и противопоставить их другим» (там же: 21). Тексты классиков постоянно переинтерпретируются новыми поколениями, а значит, становятся зависимыми от своих последующих трансформаций. Таким образом, дискурсивность включает последующую критику и интерпретацию текстов определенных авторов, «соавторами дискурсивности становятся все участники, возвращающиеся к данным текстам и изменяющие таким образом дискурс. Фрейд после прочтения *другими* (феминистками) уже не тот Фрейд, который писал в начале века.

В результате текст начинает жить относительно независимой от классика-основателя жизнью, авторство становится «ложной функцией дискурса» (там же: 40). Такой дискурс подразумевает множественность, процессуальность авторства или наличие множества авторов. Если понимать авторство таким образом, то легко прийти к заключению, что переводчики становятся соавторами дискурсивности. Тексты «классиков» меняются в зависимости от феминистского прочтения, их изменяет перевод на другие языки и трансфер в другие дискурсивные поля. Авторство множится, становится трудно идентифицируемым, номинальным.

Понятие номинальности авторства производно от концепции интратекстуальности, которая предполагает, что существует заочная негласная конвенция между автором и переводчиком. Этот «диалог» подразумевает возможность понимания при «очевидии» текста из контекста в контекст, а также базовое доверие между авторами (автором оригинала и его партнером) на основании их принадлежности к общей дискурсивности. В нашем случае авторы англоязычных феминистских текстов практически лишены права голоса, несмотря на то, что мы согласовывали с ними некоторые переводческие находки и право публикации перевода. Однако надо признать, что авторы не в силах контролировать нас. Мы осознали властную позицию авторов переводов по отношению к авторам оригинальных текстов. Мы видим единственный выход из этого положения в признании неэбженности номинального авторства. В этом случае авторство разделяют не только писатель и его дискурс, переводчик и его дискурс, но и читатель — реципиент и интерпретатор, действующий в рамках своего дискурса.

Позиция номинального авторства позволяет нам утверждать, что всякий перевод дискурсивно ситуативен. Авторство текста вторично по отношению к дискурсивности, в рамках которой оно возникает. В данном случае переводчики оказываются заложниками дискурсивной ситуации и максимум, что они могут сделать, — осоз-

навать свою позицию.

Подведем итоги. Авторство переводного феминистского текста в российском дискурсе множественно и гетерогенно. Во-первых, в это понятие включаются авторы дискурса основного ядра социальной теории; во-вторых, это авторы оригинальных феминистских текстов; в-третьих, это авторы переводов, осуществляющие дискурсивный трансфер; в-четвертых, это читатели. Таким образом, можно говорить о некоем *номинальном авторе дискурсивности*, не идентифицируемом как лицо. Тезис о *номинальном авторстве* и авторе отличен от тезиса Фуко об исчезающем авторе. *Номинальное авторство* предполагает возможность обращения к автору в том или ином контексте. Все эти рассуждения приводят нас к выводу, что у данной хрестоматии множество авторов. В одних случаях в фокусе рассмотрения может оказаться авторство статей, подлежащих переводу; в других уместно обсуждать авторство переводов, в третьих случаях — авторство оригинальной идеи редакторов-составителей или позиции читателей-критиков.

Такое видение авторства текста позволяет нам занять определенную позицию по отношению к методологии перевода. На наш взгляд, переводчик является со-автором текста. Специфика дискурсивной ситуации в России, которую мы определяем как саморегулирующийся дискурсивный хаос, предполагает особую ответственность на такого переводчика-соавтора, поскольку зачатую он является создателем категориального аппарата и словаря в новом поле дискурса.

В соответствии с нашим пониманием *авторства, перевода и чтения* мы осмысливаем феминистские переводные тексты как относительно созвучные нашему личному опыту, опыту исследователей феминистской ориентации, опыту работы в социологическом сообществе. Как социологи-феминистки мы переживали и переживаем отчужденность социологических текстов основного русла от нашего собственного опыта (см. Д. Смит), каждый из нас знаком с ощущением «расколотовой идентичности» (см. Р. Брайдотти), чувствовал отличие женской морали от мужской (см. К. Гиллиган), сложности совмещения дискурсов публичной и приватной сфер (см. Б. Эпштайн). Вместе с тем, далеко не все положения текстов оригиналов, вошедших в хрестоматию, представляются нам релевантными для современного российского контекста. В нашу задачу не входит критика феминистской теории, однако отметим, что, например, различение приватного и публичного, характерное для либерального дискурса, имеет иной смысл в описании практик российских гендерных отношений; критика основного русла социальной теории, принимающая феминистски-

ми исследователями, имеет иной смысл в современной российской ситуации дискурсивной открытости.

Методологические инструменты, содержащиеся в данных текстах, проясняют и то, почему произошло и воспроизводство женского *иново* наталкивается на отечественное неприятие феминизма. Нам хорошо известны негативные реакции на феминизм в повседневности, мы немало говорили и писали о развитии феминистского академического сообщества в России и о его маргинальности. Феминизм, по моему мнению, рутину повседневности, часто вызывает эмоциональные реакции, гнев и раздражение читающих и пишущих. Когнитивный порядок, то, что мы «знаем» о природе и «естественности» дихотомии полов в обществе, есть одновременно и порядок моральный, и потому феминистская теория, ломающая «естественно-моральный порядок», рискует еще долго оставаться исключенной из основного дискурса.

Однако в последние годы в научном сообществе возрастает интерес к исследованию гендерных отношений, увеличивается количество публикаций, переводов, методологических расуждений, формируется новая «феминистская дискурсивность». Одновременно постоянно воспроизводится вопрос о релевантности западного знания для российского контекста, с чем столкнулись и мы в процессе подготовки данных текстов к публикации и что побуждало осмыслить в данном введении на предмет меры проблем перевода.

Мы полагаем, что для тех, кто готов менять свой взгляд, включить в свой профессиональный и повседневный опыт, свою позицию в социальное знание и социальную деятельность, данные тексты очерчивают одно из полей, в котором создаются инструменты для таких изменений. Тем, кто заинтересован в становлении и развитии феминистской теории, данные тексты дадут возможность, во-первых, детально ознакомиться с первоисточниками на русском языке, во-вторых, ощутить их созвучие и несозвучие своему социальному опыту, в-третьих, задуматься над тем, что из этих текстов отражает «транскультурные» процессы и потому значимо для российского опыта, а чему российский опыт и русский язык сопротивляются. Через сопоставление чуждому, его усвоение и преобразование создается новая российская феминистская дискурсивность.

Примечания

¹ Занятия проводились в рамках образовательной программы по гендерным исследованиям факультета политических наук и социологии Европейского университета в СПбурбурге.

² Мы не одиноки в этой работе — переводные тексты за последние десятилетия создают новый феминистский дискурс, до недавнего времени неведомый русскому читателю. См., например: Феминизм: перспективы социального знания / Под ред. О.М. Ворониной. НИИОН, 1992; Феминизм: проза, мемуары, письма / Под ред. О. Дегтяревой и А. Панковой. М.: Прогресс, 1992; Современная философия. 1995. № 1; Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках / Под ред. И. Жеребькиной. Харьков: ХЦПИ, 1998; Гендерные исследования. 1998. № 1, 1999. № 2; Пол. Гендер. Культура / Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 1999 и другие. См. также переводы феминистской классики: Бовуар С. де. Второй пол. СПб.: Прогресс, 1997; Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994; Миллетт К. Теория сексуальной политики // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 147–172.

³ Иногда обсуждается колониализм англоязычного дискурса, который определяет парадигмальные основания дискурса. Мы, однако, считаем, что концепция научного колониализма не является плодотворной для анализа транснационального дискурсивного процесса.

⁴ Отметим, что феминистская языковая политика требует изменения «маскулинных» грамматических стереотипов (в т.ч. русского языка), рассогласовавших род существительного, обозначающего публичное признание — профессиональную деятельность индивида (социолог, профессор, психолог, антрополог и пр.) и род имени собственного, обозначающего пол человека, относящегося к данной профессии (Иванова, Смирнова, Темкина, Здравомышлова и пр.). В данном случае, мы должны были бы сказать «американской антропологини». Однако культурный консерватизм не позволяет нам преодолеть сопротивление родного языка. Мы остаемся верны традиционному грамматическому употреблению, рассогласовывающему род в номинации профессиональной принадлежности (антрополог) и род имени собственного женщины (Тейл Рубин). Другая возможность решения этой языковой задачи — введение термина «женщина-антрополог» — может быть наглядным. Грамматическое сопротивление русского языка ощущалось на протяжении всей работы над хрестоматией, например, при переводе таких терминов, как «женщина-субъект», «женский субъект» и аналогичных им.

⁵ Мы соглашались с Брайдоути и потому вынужденно не ищем адекватного перевода этого термина (гендер — род, например), а используем уже употребляющийся в отечественном феминистском дискурсе транслитерацию английского термина *gender*.

⁶ Катексис (*cathexis* — англ., *Beziehung* — нем.) — термин, впервые использованный Фрейдом в 1893 г. в значении «зарядка психической энергии». Фрейд использовал термин как существительное — *zgo kathexis* (*ego cathexis*), глагол — *эмоционально зарядать объект* (*cathect an object*), при-

дагательное — *катектическая верность* (sahestic fidelity). Термин обозначает энергетические проявления заряда физиологической или психической энергии, импульсы, аффективную установку на объект (используется в психоанализе для обозначения количества энергии, сублимированной с объектом-представлением или с психической структурой, Райкрофт 1995: 69). В дальнейшем Т. Парсонс использует термин для обозначения состояния эйфории или дисэйфории, которое индивид (организм) испытывает по отношению к объекту; объектно ориентированное состояние аффекта, предполагающее притягательную значимость объекта. По Коннеллу, катексис — это конструктивная эмоционально заряженных социальных отношений с «объектами», то есть с другими людьми в реальном мире (Connell 1987: 112).

⁷ Мы осознаем отличие перевода научного текста от художественного, однако считаем, что ряд суждений специалистов по теории художественного перевода имеет методологическое значение для решения проблем с переводом текстов, относящихся к социальной и политической теории и особенно к феминистской мысли. Мы обращаемся к теории художественного (в т.ч. поэтического) перевода, имея в виду, что феминистские тексты близки поэтическим метафоричностью, игрой слов и воображения, контекстуальной помещенностью и пр., хотя, разумеется, аналогии подобного рода имеют весьма ограниченный характер. Все дальнейшие рассуждения касаются лишь перевода феминистских текстов, не пренебрегая на универсальность.

⁸ В настоящее время дискуссия о верности перевода оригиналу и языку переводчика кажется устаревшей. Однако нам представляется, что ее актуальность при переводе феминистских текстов обретают новый метафорический смысл, на что справедливо указывает Л. Чемберлен (Chamberlain 1992). Когда мы создаем новое (феминистское) дискурсивное поле, то неизбежно сталкиваемся с проблемой перевода, усвоения и адаптации инкультурного дискурса. Обсуждение *верности* оказывается обсуждением использования теоретических и категориальных контекстов в условиях обретения ими новых значений.

⁹ Русский язык сопротивляется «политическим коррекциям» языка англоязычных феминистских текстов. Русские аналогии часто кажутся неигривыми, безграмотными. В данном случае мы можем говорить не только о сопротивлении языка как носителя грамматики, но и о сопротивлении его как носителя дискурса. Наша переводческая позиция заключается в том, чтобы попытаться сбалансировать требования русского языка и политический пафос языка феминистского дискурса. Проблема перевода становится проблемой политической. Совершая насилие над языковыми нормами языка, мы бросаем вызов сложившимся представлениям о вторичности и неважности женского субъекта. Одновременно мы пытаемся сохранить и верность традициям родного языка, и потому не вполне вписываемся в феминистский дискурс «политической корректности».

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: МЕТОДЫ ПАТРИАРХАТНОГО ПИСЬМА*

Дороти Е. Смит

As I was going up the stair
I met a man who was not there.
He wasn't there again today,
I wish to god he'd go away!

(Anonymous)**

В своих работах (Smith 1987) я исхожу из признания особой позиции, в которой находится женщина в обществе***. Эта позиция не обязательно является атрибутом женщины как класса лиц, но представляет собой вид опыта, который отличает женщин и который привел к тому, что мы до сих пор маркированы как отдаленные от мужчин. В силу данного опыта это отличие продолжает воссоздаваться и

* Перевод статьи Smith Dorothy. Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy: Feminism and Sociological Theory / Ed. K. Wallace. Sage Publications, 1989. P. 34-64.

** Я как-то по лестнице вверх поднимался,
И кто-то, кто не был там, мне повстречался.
Сегодня его я не встретил опять,
О, боже, скорей его надо прогнать!

Неизвестный автор — Перев. Чулкиной.

*** Для обозначения позиции женщины в обществе и позиции женщины-исследователя Дороти Смит используется термином «standpoint for women». Этот термин стал ключевым для обозначения феминистской методологии, которая исходит из признания специфичности женского опыта. Женский опыт отличен от мужского, но при этом мужской опыт предположительно в классической социологии как универсальный. Женский опыт рассматривается как некоторая позиция, определяющая перспективу исследования, его предмет и метод сбора и анализа данных. Методология такого исследования на русском языке мы называем «позиционным подходом» (Прим.ред.).

сейчас. Речь идет об опыте работы, связанной с конкретными людьми, в частности, с детьми. Этот опыт имеет своим основанием биологическое различие (наши тела способны к деторождению, а тела мужчин — нет), но организован через сложные институциональные опосредования в виде работы по уходу (заботы) и обслуживанию, направленной на конкурентных других или группы других. Локализация женщины, субъекта социологического познания, именно в этой сфере ползает ее *in situ* текстурально опосредованного дискурса¹ солидологии: таким образом женщина-субъект помещается в ее собственную жизнь и самость как единое бытие, как активное фантазирующее и думающее тело, как субъект, *находящийся в конкурентных действующих условиях*.

Построение солидологии для познающего субъекта-женщины, находящейся в ежедневном и еженощном мире своего реального жизненного опыта, означает отход от стандартной практики солидологии. Существовать этот замысел — значит, в числе прочего, перевернуть устоявшуюся солидологию с ног на голову: вместо того, чтобы объяснить, как и почему люди действуют (или ведут себя) именно так, а не иначе, мы должны, исходя из конкретного опыта, потруженного в матрицу ежедневной и еженощной жизни, выявлять и исследовать отношения, силы и факторы, которые организуют и формируют этот опыт.

Многие женщины призывают к созданию солидологии, основанной на женском опыте (De Vault 1986, 1987; Karetz 1986; McAobbie 1982; Oakley 1981; Rager 1987; Reinharz 1983; Slason 1988; Stanley and Wise 1983). Мы все разделяем эту критическую позицию, что не мешает нам работать по-разному. Настоящая статья посвящена проблеме, которая возникает, когда мы пытаемся сделать нечто большее, чем то, что делают женщины-социологи, когда они просто с вниманием и любовью слушают рассказы других женщин о своей жизни.

Центральной задачей феминистской солидологии является непрерывный и выразительный перевод начал женского опыта (нашего собственного или других женщин) в текстуральные формы дискурса, которые выводит читающего (или пишущего) женского субъекта за пределы того опыта, который является для него исходным. Я считаю это главной проблемой феминистской солидологии: хотя мы создали методы работы с женщинами, обеспечивающие открытый диалог, и используем их, наступает момент, когда беседа становится текстом и превращается в данные, подлежащие солидологическому анализу.

Это противоречие² и служит предметом данной статьи. Я показываю, что феминистское критическое сознание, основывающееся на опыте и стремящееся к познанию, которое бы осуществлялось с точки зрения

женщин, воспроизводится в дискурсе по старым канонам патриархальной организации знания, когда мы работаем в рамках конвенций социологического дискурса. Пока мы работаем внутри объективизирующих рамок, организуемых дискурсивное сознание, мы будем вновь и вновь видеть себя вписывающимися женский опыт, выявленный в процессе разговора женщины с женщиной, в концептуальный порядок, который помещает сознание писателя и читателя вне опыта этого разговора.³

Объективирующие и объективирующие способы организации систематического сознания общества, разработанные солидологией (и другими социальными науками), устанавливают некоторую позицию в рамках властных отношений, которые имеют классовый, гендерный и расовый подтексты. Объективность в социальных науках является формой социальной организации, столько и диалогична на язык универсализируемых форм, необходимых им для того, чтобы эффективно участвовать во властных отношениях. Я считаю, что конвенции объективности были установлены в качестве базовых конвенций солидологии, то есть в качестве методов вписывания социального в текст; методов, благодаря которым последние должны распознаваться читателями как принадлежащие к области солидологии и порождающие миры явлений, организующие множественные теоретические сегменты дискурса.

Я не рассматриваю здесь проблему позитивизма или связанный с ней вопрос о соотношении количественных и качественных методов в солидологии. Роль базовых конвенций, о которых я пишу в данной работе, по сравнению с ролью указанных специальных вопросов, более глубока и имеет всеобъемлющий характер. По двум причинам конституирующие конвенции представляют особую проблему для феминисток, пытающихся работать исходя из женского опыта. Во-первых, эти базовые солидологические конвенции безжалостно уничтожат наши попытки писать солидологию с точки зрения реального женского опыта, так что, сами того не замечая, мы каждый раз возвращаемся как раз к тому способу рассуждения нашего объекта, которого старались избежать. Во-вторых, они организуют конструирование мира явлений традиционным для солидологии способом, то есть путем включения в него мира, познаваемого изнутри отношений власти, где заранее предполагается наличие гендерных, расовых и классовых отношений. Я считаю, что когда мы работаем в рамках фундаментальных конвенций солидологии, мы вновь возвращаемся к позиции в рамках отношений власти, которые эти конвенции содержат и передают, подобно генам, от поколения к поколению.

Та специфическая версия женского способа видения мира, из которого я исхожу в своей работе, основывается на моем собственном опыте. Феминизм открыл мне глаза на значимость моего опыта работы в двух мирах для осознания общества, альтернативного тому, носителям которого я и сама была до этого. Когда мои дети были маленькими, я работала в Калифорнийском университете в Беркли. Я осталась между самыми разными конкретными заботами материнства и социологическим миром-в-текстах, о котором я читала лекции и в который вносила вклад своими исследованиями. Когда я стала феминисткой, я научилась смотреть на мир текстов как на неотъемлемую часть абстрактных внеположенных отношений власти, столь характерных для тех страных обществ, в которых мы живем. Работа, связанная с материнской заботой (mothering), поставила меня в положение, дающее возможность познать то, что важнее этих отношений: она поместила познание в рамки существующих условий и конкретных действий нашего бытия, где познание всегда телесно и где само повышение по службе, которого требует абстрактная организационная практика, является материальной, реальной организацией работы в конкретной обстановке конкретными реальными людьми. И потом, работа нескольких лет секретаршей, я смогла дополнить свое понимание процесса познания как помещенного в контекст конкретного мира людей, поскольку я приобрела опыт работы машинисток, которые непосредственно производили для других, для мужчин, абстрактные тексты в виде чистых значений, освобождала их от пластов материальности (в те времена).

Изучая феминизм не как дискурс, а как личную практику, я поняла, что должна отбросить практику бытия, сделавшую меня субъектом в объективированных дискурсах и отношениях, которые я теперь определяю как отношения власти. Я медленно осознала, что как сотрудник факультета университета я участвовала в принятии решений и тем самым поддерживала практики, которые обычно меня не интересовали или отталкивали. Я научилась быть «ответственной». Я поняла, что научилась быть субъектом, отчужденным посредством объективации. Я научилась преподавать социологию, воплощенную в текстах дискурса, и преподавать различные направления и теории в том виде, в каком они были написаны и авторизованы. Социологический дискурс был чем-то вне меня, тем, что я должна была воспроизводить студентам, и я достаточно хорошо с этим справлялась. Феминизм поставил все это под вопрос, усомнившись в легитимности способов превращения меня самой в средство передачи объективированных способов правления. Я была мелким, который переда-

вал в нетронутом виде на периферии систематически развиваемое знание об обществе, определяемое формулировками, разработанными в «имперском центре».

Критическое феминистское сознание, которое сформировалось во мне, было не просто пониманием того, что женщины не являются частью этой системы, оно было также поиском в себе самой сознания, которое присутствовало (в тревогах, напряжениях, головных болях, в ощущении толкотни, вызванных моей работой, собранными факультета, попытками сочинения социологических текстов и т.д.), но оставалось бесильным. Освоение феминизма заключалось в научении тому, как быть субъектом в собственном теле, в конкретных своей собственной жизни. Освоение феминизма заключалось в движении от укорененности в опыте ко все большей сензитивности в понимании того, «где я нахожусь». Это было научением и практикой субъекта, для которого отчужденная практика субъекта в рамках отношений власти стала невыносимой.

Конечно, смысл развития феминистского сознания заключался в том, чтобы заниматься социологией иначе, и это также означало желание исследовать, как организованы отношения власти и какими образом наши жизни формируются и предопределяются извне. Оказалось, что это различные стороны одного и того же дела, потому что исследование альтернатив предопределяет исследование того, что такое нормальная социология, а изучение нормальной социологии привело меня к исследованию социальной организации знания, находящейся в рамках властных отношений, частью которой является социология. Этот замысел обязывает встать на позицию женщины в том смысле, который я выразила выше. Это не означает, что я пытаюсь обнаружить опыт, который является общим для всех женщин, поместить его во главу угла и мерить по нему соответствия. Этот подход предполагает, что познающая всегда помещена в конкретную действительность своего повседневного мира; это значит, что она всегда во-плещена (телесна). Такая перспектива накладывает ограничения на метод исследования и анализа. Это декларация того, что конкретная позиция всегда должна проблематизировать отношения обобщения, объективированное знание, универсализованные формы, и так далее. Всегда остается открытым вопрос о том, как познающая в определенной позиции может выйти за пределы конкретной позиции своего познания, чтобы войти в сферу объективированного. Как она делает это? Каковы те реальные практики социальной организации и отношений, которые она знает и которыми она следует? Каковы те материальные условия, которые позво-

ляют ей пренебречь своим особым локальным существованием, что необходимо сделать, как учит нас Альфред Шюц (Schutz 1962), для того чтобы войти в когнитивную сферу научной теории?

Здесь я продолжаю разрабатывать подход феминистской социологии², который я развиваю в других своих работах. Этот подход можно назвать социологией инсайдера (insider); он ориентирован на систематическое развитие познания общества изнутри. Этот подход отвергает искусный прием, с помощью которого мы оказываемся вне того, вне чего мы находимся не можем. Начиная отсюда, где в самом деле помещен субъект, мы возвращаемся в социальный мир, возникающий благодаря актуальным, продолжающимся действиям реальных людей и познаваемым через них. Здесь нет контраста между мыслью и практикой. Мысль, социальные формы сознания, вера, знание, идеология являются в той же мере социальными организованными практикой, как и подрезание травы на дворе перед домом³, поскольку они происходят в реальном времени, в реальных местах, используют определенные материальные средства при определенных материальных условиях.

Это не значит работать субъективно, скорее, это значит работать, исходя из той познавательной позиции, которая является первичной по отношению к дифференциации субъективного и объективного. Это означает экспликацию реальных практик, в которых мы действуем. Это означает обращение к первичной материалности текста как к существенно важному моменту в переходе от локально воплощенного к дискурсивному. Следовательно, как социология смонтирована и организована через действующие практики, в которых мы участвуем и которые организуют наши собственные практики, мы также включаемся в рефлексивное исследование и критику того, что мы умеем делать и делаем.

ОБЪЕКТИВИРОВАННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВЛЕНИЯ

Под «отношениями правления» я понимаю тот внутренне скоординированный комплекс административной, профессиональной и дискурсивной организации, который регулирует и организует или, каким-то иным образом контролирует наши общества. Он не монолитен⁴, но всеобъемлющ, он проникает во все сферы жизни общества. Это один из способов организации общества, который на самом деле является новым, поскольку он абстрагирован от местных особенностей (local settings), более того, внелокален (extralocal), и его опосредованность текстами является одновременно его сущностью (он не мог бы

действовать без текстов — написанных, напечатанных, переданных по телевизионным каналам или компьютеризированных) и характерной чертой (его отличительные формы организации и его способность создавать отношения, одновременно независимые и регулирующие обстановку на местах, зависят от текста). Это мир, в который мы входим каждый день, когда приступаем к своей социологической работе: мы входим в этот мир, организованный в текстах и через тексты, когда садимся за компьютер, чтобы писать, когда пробуем себе путь к учебным степеням через кипы бумаг, когда бродим по книжному магазину в поисках идей о том, как прочитать старый курс по-новому; когда боремся с проблемами анализа данных; когда пишем докладную записку административной, выражая недовольство произволом с ее стороны и вмешательством в наши дела. Мы даже не думаем об этом как о мире отношений и о нас самих как части этого мира, как его работников. Для нас это обычный мир, и его повседневность создается средствами, объектами и практиками нашей скоординированной работы. Он обладает весомостью, солидностью, способностью восприниматься как должное, как само собой разумеющееся, что удивительно, если принять во внимание его изначально текстовую основу; эти его свойства создаются тогда, когда мы участвуем вместе с другими людьми в работе, направленной на эту реальность и активно совершенствующей ее черты.

Объективированный, обladenный в тексты общий-для-всех-мир (world-in-somewhat) является необходимым координатором действительности, решений, политики и планов, осуществляемых реальными субъектами как поступки, решения, политика и планы крупных организаций разного типа. Основной способ действий и решений в надстройках бизнеса, власти, профессиональной деятельности, а также в научных, профессиональных, литературных и художественных дискурсах имеет символическую природу и существует на бумаге или в компьютере. Жизненные реалии, на которые ориентированы действия и решения, являются символически сконструированными виртуальными реалиями, осуществляемыми в особые практики чтения и письма. Их объективация создает необходимое разделение между тем, что мы знаем как индивиды, локализованные в конкретных местах в мире, и тем, что мы узнаем как читатели текстов (textual reality), наученные читать и активно вовлеченные в конституирование текстового мира, который для нас таков же, как и для любого обученного читателя, это общий-для-всех-мир и, следовательно, мир вообще.

Поскольку на примере различие между знанием, вырастающим непосредственно из локализованного исторического опыта субъекта, и

фактически объяснением обличенных в материальную форму и объективированных отношений. В 1968 г. в Беркли, штат Калифорния, произошло столкновение между полицией и бродягами (Smith 1981). Отчет одного из свидетелей прошедшего об увиденном был опубликован в форме письма в подпольной газете. В письме полиция обвинялась в попытках спровоцировать реакцию толпы, которая помогла бы оправдать насилие и аресты. История рассказана с точки зрения кого-то, кто присутствовал при этом событии. Она начинается с того момента, когда он появляется на месте события, и заканчивается, когда он его покидает, и в ней рассказывается о том, что он мог увидеть с того места, где находился.

Вторая история была опровержением первой. Это была публикация от имени мэрии, и в ней излагалась история, рассказанная мэру начальником полиции после внутреннего расследования. Публикация, разумеется, отрицала неподобающее поведение полиции. Но существенно здесь то, что точка зрения рассказа от имени мэрии совершенно отлична от точки зрения свидетеля события. Второй отчет представлял как результат официального расследования. Он был составлен в ходе работы определенного института с использованием характерной для институционального процесса методологии составления объективированного отчета. Он не рассматривается с точки зрения и в контексте опыта конкретного индивида, полицейского, по-видимому, послужившие источниками информации для отчета, в качестве таковых кажутся совершенно взаимозаменяемыми, и их рассказы не являются последовательным повествованием. Невозможно установить, кто из них что видел и как был задействован в происходящих событиях.

Позиции по отношению к произошедшим событиям, в которых ставится субъект, читающий эти отчеты, совершенно разные. Очевиден отчет событий взбешен; он стремится подогреть злость читателей, рассказывая ей о том, что испытал. Отчет мэрии своей объективированностью держит нас на расстоянии, отделяет от непосредственности событий; он находится в иной системе временных координат, в силу чего события размещаются в институциональном порядке. Методология отчета, лишённого личностной позиции⁸, ставит нас в иное отношение к тому, что случилось, чем пристрасный отчет причастного к событиям свидетеля.

Далее. Не имеющий личностной позиции отчет, во-первых, выводит от институционального порядка, в рамках которого он возникает, и во-вторых, транслирует его. В свидетельских показаниях описан молодой человек, которого полицейские грубо обыскали, а затем

погнали по улице. Версия мэрии составлена совершенно иначе. Она не ограничивается ситуацией наблюдения. Нам говорят, что молодой человек — это «конек», известный полиции. Нам говорят, что молодой человек не только погнался по улице, но потом арестовали, и он признал себя виновным в нарушении закона, который разрешает иметь при себе алкогольные напитки только начиная с определенного возраста. Сложное разделение труда между полицией, судом, чиновниками, отвечающими за освобождение на поруки, а также правом и судопроизводством обеспечивает возможность описания событий за пределами настоящего времени наблюдения, и в этом отношении молодому человеку было сначала предьявлено обвинение, а затем он был признан виновным. Подобная социальная организация знания является существенной и неотъемлемой частью организации крупномасштабной отрасли, правительств, профессиональной деятельности и организации дискурса. Объективированные всемирные миры (worlds-know-it-somewhere) являются также неотъемлемой принадлежностью организации социологии как дискурса. В настоящей работе я показываю, что методами создания всемирных миров в социологии являются конвенции, восходящие к социологическим теориям, которые послужили конституирующими факторами в организации дискурса. Эти конвенции обеспечивают общие процедуры «транслирования» интересов и опыта читателей и авторов социологического дискурса, помещенных в конкретные ситуации (sites) социальных отношений, в объективированные формы, которые позволяют им считаться присутствующими в текстовом общем-для-всех-мире социологического дискурса (и, следовательно, подчиняющимися индивидуальной субъективности авторитету объективированного). Они обеспечивают методы написания (и прочтения) социального как внешнего по отношению к конкретным особенностям человеческих жизней, организуя таким образом отношения среди читающих субъектов и читающих субъектов к тем другим, о которых текст говорит, — или, как мы увидим, не говорит.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Шошана Фельман в своем замечательном толковании Жака Лакана использует понятие Остина «перформативный», чтобы противопоставить обычные текстовые утверждения письму (или говорению), *организуя* отношение (Felman 1987). В данной статье мы применяем аналогичную стратегию. Она заключается в том, чтобы обратиться к некоторым социологическим текстам не в связи с

существом содержащихся в них теоретических утверждений или по поводу того, что в них говорится об «обществе» и «общественном». В данном случае теория, скорее, рассматривается как организатор отношений между миром текстов, созданным соответствующими методами, и действительным локальным миром той, кто пишет социологические тексты и читает их. Некоторые социологические теории, хотя и не все, создают основополагающие правила или конвенции, порождающие виртуальные реальности социального дискурса.

Несомненно, общество во все времена осуществлялось через конкретные события в конкретных местах в конкретные моменты времени. Социология, таким образом, постоянно стремится решить важнейшую проблему: как сконструировать наличностное сознание из всего того, что в действительности с неизбежностью познается только изнутри личности, как я это подчеркивала выше.

С позиции женского сознания, помещенного в наших телах и конкретностях нашей жизни, текст не является тем линейным телесно-сти значением, каким он предстает в современных трудах по литературе и философской теории текста. Текст есть действительное материальное присутствие. Он присутствует как книга, как странная буква, возникающие на экране моего компьютера, на бумаге или в любой другой форме, в которой он является мне для чтения. Текст возникает в действительном, конкретном историческом месте, в котором мы читаем и пишем. Находясь там, где мы есть, мы входим через текст в отношения другого порядка, отношения, опосредованные текстами, которые организуют наше участие в процессе чтения. В то время, когда мы читаем, нас уносит из узкого пространства действительности, в которой мы живем, в текстовый мир, способный магически перенести нас как субъектов в зазеркалье. С того места, где мы находимся в конкретный момент чтения (сидя, как я сейчас, в летнем кафе под разноцветным зонтиком), мы еще не попадаем в область магической пространственно-временной свободы, которую дает нам вступление в мир текста; мы еще не вышли в этот момент за пределы времени или за пределы самих себя. Итак, взять в руки имеющийся вещественную форму текст и читать (или сесть за компьютер и писать) — это действительная практика, что-то, что делаю я, делаете вы и знаете, как это делать. Текст существует как данность; он определяет субъекта или субъектов; он предполагает как знать, как читать, мы можем знать кое-что о том, как читать, или можем не знать этого совсем. Но в любом случае наше чтение — это

практическая деятельность, протекающая во времени, и точно так же, как в конце разговора мы уже не те, что были вначале, после чтения текста мы уже не те, что были прежде. Даже несмотря на то, что текст позволяет нам выйти за пределы исторических ограничений проживаемой нами конкретной действительности, он делает это в ряду согласованных событий, проживаемых в этой конкретной действительности. Чтение тоже живет, и мы живем в нем; чтение тоже является практической деятельностью; бегство от ограничений конкретной времени и места, которыми мы живем, — это практическая деятельность, привязанная* к конкретному времени и месту, совершаемая конкретным субъектом.

Итак, вот я, а вот ты, мой читатель. Вот я пишу это в комнате на третьем этаже, из окна которой виден большой старый клен (умирающий из-за кислотных дождей), который летом бросает тень на мою мансарду, и вполуха слушаю по радио последнюю статистику по безработице в США. Мой линейный текст умалчивает, что я переместилась из кафе в свой кабинет. А ты, кто бы ты ни был, читаешь. Двигается время, я пишу сейчас, ты читаешь потом, потом я пишу, а ты читаешь сейчас. Между нами лежит текст, организующий наши отношения.

Вот смысл текста, о котором хочу говорить. Я хочу рассмотреть тексты как то, что происходит во времени и организует отношения между людьми. Я хочу каким-то образом уйти от представления о существовании текстов в качестве значений и хочу увидеть их как происходящее во времени (отчасти схваченное в понятии Дерриды *différance*) и как организующее — через время — отношения между людьми, как *последовательность действий*, в которые вовлечено больше одного человека.

В статье «О множественных реальностях» Альфред Шютц пишет о различных когнитивных областях. Каждой такой области, или «реальности», соответствует особое напряжение сознания, особое *attention à la vie*** . В области научного теоретизирования субъект (познающий) отстраняет (заклочает в скобки) свою личную жизнь, свои

* Буква «помеченная» (posited). Концепция действия (практики) у Д.Смита и других авторов настоящего сборника существенно привязана к идее локуса (location), конкретных обстоятельств и окружения (setting, local place), в рамках которых протекает деятельность субъекта. Основная сложность перевода, связанная с разницей в данной статье концепций, заключается в том, что буквальный перевод слова «social» как одного из главных терминов невозможен. Поэтому идея привязанности деятельности и ее субъекта передается словами «конкретный» и т.п. (Прим.ред.).

** Attention à la vie (франц.) — внимание к жизни (Прим.перев.).

прагматические интересы, локализованные пространственно-временные координаты, которые существуют для него в виде тела. Он vstupлет как субъект в пространственно-временной порядок области научного теоретизирования, придавая ей в продолжение своего занятия «акцент реальности» (Schutz 1962b). Но этнография сознания Шютца рассматривает процесс только с одной стороны. Шютц не видит существенного дополнения этой работы сознания: он не обращает внимания на социальную организацию научного теоретизирования, на ее дискурсивные свойства и сущностный текстовой характер. Вопрос можно сформулировать следующим образом. Если познающий, по Шютцу, должен отступить в сторону свою личную локальную жизнь, то что можно сказать о мире, который допускает его забывчивость и предоставляет в его распоряжение способ бытия и деятельности, где нет места его личному и локальному существованию, и который забывает его от самого себя? Это отвлечение, не составляющее, возможно, проблемы в контексте естественных наук, имеет особые последствия в контексте социологии, поскольку здесь оно приводит к разделению реальной жизни женщины-субъекта и текстуально опосредованного дискурса, претендующего на то, что говорит о том же мире, в котором она живет.

Читая работы по социологии, мы читаем о мире, частью которого являемся, в котором действуем, о мире, вмещающем в себя именно те конкретности, которыми мы живем. Мы, конечно, и читаем в этом мире, и находимся с ним в отношениях именно как с тем миром, в котором происходит наше чтение. Таким образом, особенность социологии в том, что она организует не только наше отношение к другим людям, причастным к социологическому дискурсу, но и к самим себе и к другим людям, знакомым и незнакомым.

Каким же образом социологические тексты организуют эти отношения, помещая нас вне действительности, в которой мы читаем, а в рамки объективированных модусов властных отношений? Каким образом социологические тексты организуют отношения между читающими субъектами и теми, о ком эти тексты говорят, или не говорят, или говорят лишь косвенно? Отвечая на эти вопросы, мы исследуем свойства того, что я называю для краткости «социологическим отношением», чтобы еще раз подчеркнуть, что нас интересуют, в основном, социологические тексты как способ организации отношений между читателем и автором, а не содержательные теоретические утверждения. Базовые теории социологии, которые лежали в основе ее конституирования как самостоятельной дисциплины, сформировали методы вписывания общества в тексты. Сложившиеся

ся конвенции конструируют объективированную позицию, согласную с которой читатели и авторы находятся в отношениях власти, при которых подавляются конкретные позиции, точки зрения и опыт тех и других. Такова *организация отношений*, в которую мы включаемся при чтении.

ДИЗАЙН ОБЪЕКТИВНОСТИ: ЭМИЛЬ ДЮРКЕЙМ И ДРУГИЕ

(Некоторые) социологические теории стали основой дискурса, поскольку в них были сформированы правила и конвенции, организующие позицию-внутри-текста (standpoint-within-the-text). Эта позиция отделяет социальное-в-тексте от социального, проживаемого теми и составляющего опыт тех, кто пишет и читает? Подобные методы написания и чтения текстов создают лишние позиции отчуждения (White 1976), интерпретации мира, в которых субъект не отнесен к конкретному месту и для которых, таким образом, все субъекты равны и равно отсутствуют. Конструирование отсутствия позиции конституируется и делает возможным такие способы написания текстов об обществе, которые опираются на представление о том, что его можно охватить как единое целое. Подобное написание текстов (writing) о социальной системе исходит из посылки, будто бы существует некая внешняя позиция, «никакое место» («no place»), откуда можно обозреть все общество в целом. Когда-то я считала, что такие лишние позиции объяснения появляются в результате взгляда с высоты птичьего полета. На самом же деле нет такой птицы, нет такой высоты полета, с которой можно созерцать наш город как на ладони. Классические конструкции воображения преподносятся нам так, как будто мы можем принять участие в этом странном способе познания, приписываемом одному Богу, как если бы мы обладали способностью видеть сразу все аспекты, не принимая какой-либо конкретной точки зрения. Такие конструкции позволяют нам бродить по коридорам и ходам текста, не чувствуя ограничений, чинимых пространством и временем. В таких текстах не существует ни «сейчас», ни «потом», нет ни дистанции, ни близости.

Подобная организация текстовой практики регулирует *правильное* образование дискурсивных сущностей и объектов (Foucault 1974), обеспечивает корректную атрибуцию таких свойств, как субъект, действующая сила, каузальное действие и т. д. и, следовательно, осуществляет правильное название синтаксических отношений между дискурсивными сущностями. Можно считать, что социологические теории, обеспечивающие «конституируемые»

правила и конвенции, управляют этими текстовыми практиками, осуществляя отбор лингвистических форм и синтаксиса в процессе написания общества в текст.¹⁰

Исследуя теорию как организацию социологического дискурса, я, прежде всего, обращаюсь к правилам социологического метода, сформулированным Эмилем Дюркгеймом. Конечно, с тех пор их уже неоднократно ставили под сомнение, улучшали, модифицировали и отвергали. Но, тем не менее, я считаю, что их обсуждение имеет особое значение, потому что эти правила утверждают конвенции, ставшие стандартными, нормальными практиками социологического письма. В данном случае я не обращаюсь к истории вопроса, т. е. я не пытаюсь выяснить, что было раньше и кто был первым. Я утверждаю, что эти тексты, наряду с другими ранними социологическими текстами, были базовыми и что в них мы можем обнаружить набор конститутивных конвенций, которые при условии очищения их от вульгарного позитивизма могут быть определены как нормальные практики социологического письма и, следовательно, происхождения мира в текстах, организующих социологию как дискурс.

Правила социологического метода Дюркгейма построены кумулятивно. Дюркгейм рассматривает несколько ступеней, каждая из которых опирается на предыдущую и делает возможной последующую. Эти ступени (1) условно устраняют присутствие субъекта; (2) позиционируют социальные явления (или социальные факты) как существующие вне конкретных индивидов; (3) приписывают способность действовать (агенту) не субъекту, а социальным феноменам; (4) требуют, чтобы объяснения социальных феноменов осуществлялись в терминах социальных феноменов (безотносительно к другим порядкам бытия, таким, как биологический или психологический); и (5) замещают цели, намерения и прочее понятием функции как способа выражения отношений между социальными феноменами. Мы пытаемся рассмотреть эти ступени как перформативные, то есть представляя, как именно читатель участвует практике думать об обществе посредством текстов, написанных по правилам социологического метода (*thinking society into text* *).

Первое правило Дюркгейма учит нас «видеть» объективированный порядок настоящего, не зависимый от субъективности конкретных людей:

* Ср. *thinking society into text* — букв.: *думывающие общества в текст*, подобно *испытанию, испытанию* (Принн. перев.).

«...Во всяком обществе существует определенная группа явлений, отличающаяся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю законченные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные внешними и моими действиями правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последние остаются все-таки объективной, так как я не сам создаю их, а усвоил их благодаря воспитанию» (Дюркгейм* 1991: 411–412).

Мы узнаем, что закон и обычай являются внешними по отношению к нам, когда научаемся игнорировать свидетельское опыта. Суть здесь не в социальной эффективности закона и обычая, а скорее в процедуре, которой читатель научается из текста и которая состоит в исключении чувств субъектов, например, чувств долга, вины и т. п. как компонентов социального-в-тексте. То, что субъекты чувствуют или о чем они думают, объявляется просто нерелевантным для конституирования социологического феномена. Объективная законна или обычая *должна быть совершена* путем выполнения следующей процедуры: найдите способ написать о законе или обычаях (или о чем бы то ни было), который бы исключал ссылки на субъективность.

Получив инструкцию по проведению простой предварительной процедуры конституирования социальных фактов, можно перенести способность к действию с реальных субъектов на виртуальные сущности социологического текста.

«Эти типы поведения или мышления не только находят вне индивидов, но и наделяются принудительной силой, вследствие которой они навязываются ему независимо от его желания. Конечно, когда я добровольно сообразуюсь с ними, это принуждение, будучи бесполозными, мало или совсем не ощущается. Тем не менее оно является характерным свойством этих фактов, доказательством чего может служить то обстоятельство, что оно проявляется тотчас же, как только я пытаюсь сопротивляться. Если я пытаюсь нарушить нормы права, они реагируют против меня, препятствуя моему действию, если еще есть время; или уничтожая и восстанавливая его в его нормальной форме, если оно совершено и может быть исправлено; или же, наконец, заставляя меня купить его, если иначе его исправить нельзя» (Дюркгейм 1991: 412).

Первая ступень объективации уже закладывает основы для того, чтобы приписать способность действия (агенту) закону или обычаю.

* В тек. случаях, когда была возможность, при цитировании использовались тексты, уже переведенные на русский язык (Принн. ред.).

Закон принимает на себя функцию действующей силы (agent); «он» реагирует.

Достигнув этого этапа, Дюркгейм может сделать ход, который иначе был бы недопустим. Мысль и чувство могут теперь рассматриваться как объективированные действующие силы, влияющие на индивидов и контролируемые их: «... Такова оказывается категория фактов, черты которой очень характерны: она состоит из способов действия, мышления и чувствования, внешних по отношению к индивиду и надлежных власти принуждения, и обладающих поэтому способностью контроля» (Dürkheim 1964: 4).

Посредством подобных шагов Дюркгейм устанавливает процедуры конституирования объектного мира, который, собственно, и является объектом социологии. Это самодостаточный мир, явно не зависящий от биологии и психологии. Так образуется новая разновидность феноменов и только применительно к ней должен употребляться термин *социальное* (Dürkheim 1964: 3).

Функциональное объяснение представляет собой заключительную ступень социологического метода.

«В процессе объяснения социального явления нужно отдельно исследовать порождающую его реальную причину и выполняемую им функцию» (Дюркгейм 1991: 487).¹¹

Такое утверждение имеет два следствия. Одно из них заключается в постулировании некой конечной причины, которая лежит в основании приписывания способности к действию «социальным фактам» и управляет этим процессом, переноса telos* от субъектов к обществу.¹² Второе и более важное следствие заключается в создании самодостаточного пространства объяснения, в котором социальные факты объясняются социально (у Дюркгейма со ссылкой на овеществленную концепцию общества). Таким образом, социология изолируется и тем самым защищает свою эмпирику от притязаний других дисциплин.

Мы могли бы, наоборот, проследить историю того, как эти конституирующие концепции переписывались, модифицировались и как их неуклюжие, а иногда непоследовательные постулаты усовершенствовались или даже отвергались. Но, конечно, в рамках данной работы это не представляется возможным, и, более того, в этом нет необходимости, поскольку мы хотим выделить шаги, приведшие к созданию концепций, на основании которых мы теперь работаем.

* Telos (лат.) — целеполагание (Прим. перев.).

И здесь большое значение имеет основополагающая работа Толкотта Парсонса, в которой он разделяется с ritua facie (первостепенными) проблемами, вытекающими из метода Дюркгейма. Одна из них возникает в результате резкого и необоснованного элиминирования субъекта. Парсонс разрешает проблему, вытекающую из декларации Дюркгейма о внешнем характере нормативного и репрезентативного порядка по отношению к индивиду следующим образом. Во-первых, он строит свою теоретическую структуру на абстракции деятеля (actor), лишённого тела и надлежного только теми чертами, которые согласуются с теоретическим порядком (Parsons 1968)¹³, и во-вторых, распространяет психоаналитическую концепцию интериоризации практически на все (Parsons 1982), так что субъекты в результате рассматриваются как *выражения* социокультурной системы.

Столь же важны установленные Парсонсом концептуальные процедуры, в которые облекается виртуальная реальность общества как организующая составляющая возникающего диаскура. Парсонс ввел множество понятий, определяя таким образом параметры поля социологии: роли, ролевые ожидания, социальная система, нормы, ценности, порядок и т.д. Возможно, он также придал этим понятиям значение концептуальных организаторов социологического дискурса. В качестве процедур упорядочивания перевода действительности на язык социологического текста эти понятия содержат и подерживают объективацию социального на «тенетическом уровне». Эти понятия управляют социологическими практиками изложения фактов, воссоздавая общество как нечто независимое, «очипщенное» от индивидуальных деятелей, которые могут затем быть введены в текст уже как «носители»¹⁴ структуры или системы. Реальность мира, создающаяся в реальной деятельности реальных индивидов, переводится на язык текстового порядка, где эта реальность может быть прочитана как *свойство системы* или *структуры* (есть и другие подобные термины, имеющие иное происхождение, это понятия: *класс*, *стратификация*, *стигмат*, *власть* и т.д.). Когда подобные понятия становятся общепринятой социологической валютой, они превращают объективируемые практики в дискурс. Теперь нам уже не нужно больше возвращаться к Дюркгейму или даже к Парсонсу, чтобы понять, как правильно объективировать социологию; мы научаемся употреблять ее понятия.

Последующее развитие ушло социологию от глобального теоретизирования, характерного для основополагающих работ таких теоретиков, как Дюркгейм и Парсонс. При этом был сохранен

теоретический подход, организующий дискурс, который формировали они и им подобные. В результате последующего развития социологи отошли от принципов и конвенций, организующих объективную реальность, в котором они живут. Основологающие теории стали больше не нужны. Роберт Мертон разработал «теорию среднего уровня» в противовес глобальной теоретизированной своей предшественников (Мертон 1967). Предлагая стратегию строительства теории по кумулятивному принципу и тем самым стремясь достичь макро-теоретического синтеза, он, по сути, выхолостил макро-теоретический замысел, в то же время продолжая сохранять «слепки» от ношений, оставшихся от гранд-теории. Отвергая функционализм на макро-уровне, он сохранил его как способ изоляции социологического знания от того, что может знать каждый; при этом он проводит различие между явной и латентной функцией, то есть между функциями, о которых люди знают или могут знать и которые на самом деле могут быть организованы по плану и осуществлены, и латентными функциями — невидимыми взаимосвязями социальных явлений. Позже Кингсли Дэвис объявил о кончине функционализма, доказывая, что взаимосвязи между элементами социальной структуры полностью устанавлены теперь в качестве нормальной социологической практики (Дэвис 1967). Изменение, которое публично провозгласил Дэвис, уже до этого произошло в социологической практике. «Теоретизирование» *ad hoc** по поводу отношений между переменными, все более усложняющиеся методы осмысления переменных, выдвигения и проверки гипотез, технически сложные методы определения выборки, развития «инструментария» и измерения придают практический смысл организационной структуре, установленной такими теоретиками, как Дюркгейм.

Подобные методы действуют внутри дискурсивного пространства, организованного отцами-основателями, и создают технические знания его параметров. С их помощью социологической практикой ставятся: (1) всеобъемлющий мир дискурса, в котором читающий субъект лишен позиции: читатель-женщина не может соотноситься то, что присутствует в этой дискурсивности, со своим собственным действительным местонахождением и ситуацией своего чтения; (2) подавление присутствия субъекта как *того другого*, чье присутствие определяет читателя, который соотносится с читателем в тексте и через текст; (3) проведение демаркационной линии между социологией и другими дисциплинами и установление мира сущностей, построенного на внут-

* *Ad hoc* (лат.) — сверх того (Прим. перев.).

ренней референции; (4) конституирование самодостаточного дискурсивного мира, который не предполагает рефлексивного обоснования в конкретных действительности (и не настаивает на нем)¹². Если же для установления социальных фактов требуется присутствие реальных индивидов, оно должно быть зарегистрировано в тексте.

Обычные социологические практики объективации

Мир, известный нам из ежедневного и еженощного непосредственного опыта, не порождает «естественным образом» свойства и организацию виртуальной реальности социологического дискурса. Базовые конвенции социологии обеспечивают общую систему инструкций для отбора и формирования понятий и категорий, траматических форм, выражающих отношения между ними, и методов репрезентации¹³. Вот примеры того, как они «работают» на практике.

Временное устранение присутствия субъекта

Полагание социальных явлений (или социальных фактов) как внешних по отношению к конкретным индивидам осуществлялось при помощи специализированных концептуальных и категориальных форм, которые действуют как объективизирующие механизмы. Типичными для такой установки являются методы репрезентации действий, разговоров, отношений, мышления людей без учета субъектов, которые действуют, говорят, вступают в отношения, думают. Обычной практикой служит использование номинализации, когда глаголу, выражающему деятельность субъекта, придается форма существительного. Например, *агрессия, депрессия, самоубийство, домашнее насилие*. С ними связаны термины, описывающие субъективные состояния индивидов как сущности в себе, способные вступать в отношения с другими такими же сущностями, например: *амплизой, мистике* (как в *опросе общественного мнения*), *молчаливая, убежденная, отчужденная, инверсы*. Следует также отметить использование терминов, восходящих к «институциональным» формам, таким как *закон, образование, медицина*.

Ператрибутирование способности действия: от субъекта к социальным явлениям

Приведем пример того, как осуществляется ператрибутирование способности действия от субъекта к социальным явлениям. Существует большое количество исследований, посвященных отно-

шениям между семьей, классом и успехами в учебе. Приведу отрывок из введения Морриса Крафта (Stall 1970) к сборнику статей по этой теме:

«Демографические подсчеты мало говорят нам о структурных процессах (аттитюдах социальных классов) или о более сложных психо-социальных процессах в отдаленной семье, которые в совокупности формируют мотивацию к тому, чтобы стать лучше других, и предоставление о ценности достижения цели, стимулирующей успехи в учебе, которые впоследствии могут привести к успеху в карьере» (Stall 1970, 7).

Этот отрывок, можно сказать, перенасыщен терминами указанного типа. Здесь мы также можем увидеть, как насыщенность этими терминами делает возможным перенос способности к действию как свойства, присущего людям, на социологически конституируемую сущность. Завеса таких формулировок скрывает реальных женщин и мужчин, чья работа в доме направлена связана с работой ребенка в школе. Люди тратят свое время, думают, строят планы и работают при определенных материальных условиях и ограничениях, наложенных на них необходимостью обеспечить экономическую базу семьи. Они также работают в рамках школьных ограничений и стандартов, которые по большей части не могут контролировать. Термин «сложные психо-социальные процессы», появившись в тексте, подводит работу и мышление реальных людей под социологическую категорию, которая становится действующей силой (agent), «формирующей мотивацию к тому, чтобы стать лучше других, и предоставление о ценности достижения цели», превращая успехи в учебе в достижения в карьере. В другом исследовании на ту же тему показано, как домашние хозяйства создают культурный капитал различных типов и уровней, который предопределяет успехи школьников в учебе (Volitieu and Rasseton 1977).

Социологически построенные явления объясняются отношениями между социологически построенными явлениями. Драма социологических текстов заключается в том, что активные отношения между явлениями (зависимые переменные управляют независимыми переменными, структуры управляют историей, культура — сознанием) с языка человеческой жизни и деятельности переведены на язык социологии.

Отделение социологического от действительного

Разработанная методология освободила доминирующей социологической дискурсе от ответственности за объяснение действительности. Разработанная Парсоном концепция аналитического статуса теории, категорий и понятий в их отношении к действительности

освобождает теорию от необходимости раскрывать свойства и черты конкретной жизни людей.

«Аналитическая теория, в том значении, в котором я использую здесь этот термин, является совокупностью логически взаимосвязанных обобщенных понятий (логических универсалий). Соответствующие им конкретные факты (особенно) конституируют утверждения, описывающие эмпирические явления» (Parsons 1982a: 72).

Сами факты концептуально упорядочены. Именно в силу некоторой процедуры порядок дискурса ставится в привилегированное положение по сравнению с порядком действительного. Анализ для Парсона — это не расчленение, не исследование анатомии социального мира, но концептуальное вырезание из «конкретных явлений» (Parsons 1982a: 73) аспектов, конституирующих значения переменных и конституированных этими значениями. Подобное мышление лежало в основе позднего позитивизма количественных исследований, которыми философский позитивизм Карла Гемпеля придал концептуальную архитектуру.

Подобные шаги ставят в привилегированное положение текстовый порядок дискурса и конституированные в тексте реалии как объект социологической работы. Создается своего рода дистанция между дискурсивным миром и миром реальным. Теория, понятия, категории дискурса не несут ответственности за объяснение действительного; теории могут быть проверены через гипотезы, выведенные из них же, но само *существование* и привилегированное положение дискурсивного мира никогда не ставится под вопрос. Универсум социологических текстов, созданный подобными методами, реализуется в своей исследовательской практике *действительное* как выражение *дискурсивного*. Особенностью социологического дискурса является то, что конституирующие его процедуры отрицают наличие какого-либо общего основания *вне текста*, на которое социологи могут ссылаться в случае разногласий. Общее основание должно конституироваться внутри текста и всегда сохраняется благодаря предвзятому отношению с основными конвенциями.

Реконструирование субъектов как фикций дискурса

Практики, развившиеся из основополагающих принципов, ставят социологические интерпретации в привилегированное положение. Обычной практикой становится рассмотрение наших интерпретаций как атрибутов, свойств, интерпретаций, присущих предмету исследования. Реальные действующие лица вводятся в социологические тек-

сты как псевдосубъекты, как категории, обозначающие персонажей, например, как родители и дети, которыми могут быть приписаны объективированные черты и свойства и которые иногда осуществляют действия, но это лишь видимые действия, полностью реулированные социологическим теоретизированием по поводу отношений. Приведу рассказ о том, как активисты родителей влияют на успеваемость детей (Douglas 1970: 151).

«Родители, принадлежащие к среднему классу, больше интересуются успехами детей в школе, чем обычные родители, принадлежащие к рабочему классу, и чем старше дети, тем больше их это интересует. Они чаще приходят в школу, чтобы узнать, как их дети справляются с нагрузкой, и когда они приходят в школу, то, как правило, изъявляют желание встретиться с директором, и с классным руководителем, тогда как родители из класса некачественных рабочих обычно довольствуются встречей с классным руководителем» (Douglas 1970: 152).

В социологическом нарративе реальные субъекты выносятся в текст в качестве деятелей (actors). Мы можем представить себе методологические техники, обеспечивающие этот переход. Социолог начинает с понятия, которое реорганизуется то, что субъекты говорят, и говорит о том, что они делают, на языке переменной. Понятия атрибутов или интересов родителей уже подразумевают законченную теоретическую работу, обеспечивающую рассмотрение субъективных состояний как объективированной сущности, «аттрибута». Используя подобные понятия для организации исследования, социологи разрабатывают «показатели» (количество посещений школы, сведения о том, с кем встречаются родители — с директором или классным руководителем и т.д.), то есть они заранее устанавливают, что интервьюируемые субъекты могут сказать и сообщить о том, что они делают, в качестве выражений действительно сконструированного объекта.

Действительно, таким образом, становится показателем дискурсивно сконструированных явлений. Например, количество посещений школы и ее директора используются как показатели «интереса родителей» (Musgrave 1970). Подобные тщательно и искусно разработанные практики превращают факты жизни людей в толкования, которые выражены не их языком и с «ничейной» точки зрения. Эти практики позволяют также приписывать свойства социальной организации и отношений между действующими людьми сконструированным индивидам, фигурирующим в нарративах социолога. Даже интерпретативные направления социологии, настаивающие на том, что наши интерпретации соответствуют интерпретациям наших субъектов, все же наделяют социолога властью устроить то, что сообщают

нам люди, и переделывать это в терминах нашего дискурса, создавая в тексте субъектов, которые являются носителями наших интерпретаций (как мы увидим ниже).¹⁷

КАК ОСНОВНЫЕ КОНВЕНЦИИ СОЦИОЛОГИИ ПОДРЫВАЮТ ФЕМИНИСТСКУЮ МЕТОДОЛОГИЮ

Феминистки, и я в том числе, критикуют интерпретативную гегемонию социологии за то, что она оставляет без внимания конкретный опыт женщин, и ищут пути разрешения этой проблемы. Мы критикуем объективирующие практики социологии со специфически феминистских позиций. Джудит Стэси пишет (Stacey 1988):

«Среди феминистки ориентированных ученых широко распространено разочарование в дуализмах, абстракциях и отчужденности позитивизма: они отрицают отделение субъекта от объекта, мысли от чувства, познающего от познаемого, политическое от личного, а также отражение этих абстракций и разделений в (sic) пронзительных границах традиционных научных дисциплин. Вместо этого сторонники феминизма предлагают развивать интелтуальный, междисциплинарный подход к познанию, который помещает теорию в контекст конкретной повседневной жизни женщин» (Stacey 1988: 23).

Эту критику иногда понимают только как критику позитивизма или призыв к традиционным качественным методам. Однако, это неверно. Она, скорее, направлена на поиск социологии, совершенно иначе связанной с объектами своего исследования и отвергающей разделения, которые отрицают дискурсивное присутствие субъектов, наделенных полнотой ощущений, мышления и знания.

Но, находясь в поисках альтернативы, все мы слишком часто оказываемся в ловушке основополагающих конвенций нашей дисциплины. Мы начинаем с попытки установить с субъектами такие отношения, которые бы не превращали их в объекты исследования. Так, Шуламит Рейнхардт (Reinharz 1983) разработала концепцию эмпирического анализа, рекомендующую социологу и интересующим его субъектам совместно разрабатывать интерпретации, а не просто приписывать свои интерпретации исследуемым субъектам, пытаясь следовать этим интерпретациям. Стэси (Stacey 1988) пыталась осознанно работать с респондентами как с живыми людьми из плоти и крови, со всеми их многообразными качествами. Она знакомилась с ними очень близко и даже заводила с ними дружеские отношения. Энн Оукли (Oakley 1981) разрабатывала подход, основанный на обмене мнениями с интервьюируемыми людьми. Это лишь некоторые из множества новых подходов к отношениям меж-

ду исследователем/лицей-феминисткой и ее респондентами. Но проблемы возникают не на этой стадии, а на следующей.

И Рейнхард, и Стэси считают, что на этапе производства исследователяского продукта возникает проблема разделения. Рейнхард утверждает, что эта проблема обусловлена исторически в силу разделения процессов, происходивших в конкретных случаях, и принятой аналитической теории. Стэси обращает внимание на более фундаментальную сложность, которая, по моему мнению, является «смиттомайной» для организуемой власти социологического отношения, в течение многих лет встроеного в дискурс.

«Главное противоречие между феминистскими принципами и этнографическим методом включает диссонанс между практикой полных исследований и этнографическими результатами. Несмотря на те аспекты интервенции и эксплуатации, которые я описала, этнографический метод производит впечатление (и часто оно совпадает с действительным положением вещей), что исследование(-ница) и информанты стремятся к пониманию, основанному на сотрудничестве и взаимном интересе. Однако продукт исследования полностью принадлежит исследователю, хотя он и видоизменяется под влиянием информантов. За редактурой исследования, именно исследователь выступает в качестве повествователя, именно он является «автором» этнографического описания. В конечном итоге, этнография — это письменный документ, структура которого определяется, прежде всего, целями исследователя. Этот документ содержит интерпретацию исследователя, которая зафиксирована от его имени» (Slasey 1988, 23).

Стэси индивидуализирует описанную выше дилемму. При этом главным действующим лицом ее расказа является исследователь, создающий продукт исследования. Отношения дискурса (или дискурсов), в рамках которых мыслится исследование, установлены еще до его начала. Результаты исследования будут помещены в текущее опосредованное текстами социологическое обсуждение. Он будет, я думаю, каким-либо образом организован отношениями, существующими в рамках социологии, даже если исследователь считает своим долгом работать, исходя из точки зрения субъектов. Даже совместная работа с субъектами над интерпретацией их рассказов сама по себе не устраняет присутствия и власти фундаментальных конвенций дискурса.

Приведу пример возникновения этого противоречия при переходе от «интервьюирования» к конечному социологическому продукту. Энн Оукли (Oakley 1981) в статье «Интервьюирование женщин: противоречие в терминах», на которую я уже ссылалась выше, анализирует «отсутствие соответствия» между описанной в учебниках правильной социологической практикой интервьюирования и тем,

что происходит, когда феминистка интервьюирует женщин. Она описывает свой собственный опыт исследования опыта женщин, связанного с беременностью и рождением ребенка. Она поняла, что было бы неплохо или даже невозможно избежать личной вовлеченности. Женщины, с которыми она говорила, задавали ей вопросы и интересовались ее собственным опытом. И она не видела никаких причин, которые препятствовали бы ее полноценному общению с ними, что она и делала, отвечая на их вопросы, удовлетворяя их интерес, знакомясь с ними, со многими из них она подружилась надолго.

Однако перейдя к анализу некоторых материалов интервью, мы замечаем, что переключенные, производимые фундаментальными конвенциями, все же имело место. Вместе с Хиллари Грэхэм Оукли написала статью под названием «Конкурирующие идеологии воспроизводства: взгляд на беременность с медицинской и материнской точек зрения» (Graham and Oakley 1981). Само название свидетельствует о власти фундаментальных конвенций. В статье на богатом материале интервью описываются две различные точки зрения на рождение детей: врачей-акушеров и рожавших женщин. Эти точки зрения вступают в конфликт друг с другом:

«В частности, наши данные говорят о том, что матери и врачи расходятся в вопросе о том, является ли беременность естественным или медицинским процессом, и, следовательно, надо ли расклевывать беременность отдельно от жизненного опыта женщины и относиться к ней как к отдельному медицинскому событию» (Graham and Oakley 1981: 52).

Люди здесь все еще присутствуют. Но теперь они представлены как примеры или способы выражения конфликта, лежащего в сфере идеологии. Факты, исследуемые в интервью и наблюдениях, становятся *идеологиями* двух систем координат. Грэхэм и Оукли (Graham and Oakley 1981: 52) пишут, например, о «некоторых вариантах проявления различий между ними [двумя точками зрения] в родовых консультициях и женском опыте рождения ребенка». Тут происходит характерный, хотя и не бросающийся в глаза перенос деятельности с одного субъекта деятельности на другой. Они спрашивают: «Как проявляются конфликты... между точкой зрения медсестры, с одной стороны, и точкой зрения матери, с другой?» (Graham and Oakley 1981: 56). Эти конфликты не являются конфликтами непосредственно между врачами и пациентками. Концепция двух идеологий требует отбора отрывков из интервью, противопоставляющих то, что говорят рожавшие женщины, тому, что говорят акушеры. Конфликт — это эффективный сценарий, созданный социологами в виртуальной реальности текста.

Конвенция, согласно которой объяснение социальных явлений должно производиться в терминах социальных же явлений, также проявилась в продукте исследования, хотя в относительно слабой форме, поскольку конфликты между двумя разными взглядами на беременность «объясняются» исходя из конкретных точек зрения, которых придерживаются те, кто обеспечивает уход за женщинами в декрете, и потребителями этого ухода». Перемещение от субъектов к дискурсу является здесь совершенно очевидным. Хотя использованы многочисленные цитаты из материалов интервью и не устанавливаются какие-либо причинные связи, следование фундаментальным конвенциям влечет за собой перемещение деятельности с людей на дискурсивно сконструированные сущности. Рассматриваются уже не отношения между беременными женщинами и врачами, но (как следует из названия) между материнской и медицинской точками зрения.

В качестве второго примера приведу нефеминистский текст.¹⁸ Я натолкнулась на него, изучая способы действия фундаментальных конвенций в качественных социологических исследованиях. Я использую этот пример как образец противоречия между стремлением исследователей отражать точку зрения субъектов и способностью фундаментальных конвенций препятствовать этому. В примере, о котором идет здесь речь, социологи открыто сообщали о своем намерении вести исследование с точки зрения субъектов. Авторы работы «Практика беспорядка» Питер Марч, Элизабет Россер и Ром Харра (1978) заявляют о намерении провести исследование, которое отражает точку зрения молодых людей¹⁹ — участников английских футбольных банд, пользующихся дурной славой.

«Мы пришли к необходимости смотреть на это [то, что происходило] глазами участников событий. Они рассматривают свою общественную жизнь как борьбу за собственное достоинство в рамках социальной системы, которая им в этом достоинстве ежедневно отказывает. Будучи далекими от того, чтобы ценить беспорядок, они занимаются поиском смысла своей жизни и выработкой порядка своей деятельности, которому бы они следовали. Борьба начинается тогда, когда они начинают видеть унижение своего достоинства в том, что кажется нормой остальных» (March et. al. 1978: 2).

Каково бы ни было начало этого проекта, его авторы на стадии анализа данных и написания текста создали структуру, подчиняющую голоса тех, с кем они говорили, той самой организации отношений в тексте, которую я исследую. Авторы проекта начали с критического обзора того, как эта молодежь и ее деятельность представлялись в прессе и в оценках британской интеллигенции. Они считали, что их собственная стратегия будет иной, они будут работать иначе, они

будут смотреть на вещи «глазами участников». Они также особенно критичны к парсонсовскому пониманию школы как средства интеграции молодежи в более общий социальный порядок. С их точки зрения, школа должна рассматриваться как порождающая альтернативный порядок игровой площадки, девиантный с точки зрения официальных норм. Представления о порядке, девиантности и т. д. являются, конечно, знакомыми механизмами, которые служат источниками, маскирующими введение фундаментальных социологических конвенций в текст. Инверсия стандартного применения этих понятий не изменяет угла зрения, который в них заключен; последний переносится вместе с понятиями, подобно вирусу, скрытому в компьютерной программе.

В рассматриваемом исследовании интервьюирование и анализ организуется по пяти правилам. Правило стало одной из тех маскирующих оболочек, которые я упоминала выше, рассматривая концепцию Парсонса. «Правило» перекладывает мост между «взглядом глазами информантов» и социологическими интерпретациями этих молодых людей как сторонников альтернативного порядка. Понятие правила служит сквозной единственной линией между интервью и другими этнографическими материалами, связывая умело выбранные отрывки как выражения социологически известного. Работающая в рамках фундаментальных конвенций почти как дискурсивная привычка, позиция исследователя, вписанная в текст, незаметно смещается к стандартной социологической установке. В результате точка зрения изучаемой молодежи вытесняется.

Исследователи поделили большую теоретическую и методологическую работу, чтобы перенести конструкцию дискурса на субъектов, что превратило последних в «фиктивный» дискурс. Следствием действия этих механизмов, как это часто бывает, является то, что переход с точки зрения субъектов к точке зрения исследователей становится невидимым, поскольку взгляд последних приписывается первым.²⁰ Исследователи хотят интерпретировать поведение молодых людей на футбольной площадке как регулируемое правилами. Они также хотят иметь возможность рассматривать такие правила как социологическое выражение взглядов и поступков молодых людей. Они считают, что имеют право использовать понятие правила данным способом, если могут показать, что описываемые ими субъекты на самом деле руководствуются правилами в своих действиях. Это может быть доказано, если респонденты обсуждают правила.²¹ Таким образом, то, что молодые люди делают, может интерпретироваться как выражение «правил», если субъекты сами сообщают или гово-

рят о правилах. И они действительно говорят о правилах, если судить по отрывкам из интервью, где респонденты высказывают «правилородные» утверждения в ответ на вопросы о причинах, по которым они поступают так или иначе. Таким образом, интервьюер является соучастником в производстве правил.

В самом начале книги автор называет молодежь, которую они исследовали, «*dramatis personae*»*. Эта метафора точно выражает социологическое отношение, созданное в тексте. Респонденты производят впечатление свободных действующих лиц (агентов). Кажется, что они говорят своими голосами. Но на самом деле, сценарий социологов предписывает им, как «являть себя» и что говорить. Социологи говорят посредством своих *dramatis personae*.²² В результате позиция вновь концептуально смещается с точки зрения молодых людей, с которыми социологи разговаривали и чей взгляд хотели сделать центральным, на точку зрения дискурса, ставшего читающего субъекта в отношении подчинения.

ФЕМИНИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Социология как научная дисциплина возникает в борьбе с проблемой, как вывести свою дискурсивную самость за пределы общности, в которое это дискурсивное бытие обязательно встроено, но ей никогда не удается справиться с этой проблемой. В отличие от естественных наук, в социологии так и не были разработаны технологические прикосновения с реальностью, которые бы полностью конституировали ее как нечто, отличное от реальности. Социологические объективации всегда не в ладах с действительностью жизни, в рамках которой они осуществляются. Постоянно случаются серьезные срывы, так как каждая новая попытка разрешить противоречие воосоздает его. Социологический дискурс отмечен постоянными разрывами и нарушениями непрерывности, поскольку жизненный опыт подталкивает нас снова и снова сказать то, чего дискурс не может сказать или может сказать только частично; постоянно идет борьба за то, чтобы переделать дискурс так, чтобы, наконец, то, что не удовлетворяет, чего не хватает, что не доказано, не протолкано, нашло себе дискурсивное средство выражения (Stinchcombe 1983).

Но проблема, с которой столкнулись мы, — это не просто расхождение между миром и дискурсом, в котором содержится знание о мире. Феминистская критика подвергла сомнению саму позицию, с

* *Dramatis personae* (лат.) — здесь: действующие лица драмы (Прим. перев.)

которой пишутся социологические тексты. Социологический дискурс смотрит на мир сквозь призму отношений власти, которые практически утрупированы Белым Мужчиной, и потому мир явлений, созданный этим дискурсом, — это взгляд с их позиции. Приведем высказывание Пат Хилл Коллинз (Collins 1986), в котором критикуются категории социологической репрезентации семьи, не отражающие опыт и сознание Черных Женщин.

«Социологические обобщения по поводу семьи, которые не принимают во внимание опыт черных женщин, не смогут объяснить, как разделение между публичным и приватным, которое формирует структуру домашнего хозяйства, варьирует в различных социальных и классовых группах, как члены семьи, принадлежащих к различным расам и этносам, по-разному интегрируются в сферу наемного труда и как семьи меняют структуру своего домохозяйства в ответ на изменение политической экономики (например, включая в себя новых людей и становясь расширенной семьей, либо наоборот, распавшаяся и преобразуясь в семью, где женщина становится во главе домашнего хозяйства, или мигрируя в поисках лучших возможностей). Семейный опыт черных женщин представляет яркий случай воздействия расового, гендерного и классового утеснения на форму семейной жизни. Смещение исследовательского интереса в сферу неприменяемых наблюдений семейного опыта afro-американских женщин снова поднимает вопрос о том, как влияют эти факторы на другие семьи» (Collins 1986: 29).

На самом деле смещение исследовательского интереса в сферу неприменяемых наблюдений семейного опыта afro-американских женщин не просто поднимает вопрос о воздействии указанных факторов на другие семьи?²³ — оно разрушает социологическое отношение, согласно которому черные женщины подлежат исключительно из предмета социологии, оно помогает сделать предметом социологии и другие исключенные группы, представители которых еще предстоит услышать. Как указывает Сандра Хардинг (Harding 1986), доступ к публичному дискурсу множества голосов и взглядов ставит под вопрос само представление о единственности позиции, на основании которой может быть создана конечная, наиболее важная интерпретация мира. В действительности конституирование общества как *объекта*, являющегося результатом следования фундаментальным канонам социологии, конституирует еще и единственного вездесущего Архимеда субъекта, наличие которого феминизм подвергает сомнению. Характерная черта фундаментальных конвенций заключается в растворении многообразного в едином.

Конечно, у социологии есть «черные ходы», через которые конкретные исторические факты из опыта социологов проникают в социологический текст, как это описано в статье Артура Стинккомы.

Но, как говорится в той же статье, конечным продуктом является переработка объекта.²⁴ В каждый исторический момент общество, объективированное в социологическом дискурсе, кристаллизует невидимое. Присутствие и ориентацию создателей дискурса; в каждый исторический момент оно санкционирует через подобную объективацию институционализированное исключение из дискурсов власти таких *субъектов* как женщины в качестве социальной категории, цветные и представители негосподствующих классов. Фундаментальные конвенции социологии являются организаторами таких отношений между нами и наших отношений с другими. Они имеют определенный политический эффект. Они подчиняют себе повседневное и повсеместное знание людей об обществе; они оберегают социологию как системно развиваемое знание об обществе от типов познания, возникающих там, где живут люди, не относящиеся к создателям дискурса или к тем, кто участвует в управлении.

Искать альтернативы подобному подходу — значит пересматривать наши отношения и стремиться к созданию социологии, которая, будучи систематическим знанием об обществе, изучает его изнутри, с многочисленных точек зрения на социальные отношения, в рамках которых мы действуем и которые определяют наши жизни. Такая социология призвана объяснить организацию и динамику наших отношений, которые постоянно обогащаются, поскольку они изучаются вновь и вновь с разных сторон.

Сьюзан Шервин (1988) пишет о различиях между тем, как работают философы — сторонники феминизма и философы маскулинности-кого направлена. Она предлагает феминистскую трансформацию познавательных отношений, противопоставляя феминистский идеал «совместной коллективной работы» конкуренции за обнаружение несомненных фактов, подходу к истине с позиции нулевой суммы, характерных для традиционной маскулинностной философии.²⁵ Феминистские идеалы предполагают совершенно иные познавательные отношения:

«Научная деятельность, направленная на достижение общей цели, должна иметь коллективный характер, когда разные люди работают над отдельными аспектами проблемы. Вклад каждого человека связан с общей концепцией, с общим проектом, и он не предлагается как личная теория, которая носит имя кого-то одного» (Sherwin 1988: 23).

Несомненно, социологии для женщин, для людей, стремящихся к познанию того, как формируются (прямо или косвенно) наши жизни и отношения, приводят нас в сообщество, организованное

знанием, выходящим за пределы нашей дисциплины. Познавательная деятельность, направленная на раскрытие того, как устроены наши общества, должна охватывать все больше и больше людей, которые прежде были объектами нашего исследования мира, а теперь должны стать теми, кто его познает, субъектами, в новом значении этого понятия.

Мы не испытываем презрения к нашим знаниям и навыкам. Сами по себе они не отделимы от социологов от тех, перед кем они должны держать ответ и на чьи запросы они должны отвечать. Всякая революция предполагает в том числе и разделение труда. Другие области навыками и знаниями, которых мы лишены. А мы стеснены методами фиксации социального в текстах, которые изолируют знание от той жизненной роли, которую оно могло бы играть в совместном с другими, иным познанием общества и наших отношений, познании изнутри, но вместе с тем не субъективно, познании через активное участие в этих отношениях, познании, формирующемся в реальных практиках реальных людей в самых разнообразных контекстах социального опыта.

Перевод Тамьяны Вярчуновой и Софьи Чуйкиной

Примечания

¹ Я использую понятие *дискурс* немного иначе, чем другие авторы. Я хочу, чтобы оно заключало в себе больше, чем аргументы или понятия, рамки и методологии дисциплины. Мы говорим о том мире, в котором мы живем, и о нашем знании этого мира; наш вклад в то, что этот мир в настоящее время существует, — это основа, которая позволяет нам утверждать, что мы знаем его, и говорить о нем. Социология, таким образом, это не просто идея в головах людей, но комплекс мест, коммуникаций, напечатанных текстов, занятый в классах, это чтение и писательство; это практики исследования, это мышление, идеи, понятия, многочисленные формы организованных обсуждений — семинары, конференции, ежегодные заседания — все, что подраумевается, включается, совершается и существует только в реальной деятельности людей, из которой мышление представляет лишь один момент. Я употребляю термин *дискурс*, чтобы распознать эти социально организованные комплексы действий и материальных условий, конечно, включая тексты и утверждения, которые они несут в себе. Я понимала использование этого термина у Мишеля Фуко (Foucault 1974), чтобы описать действительную организацию социальных отношений, координирующих многие области посредством чтения и написания текстов, не ограничиваясь лишь бюллетенной юрисдикцией и, следовательно, единственной системой отчужденности (бизнес, правительственная деятельность, университет и т.п.). В том смысле, в котором я его использую

эту, термин *дискурс* относится только к тому, что я обозначила здесь как «текстуально опосредованный дискурс».

⁷ Я проводила предварительную работу по этой теме сначала для представления на курсе Джудит Байкер по философии в Глендон-Колледже, Университет Йорка, весной 1988 г. а затем в докладе под названием «Социологическое письмо: феминистское противоречие», представленном на конференции «Феминистские трансформации социальных наук» в Гамилтон-Колледже, Клинтон, Нью-Йорк в апреле 1988 г. (Smith 1988). Я очень признательна за предоставленные мне возможности.

⁸ Заметьте, что это не эпистемологическая проблема. Это не проблема реализма, позитивизма, интерпретативной социологии и т.п. Социологические эпистемологии по большей части заранее предполагают социологические отношения, которые я попыталась обрисовать здесь.

⁹ Действительно, научный руководитель моей диссертации сделал сравнение в мою пользу между мною и другими женщинами, которые не справились в программой Ph.D в Беркли (в основном, как мне кажется, из-за постоянного, но непродолжительного упадка духа, который они ощущали), и он сказал, что разница между мною и другими аспирантками состояла в том, что я «ответственная».

¹⁰ Конечно, у этого подхода есть своя интеллектуальная история, хотя его разрыв с «нормальной» социологией очень глубок, как минимум в одном главном отношении, которое будет прояснено позже. Но я должна признать, что я в интеллектуальном долгу перед мужчинами, у которых я научилась тому, как его разрабатывать. Это Карл Маркс, Джордж Герберт Милл, Морис Мерло-Понти.

¹¹ Более подробное описание этого подхода — в главе 3 моей книги «Мир повседневноности как исследовательская проблема: феминистская социология» (Smith 1987). Этот метод является результатом соединения материалистического подхода, разработанного Марксом и Энгельсом (Marx and Engels 1970) и этнометодологии Гарфинкеля (Garfinkel 1967). В основе этих подходов — предположение о том, что исследование должно основываться на реальной, имеющей место действительности реальных индивидов. Для Маркса и Энгельса общество и история существуют только как реальная деятельность индивидов, имеющая место при определенных материальных условиях, и никак иначе. Хотя существуют важные различия, в особенности между укорененностью марксистского материализма в труде, в реальном производственном труде, который и производит форму социального существования, и сам является ею, и укорененностью этнометодологии в микро-социальных контекстах, в которых дифференцированная и виртуально экологизированная форма является языковой деятельностью. В особенности работа Гарфинкеля раскрывает сферу согласованной социальной деятельности и практик в текстуально опосредованной организации управления, профессиональной работе, управленческой деятельности и так далее, в исследовании, принимающем условия материалистического метода, которые требуют сфокусироваться на действительных, имеющих место быть практиках и контекстах.

ной реальной обстановке. Именно этот аспект метода и мышления Гарфинкеля я соотносила с марксистским материализмом в моей интерпретации и именно это я развивала в моей работе по социальной организации знания.

¹² Хотя в настоящее время у него довольно выраженная тенденция к молчаливости.

¹³ См. анализ этой формы Хайден Уайт (White 1976).

¹⁴ На самом деле, можно доказать, что социология особенно подвержена теоретизированию, которое по преимуществу основано на конститутивных утверждениях.

¹⁵ Предметом моего интереса в данной работе являются конститутивные параметры теории, которые организуют объективацию общества в дискурсе и посредством этого организуют дискурс. Меня не интересуют эпистемологические вопросы, например, вопрос о позитивизме. В данном случае я не критиковала позитивизм, а исследую социальную организацию дискурса

¹⁶ Курсив оригинала.

¹⁷ Например, Дюркгейм говорит следующее: «Мы предпочитаем пользоваться словом "функция", а не словом "цель" или "намерение" именно потому, что социальные явления обычно не существуют для достижения определенных результатов, к которым они приводят. Нужно определить, имеется ли соответствие между рассматриваемым фактом и общими потребностями социального организма, в чем состоит это соответствие, не забывая о том, чтобы унать, предельно оно возникло или нет. Все вопросы, связанные с намерениями, слишком субъективны, чтобы можно было рассматривать их научно» (Дюркгейм 1991: 487).

¹⁸ Например, у Парсонса в «Структуре социального действия» говорится следующее: «Единица рассмотрения, которую мы называем действием (act), — это не организм ("пространственно различимая отдельная единица в мире" в исследовании биолога или психолога-"биохимиста"), но это "яго" или "самость". Принципиальное значение такого подхода в том, что тело деятеля составляет для него такую же часть ситуации действия, как и "внешнее окружение"» (Parsons 1966: 47)

¹⁹ Термин Маркса, которому придается центральное теоретическое значение в текстах Луи Альтюссера.

²⁰ То, что, подобный мир дискурса всегда с необходимостью является индексируемым, как показал нам Гарфинкель (Garfinkel 1967), не мешает существованию консенсусов, которые сами утверждают свое существование.

²¹ Недавно я читала сборник текстов по философии Просвещения («Enlightenment»), под редакцией Питера Гэя, и меня поразило отсутствие многих механизмов, которые я здесь описывала, в работах шотландских философов (представленных в сборнике Юмом, Фергюсоном и Смитом). Видно, им казалось невозможным представлять социальное как агента, независимого от реальных индивидов. Типически обобщенные свойства общества они интерпретируют как большие социальные структуры, как коллективы, распадающиеся на индивидуальные члены, которые повторяют свойства,

принимавшие коллективу (в этом, по-видимому, заключается источник спора мышления, приволящего к концепции «национального характера», по-лученного еще 20 лет тому назад), или как типизации или персонификации (использование типических понятий, таких как Чеповек, и родовых понятий, таких как Человечество, или персонификации, таких как Природа). Термины, относящиеся к коллективу, фигурируют в этих трудах как местоимения во множественном числе, так что когда речь идет о действиях, они распадаются на имена индивидуальных действующих лиц. Эти прусмы особенно характерны для фрагментов «Опыта истории трагического общества» Адама Фергюсона. Интересно, что во фрагментах «Процветания наций» Адама Смита содержится больше примеров причинных отношений между абстрактными свойствами экономики и общества и особенно между причинно-квантифицируемыми сущностями, такими, как благосостояние и рост населения. Очевидно, что эти вопросы заслуживают исследования, но в настоящее время у меня нет на это времени. Отрывки из сочинений Дэвида Юма, Адама Фергюсона и Адама Смита см.: Гау 1973.

¹⁷ Шютц, главный сторонник установки на доверие к субъекту, все же счел нужным написать конструктам субъектов способность формировать мотивации гомункулов, представляющих эти мотивации и их следствия в чистой форме, по-видимому следуя в этом модели экономического мышления (Schütz 1962). См. об этом также мои соображения по поводу метода verstehen (понимания) Макса Вебера: Smith 1987, Гл. 3.

¹⁸ Эта точка зрения может быть даже маскулинистской. Я несколько упростила объяснение, оставив данное измерение на заднем плане, так как в этом случае оно не является для меня главным предметом интереса.

¹⁹ Отмечу, что основная проблема этого исследования, — это трактовка расказа о юношах как расказа о молодежи в целом. Читая эту работу, я задавалась вопросом об отношении молодых женщин к этим группам в описанных ситуациях. Мне кажется, что объяснение ситуаций с точки зрения женщин могло бы быть менее сочувственным по отношению к юношам. То же самое в ду-маю о работе Пола Виллиса «Leaping to Labor» (Участь работать) (Wills 1977). Формулировки общих утверждений о молодежи и о молодежной субкультуре чрезвычайно сомнительны, если в тексте поданы молодые женщины.

²⁰ Это процедура «культурного обобщивания» (cultural dross), которую критиковал Эррольд Парфинкель, хотя и по другим основаниям. Эта процедура является базовой и для современной теории культуры. Она была разработана в рамках структурализма, но более впечатляющее ее использование можно найти у Жака Лакана, разрабатывающего базовые процедуры рассмотрения субъекта как свойства дискурса (в более широком значении этого слова, чем то, которое придано ему в настоящей статье).

²¹ См. отнюдь не этнографическую, а этнографическую точностью работу Доренса Видера. Он утверждает, что использование понятия правила в этнографических контекстах должно быть ограничено ситуациями, в которых о «правилах» говорят представители какого-либо круга в повседневной жизни, об-суждая свои дела и дела других людей (Wieder 1974). Этнометодология, в

основном, избегает базовых конвенций, хотя по мере своего развития, начало которого было ярким и революционным, она постепенно возвращается к некоторым из них, но уже замаскированным исследовательскими практиками.

²² Одним из примеров является «Leaping to Labor» Пола Виллиса. Он близко общался с молодыми мужчинами, чья жизнь в школе и вне ее была источником его этнографического исследования, но поразительно было то, что когда он попросил их прочесть написанное, они далеко не всегда узнали себя, хотя и пытались сделать это (Wills 1977: 195). Может быть, это неузнавание было связано с проблемой языка, которым был написан текст, но, как мы видели, язык в социологии — это именно та проблема, которую мы здесь рассматриваем, и марксистская социология была в той же степени управле-ема базовыми конвенциями социологии, как и любая другая.

²³ В действительности, возможно, Пат Хилл Коллинз перепрыгивает через скрытое в тексте противоречие между наблюдением афро-американских женщин и их опытом, каким он предстает в их расказах.

²⁴ Спинчюк (Spinchuk 1983: 10) пишет: «В качестве дисциплины социологии как социальная структура приволяет к схоластике. Но, слава богу, исследователи не разрешаются строить монастыри, поэтому существует постоянный поток эмпирических затруднений, которые угрожают схоластической структуре. Причина, по которой мы прилагаем такие усилия и столь унывающе-тупо отъеваемся о тех, кто перемораживает культурную систему дисциплины, пропуская в нее недисциплинированные факты, заключается в том, что последние представляют серьезную угрозу. Есть достаточно много широко образованных интеллигентов, тех, кто решает проблемы своей собственной жизни через интеллектуализацию, кто в своей научной деятельности серьезно относится к тому, что говорят в аудитории про пол и честолюбивые стремления, давая материал для постоянного напряжения внутри социологического сообщества. Наше внимание по-прежнему приковано к социальным фактам, и мы не можем работать с ними, не превращая свои тексты в «журнализм высшего класса» или в «обслуживание интересов студентов». Именно это не дает нашей схоластической структуре быть совершенной и вечной. Это угрожает дисциплине, но спасает ее жизнеспособной. Неорганизованный поток эмпирической социальной реальности — это единственное, что создает проблемы, достаточ-но сложные, чтобы стоило иметь дисциплину, пытающуюся направить этот поток в русло теоретически и методически безукорыненной социологии».

²⁵ Философы, — пишет она, — в противоположность феминисткам, про-должают верить в то, что они найдут чистую, общую, универсальную точку зрения. Поэтому феминистки с готовностью признают предвзятость своего взгляда, тогда как философы продолжают полагать, что субъективности нужно и можно избежать» (Sherwin 1988: 20, курсив автора).

ИМПЕРАТИВЫ ПРИВАТНОГО И ПУБЛИЧНОГО*

Джин Бетке Эпштайн

Непреремно приходится испытывать вальс-
ту, имеющую наибольшее хождение в стра-
не, которую исследуешь.

Энгмунд Фрейд

Tolling for the tongues with no place to bring
their thoughts
All down in taken-for granted situations ...

Боб Дюлан**

Рассказывая историю публичного и приватного, приходится пройти несколько серьезных испытаний. Они сопряжены с тем, что вызываешь те образы, те картины реальности (как сказал бы Витгенштейн), которые заключили в плен или просто очаровали нас с того момента, как они впервые появились в виде набросков в величественных построениях отцов-основателей, чье наследие, на счастье или на горе, мы знаем как запятую политическую мысль. Мой метод письменного изложения того, что я видела, требует исторического объяснительного метода, которому чуждо упрощение и который позволяет мне связать концептуальные основания — публичное и приватное — с родственными идеями и императивами, такими как интерпретации человеческой природы, теории языка и

*Перевод *Veredienig*: «Introduction, Public and Private Imperatives» из кн: Epstein Jean Bethke. *Private Man, Private Woman, Women in Social and Political Thought*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. P.3-7.

** Вызвав к кляккам, у которых нет места, куда они принесли бы свои мысли, Подлинными в само собой разумеющихся ситуациях...

Боб Дюлан

действия и противоположные друг другу ценности и цели семейной жизни, с одной стороны, и политики, с другой. Основу моего труда составляет эпистемология, которая помещает значения и концептуальный анализ в центр теоретического исследования, рассматривает вопрос, что значит быть человеком в свете морального видения и призывания политики на первенство среди всех видов человеческой деятельности, как критерия политического мышления.

Пусть читатель не ожидает логически безупречного движения вперед по мере того, как я буду прослеживать историю публичного и приватного вплоть до современности, несмотря на наличие в первой части текста (грубой) хронологической упорядоченности. Вместо логической последовательности читатель обнаружит текст, апеллирующий к различным теориям и взглядам, которые сложились вокруг *публичного* и *приватного* как символических форм, — переводов Джон Ланнет (Gillnet 1979). Для одних мыслителей, о которых я буду говорить, различение публичного и приватного было и способом описания социальной реальности, и теоретической, моральной и политической необходимостью, осью мировоззрения. Для других — публичное и приватное отстывает на задний план анализа либо потому, что существование обеих сфер просто допускается и потому не считается достойным внимания, либо потому, что их теоретическая позиция требует подчинения этих конкретных базовых понятий альтернативным концепциям и символам или их устранения. В качестве альтернатив мы можем также обнаружить следующие: утверждение, что приватный мир полностью игнорируется в переживающую его публичную сферу, то есть глубоко политизируется, столь же сильное требование того, что может быть названо «приватизацией» публичной сферы, при которой политика подпадает под стандарты, идеалы и цели приватной сферы; жесткое разделение двух сфер, при котором приватная сфера понимается инструментально и трактуется как необходимый базис публичной жизни, но менее подбодущая человеку форма деятельности; наконец, призыв к сохранению и в то же время пересмотру границы между публичным и приватным как часть попытки сохранить и ту и другую области и в то же время достичь идеала социальной реконструкции.

Я осознаю тот факт, что термины «публичное» и «приватное», как я их использовала до сих пор, являются «неумловимыми» понятиями, которые должны быть «заземлены» и укоренены в подробностях истории и деталях теории. Отмечу также, что написание полной истории публично-

го и приватного могло бы стать делом всей жизни. Моя цель более скромна. Я буду выделять из гобелена прошлого и настоящего нити — значения разделения между публичным и приватным как оно проявляется в отношениях, существующих между тем аспектом публичного мира, который считается политическим, и тем протиположным измерением социальной жизни, называемым приватным, куда чаще всего относят домохозяйство и семью. Если образ публичного и приватного не экзистенциален, то они обязательно связываются со взглядами на моральное действие, оценками человеческих способностей и деятельности, добродетелей и совершенств, оценками целей и задач альтернативных видов социальной организации. Читатели быстро обнаружат, что из того, как определяются публичное и приватное, роль и ценность каждой области, будут выводиться установки мыслителя по отношению к женщине. Это один из способов изложения. Может быть и другой: взгляды мыслителя на женщину служат основанием, которое помогает дать вытекающие из него определения публичного и приватного и того, что он вкладывает в них, их ценность. Непросто решить, каково направление векторов личной заинтересованности исследователя и теоретической необходимости.

Хотя «публичное» и «приватное» являются понятиями обидного языка, существуют большие разногласия относительно их значений и области применения как внутри отдельных обществ, так и между разными обществами. Брайен Фэй считает, что публичное и приватное принадлежат к группе «основных понятий», которые служат для структурирования всех известных типов образа жизни индивидов и придания им согласованности. Публичное и приватное как два силовых поля помогают создавать моральную среду для индивидов — как взятых по отдельности, так и объединенных в группы; диктовать нормы уместных или достойных действий; устанавливать барьеры поведения, особенно в таких областях, как обращение с человеческой жизнью, регулирование сексуальных отношений, образование семейных обязанностей и долга, а также на арене политической ответственности. Публичное и приватное вышесены в плотную ткань ассоциативных значений и связанных с другими базовыми понятиями: природа и культура, мужское и женское и с тем, как каждое общество «понимает значение и роль работы; природу; деятельность, власть, сообщество, семью; как оно относится к сексу; какие имеет представления о вере в Бога и смерти и т.д.» (Fay 1975: 78). Содержание, значение, пределы публичного и приватного меняются в зависимости от нужд данного общества и зависят от того, яв-

ляются ли добродетели публичной жизни или ценности приватной жизни ценными и жизненно важными или лишены — по отдельности или вместе взятые — своей нормативной значимости.

Нет таких идей или понятий, которые существовали бы обособленно. Кто-то может исследовать те же самые вопросы (относящиеся к женщинам и политике), проследившая значение природы и культуры на протяжении столетий. Дело здесь в том, что самые существенные идеи охватывают интросубъективное пространство в обществе. Интросубъективность — это достаточно неудовимый термин, относящийся к идеям, символам и понятиям, которые не просто составляют концептуальный фонд, единый для всего общества, но и способны конституированию образа жизни как на видном, так и на скрытом уровнях. Конкретное значение интросубъективного понятия для каждого члена общества может сильно отличаться от его значения для другого индивида, но при этом должна наличествовать область значений, единых для всех членов общества. Витгенштейн утверждал, что, когда мы «начинаем верить чему-то, мы верим не отдельному положению, а целой системе положений» (Смет распротраняется постепенно на целое) (Wittgenstein 1979: 21e, par. 141). Точно так же, когда мы учимся использовать какое-нибудь понятие — в общности это относится к базовым понятиям, интросубъективным для всего образа жизни, — мы усваиваем его не как отдельный фрагмент «языкового поведения», а в связи с другими понятиями, научаясь противоопоставлять его другим и сравнивать с ними.

Различение между публичным и приватным было и остается фундаментальным, а не случайным или побочным упорядочивающим принципом во всех известных обществах, за исключением, видимо, самых простых по своей организации. (Хотя даже в примитивных обществах есть требования (exigencies), основанные на понятиях табу и стыда, указывающие на разделение деятельности на те виды, которые санкционированы обществом и могут осуществляться в присутствии других людей, и те, которые должны осуществляться под кровом темноты и считаются нечестными.) Различение категорий, центральных для образа жизни определенного языкового коллектива, и их критика означают — независимо от того, входит ли это явно выраженные цели аналитика или нет, — неизбежное давление на сеть взаимосвязанных значений, характерных для данного общества. Как только мы вынимаем то или иное понятие из более широкого контекста, в котором оно укоренено, чтобы получить его рассмотреть, мы подвергаем сомнению сложившиеся в данном обществе способы видения мира. Исследовательница, претендующая на роль

концептуального революционера, с явным намерением смести традицию исторически сложившейся языковой игры ради альтернатива, которые она видит, а другие, возможно, — нет, может оказаться в положении, подобном положению несчастного витгенштейновского льва, который «если бы и умел говорить, то мы бы его не поняли» (Wittgenstein 1978: 223e).¹ Никто не хочет кричать в пустоту. Лучший способ избежать этой участи — расматривать требования теории и жесткие рамки концептуальной критики как основу для интересного рассказа. Рассказы имеют начало, и потому я обращаюсь к теоретическим корням истории о публичном и приватном. <...>

* * *

**К построению критической теории женщины и политики:
реконструируя публичное и приватное ***

Striking for the gentle, striking for the kind
Striking for the guardians and protectors of the mind
As 'the upraised painter behind beyond his rightful time
As' we gazed upon the slimes of freedom flashing.

Bob Dylan**

Мы все носим внутри себя места ссылки, наши
преступления, наше опустошение. Но наша задача —
не спускаться их с приватизации в мир: задача — побороть их
в себе и в других.

Альбер Камю

Я поставила перед собой трудную задачу. Привнось феминистские императивы в критическое исследование традиции западной политической мысли и продолжая связывать интуитивные прозрения и находки политической теории с феминистским движением, я ковенно, а временами прямо, говорила, что располагаю альтернативой,

* Перевод фрагмента главы 6 «Toward a Critical Theory of Women and Politics: Reconstruction the Public and Private» из кн.: Esthela Jean Belke, Public Man, Private Woman. Women in Social and Political Thought. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. P. 298-317.

** Мы боролась за крошки и за детей.

Мы боролась за стражей разума и его защитников,
За художников, оказавшихся вне своего времени,
И созерцали колокола вспыхнувшей свободы.

Боб Дилан

благодаря которой будут наведены мосты между западной традицией и феминистским мышлением, и таким образом станет возможным освещение прошлого, управление настоящим и предказание будущего. Теперь мне предстоит выполнить эти обещания. В наше трудное время недостаточно критиковать то, что есть, какой бы жизненно важной эта критика ни была. Политический мыслитель, как свидетель, должен представлять пригодное для жизни будущее устройство общества, должен предлагать осмысленные проекты переустройства нашего публичного и приватного мира, если ему нужно привлечь внимание других. Так, одно из наиболее убедительных критических замечаний в адрес марксистской политики состояло в том, что она «упорствовала в своем глубочайшем моральном отвращении к настоящему положению дел и оправдывала этим свое нежелание понять (или даже серьезно обдумать) существенные черты будущего социального порядка, который должен вытеснить настоящий» (Дилл 1979: 97). Эта критика может быть припожима ко многим аспектам современной феминистской политики: слишком часто феминистки критикуют настоящее, но их предложения, касавшиеся будущего, не отличаются ясностью, не связаны ни между собой, ни с теми целями, которые они преследуют. Их богатая фантазия создает картины будущего, но убедительного плана движения от ужасного настоящего к этому райскому будущему не представляет?

Я не предлагаю рая. Возможно, потому, что я не обнаружила в обычной сегоднешней жизни того безысходного ада, который многие феминистки усмотрели в настоящем социальном устройстве и опыте. Конечно, в мире много чудовищной несправедливости. Много мерзости, гнева, насилия, страшных трагедий. Одни события вселяют ужас, вызывают возмущение и заставляют разуввериться, другие порождают цинизм, безразличие и отчаяние. Выяют времена, когда, возмущенный безумством и коррупцией властей, человек, подобно рассерженному, мстительному богу, готов разрушить светский храм, обрушить молнии на несправедливых, самонадеянных гордецов, ирающих жизнями невинных людей, готов избавить мир от предательской беспощадности, как бы она себя ни именвала — демократической, социалистической, революционной или святой. Ничто в такие моменты не кажется более приятным, чем мечь. Ничто в такие моменты не кажется более уместным, чем гнев и ярость. Ничто в такие моменты не кажется более завораживающим зрелищем, чем «капока-липсис сегодня». Именно в такие моменты должны пробудиться политическое воображение и моральные чувства — но не просто как личная потребность в спасении от циничного экализма и разруши-

тельных иллюзий славы и вечного покоя, а как публичный императив и ответственность.

Наше столетие утопает в группах. Мы знаем о жертвах правдой (фашизм) и левой политике убийства (сталинизм и другие так называемые марксистские режимы, создающие обширные кладбища и называющие их народными республиками); мы знаем о жертвах не столь явно смертоносной, но тем не менее принудительной и отрывающей жизнь политики либерального самоуправления и великодушного пренебрежения. Политическое воображение должно свидетельствовать в защиту жертв. Оно должно показать, как в соответствии с этикой «окончательными решениями», «историческими целями» и «обыкновенной политикой» устраниют и унижают людей, манипулируют ими, превращают их в отверженных. В то же время политическое воображение не должно опускаться до политического самоотжествления с жертвами, до языка и практики, которые культивируют сентиментальность по отношению к жертвам (*sentimentalizes their victimization*) и воспроизводит признаки их деградации. Начиная с библиеского предостережения о том, что кто мечом убивает, тот сам «от меча и погибнет», и до линнума построволюционного рабочего класса, недавнего выражение в лозунге рок-группы «Who» «*Вспрычь нового босса так же, как старого босса!*», было выказано немало предостережений социальным реформаторам и тем, кто должен выпирать от осуществления их проектов, воздержаться от политики насилия и принуждения, не поддаваться ложным обещаниям и проявлять устойчивый скепсис по отношению к смело сформулированным, но плохо аргументированным утверждениям. Феминистки и их политические единомышленники — всего лишь люди и не более, чем другие, свободны от соблазнов авантюризма или обманчивого комфорта иллюзорной веры, чем кто-либо другой.

В дальнейшем анализе нравственными ориентирами мне служат такие выданные свидетели недавнего прошлого, как Камю, Бонхеффер и Вейль. Именно благодаря им и своему разнообразному опыту студентки, писательницы, преподавательницы, исследовательницы, феминистки, путешественницы, активистки, жены, матери четырех детей, дочери своих родителей, сестры своих братьев и сестер, в отчаянии задавая от построения теории как всеобщей мировоззренческой конструкции (*Melanckshilling*), которая, как заметил Фрейд, не оставляет ни одного вопроса без ответа и ни одного не перевернутого камня. Те, кому нужна абсолютная определенность, должны втискивать неподатливый человеческий материал в железный формат своего высокомерия, чтобы смешать жизнь с абстракцией. Поиск того, что назы-

вается «тотальностью», вызывает неприятные ассоциации с термином, которым в наше время обозначают абсолютный политический террор, — с тоталитаризмом. Жизнь слишком разнообразна, и различия слишком дороги нам, чтобы мы решились подвести их под единую определенную или подчинить их единой цели. Не существует конечных решений, хотя существуют достаточно опасные в своем высокомерии люди, которые пытаются реализовать такие решения. Призывая к реконструкции публичного и приватного, я делаю это в рамках теории и политики ограничения не потому, что вижу только ограниченные возможности в политике, а как раз наоборот: потому, что я знаю, что политика слишком легко становится «машинной беспреледа» с огромными деструктивными возможностями, когда под маской Левинафаана скрывается лицо палача. Для сохранения своей души феминизму необходимо создавать новый порядок, утверждение которого *требует* жертвоприношений.

Мы должны активно убеждать людей действовать сообща для реализации общезначимых и достойных целей. Мы должны твердо и открыто открывать цели, которые считаем нецелесообразными и которые, во имя *будущей* справедливости или свободы направлены на уничтожение людей сегодня. Хотя мы и лишены иллюзий, но не устали от мира и не чувствуем себя несчастными. Что касается обвинений в пессимизме, то позвольте мне ответить словами Камю: «Мысль, что пессимистическая философия — есть непременно философия бездействия, — ребяческая мысль». ³ Часть нашей борьбы — это рефлексия о том, являются ли страдания и несчастья настоящего исключительным результатом неправильных форм социальной жизни, построенных на эксплуатации, которые могут и, следовательно, должны быть изменены, или несчастье есть главным образом следствие того факта, что мы являемся людьми, что наша жизнь ограничена и что мы знаем об этом. В этом вопросе, как и в других, по словам Виттгенштейна, свет постепенно озаряет целое. Каждый мыслитель человек, который потратил силы на то, чтобы разобратся в вопросах бытия, знает, как справедливо это высказывание. Свет действительно озаряет, но только если есть упорство.

Далее моя работа распадается на две части, в которых я пытаюсь с позиций феминизма и политической мысли проанализировать ряд связанных друг с другом головоломок и проблем. В первой части я поднимаю вопрос о феминистской теории и проекте создания рефлексивного феминистского дискурса. Смысл теории — это, буквально, рассматривание (Gunnel 1979: 136–145). *Theoretin*, греческое слово, от которого происходит термин «теория», означает «рассматривать».

«Рассматривание» — это сложная деятельность, изменяющаяся, как и сознание, с течением времени. Хотя и невозможно точно рассказать другим о том, что и как видишь сам, я попытаюсь сначала рассмотреть само теоретизирование как особый вид деятельности. Вторая часть работы — это воображаемое восхождение от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от публичного к приватному в процессе теоретического реконструирования идеала публичного и приватного.

Мои рассуждения в данной работе не относятся к области рассуждений в сфере *анализа* политической теории, но являются примером того, что значит *делать* (to do) политическую теорию в наше время. Слишком часто политологи полностью отдаются исследованию сочинений «котлов». И слишком часто это приводит к тому, что появляются работы, в которых выражено преклонение перед традициями, а не собственное переосмысление поставленных вопросов и обсуждение политических проблем, стоящих перед нами сегодня. Я призываю не к тому, чтобы перечеркнуть наследие отцов, но к тому, чтобы осознать, что мы не можем навсегда остаться в родительском доме. Линкольн сказал об этом лучше: «Догмы спокойного прошлого не подходят для бурного настоящего... Так как нова наша ситуация, мы должны думать по-новому, действовать по-новому. Мы должны отпустить на волю наши «Я» (курсив мой. — Дж. Э.)». ⁴ Прошлое становится догмой и служит для нас убежищем от бурь настоящего, хотя оно ни в коем случае не было спокойным для наших предшественников в области политической теории. И потому я призываю к освобождению наших «я» от теней прошлых теорий.

Политический дискурс и его недостаточность

Начну с формулировки того, что нам нужно. Нам нужно осмысление освобождения женщин, которое может включать самопонимание женщины-субъекта (female subject) как необходимую особенность обшей логики объяснения этого процесса. Мы должны уметь убедительно и ясно формулировать исходные основания и дальнейшие шаги в создании женской идентичности, публичной и приватной. Нам нужен метод исследования женской речи и языка — в их ориентации как на публичное, так и на приватное. Нам нужно создать способ политического мышления, который поможет женщинам по-новому описать социальную реальность, причем с позиций, сформированных устойчивой критической рефлексией. Нам нужно концептуализи-

ривать возможные альтернативы. Нам нужно избежать возврата к узам прошлого, таким как культивирование сентиментальности (sentimentalization) и угнетение женщины, скрытых под какой-нибудь новой личиной. И это, действительно, трудное дело.

Не существует единой всеобъемлющей логики объяснения, которая бы годилась для всех наших целей. Те, кто претендует на мораль, не могут провести различий между объяснением человеческого жизни во всех ее многообразных проявлениях, с одной стороны, и отрицанием или игнорированием этого многообразия, в моделях, «объясняющих» человеческую жизнь, с другой. Бывают времена, когда нужно исследовать отдельную женщину как субъект (female subject) в ее определенном социальном положении (location) и глобально анализировать ее внутреннюю и внешнюю сущность, бывают другие времена, когда отдельная женщина как субъект будет погружена в некоторую совокупную категорию типа пола, расы или класса, потому что наша теоретическая цель — объяснение системных или структурных черт общего социального порядка. Психодинамическая теория может служить для объяснения политической экономии женщин при капитализме не более, чем марксистская экономическая теория — для ясного понимания психологии женщины и ее самосознания как личности (self-identity).

Поиск женщины-субъекта — это одновременно поиск формы исследования, которая служит целям объяснения, понимания и критики в контексте публичного и приватного. Это значит, что теоретик должен сразу же отбрасывать любое объяснение, которое предполагает приписывание женщине как субъекту (female subject) собственных взглядов теоретика относительно того, кто она есть, чего она хочет и что ей следует иметь. До того как была предпринята попытка исследовать самосознание (self-understanding) этого субъекта. Задача любого критического мыслителя, развивающего феминистскую теорию, должна заключаться в том, чтобы принять человека, в данном случае — женщину, в качестве объекта политического исследования и при этом относиться к ее миру без покровительства, без установок на манипуляцию или разрушение. Слишком часто те, у кого наибольшей восторг вызывают абстрактные формулировки, — сиренней напомнил нам Фрейд, — настроены на обращение с реальными «объектами», включая человеческие существа, как с абстракциями и на обращение с абстракциями так, как если бы они, а не люди, реально существовали. Действовали и имели значение в мире (Freud 1975, v. 14: 204). Человек не может обозревать род людской с большой *научной* дистанции, громко провозглашая, что на-

шел истину во благо безмянных, безликих абстракций, к которым он никогда не относился всерьез, и при этом эффективно объяснить как возможно освобождение женщин, к которому я призываю.

Создавая феминистскую политическую теорию как теорию для женщин и о женщине, нужно сначала найти в этой теории место для женского субъекта (female subject)⁵, то есть отвергнуть практику политического замалчивания женщин, которая состоит в том, что их прячут за терминами, которые либо определяют их социальное положение — обычное, особенное, конкретное, локальное и отдельное — как само собой разумеющееся, либо маркируют его с помощью ярлыка, а затем переходят к другим, более «важным» делам. Нам следует выяснить, как женщина-субъект (female subject) нашего времени рассматривает самое себя или рассматривала бы себя, если бы ей была предоставлена возможность объяснить свое существование. Феминистки ориентированный политический мыслитель стремится преобразовать и свою науку, и свой социальный мир самым существенным образом. Это приводит к необходимости придать женщине статуса субъекта политического и социального исследования и отказать от подхода к ней как к абстрактному, лишенному телесности «продукту» социальных сил, подходу, который характерен для многих современных социальных исследований.⁶ К этой женщине-субъекту как объекту исследования необходимо относиться как к активному агенту персонализированного и непосредственно доступного жизненного мира.

По мере того как женщина-субъект (female subject) будет исследовать свой жизненный мир, будут открываться для наблюдения те измерения ее повседневного существования, которые прежде замалчивались. Эта динамика сознания ставит перед женщиной-политологом серьезную проблему: насколько активно она должна вмешиваться в процесс само-открытия других? Дороти Смит, феминистка-социолог (feminist sociologist), помещает себя на полное активное в ряду альтернативных позиций, когда пишет: «Мы могли бы попытаться развивать для женщин анализ, создавая описание и способы понимания их ситуации, их повседневного мира и его детерминаций в более широком контексте социально-экономической организации, в которой это артикулируется» (Smith 1979: 173). Это такая задача, которую женщина-субъект не в состоянии выполнять в одиночку, поскольку сами условия ее существования в сфере приватного и особенного мешают ей навести концептуальные мосты, которые может построить для нее Смит.

Подходу Смита чуждо высокомерное предположение, что анализ до того, как увидит или услышит своих субъектов, в состоянии

предложить правильное описание их мира. Подход, который она развивает и пропатандирует, можно назвать герменевтикой по типу «часть-целое-часть», где исследование начинается с самоописания субъекта в контексте, в рамках дискурса, ставшего возможным только после того, как разрушено молчание. Затем следует аналитическое толкование этих самоописаний, обеспечивающее более широкий доступ путем встраивания их в теоретические рамки, которые придадут им объяснительную силу на более абстрактном уровне понимания. Я предлагаю третий шаг, хотя Смит его не делает. Концептуальные формулировки, основанные на самоинтерпретациях субъектов, следует затем обсудить с субъектами, чтобы выяснить, является ли анализ, на их взгляд, ответственным и доступным для понимания, или, наоборот, серьезно искажающим или, в самом худшем случае, унижающим субъекта. Это вызывает много проблем, включая соотношение субъекта, обусловленное искажением их самопонимания или просто потребности «защитить» себя. С этими проблемами не легко бороться, но от них не нужно и отворачиваться.⁷

И, наконец, существует еще одно неприятное препятствие, которое Смит намекает, но не рассматривает: почему персонализированная, помещенная в конкретное пространство, конкретная женщина-субъект должна быть переведена в более абстрактный, рационализированный, универсальный молу? Конечно, область особенного, которую я переосмысливаю здесь как приватное, существует в определенных отношениях с более широкой социальной организацией независимо от того, осознают это частные (private) субъекты или нет. Но приватный мир также являет свои собственные ценности и императивы — частично потому, что он *представляет собой театр особенного* и повседневных конкретных значений. Если бы этот молу был совершенно вытеснен потребностью в универсализации и абстрактной индивидуальности (rationalhood) и каждой рационализированной и технологичной определений, кто бы тогда стремился сохранить маленький мир с его радостями и трагедиями, на которых держится жизнь и которые придают сами и трагедиями, на которых держится жизнь и которые придают ей вкус? Другими словами, хочет ли, на самом деле, Смит или любой другой, кто работает в области феминистской философии политики, изменить место женщин-субъектов в социальном пространстве и перестроить матрицу их традиционных идентичностей путем подстановки термिनгов универсальный, социально-экономических императивов та-ким образом, что, достигнув публичной идентичности, они потеряют этот другой мир и заключенные в нем ценности?

Если нам хватит сил обратиться к этой проблеме, мы, возможно, приблизимся к тому, чтобы увидеть и испытать на себе то отвраще-

ние или смешанные противоречивые чувства сожаления, симпатии и страха, которые у многих женщин вызывают феминистское движение и предлагаемый им способ существования, который, якобы, должен привести к их освобождению — «освобождению» женщин из домашней тюрьмы. Это может помочь нам понять то, чего не может допустить ярая активистка: что не бывает боев без потерь; что нападение на существующий порядок очень часто посягают на то, что делает жизнь живой, разнообразной и приятной, хотя, вместе с тем, приводит к эксплуатации и несправедливости. И все дело здесь в том, что никто не может предсказать последствий крупных социальных изменений, хотя все инициаторы и творцы перемен обещают своим потенциальным сторонникам лишь самые лучшие результаты.

Полезно обратиться к модели, которая контрастирует с методом исследования, включающим самопонимание женщин в качестве главного инструмента, когда и метод, и цель тождественны и состоят в том, чтобы помочь женщинам осознать себя через процесс, в который они активно вовлекаются. Я имею в виду форму социального анализа, осуществленного знаменитой феминисткой работницей мира Симоной де Бовуар в ее классической феминисткой работе «Вторая пол». На первый взгляд, может показаться, что де Бовуар и я занимаемся схожим делом: мы обе озабочены положением женщин в современном обществе; обе хотим, чтобы женщины изменили унаследованные от прошлого, в чем-то ограниченные и наносящие им ущерб представления о самих себе; обе хотим изменений, которые преобразили бы мир женщин и сделали бы его лучше. Но анализ де Бовуар возникает из установки на дистанцированность, которая выражается во внушающей тревогу абстрагированности от жизни реальных женщин. Различие между политическим исследованием для женщин и теорией де Бовуар о женщинах становится очевидным, когда де Бовуар выбирает в качестве центральных понятий своего социального описания и анализа сартровские категории, которые не имеют значения в обыденной речи и не понятны самим участникам социального действия. Женщина, «одолевающая» обширный труд де Бовуар, может, конечно, усвоить язык «Имманентности» и «Трансцендентности». Но если после этого она захочет рассказать о своей ситуации другим, убедить их в справедливости своей позиции, а не подавить их своим превосходством знатока, она *должна* суметь обсудить реально ситуацию в терминах личного, политического и социального дискурса, которые являются общезначимыми.

Де Бовуар начинает не с самопонимания женщины-субъекта, а с того, что навешивает на нее ярлык, закатывая ее в тот цемент, кото-

рый она называет Имманентностью, вариант Бытия-в-себе Сартра (но, между прочим, не Бытия-к-жизни). Как и Сартр, она идентифицирует женщину с природой, практико-интертивным, Имманентностью. Этот мир повседневности сначала рассматривается как абстракция. Де Бовуар осуждается как болото, трясина, нецивилизованность. Де Бовуар противопоставляет Имманентность всему светлостому, достойному, цивилизованному (и являющемуся плодом деятельности мужчине), области Трансцендентности (сартрово Бытие-для-себя, явно, чинно), области Бытия-к-жизни). Женские субъекты де Бовуар рассматривает в категориях *локального* и *особенного*. Но вместо того, чтобы строить свой анализ с точки зрения самопонимания субъектов, де Бовуар проводит их сравнение с мужчинами, осуществляющими «свободные проекты» в области Трансцендентности, и сравнение оказывается не в пользу первых. Хотя де Бовуар объясняет, что женщины свободны и пользуются *privé* (метафизическая конструкция, не имеющая отношения к их социальной идентичности, ноуменальная категория, отличающаяся от феноменальной реальности), она помещает их в область провозглашаемую областью детерминации, тотального отсутствия автономии (Beauvoir 1968: 642).

Де Бовуар «растравливает» своих субъектов во имя их освобождения. Она проводит постоянные сравнения женщин с мужчинами, зачастую оскорбительно для женщин. Например, де Бовуар с одобрением цитирует утверждения одного писателя-мужчины, который прилеп к мышли, что тело мужчины имеет свою собственную целостность и «инженское тело, которое Сартр называл женской «невсучей анатомией», лишено независимого смысла (Beauvoir 1968: XVI). Вместо того, чтобы исследовать этот нарциссический мужской взгляд, напоминая свой взгляд древнегреческих женоненавистников, рассматривавших женщин как неполноценных мужчин и неолчеловеков, как «мужскую саморекламу», де Бовуар повторяет его как серьезную мудрость.

В качестве платы за допущение в область Трансцендентности женщины-субъекты у де Бовуар должны отказаться от своей женской идентичности. Согласно де Бовуар, цивилизация является мужской, а мужские составляющие ее необходимы для существования, женщины, обратная сторона медали, находятся вне цивилизации и не являются для нее существующими. Эта формулировка — экзистенциалистское переосмысление аристотелевых типологий («необходимых условий для») и «костяка Частей Цепото». Если читатель возразит мне и заметит, что моя критика по адресу де Бовуар неуместна, так как она просто описывает положение дел, то это будет означать, что он не сумел понять и оце-

нить доказываемый на протяжении всей моей работы тезис о том, что описание никогда не может быть сделано с нейтральных позиций. Напротив, описание может строиться с моральной или критической точки зрения, которая позволит нам подвергнуть сомнению и исследовать «положение дел», или оно может строиться с позиции абстрактного всеведения, которая, согласно исходному утверждению, нацелена на освобождение человечества, но стоит только развернуть это описание, как оно вырождается в принижение человеческого достоинства, навешивание ярлыков или разрушение самосознания личности и социальных основ человеческой природы.

Выбранные де Бовуар описательные термины имеют моральные и политические следствия для женщины-субъекта, характеризующей его как погрязшей в Имманентности, заключенной в теле, которое само по себе лишено смысла. Де Бовуар принимает систему терминов, которая сразу же заставляет замолчать огромное большинство женщин или представлять им скрыто принудительную альтернативу. Они могут говорить либо на языке Имманентности — и в этом случае они остаются вне цивилизации, клятва, так сказать, из своего болота, или они могут начать говорить на языке цивилизации, то есть на мужском языке, созданном мужчинами, для мужчин и несущем информацию о мужчинах. Исходя из этой альтернативы, де Бовуар предписывает женщинам сорвать с себя покрывало Имманентности, войти в мир Трансцендентности и стать такими, как сартровы мужчины, провозгласившие, что мир принадлежит им, и они могут делать с ним все, что хотят.⁶ Вместо медленного процесса открытия и познания собственного «я» и рефлексии о границах и условиях своего жизненного мира, де Бовуар выбрасывает приманку в виде личности всемирно-исторического масштаба, чтобы принудить женщин осознать незначительность собственного существования. Она вызывает:

Люди, которых мы называем великими, — это те, кто, так или иначе, вывели тяжесть мира на свои плечи; они сделали мир лучше или хуже, они перестраивали его или разрушали; но, прежде всего, они приняли на себя огромную ношу. ... Чтобы относиться к миру как к своему собственному, ... нужно принадежаться к власти привилегированных: это дано только тем, кто отвечает за обываческий мир, каменья его... (курсив мой. — Дж. Э.) (Вальвоит 1968: 571).

Принятие де Бовуар молуэса существования мужчин в качестве нормы и высшего стандарта является абсолютным, когда она настоятельно советует женщинам следовать инструментально отношению к сексу, принятому сегодня «заниматыми мужчинами». Она пишет, что занятая женщина — та, которая «занимается активной, деятельностью, требующей ответственности, женщина, которая упорно преодолевает

возникающие перед ней препятствия, нуждается так же, как и мужчины, не только в удовлетворении своих физических потребностей, но и в отдыхе и развлечениях, которые она может иметь, благодаря удачным сексуальным приключениям» (ibid: 646). Однако она призывает женщин и в этой ситуации сохранять свое достоинство.

И это возвышение героев-мужчин, инструментального подхода к сексу и молуэсов идентичности, определяемой по мужскому типу, содержится в книге, которая заканчивается требованием «полного экономического и социального равенства женщины». Условием такого освобождения является «внутренняя метаморфоза» женщины. Беда в том, что де Бовуар заранее знает, что будет результатом этой метаморфозы. Ставя условия, подобные тем, на которых Платон допускает женщин в стражи, де Бовуар требует отсечения женщин от самих себя.

Досадная капитуляция де Бовуар, ее отход в область женского самоощущения, обращение к заглушающим женские голоса терминам очевиден в ее анализе «Данных биологичности», которым открывается «Второй пол». Она рассматривает телесное воплощение женщины как таинственное, как будто бы она далека от него и оно внушает ей отвращение. Женщина предстает как «жертва рода». Мужчина описывается исполненным чувств мужского превосходства, которое распространяется и на репродуктивную жизнь (например, жизнь самца «транспендируется» в сперме и т.п.). Женщина-субъект, просто будучи рожденной женщиной, страдает от отчуждения, которое де Бовуар объясняет не угнетением и эксплуатацией, вытекающими из определенных социальных отношений и организации, как это делает Маркс, а биологической способностью рожать детей. Беременность описывается в мрачных тонах, как отчуждение женщины от самой себя (женщина не «транспендируется» через свою способность к воспроизводству, как мужчины «транспендируются» через сперму).

Плод в утробе характеризуется как «арендатор», паразитирующий на жизни матери. Менструация ужасна и отвратительна. Уход за ребенком только изнуряет мать. Де Бовуар нигде не признает, что это, как и любая другая репродуктивная деятельность женщины или работа по уходу за кем-то, может иметь смысл и важное эмоциональное значение для нее самой как субъекта. Одно конкретное выражение раскрывает глубинную отвращения де Бовуар, распространяющегося на все женскую часть человечества. Она называет женские груди «молокоными железками», которые «не играют никакой роли в индивидуальной организации женского организма: в любой момент жизни их можно ампутировать» (курсив мой. — Дж. Э.) (ibid: 24). Если бы какой-нибудь

врач мужчина выразил такое бесцеремонное пренебрежение к чувствам женщины, идущей на тяжелое испытание — удаление груди, он был бы справедливо осужден за сексизм. Ни одна женщина-аналитик, рассматривающая свой субъект с раздражением, презрением и с той степенью отвлеченности, которые присущи позиции де Бовуар, не смогла бы увидеть и услышать своих субъектов, преври они свое молчание, чтобы сказать о том, что их беспокоит. Как поняти тысяч женщин в группах роста сознания, осознание себя непременно предполагает рефлексию по поводу своего тела и чувства социально навязанного стыда за это тело или отвращения к нему. Осознание себя подразумевает также знание того, как достичь ощущения биологической целостности через самоутверждение, а не через самоотрицание.

Однако даже когда подход де Бовуар отвергается ради другого подхода, предполагающего самопонимание женщин-субъектов в качестве главного момента, это само по себе еще не объясняет нам, какова цель политического дискурса. Как может политический дискурс учитывать средства и цели получения знания, преобразующего себя и других? Как может он содействовать тому, что достижение истины становится не *вещью-в-себе*, обремененной в абстрактную форму, но активным созданием значений в процессе взаимодействия между двумя и более людьми? (Loch 1974: 221). Если мы не хотим в своем поиске истины и смысла дублировать феминистские или какие-то другие подходы, в которых пассивный субъект просто «воспринимает» открытую экспертом или провидцем истину, мы должны понимать ее как динамичный социально обусловленный путь познания, способный преобразить человека.

Это наводит на мысль о другом продуктивном способе, которым феминистки, в частности те, кто видит феминизм как процесс, средство и цель, могут извлечь пользу из психоаналитического дискурса, который основан на теории, воплощающей моральный и теоретический императив изложения и поиска истины. Например, Вольфганг Лох, психоаналитик и философ, описывает истину как активное *конструирование* чего-то, что имеет смысл и позволяет субъекту полагаться на это, жить в полную силу, а не как лунатик. Для достижения этой истины, имеющей глубокие последствия для политического дискурса и политического действия, нужно вступать в определенный диалог, который сам по себе есть атрибут возникновения и его процессе истины. Средства поиска истины не могут быть отделены от целей конструирования истины. Для Лоха важнейшая цель этого диалога — найти истину в самой женщине-субъекте, с помощью нее и для нее, но в социальных рамках ненакислившейся коммуналки-

ции, которая становится, как принято у иудеев, красноречивым камнем (Loch 1974: 237. Ср.: Freud 1975, v.23: 255-270). Этот динамичный процесс предполагает интерпретацию, но отнюдь не исчерпывающую выискиванием скрытого значения; он предполагает участие и субъекта, и аналитика (или политического мыслителя) в конструировании и реконструировании истины, ориентированное на будущее изменение.

Это означает, что политический дискурс, нацеленный на конструирование новых значений, а также на то, чтобы субъекты стали более понятными самим себе, должен иметь место в пространстве, где человеческая речь или дискурсивная рефлексия не подавляются, не являются принудительными, не служат объектами манипуляции, то есть происходит в ситуации, приближенной к «идеальной речевой ситуации» Юргена Хабермаса (Habermas 1973). Значимость этого идеала для критического подхода к освобождению женщин состоит в том, что он указывает на побудительную причину (*motive*) для такого освобождения, увиденную с точки зрения индивидуального субъекта как активно ищущего смысла и цель. Этот поиск будет происходить с искажениями, если его субъекты будут подвергаться манипуляции и принуждению или если их будут заставлять молчать. Отсюда вытекает простое следствие для политического дискурса: женщина-мыслитель, желающая найти «истину», должна максимально полно реализовать в своей работе освобожденные от принуждения условия психоаналитического диалога. Локус «идеальной речевой» Данной задаче соответствуют следующие черты «идеальной речевой ситуации» политического дискурса: отсутствие вынужденных стыд и чувство вины правоучений, а также не имеющий прямого отношения к делу оценоч. Тем, кто будет утверждать, что мои условия делают политический дискурс практически невозможным, я бы ответила, что здесь предлагается образ достойной картины реальности, на который мы можем ориентироваться в оценке своих собственных усилий. Хотя мы никогда не сможем полностью реализовать «идеальную речевую ситуацию», наше конструирование преобразующего значения через политический дискурс требует ориентации на такой идеал как метод исследования и самоощущения.

Феминистка-аналитик (*feminist analyst*), которая поощает самопонимание женщины-субъекта в центр политического исследования и утверждение идеал производимого вне принуждения дискурса как критерий, на основании которого отвергаются умолчания (*silencing considerations*), в состоянии компетентно анализировать, например, американское движение «Право на жизнь», выступающее против абортгов. Это дви-

женные побудило тысячи женщин, никогда прежде не проявлявших политической инициативы, активно участвовать в организации массовых акций, маршей, расприходовании листовок, подаче петиций, политических играх, пикетировании, сидячих забастовках, лоббировании Конгресса, даже привело их к оскорбительному поведению по отношению к докладчикам. Женщины из «Право на жизнь» подверглись нападкам многих феминисток и тех, кто сочувствует сторонникам движения за возможность делать аборт («Право на жизнь»). Феминистки, с участием собственного превосходства, обычно изобращают сторонниц движения «Право на жизнь» правыми реакционерами; невеждами, обманутыми католической церковью; фанатичками; введенными в заблуждение и идентифицируемыми с мужчинами противниками прогресса, просвещения и всего хорошего и разумного. Недавно я читала подобную статью, где движение «Право на жизнь» называется неонацистским.

Я не хочу сказать, что обвинения, предъявляемые этому движению феминистками и их сторонниками, совершенно не справедливы. Но я считаю — и в этом суть дела, — что, не давля возможности женщинам из движения «Право на жизнь» высказать истину, как они ее понимают, не отходя с уважением к тому, что они, как и другие, могут создавать смыслы в процессе личного принуждения диалога. Требуящего от исследователей эмпагии, открытости и готовности принимать во внимание и изучать самые различные точки зрения, которые она может не разделять, мы будем по-прежнему относиться к этим женщинам самонадеянно и безцеремонно, внося в свои искаженные представления о них собственные предубеждения (так, в характеристиках участниц движения «Право на жизнь» как зомбированных сторонниц церкви сквозит предубеждение против католической церкви).

Продиктованная чувствительностью готовности *увидеть* женщину из движения «Право на жизнь», слушать ее и понять ее позицию, как она сама ее воспринимает, — это всего лишь первый, но, помните! — не последний этап критического исследования. Было бы крайне поучительно проанализировать взгляды на проблему абортов представительниц ортодоксального феминизма и определить, разделяют ли они аргументы, гарантирующие право на аборт, выдвинутые на судебном процессе *Koehlvs Wade*.⁹ Такое предварительное исследование помогло бы выявить самопонимание феминисток в вопросе об абортах: например, включает ли это самопонимание видение человека как хозяина самого себя (*self*), отрезанного от своего сообщества и традиции, или приверженность радикальному пониманию приватности, которое подрывает любые серьезные политические требования, формулиро-

ванные с моральной точки зрения, опираясь на понятие толерантности, интентрируемое как требование того, чтобы приватные мнения других не могли оказывать никакого давления на нас. Я считаю, во-первых, что как защита «права на аборт», так и защита «права на жизнь» могут быть непродуктивными позициями и потому требуют первичного осмысления, а затем — повторного изучения; и, во-вторых, что сегодняшняя *политическая* ситуация, которая сталкивает эти две группы женщин друг с другом, представляя их как непримиримые и враждебные, является прямой противоположностью идеальной речевой ситуации: это среда, перенасыщенная чувством вины и перенасыщенная высказываниями, которые несут в себе принуждение и манипуляцию и заставляют противоположную сторону замолчать. В этой среде распространены обвинения оппонентов в выступлении против освобождения, справедливости, равенства, выбора, свободы — с одной стороны, и нравственности, единства человеческого сообщества, семейных связей и ценностей, укрепления святости и значения человеческого жизни, или потенциальной жизни, как высшей ценности — с другой.

И, наконец, я считаю, что необходимо найти способ последовательного движения от самопонимания и социального конструирования реальности и значения к критике. Брайен Фэй предлагает набор критериев для критического подхода к женскому освобождению (Fay 1975: *passim*). Я заимствую этот критический подход для достижения своих собственных целей. Аргументы Фэй перенасыщены деталями, и же выделяю только их основные характеристики. Во-первых, он допускает, что идеи помогают сделать нас и наши социальные миры такими, какими мы и эти миры являемся. Во-вторых, он утверждает, что любое действие человека мотивировано и может быть интерпретировано. В-третьих, именно через действие — и Фэй специально подчеркивает: *политическое* действие, предполагая, что политика подкрепляет: *политическое* действие, следовательно, такое действие высшей статусе среди разнообразных форм человеческого действия. — Люди открывают себя друг другу; следовательно, такое действие является необходимым для становления личности и восприятия себя человека как личности другими людьми. (Третий тезис связан с двумя предыдущими.) В-четвертых, наши действия, идеи и деятельности, которая вытекает из них, могут, ненамерительно или сознательно, смешиваться, искажаться или приходить в беспорядочное состояние. В-пятых, — и это главное для Фэй, — существуют реальные человеческие потребности, а также стремления, цели, интенции и желания; эти потребности обладают мотивационной движущей силой; они могут быть искажены; они являются существенно необходимыми,

даже если искажаются, и, наконец, они служат предпосылками для *любых* формы социального существования и, следовательно, для возможностей социальных преобразований, в том числе.

Чтобы продемонстрировать заистинность своей теории, Фэй начинает с того, что говорит, — как и я, в случае критики де Бовуар, — что философские и эпистемологические утверждения критического мыслителя должны быть в принципе переводимы на обычный язык и что должна существовать возможность для того, чтобы эти утверждения основывались на самопонимании субъекта, даже если конечная цель критики — убедить этих субъектов воспринимать себя и свою ситуацию иначе (Ibid. Esp. chap. 5: 92–110). Фэй категорически отвергает авангардизм как позицию в столь рискованном деле, каким является критика. Авангардизм не устраивает исследователя по моральным соображениям. Критический взгляд, по Фэй, не включает ни принуждения, ни манипуляции жизнью тех, кого он стремится изменить. Для Фэй социальный теоретик — это своего рода педагог, который исходит из образа «идеальной речевой ситуации», противополо- ставляя его моделям, основанным на принуждении и манипуляции, а затем связывает понимание и критику с человеческими возможностями и демократическими целями.

Рассмотрю более подробно один из аспектов подхода Фэй — понятие «критики идеологии» как процесса разоблачения искаженных способов самопонимания и исследования исковерканных форм идентичности субъектов. Критика идеологии — это «краеугольный камень» предлагаемой Фэй программы критической теории освобождения женщин. По его мнению, любая теория освобождения должна выявить те методы, при помощи которых сексистский социальный порядок ломается и деформирует отдельных женщин, а затем показать способы, с помощью которых можно изменить самих женщин и травмирующий их порядок, открыть возможности для их освобождения (Ibid: 100).¹⁶

Наиболее острая и интересная часть критики идеологии Фэй — это его утверждение о том, что идеология никогда не является просто искажением истины или ложью, но что идеологические построения, подобно невротическим симптомам для психоаналитика, служат ключами к пониманию характеристик сложной структуры, включающей явные и скрытые, очевидные и более глубоко спрятанные нужды и потребности. Вряд ли достигнет больших успехов в излечении пациента психоаналитик, пренебрегающий симптомами, которые выражают ложные представления и которые, казалось бы, можно игнорировать непосредственно в процессе лечения (например, уверенность пациента, что его правое ухо отвалилось, хотя оно явно находится на

своем месте). Симптомы, как и все наши представления, какими бы запутанными, противоречивыми, непостоянными, бессвязными, мистическими или просто фактически необоснованными они ни были, служат ключом к пониманию глубин нашей мотивации и истинных потребностей и выявляют менее искаженную картину самих себя и других людей. Изучающий теорию политики должен внимательно слушать, что говорят индивиды; соответственно наблюдать за всем, что они делают, и верить, что все это важно и имеет значение. Подобное выявление истинных или менее искаженных значений — критика идеологии — и есть процесс исправления и улучшения.

Для того, чтобы пояснить этот важный тезис, приведу пример. Многие женщины, в частности феминистки, считают, что социальное движение, которое называется «Тотальная женственность» (Total Womenhood*), является шокирующим, глупым, даже отвратительным выражением женского «ложного сознания». Основатель движения Марабель Морган написала в 1973 году книгу «Тотальная женщина» (*The Total Woman*), которая вошла в десятку бестселлеров десятилетия (к концу 1979 года было напечатано 103 000 экземпляров в твердом переплете и 2 700 000 — в мягкой). Складывается впечатление, что движение «Тотальная женщина» включает тысячи беспokoйных, несчастных, скупающих, замомплексованных, неудовлетворенных своим положением и возмущенных женщин. Примечательнее к движению женщины имеют возможность «выговорить» свои несчастья и страдания, после чего им даются рецепты, как покончить с ними. С критической феминистской точки зрения лекарства подозрительно напоминают сильную дозу того, что изначально стало подлостью этих женщин несчастными. Женщинам предлагается следовать этим женщинам несчастными. Женщинам предлагается секс-новитесь «счастливыми домохозяйками», изучать стоицизм и утешение, проявлять беспредельное бескорыстие и самоотречение. Совершенно ясно, что уже сами термины, с помощью которых я описываю этот феномен, выражают мое критическое отношение к нему.) Игнорируемые, насколько я могу судить, социальными мыслителями и подвергшиеся осуждению со стороны феминисток, эти женщины решили стать «настоящими женщинами», и нам остается только гадать, почему так много женщин приняло это решение, и кой смысл, прежде неведомый, это движение помогло им найти, и как оно помогло им достичь понимания самих себя, на которое они

* Термин *Total Woman* в данном тексте переводится двояко в зависимости от контекста: *потопальная женщина* или *настоящая женщина* (Прим. перев.).

могут опираться в своей жизни.

С помощью критического исследования «тотальной женщины» можно выявить мотивации участниц движения, которые привели их туда. Предположение о том, что идеологи «Тотальной женщины» абсолютно не имеют ценности, — не только плохая точка отсчета, которая может помешать исследователю занять по отношению к участницам движения позицию сочувствующего, необходимого, чтобы их слушать, но и верная дорога к созданию социальной теории, полной духа высокомерия и предубеждения. Если вслед за Фрейд мы будем рассматривать идеологию как ключ к глубинным значениям и истинам, исследование «тотальной женственности» может помочь нам проанализировать надежды, страхи, желания, цели, тревоги, скуку, беспечность, смирение или отчаяние, которые привели столь многих к попыткам стать «настоящей женщиной». Следует принимать всерьез эти убеждения и attitudes, раскрывающиеся в диалоге и исследовании. И, наконец, можно было бы убедить какую-нибудь «настоящую женщину» в противоречивости ее убеждений хотя бы на том основании, что современное общество таково, что ни одна женщина не может жить в соответствии с идеалом «настоящей женственности» или обрести в этом идеале устойчивую позицию и социальную идентичность. Это, как я показываю, возможно, но предвзято и нужно убедить женщину-субъекта, что ей следует достичь самоопределения и «вытащить на свет» разные стороны ее собственной социальной ситуации. Таким образом мы сможем увидеть структурное давление на ее семью и на нее самое и то, как это давление делает ее несчастной и вызывает желание измениться.

Если бы в результате раскрытия себя в речи и после того, как кто-то другой, имеющий иные взгляды на женщину в современном обществе, открыл ей себя, она решила, что достижение идеала «настоящей женщины» и организация современной социальной жизни принципиально противоречат друг другу, то ее благоокойство нашло бы себе другой выход: она обратилась бы к рассмотрению тех социальних сил, которые вызывают ее смутенное состояние (Fau 1975: 101). Если она не продвинулась от самоопределения к критике, то теоретик не должен принуждать ее к этому или как-то манипулировать ею. Если допустить, что на основании последовательных, внутренне непротиворечивых и соответствующих реальности аналитических шагов политический мыслитель представил лучшую картину, но она не признается субъектом, чей жизненный мир и идентичность она должна интерпретировать и изменить которого она должна способствовать, то принуждение субъекта к согласию с данной картиной означало

бы неуловимое, но в то же время и непоправимое разрушение связи между целями, которых критический мыслитель должен придерживаться, и средствами, которые он использует. Вспоминается пьеса «Разносчик льда грядет» («The Iceman Cometh») Юджина О'Нила. Герой пьесы — Хики — с фанатическим упорством добивается, чтобы его товарищи, находившиеся во власти илюзий, посмотрели в лицо горькой истине о самих себе и своем положении. Результаты ужасны. В некоторых ситуациях илюзии необходимы, хотя бы для того, чтобы выжить (Freud 1975, vols. 15 and 16).¹¹

Перевод Тамары Барчуновой и Екатерины Герасимовой

Примечания

¹ С точки зрения Витгенштейна, человек движется от относительной прозрачности действующих лиц в рамках своей языковой игры к неясности тех, кто находится вне ее. Последних мы либо понимаем с трудом, либо не можем понять вообще. Целью Витгенштейна была кристальная прозрачная ясность, которая привела бы к устранению всех философских проблем. (Wittgenstein 1978: 51e, par. 133). Такая ясность, однако, всегда оказывается иллюзорной.

² Вспомните о Хатократии Марии Дэлл, о мипитаризированной Спарте Созан Браунмиллер, в которой нет места войне полов, о кибернетическом Сигмоном Новом Мире Суламифь Файерстоун и даже о более сдержанных изменениях системы родительства и гендерных отношений у Дороти Дин-нерстейн.

³ *Samus A. Notebooks*. Цит. по: Jacobsen 1978: 145.

⁴ *The Collected Works of Abraham Lincoln*/ Ed. by Roy Basler. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1975. Vol. 1. P. 488; Vol. 5. P. 537.

⁵ Ср. с дискуссионным эссе Смит «Социология для женщины» (Smith 1979: 135-188). Я основывалась на реконструкции социологического субъекта как «проблематичного».

⁶ См. актуальную критику бесслесного субъекта в эссе Дэниса Ронга (Denis Wong 1961: 183-193)

⁷ Убедительным примером описываемой здесь динамики является работа Рубин «Миры боли» (Rubin 1976).

⁸ Критику сартровской концепции человека как новой и агрессивной формации абстрактного индивидуализма и концепции осевобождения личности как свободы проявления гиперпрофанованного (grandiose) «Я» см.: Eisenstein 1978: 37-41. Марри Миджиг (Midgley) пишет: «Самое ужасное в экзистенциализме... — это его имплицитное представление о том, что будто бы существует только мир мертвой материи (вещей), с одной стороны, и мир абсолютно рациональных, образованных, зрелых людей — с другой, как буд-

то не существует никаких других форм жизни» (Mideley 1978: 18).

* Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973).

¹⁰ Пример подобной критики см.: Elstain 1975: 139—148.

¹¹ Фрейд поднимает этот вопрос в связи с моральной дилеммой психоаналитической терапии и внутреннего вмешательства в психическую жизнь людей, которое никогда не ограничивается психической жизнью индивида, а распространяется на все его социальные связи. Случай из практики Фрейда, в связи с которым обсуждался этот вопрос, был следующим. Молодая женщина вела от времени «заболсала», чтобы избежать общения с мужем, равнодушным к ее потребностям, трудностям и обязанностям матери и жены. Поскольку у пациентки объективно отсутствовал выбор и возможность повзрвать экономическую и эмоциональную зависимость от мужа, Фрейд решил, что лучше разрешить женщине ее «бегство в болсала», чем раскрыть ей природу ее периодического недомогания.

ОБМЕН ЖЕНЩИНАМИ: ЗАМЕТКИ О «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» ПОЛА*

Гэйл Рубин

В литературе о женщинах — как феминистской, так и антифеминистской — давно обсуждается вопрос о природе и происхождении угнетения, социальной зависимости и подчинения женщин. Это вопрос не простой, так как ответы на него определяют наши представления о будущем и нашу оценку того, насколько реально наши надежды на создание общества, в котором будет обеспечено равенство полов. И что более важно — анализ причин угнетения женщин является основой для выяснения того, какие изменения необходимы для создания общества, в котором отсутствовала бы гендерная иерархия. Так, если корни угнетения женщин — во врожденных склонностях мужчин к агрессии и господству, тогда феминистская программа будет состоять либо в истреблении пола-агрессора (offending sex), либо в эвгеническом проекте по изменению его свойств. Если же сексизм является побочным продуктом неумеренной капиталистической жадности, тогда его можно уничтожить путем свершения социалистической революции. Если же женщины потерпели повсеместное историческое поражение в результате вооруженного восстания, направленного на установление патриархата, то самое время партизанкам-амазонкам начинать тренироваться в Адирондаке.**

В данной статье я не ставлю задачи дать подробный критический анализ некоторых популярных в настоящее время объяснений

* Перевод статьи: Rubin Gayle. The Traffic in Women. Notes on the «Political Economy» of Sex// Toward an Antipology of Women/ Ed. by R. Reiter Farr. New York: Monthly Review Press, 1975.

Термин «traffic» переводится в настоящей статье, в основном, как «обмен», но в некоторых случаях и как «торговля» (Прим. перек.).

** Адирондак — горный массив в системе Аппалачей в США (Прим. ред.).

причин неравенства полов — таких, например, как теория полуэволюционной эволюции, представленная в «The Imperial Animal»*, получающая теория свержения доисторического матриархата или концепция, пытающаяся объяснить все способы угнетения и подчинения в обществе на основании первого тома «Капитала». Вместо этого я хочу предложить читателю набросок альтернативного объяснения проблемы.

Вспомним одно из известных рассуждений Маркса: «Что такое негр-раб? Человек черной расы. Одно объяснение стоит другого. Негр есть негр. Только при определенных отношениях он становится рабом. Улопкопредильная машина есть машина для придания хлопку. Только при определенных отношениях она становится *капиталом*. Выбавленная из этих отношений, она так же не является капиталом, как золото само по себе не является *деньгами* или сахар — ценой сахара» (Маркс 1985: 163).

Мы можем спросить по аналогии: что такое женщина, привязанная к дому (domesticated woman)? Самка определенного биологического вида. Одно объяснение стоит другого. Женщина есть женщина. Она становится прислугой, женой, движимым имуществом, девочкой с обложки «Плейбоя», проституткой или живым диктофоном лишь в системе определенных отношений. Вне этих отношений она является прислужницей мужчины не в большей степени, чем золото само по себе является деньгами и т. д. Что же тогда представляет собой отношение, в силу которых существо женского пола становится угнетенной женщиной? Попробуем раскрыть систему отношений, которые превращают женщин в жертв мужчин. Начнем с одного момента, который является общим для трудов Клода Леви-Стросса и Зигмунда Фрейда. В сочинениях этих авторов *одомашнивание* женщин (domestication) рассматривается весьма подробно, хотя и в разных терминах. Читая их труды, начинаешь понимать значение системного социального аппарата, который превращает такой сырой материал как «существо женского пола» в продукт — «женщина, привязанная к дому». Ни Фрейд, ни Леви-Стросс не рассматривают свои труды в свете анализа положения женщин, и конечно, и тот, и другой без всякой критики описывают эти процессы. Поэтому их исследования и описания нужно читать в каком-то смысле так же, как Маркс читал сочинения предшествовавших ему клас-

сиков политической экономии (об этом см. Althusser & Valbyat 1970: 11-69). Фрейд и Леви-Стросс до некоторой степени подобны Рикардо и Смиту: они не видят ни следствий того, о чем говорят, ни возможности радикальной критики, которую могут породить их труды, если кто-то посмотрит на них через призму феминизма. Тем не менее, они создают понятийный аппарат для описания того аспекта социальной жизни, который является докусом угнетения женщин, половых меньшинств и некоторых сторон человеческой личности. Я называю этот аспект социальной жизни системой «пол/гендер» — отсутствия лучшего термина. Предварительно системе «пол/гендер» можно определить как набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности удовлетворяются.

Цель данного эссе заключается в том, чтобы построить более развернутое определение системы «пол/гендер» на основе собственного эзегетического прочтения Леви-Стросса и Фрейда. Я использую слово «эзегетический» сознательно. В словаре «эзегеза» определяется как «критическое объяснение или анализ; интерпретация, главным образом, Библии». Иногда мое прочтение Леви-Стросса и Фрейда является свободной интерпретацией, движимым от эксплицитного содержания текста к его предпосылкам и следствиям. Мое прочтение некоторых психоаналитических текстов пропущено через «фильтр» работ Жака Лакана, чья собственная интерпретация фрейдистской библии была создана под глубоким влиянием Леви-Стросса.¹

Ниже я еще вернусь к уточнению определения системы «пол/гендер». Однако сначала я попробую доказать необходимость введения данного понятия. Для этого я проведу анализ причин неудач, которую потерпел классический марксизм, попытавшись дать исчерпывающее представление об угнетении по признаку пола или теоретически осмыслить это угнетение. Эта неудача проистекает из того, что марксизм как теория общественной жизни практически не учитывает тех ее аспектов, которые связаны с полом. На марксовой карте социального мира человеческие существа суть рабочие, крестьяне или капиталисты; то, что они кроме этого, являются еще мужчинами или женщинами, не представляется Марксу особо значимым. Напротив, на карте социальной реальности, нарисованной Фрейдом и Леви-Строссом, весьма заметна роль сексуальности в обществе и роль глубоких различий между социальными опытом мужчин и женщин.

* Автор имеет в виду книгу Р. Фокса и Л. Тайгера: Fox R. & Tiger L. The Imperial Animal (1971) — бестселлер антропологической литературы, в котором используется неодадаринистский подход к анализу социальных отношений (Прим. ред.).

МАРКС

Нет ни одной теории угнетения женщин — при всем разнообразии форм этого угнетения и однообразии самого факта угнетения, повторяемого в разных культурах и исторических эпохах, — которая обладала бы такой же объяснительной силой, как марксистская теория угнетения классов. Неудивительно поэтому, что было предпринято множество попыток применить марксистский анализ к исследованию женского вопроса. В рамках этого подхода высказывались следующие мысли: женщины при капитализме являются резервной рабочей силой; заработная плата женщин, которая, как правило, является низкой, обеспечивает прибавочный продукт работодателю-капиталисту; женщины, управляя потреблением в семье, тем самым служат целям капиталистического потребления и т. д.

В некоторых работах была поставлена и более смелая задача: связать угнетение женщин с принципом динамики капитализма, указав на связь между домашней работой и воспроизводством труда (см.: Benston 1969; Dalla Costa 1972; Laguarda and Dimpollin 1972; Gerstein 1973; Vogel 1973; Secombe 1974; Gardine, 1974; Rowittsee, M. & J. 1970). Выполнить эту задачу — значит учесть женщин в самом определении капитализма, то есть в процессе, при котором капитал производится путем присвоения прибавочной стоимости, производимой в процессе труда.

В кратком изложении концепция Маркса выглядит следующим образом. Капитализм отличается от всех других способов производства своей особой целью: созданием и экспансией капитала. Если цели других способов производства можно усмотреть в создании вещей для удовлетворения потребностей человека, или в производстве прибавочного продукта для правящей знати, или в производстве во имя богов и их умилостивления во время жертвоприношения, то суть капитализма в том, что он производит капитал. Капитализм является системой социальных отношений — форм собственности и т. д., — при которых производство принимает форму превращения денег, вещей и людей в капитал. А капитал — это определенное количество товаров или денег, которое, будучи обмененным на труд, воспроизводится и увеличивается путем извлечения неоплачиваемого труда, или прибавочной стоимости, из труда ради самого капитала.

«Результатом капиталистического процесса производства является не просто продукт (потребительная стоимость) и не товар, то есть потребительная стоимость, которая имеет меновую стоимость. Его результат, его продукт — это создание прибавочной стоимости для капитала, а потому — в действительном процессе Денег или товара в капитале...» (Маркс 1962: 408, курсива оригинала).

Обмен между капиталом и трудом, который производит прибавочную стоимость и, следовательно, капитал, является в высшей степени своеобразным. Рабочий получает заработную плату, а капиталист — предметы, которые рабочий (или рабочая) изготавливает за время своей работы. Если общая стоимость вещей, которые сделал рабочий, превышает стоимость его заработной платы, то цель капитализма достигнута. Капиталист возвращает себе стоимость заработной платы плюс прибыль — прибавочную стоимость. Это может происходить вследствие того, что рабочая плата определяется не стоимостью того, что рабочий производит, а стоимостью того, что необходимо для его существования, того, что необходимо для воспроизводства его самого изо дня в день, для воспроизводства всей рабочей силы из поколения в поколение. Таким образом, прибавочная стоимость есть разница между тем, что рабочий класс производит в целом, и той частью этого целого, которая расходуется на воспроизводство рабочего класса.

«Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для производства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющихся налично, и для производства новых рабочих... Индивидуальное потребление рабочего, независимо от того, совершается ли оно внутри или вне процесса труда, составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала, подобно тому, как таинственный момент является чистка машин...» (Маркс 1963: 585).

«Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств... Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего потребления, она осуществляется только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено» (там же: 181).

Разница между воспроизводством рабочей силы и производимым ею продуктом зависит, таким образом, от определения того, что необходимо для воспроизводства этой рабочей силы. В работах Маркса наблюдается тенденция определять эту величину исходя из количества товаров — еды, одежды, жилища, топлива, — которые необходимы для поддержания здоровья, жизни и сил рабочего. Но эти товары должны быть потреблены для того, чтобы стать средством существования, а они не сразу готовы к потреблению, когда их приобретают на заработную плату. До того как они будут использованы людьми, к ним должен быть приложен дополнительный труд. Пищевые продукты нужно готовить, одежду чис-

тить, постель стелить, дрова рубить и т.д. Таким образом, работа по дому является ключевым моментом в процессе воспроизводства рабочей силы, которая является источником прибавочной стоимости. Поскольку именно женщины обычно выполняют работу по дому, было замечено, что как раз через воспроизводство рабочей силы женщины становятся одним из звеньев в цепи производства прибавочной стоимости, которая является *sine qua non** капитализма.² Далее. Поскольку за работу по дому не выплачивается никакой заработной платы, труд женщин по дому является вкладом в конечную величину прибавочной стоимости, которую капиталист обращает в деньги. Но объяснить полезность женщины для капитализма — это одно, а доказать, что эта полезность является причиной угнетения женщин — совсем другое. Именно на данном этапе рассуждения анализ капитализма перестает служить объяснением каких-либо вопросов, относящихся к положению женщины, и вопроса об угнетении женщин, в частности.

Женщин угнетают в обществах, которые нельзя описать как капиталистические, как бы мы ни напыгали свое воображение. В долине Амазонки и в горах Новой Гвинеей женщины часто ставят на место, применяя грубое насиливание, когда обычные механизмы запугивания не действуют. «Мы усмиряем наших женщин бананом», — сказал мужчина из племени мушуррки (Mupru 1959: 195). Этнографические материалы изобилуют описанием практик, смысл которых состоит в том, чтобы держать женщину в узде: мужские культы, тайная инициация, тайная мужская наука и т.д. Докапиталистическая, феодальная Европа тоже два ли представляла собой общество, в котором отсутствовал сексизм. Капитализм перенял и облек в новую форму представления о мужском и женском, которые существовали за много столетий до его становления. Никакой анализ воспроизводства рабочей силы при капитализме не может объяснить бинтование ног, пока невинности или какое-нибудь сходное византийское приспособление, а также ритуальные оскорбления, не говоря уже о ба-нальных бытовых оскорблениях, которым подвергались женщины в разных странах и в разные времена. Анализ воспроизводства рабочей силы даже не объясняет, почему именно женщины, а не мужчины выполняют домашнюю работу.

В связи с этим интересно вернуться к рассуждению Маркса о воспроизводстве труда. То, что необходимо для воспроизводства рабочего, отчасти определяется биологическими потребностями чело-

* *Sine qua non* (лат.) — зн.: тем, без чего нет (Прим. перев.).

вческого организма, отчасти — физическими условиями места, где он живет, и, наконец, — культурной традицией. Маркс заметил, что пиво необходимо для воспроизводства английского рабочего класса, а вино — французского.

«...Размер тех незаменимых потребностей, равно как и способность их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привилегиями и жизненными привилегиями формировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам, определяющие стоимости рабочей силы включают в себя исторический и моральный элемент...» (Маркс 1983: 182, курсив мой. — Г.Р.).

Именно этот «исторический и моральный элемент» определяет то, что «жена» является для рабочего одним из предметов первой необходимости, что обычно женщины, а не мужчины выполняют работу по дому и что капитализм — наследник длительной традиции, согласно которой женщины не обладают правом наследования, не руководят людьми и не говорят с Богом. Именно с этим «историческим и моральным элементом» к капитализму перешло культурное наследие в виде форм мужественности и женственности. Именно этот «исторический и моральный элемент» служит категорией рамкой для всего, что связано с полом, сексуальностью и угнетением по признаку пола. А краткость замечания Маркса заставляет лишь еще раз задуматься об обширности той области социальной жизни, на которую оно указывает, но которую оставляет не исследованной. Только по подвергая анализу этот «исторический и моральный элемент», можно обрисовать структуру угнетения по признаку пола.

ЭНГЕЛЬС

В «Проксуждении семьи, частной собственности и государства» Энгельс рассматривает угнетение по признаку пола как наследство, которое досталось капитализму от предшествующих социальных форм. Более того, Энгельс встраивает пол и сексуальность в свою теорию общества. «Проксуждение» — это книга, которая может разочаровать читателей. Подобно другим написанным в XIX в. сочинениям по истории брака и семьи, она привлекает читателей, знакомого с историческими данными антропологии, своей «старинностью». Тем не менее следящие в ней находки не должны пройти незамеченными. Мысль о том, что «отношения между полами» можно и нужно отлечь от «отношений производства», — весьма важное открытие Энгельса:

«Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является, в конечном итоге, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, охватывая, бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств: производство питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — трудом, с другой — семьей» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 3. С. 212, курсив мой. — Г.Р.).

Этот фрагмент содержит важное утверждение: чтобы одеть, прокормить и обогреть себя, группа людей должна не только преобразовать мир природы. Систему, в рамках которой элементы природы трансформируются в предметы потребления человека, обычно называют экономикой*. Но потребности, которые удовлетворяются посредством экономической деятельности, даже в наиболее полном смысле, придают этому понятие Марксом, не исчерпывают всех основных человеческих потребностей. Группа людей должна также из поколения в поколение воспроизводить сама себя. Сексуальные потребности и потребности продолжения рода должны быть удовлетворены в той же мере, в какой удовлетворяются потребности в еде. Одно из наиболее очевидных заключений, которое можно сделать из данных антропологии, состоит в том, что способ удовлетворения этих потребностей едва ли когда-либо был более «естественным», чем способ удовлетворения потребностей в пище. Голод есть голод, но то, что считается пищей, определяется культурой и производится культурно определяемыми способами. Каждое общество следует определенной форме организации экономической деятельности. Секс есть секс, но то, что считается сексом, также культурно детерминировано. В каждом обществе существует также система «пол/гендер» (sex/gender system) — определенная организация, посредством которой биологический «сырой материал» половой жизни и воспроизводства человека в результате социального воздействия приобретает определенные конвенциональные формы независимо от того, насколько странными и причудливыми эти формы могут быть.²

Сфера человеческой жизни, включающая пол, гендер и продолжение рода, подвергалась неумолимому воздействию социальной де-

ятельности на протяжении тысячелетий. Пол (sex), включающий, как мы знаем, гендерную идентичность, сексуальное желание и флангальным продуктом. Нам необходимо понять отношения в сфере производства этого продукта и на какое-то время оставить в стороне вопрос о пище, одежде, автомобилях и транспортных средствах. В большинстве работ, написанных в марксистской традиции, и даже у Энгельса, понятие «второй стороны материальной жизни» окказалось или на втором плане или включенным в обычные представления о «материальной жизни». Рассуждение Энгельса так никогда и не было уточнено и разработано как следует. Но он все-таки указал на существование и важность той области социальной жизни, которую я называю системой «пол/гендер».

Для названия системы «пол/гендер» предлагались и другие термины. Наиболее распространены альтернативами являются «способ воспроизводства» и «патриархат». Хотя обсуждение терминов может показаться бессмысленным занятием, следует отметить, что оба эти термина иногда приводят к путанице. Все три термина были предложены для того, чтобы ввести различие между «экономическими» системами и системами отношений, связанных с полом (sexual system), и чтобы показать, что последние обладают определенной автономией и не всегда могут быть охарактеризованы терминами экономической факторов. Термин «способ воспроизводства», например, был предложен в противовес более знакомому «способу производства». Такая терминология связывает «экономику» с производством, а систему отношений полов — с «воспроизводством». Однако она обедняет содержание обеих систем, так как в той и другой протекают процессы «производства» и «воспроизводства». Каждый способ производства включает воспроизводство — инструментов, труда и социальных отношений. Мы не можем отнести все многообразные аспекты социального воспроизводства к системе отношений, связанных с полом. Замена механизмов, например, является одним из примеров воспроизводства в экономике. С другой стороны, мы не можем ограничить систему отношений полов «воспроизводством» в социальном или биологическом смысле этого термина. Система «пол/гендер» — это не просто момент воспроизводства «способа производства». Примером производства в рамках системы отношений полов является, скажем, формирование гендерной идентичности. Система «пол/гендер» шире, чем «отношения, связанные с производством рода», то есть с воспроизводством в биологическом смысле.

* Термин «экономика» в данном фрагменте текста более адекватно переводить как «хозяйство». Но поскольку в тексте в целом речь идет о «политической экономике» (political economy), то мы решили сохранить, по крайней мере, однокоренное слово (Прим. пера.).

Термин «патриархат» был введен, чтобы отграничить силы, поддерживающие сексизм, от других социальных сил, таких как капитализм. Но использование этого термина затеняет другие различия. Его применение аналогично применению термина «капитализм» для указания на все способы производства, тогда как полезность термина «капитализм» состоит именно в том, чтобы проводить различие между разными системами, которые организовывают общество и обеспечивают их существование. Любое общество имеет некую систему «политической экономики». Подобная система может быть эгалитарной или социалистической. Она может быть стратифицирована по классовому принципу, тогда угнетенный класс состоит из слуг, крепостных или рабов. И только в том случае, когда угнетенный класс состоит из наемных работников, корректно будет называть систему «капиталистической». Объяснительная сила этого термина основана на предположении, что действительно, существуют альтернативы капиталистической системе.

Аналогичным образом любое общество располагает определенной системой, связанной с полом, гендером и детьми. Подобная система может быть эгалитарной в отношении полов — по крайней мере, в теории, — или же «гендерно стратифицированной», что, по-видимому, имеет место в большинстве, если не во всех известных случаях. Но даже перед лицом печальной истории человечества важно различать приращую человеку способность и необходимость создавать мир отношений между полами, с одной стороны, и реально существующие репрессивные способы организации этих миров, с другой. Термин «патриархат» включает оба эти значения, тогда как система «пол/гендер» — это нейтральный термин, который обозначает данную область и указывает, что угнетение не является неизбежным, а представляет собой продукт специфических социальных отношений, которые ее организуют.

Наконец, существуют гендерно стратифицированные системы, описание которых как патриархатных не является адекватным. Во многих обществах Новой Гвинее, таких как энганци, маринга, бена-бена, хули, мепи, кума, гауку-тама, форс, маринд-аним *ad namewini* (см. Verpld 1962; Langness 1967; Rappaport 1975; Read 1952; Meggitt 1970; Glasse 1971; Strathern 1972; Reay 1959; Van Baal 1966; Lindenbaum 1973) женщины подвержены жестокому угнетению. Но власть мужчин в этих сообществах основывается не на их ролях отцов и патриархов, а на коллегативной маскулинности зрелых мужчин, воплощенной в тайных ритуалах, мужских домах, войнах, ритуальных знаниях, различных обрядках инициации и социальных сетях отношений обмена (схланге петворкс).

Патриархат представляет собой специфическую форму мужского господства, поэтому данный термин следует применять только по отношению к ветхозаветным овцеводам-кочевникам (откуда и происходит данный термин), либо по отношению к подобным им сообществам. Авраам был патриархом — старцем, чья абсолютная власть над женой, детьми, стадом и подчиненными ему людьми являлась одним из аспектов института отцовства, характерного для данной социальной группы.

Какой бы термин мы ни употребили, важно разрабатывать понятия, которые адекватно описывали бы социальную организацию отношений между полами и воспроизводство конвенций, связанных с полом и гендером. Нам нужно продолжить мысль Энгельса, от работки которой он отказался, когда он отнес подчинение женщин к сфере способа производства.⁴ Чтобы сделать это, мы можем следовать скорее методу Энгельса, а не опираться на результаты его расуждений. Энгельс подошел к анализу «второй стороны материальной жизни» через исследование систем родства (kinship systems). Системы родства являются достаточно сложными системами, выполняемыми множеством функций. Они состоят из конкретных форм социального организованной сексуальности и воспроизводят их. Системы родства — это наблюдаемые и эмпирические формы, которые принимает система «пол/гендер».

РОДСТВО

(О роли, которую играет сексуальность в переходе от обезьяны к «мужчине»)

Для антрополога система родства — это не список биологических родственников. Это система категорий и статусов, которые часто противоречат действительным генетическим связям. Существует множество примеров, когда социально установленный статус родства оказывается важнее, чем биологический. Таким примером является, скажем, обычай «женской свадьбы» у нуаров. Нуары приписывают статус отцовства человеку, от имени которого матери передает рогатый скот как часть брачного выкупа (bridewealth). Таким образом, женщина может сочетаться браком с другой женщиной и быть мужем жены и отцом своих детей, несмотря на то, что фактически она не может быть биологическим отцом (Evans-Pritchard 1951: 107–109).

В догосударственных обществах родство выступает в качестве привычного способа выражения социального взаимодействия, органи-

экономическую, политическую, брадобую, а также сексуальную деятельность. Обязанности и привилегии человека по отношению к другим определяются в терминах взаимного родства или отсутствия такового. Обмен товарами и услугами, производство и распределение, враждебность и солидарность, ритуал и обряд, — все это имеет место в рамках организационной структуры родства. Версущность и адаптационная эффективность родства заставили многих антропологов считать его, наряду с формированием языка, фактором, который решительно обозначил разрыв между гоминидами и человеческими существами (Sahlins 1960; Livingstone 1969; Levi-Strauss 1969).

Хотя утверждение о значимости родства составляет один из основных принципов антропологии, внутренние механизмы систем родства долго являлись предметом интенсивной полемики. Системы родства широко варьируют от одной культуры к другой. В них содержатся всевозможные, иногда невообразимые для нас правила, которые предписывают человеку, с кем можно вступать в брак, а с кем нельзя. Внутренняя сложность этих правил озадачивает. Системы родства десятилетиями занимали воображение антропологов, которые пытались объяснить запреты incesta, браки двоюродных братьев и сестер, условия наследования, отношения уклонения от близости или, наоборот, насильственной близости, кланы и подгруппы, табу на имена, — т. е. разнообразные элементы, которые можно найти в описаниях реальных систем родства. В XIX в. некоторые мыслители попытались создать исчерпывающие описания природы и истории систем половых отношений в человеческом обществе (см. Фее 1973). Одной из таких попыток является работа Льюиса Генри Моргана «Древнее общество». Именно эта книга побудила Энгельса написать «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — теория Энгельса основывается на описании родства и брака у Моргана.

Попытка Энгельса выдвигает теорию угнетения по половому признаку из изучения систем родства, начиная с XIX в., получила развитие в рамках этнологии. Исключительное значение в данном контексте имеет работа К. Леви-Стросса «Элементарные структуры родства», представляющая собой самую смелую современную версию осмысления человеческого брака, начавшегося еще в прайдулшем столетии. Это — книга, в которой родство эксплицитно рассматривается как воздействующая культурной организации на факты биологического продолжения рода. В ней присутствует осознание значимости сексуальности в человеческом обществе. Она представляет собой описание общества, которое не допускает существования абстрактного бесполого чело-

веческого субъекта. Напротив, человеческий субъект у Леви-Стросса всегда либо мужчина, либо женщина, и эта установка позволяет проследить расхождение социальных судеб разных полов. Поскольку Леви-Стросс считает, что сутью систем родства является то, что мужчины обмениваются женщинами, он имплицитно конструирует теорию угнетения по признаку пола. Симптоматично, что книга посвящена памяти Льюиса Генри Моргана.

«Элементарный и драгоценный товар» — Моник Винтинг

«Элементарные структуры родства» — это грандиозное сочинение о происхождении и природе человеческого общества. Оно представляет собой трактат о системах родства, распространённых примерно на одной трети этнографического земного шара. Самый фундаментальный его аспект — это попытка выделить структурные принципы родства. Леви-Стросс утверждает, что применение этих принципов (суммированных в последней главе «Элементарных структур») в анализе эмпирических данных о родстве делает ясной логику брачных запретов и правил, сбивавших с толку и озадачивавших западных антропологов. Он создает шахматную игру исключительной сложности, которая не может быть воспроизведена в рамках данной статьи. Но два фрагмента этой игры имеют прямое отношение к женщинам — это «дар» и запрет incesta, двоюродное выражение которых дополняет его понятие обмена женщинами.

«Элементарные структуры» отчасти являются радикальным истолкованием другой знаменитой теории социальной организации примитивных обществ * — «Опыта о даре» Мосса (см. также Sahlins 1972: Спар. 4). Именно Мосс предпринял первую попытку теоретической реконструкции значения одной из наиболее поразительных черт примитивных обществ: господствующей роли, которую играют в социальном взаимодействии дарение — преподнесение подарков, их получение и обмен ими. В подобных обществах обмен под-

* Термин «примитив» иногда переводится как «примитивный», а иногда как «первобытный» (см., напр.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 301). Мы переводим этот термин как «примитивный», но при этом не вкладываем в него идеи эволюционной модели развития человеческого общества, при которой «первобытное общество» — это первая несовершенная ступень человеческой общества, которая впоследствии преодолевается более зрелыми формами. Вместе с тем, в некоторых случаях «примитив» относится к локальным сообществам, характеризирующимся простой системой социальной организации (Прим. перев.).

лежат самые разнообразные вещи — пища, закинания, ритуалы, слова, имена, украшения, орудия и полномочия. Представитель арабской пещей говорит:

«Свою собственную мать, свою собственную сестру, своих собственных свиней, свой собственный батат, который ты собрал, ты есть не можешь. Матерей других людей, сестер других людей, свиней других людей, батат, который они собрали, ты есть можешь» (цит. по: Levi-Strauss 1969: 27).

В типичном акте обмена дарами ни одна из сторон ничего не приобретает. На Тробиандских островах каждое хозяйство имеет посадки батата и каждое хозяйство питается бататом. Но батат, который выращивается, и батат, который подается, — не один и тот же. Во время сбора урожая мужчина отделяет выращенный в своем хозяйстве батат в дом своей сестры, а его дом снабжает бататом брат его жены (Malinowski 1929). Поскольку подобная процедура кажется бессмысленной с точки зрения накопления или торговли, ее логично ищут в другом. Моос предполагает, что смысл дарения заключается в том, чтобы выражать, утверждать или создавать социальную связь между участниками обмена. Дарение подтверждает особые отношения доверия, солидарности и взаимопомощи, существующие между участниками этого акта. Предлагаю нечто в дар, можно проявить дружеские отношения; принятие подарка выражает готовность преподнести ответный дар и подтверждение отношений. Обмен подарками может быть также выражением соревнования и соперничества. Существует множество примеров, когда один человек унижает другого, давая больше, чем адресат способен дать взамен. Ряд политических систем, таких как системы Большого Человсека (Big Man) в горах Новой Гвинеи, основан на обмене, который построен не на материальном эквиваленте. Человсековидный Человек стремится отдать больше, чем может получить взамен. В обмен на дарение он получает политический престиж.

Несмотря на то, что и Моос, и Леви-Стросс подчеркивают аспекты солидарности в обмене подарками, другие цели дарения только усиливают его функцию универсального средства социального обмена (commence). Моос предполагает, что подарки являются связующими нитями социального дискурса, которые осуществляют консолидацию примитивных обществ в отсутствие специализированных институтов управления. «Дар — это примитивный способ достижения мира, который в гражданском обществе обеспечивается государством... Улаживая общественные разногласия, дар служил либерализации культуры» (Sahlins 1972: 169, 175).

Леви-Стросс добавляет к теории взаимного воздаяния (reciprocity) в примитивных обществах мысль о том, что браки являются самой фундаментальной формой обмена дарами, где именно женщины представляют собой наиболее ценные дары. Он утверждает, что запрет incestа лучше всего интерпретировать как механизм, обеспечивающий подобный обмен между семьями и группами. Поскольку запрет incestа универсален, но содержание запрета варьируется, он не может быть объяснен как способ предотвращения заключения браков между генетически близкими индивидами. Скорее, запрет incestа используется биологические явления половой жизни и продолжение рода для достижения социальных целей экзогамии и родства. Запрет incestа разделяет универсум сексуального выбора на категории дозволенных и запрещенных сексуальных партнеров. Характерно, что при запрещении брачных союзов внутри группы предполагается обмен супругами из разных групп.

«Запрет на использование дочери или сестры в сексуальных целях вынуждает отдавать их в жены другому мужчине, но в то же время устанавливает право на дочь или сестру этого мужчины. Именно по этой причине женщина, которую не берут замуж, приносится в жертву» (Леви-Стросс 1969: 51).

«Запрет incestа в меньшей степени является правилом, запрещающим брак с матерью, сестрой и дочерью, чем правилом, обязывающим отдавать мать, сестру или дочь другим мужчинам. Это главное правило дарения» (там же: 481).

Результат дарения женщины является более глубоким, чем результат обмена другими подарками, потому что отношения взаимного обмена, а отнюдь не родства. Партнеры по обмену становятся родственниками, а их потомки будут родственниками по крови: «Два человека могут встречаться как друзья и обмениваться подарками и даже впоследствии сосчитать как друзья и обмениваться подарками и даже впоследствии сосчитать как братья и воевать, но основной постоянной связи между ними является брак» (Best, цит. по: Levi-Strauss 1969: 481). Как и в случае с другими вариантами дарения, браки не всегда являются просто действиями, направленными на достижение мира. Браки могут носить характер серьезного соревнования, в котором участвует множество соперников друг с другом родственников. Тем не менее общий смысл рассуждений относительно запрета incestа заключается в том, что его результатом является широкая сеть отношений множества людей, чьи связи друг с другом составляют структуру родства. Все другие уровни обмена, его объем и направление, включая враждебные действия, упомянутые в соответствии с этой структурой. Свадебные обряды, опирающиеся в этнографической литературе, являются моментами непрерыв-

ного упорядоченного процесса, в котором женщины, дети, ракушки, слова, клички рогатого скота, рыба, прежки, китовые зубы, свиньи, батыл, закипаника, танцы, коврики и проч. переходят из рук в руки, закрепившая социальные связи. Родство — это организация, а организация дает власть. Но кого организовывают?

Если именно женщины являются предметом сделок, тогда именно мужчины являются теми, кто их отдает и получает, и таким образом вступает в социальные связи. Женщина становится скорее каналом отношений, чем партнером обмена.² Из обмена женщинами не обязательно следует, что женщины овеществляются в современном смысле этого слова, так как предметы в первобытном мире в высшей степени персонализированы. Но из обмена обязательно следует различие между даром и тем, кто его дарит. Если женщины — дары, то мужчины — партнеры по обмену. Именно партнерам по обмену, а не дарам посредством взаимного обмена приписывается квази-мистическая сила социальной связи. Отношения в системе подобного рода таковы, что женщины не имеют возможности использовать выгоды от своего участия в циркуляции даров. До той поры, пока отношения предпологают, что мужчины обмениваются женщинами, именно мужчины будут извлекать пользу из продукта подобного обмена — из социальной организации.

«Совокупность отношений обмена, которые конституируют брак, устанавливается не между мужчиной и женщиной, а между двумя группами мужчин, тогда как женщина фигурирует лишь как один из объектов обмена, а не как один из его партнеров. Это остается в силе, даже если принимаются во внимание чувства девушки, при том что последние почти всегда имеют место. Соглашаясь на предлагаемый союз, она способствует обмену или разрешает, чтобы он состоялся, но она не может изменить его природу» (Левин-Стросс 1969:115³).

Чтобы вступить в отношения обмена дарами в качестве партнера, нужно иметь что-то, что можно было бы отдать. Если женщины для мужчин являются тем, с чем можно расстаться, сами женщины не обладают правом отдавать себя.

«Какая женщина, — размышляет молодой мужчина из племени северных меланцев (Northen Melva), — настолько сильна, чтобы встать и сказать: "Дайте мне кожу, давайте найдем жон и свиней, давайте отдадим наших дочерей мужчинам, давайте ясти войну, давайте убьем наших врагов"? Да никакая... Все они — такие маленькие вещицы, которые просто торчат дома. Неужели вы не понимаете?» (Stratthen 1972:161)

Действительно, какая женщина способна на это? Женщины из племени меланцев, о которых говорил этот мужчина, не могут получить себе кого-то в жены, они сами являются женами, а мужья, кото-

рых они получают, — это нечто совершенно иное. Женщины этого племени не могут отдавать своих дочерей мужчинам, потому что у них нет такого права на своих дочерей, которым обладают их родственники-мужчины, права дарить (которое все же отличается от права собственности).

В понятии «обмен женщинами» заключены и сила, и соблазн. Его привлекательность состоит в том, что оно относит угнетение женщин скорее к социальной области, нежели к биологии. Кроме того, это понятие предполагает, что мы ищем конечные основания угнетения женщин скорее в торговле женщинами, чем в торговле товарами. Конечно, нетрудно найти этнографические и исторические примеры торговли (trafficking in) женщинами. Женщин отдавали замуж, завоевывали в битвах, отдавали в обмен на благосклонность, посылали в качестве дани, продавали и покупали. Эти практики далеко не ограничивались примитивными обществами. В более «цивилизованных» обществах они стали лишь более ярко выраженными и коммерциализованными. Мужчины, конечно, тоже служили предметом торговли, но скорее в качестве рабов, грубой рабочей силы, спортивных звезд, слуг или людей сходного по кастастрофизму статуса, чем в качестве мужчин. Женщины служили предметом сделок как рабыни, служанки, проститутки, но также и просто как женщины. И если учесть, что на протяжении чеповеческой истории мужчины становились, главным образом, сексуальными субъектами — теми, кто осуществлял обмен, а женщины — сексуальными полуобъектами, дарам, то многие обычаи, стереотипы, особенности личности становятся более понятными (в том числе любопытный обычай, согласно которому отец дарит невесту).

«Обмен женщинами» также является проблематичным понятием. Поскольку Левин-Стросс доказывает, что запрет incesta и результаты его применения являются источником развития культуры, откуда можно сделать вывод, что всемирное поражение женщин, имевшее место в истории, совпало с возникновением культуры и является ее предпосылкой. Если результаты его анализа принимать в чистом виде, то феминистская программа должна включать задачу более сложную, чем уничтожение мужчин, а именно: избавление от культуры и замену ее на некие совершенно новые явления. Тем не менее, было бы в лучшем случае сомнительно утверждать, что если бы не существовало обмена женщинами, то не существовало бы и культуры, хотя бы по той простой причине, что культура изобретательна по определению. Спорным является даже то, что «обмен женщинами» адекватно описывает все эмпирические данные, касающиеся систем родства.

В некоторых культурах, таких как леле (Lеле) и кума (Кума), женщинами обмениваются открыто и публично. В других же культурах об обмене женщинами можно судить по косвенным признакам. В некоторых культурах, в частности, у охотников и собирателей, исключенных из выборов Леви-Стросса, эффективность этого понятия является очень спорной. Что же мы можем извлечь из понятия, которое кажется таким важным и вместе с тем — таким сложным для применения?

«Обмен женщинами» не является ни дефиницией культуры, ни системой самой в себе и для себя. Это понятие представляет собой точную, но сжатую характеристику некоторых аспектов социальных подотендерных отношений. Система родства — это использование одного из аспектов природного мира в социальных целях. Эта система, таким образом, представляет собой «производство» в наиболее общем смысле этого термина: формирование, трансформацию объектов (в данном случае людей) в соответствии с некоей субъективной целью и во имя субъективной цели (о производстве в данном значении см.: Марх 1971:80-99). Система родства характеризуется собственными отношениями производства, распределения и обмена, которые включают определенные формы «собственности» на людей. Эти формы не являются исключительно выраженными права частной собственности, а скорее разного типа правами, которые различны (participation) — дары и предметы, которые фигурируют в свадебных обрядах для того, чтобы маркировать заключение брака, — служат богатым источником данных для точного определения того, кто и на кого имеет права. Анализируя подобные следки, нетрудно прийти к выводу, что в большинстве случаев права женщин значительно уже, чем права мужчин.

В системах родства не просто происходит обмен женщинами. Обмениваются доступностью половых отношений, геналогическими статусами, наследованием имен и предков, правами и *любовью* — мужчинами, женщинами и детьми — в конкретных системах социальных отношений. Эти отношения всегда предполагают одни права для мужчин, другие — для женщин. «Обмен женщинами» — это компактный способ выражения социальных отношений системы родства, при которой мужчины имеют определенные права на своих родственников-женщин, а женщины не имеют аналогичных прав ни на себя, ни на своих родственников-мужчин. В этом смысле *обмен женщинами* — это понятие, отражающее глубокое понимание системы, в которой женщины ограничены в праве распоряжаться собой. Понятие обме-

на женщинами теряет свой смысл, если его рассматривать как культурную необходимость и если его использовать как единственный инструмент анализа конкретной системы родства.

Если Леви-Стросс прав, считая обмен женщинами фундаментальным принципом родственных отношений, то подписание женщиной может быть рассмотрено как продукт отношений, с помощью которых организуются и производятся пол и гендер. Экономическое угнетение женщин производно и вторично. Существует «экономика» пола и гендера, и нам нужно создать «политическую экономику» систем отношений между полами (sexual systems). Мы должны изучать каждое общество, чтобы определить точные механизмы, с помощью которых производится и поддерживаются конкретные обычаи, связанные с сексуальностью. «Обмен женщинами» — это исходный шаг к созданию арсенала понятий, с помощью которых могут быть описаны системы отношений между полами.

Углубляемся в лабиринт

Другие понятия, относящиеся к интересующей нас теме родства, можно почерпнуть из эссе Леви-Стросса «Семья». В «Элементарных структурах родства» Леви-Стросс описывает правила и системы брачного союза полов. В «Семье» он обращается к вопросу о приспособленках, необходимых для функционирования систем брака. Он хочет выяснить, какого типа «люди» требуются для систем родства, и поэтому предпринимает анализ разделения труда между полами.

Хотя каждое общество располагает определенным типом разделения обязанностей между полами, приписывание половой конкретной обязанности тому или другому полу значительно варьирует. В одних обществах сельским хозяйством занимаются женщины, в других — мужчины. В одних обществах женщины носят тяжести, в других это делают мужчины. Существуют даже примеры женщин-охотниц и женщин-воинов и мужчин, занимающихся уходом за детьми. Анализируя разделение труда между полами, Леви-Стросс приходит к выводу, что дело не в биологической специализации и что разделение труда подчинено другой цели. Эта цель, доказывает он, состоит в обеспечении союза мужчин и женщин таким образом, что минимальная единица хозяйствования включала бы, по крайней мере, одного мужчину и одну женщину.

«То, что оно [разделение труда между полами] бесконечно разнообразно... доказывает, что мистической необходимостью является самый факт его существования, тогда как форма, которую он приобретает, совершенно несущ-

«естественна, по крайней мере, с точки зрения какой-либо природной необходимости... Разделение труда между полами есть не что иное, как инструмент институционализации взаимного состояния зависимости между полами» (Levi-Strauss 1971: 347-348).

Разделение труда между полами можно, таким образом, рассматривать как «запрет»: табу на одинаковость мужчин и женщин, которое разделяет мужчин и женщин на две взаимоисключающие категории, табу, которое усиливает биологические различия между полами и потому *создает* гендер. Такое разделение труда можно рассматривать также как запрет на организацию отношений полов, которая не предполагает, по меньшей мере, одного мужчину и одну женщину, то есть гетеросексуальный брак.

Аргументы, приведенные Леви-Строссом в его работе «Семья», доказывают, что ни один аспект сексуальности человека не может считаться «естественным» (Херц аналогичным образом доказывает необходимость культурного объяснения осуждения леворукости — Netz 1960). Все формы проявления пола и гендера рассматриваются, скорее, как результаты воздействия императивов социальных систем. С этой точки зрения даже «Элементарные структуры родства» можно рассматривать как труд, в котором допускаются определенные [антисоциальные] предпосылки. Если рассуждать сутобо логически, то правила, запрещающие одни браки и предписывающие другие, предполагают наличие правила, согласно которому брак приносит удовольствие. А брак предполагает, что существуют индивиды, склонные к браку.

Интересно было бы провести подобно рода дедукцию еще дальше, чем ее провел Леви-Стросс, и эксплицитно логическую структуру, которая лежит в основании всего его анализа родства. На наиболее общем уровне социальная организация пола покоится на гендере, обязательной гетеросексуальности и ограничении женской сексуальности.

Гендер является социально навязанным разделением полов. Это продукт социальных отношений сексуальности. Системы родства опираются на брак. Таким образом, они трансформируют биологических особей мужского и женского пола в категории «мужчина» и «женщина», каждая из которых представляет собой неполноту, половину, которая может обрести целостность при соединении ее с другой половиной. Мужчины и женщины, конечно, отличаются друг от друга. Но не настолько, насколько отличаются день и ночь, небо и земля, лив и явь, жизнь и смерть. В действительности, в системе природы мужчины и женщины ближе друг к другу, чем, скажем, разные горы, кенгуру или кокосовые пальмы. Мысль о том, что мужчины и женщины отличаются-

ся друг от друга в большей степени, чем каждый из полов отличается от каких-то других феноменов, связана не с природно-биологическими параметрами человека. Более того, хотя мы и можем говорить о том, что некоторые признаки особей мужского и особей женского пола различны, диапазон вариативности этих признаков свидетельствует о значительном их совпадении. Например, всегда будут женщины, которые выше некоторых мужчин, при том, что в среднем мужчины выше женщин. Но мысль о том, что мужчины и женщины — это две взаимноисключающих друг друга категории, должна основываться на чем-то отличном от несуществующей «естественной» противоположности полов.⁷ Будучи далекой от того, чтобы быть выражением естественных различий, гендерная идентичность, построенная на исключении, является подавлением природного сходства. В мужчинах — всего того, что является местным вариантом характерных «фемининных» черт; в женщинах — того, что в данном сообществе определяется как «маскулинные» черты. Разделение полов имеет своим следствием подавление некоторых характеристик практически любой личности, будь то мужчина или женщина. Та же самая система, которая подавляет женщин в отношениях обмена, угнетает каждого, настойчиво требуя от каждого члена сообщества жесткого разделения личностных черт.

Более того, индивидам присваивается гендерная идентичность (gender) для обеспечения гарантий брака. Леви-Стросс чрезвычайно близок к тому, чтобы сказать, что гетеросексуальность является институционализированным процессом. Если бы биологические и тормондальные детерминанты были столь сильны, как гласит популярная мифология, едва ли бы требовалось обеспечивать гетеросексуальные союзы посредством экономической взаимозависимости. Более того, запрет incestа предполагает предвзятый и не столь явно сформулированный запрет на гомосексуальность. Запрещение *некоторых* гетеросексуальных союзов предполагает запрет на *не-гетеросексуальные* союзы. Гендер — это не только идентификация с каким-то одним полом; предписанное гендерное отношение предполагает также, что сексуальное влечение должно быть направлено на другой пол. Разделение труда между полами заключено в обоих вариантах гендера — оно создает мужчину и женщину* и создает их гетеросек-

* В оригинальном тексте статьи эта фраза звучит следующим образом: «male and female it creates them», то есть «мужчину и женщину творит их», которая является парадоксальной игрой на бытии: «мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1, 27). В русском переводе этого предложения не удается сохранить аллюзию на библейский текст (Прим. перев.).

суальными. Подавление гомосексуального компонента человеческой сексуальности и, как следствие, притеснение гомосексуалистов, является, таким образом, продуктом той же системы, которая позволяет угнетать женщин.

В действительности, ситуация оказывается не такой простой и очевидной, когда мы переходим от уровня обобщений к анализу конкретных систем отношений между полами. Системы родства не просто поощряют гетеросексуальность, подавляя гомосексуальность. Во-первых, могут требоваться лишь определенные формы гетеросексуальности. Например, некоторые системы брака предпочитают обязательные браки между кузенами. В такой системе индивид не только гетеросексуален, но это пол будет определяться через отношения с кузенами, он будет «кросс-кузенно-сексуален» (cross-cousin-sexual). Если же, далее, правила в такой системе предполагают матрилатеральный * брак между кузенами (matrilateral cross-cousin marriage), то мужчина должен быть сексуально ориентирован на дочь брата матери (mother's-brother's-daughter-sexual), а женщина будет сексуально ориентирована на сына сестры отца (father's-sister's-son-sexual).

С другой стороны, сами сложности системы родства могут вылиться в определенные формы институционализированной гомосексуальности. Во многих обществах Новой Гвинеи мужчины и женщины воспринимаются как столь враждебные друг другу, что считается, что период, на протяжении которого мальчик находится в *утиробе матери*, отрицает его маскулинность. Поскольку считается, что жизненная сила мужчины заключена в семени, мальчик может преодолеть неблагоприятные для мужественности последствия своей внутриматерной жизни посредством добывания и поглощения семени. Он осуществляет это, вступая в гомосексуальные отношения с кем-либо из старших родственников-мужчин (Келли 1974; см. также: Уап Ваал 1966; Williams 1936).

В системах родства, где размер брачного выкупа (bridewealth) определяет статус жены и мужа, очевидные предпосылки брака и гендерной идентичности могут игнорироваться. У азиате женщинами монопольно распоряжаются старшие по возрасту мужчины. Но молодой мужчина со средними, ожидая достижения брачного возраста, может взять в жены мальчика. Он просто отдает брачный выкуп (bridewealth) (в кошельках) за мальчика, который тем самым становится его женой (Evans-Pritchard 1970). В Дакотсе женщина может «превратиться» себя в мужчину, если она владеет нужным брачным выкупом (Netzkovitz 1937).

* Матрилатеральный — здесь: связанный родством по женской линии (Пирн ред.).

Институционализированный «трансовестизм» у мохава (Mohave) разрешал человеку менять свой пол на противоположный. Человек с анатомией мужчины мог посредством специальной церемонии стать женщиной, а человек с анатомией женщины — мужчиной. Затем трансвестит брал себе в жены/мужья человека, имеющего одинаковый с ней/ним анатомический пол и противоположный социальный пол. Такие браки, которые мы могли бы назвать гомосексуальными, согласно нормам мохава, были гетеросексуальными, то есть союзами людей, имеющих социально противоположную половею принадлежность. В сравнении с нашим обществом вся эта организация допускала большую степень свободы. Тем не менее человеку не разрешалось каким-то образом принадлежать двум гендерным категориям одновременно — она/она могли бы быть либо мужчиной, либо женщиной, но не тем и другим понемногу (Deveraux 1937; см. также Meshpittie 1914; Sopenstchein 1966).

Во всех рассмотренных выше примерах правила гендерного разделения и обязательной гетеросексуальности соблюдаются даже при социальной трансформации пола. Эти два правила применяются для ограничения поведения и личности как мужчины, так и женщины. Системы родства в определенной степени диктуют то, как формируется сексуальность обоих полов. Но из «элементарных структур родства» можно заключить, что по отношению к женщинам, когда они поставлены на службу системам родства, принимаются большие ограничения, чем по отношению к мужчинам. Если женщину обменяли, в каком бы смысле мы ни использовали этот термин, супружеский долг вменяется женской плоти. Женщина должна стать половым партнером того мужчины, которому она достается как ответный дар в результате некоего ранее заключенного брака. Если девочку в младенчестве пообещали отдать кому-то в жены, а она, достигнув брачного возраста, отказывается от участия в этой сделке, то ее отказ от брака разрушает налаженную систему долгов и обещаний. В интересах отлаженного и непрерывного действия такой системы необходимо, чтобы у женщины не возникало слишком много собственных представлений о том, с кем она может стать. С точки зрения системы нужна такая женская сексуальность, которая бы отвечала желаниям других, а не такая, которая бы активно желала и искала ответа.

В конкретных системах мы встречаемся с серьезными видоизменениями и вариациями данной закономерности, впрочем, как и в случае с обобщением относительно предписанных гендерных моделей и гетеросексуальности. Леле (Lele) и кума (Kuma) представляют

собой два наиболее чистых этнографических примера обмена женами. Жизнь мужчин в обеих культурах постоянно организована таким образом, что они должны иметь полный контроль над сексуальными судьями женщин своего рода. Множество драматических эпизодов в жизни обоих обществ связано с попытками женщин избежать сексуального контроля со стороны родственников-мужчин. Тем не менее сопротивление женщин в обоих случаях жестоко подавляется (Douglas 1963; Reay 1959).

Можно предположить еще одно следствие обмена женщинами в системе, в которой права на женщин находятся в руках мужчин. Что бы произошло, если бы наша гипотетическая женщина не только отказала мужчине, которому она была обещана, но попросила бы взамен женщину? Если отдельный отказ был бы нарушением правила, то двойной отказ стал бы уже мтежом. Если каждая женщина обещана какому-то мужчине, ни одна из них не имеет права распоряжаться собой. Если две женщины сумели каким-то образом избежать предписанных союзов, должны найтись две другие женщины, чтобы заменить их. До тех пор, пока мужчины распоряжаются женщинами, а женщины ограничены в праве распоряжаться собой, разумно ожидать, что гомосексуальность среди женщин подавляется в большей степени, чем среди мужчин.

Разомируя сказанное выше, приведем несколько основных выводов, вытекающих из теории родства Левн-Стросса. К ним относятся запрет инцеста, обязательная гетеросексуальность и асимметричное разделение полов. Асимметрия гендера — различие между тем, кто обменивает, и тем, кого обменивают, — влечет за собой ограниченные сексуальности женщины. Конкретные системы родства регулируются специфическими конвенциями, которые могут значительно отличаться друг от друга. Каждая солино-половая система специфична, и объединенные в нее индивиды должны соответствовать с конечным набором возможностей. Каждое новое поколение должно усвоить свою «половую судьбу» и жить в соответствии с нею, каждому индивиду должен быть присвоен соответствующий статус в рамках этой системы. Для нас было бы странным спокойно согласиться с тем, что мы должны, согласно обычаю, вступить в брак с дочерью брата матери или с сыном сестры отца. Но еще существуют сообщества, в которых подобное супружеское будущее считается само собой разумеющимся.

Антропология и описание систем родства не объясняют механизмов, с помощью которых дети усваивают конвенции пола и гендера. Теорией воспроизводства родства является психоанализ. Психоанализ описывает

след, оставляемый в индивидах столкновениями с правилами и нормами сексуальности обществ, в которых они родились.

Психоанализ и его недоследовательность

Борьба между психоанализом, с одной стороны, и движениями женщин и геев, с другой, стала легендой. Отчасти эта конфронтация между революционерами в области пола и медицинским истеблишментом была обусловлена развитием психоаналитической традиции в Соединенных Штатах, для которой характерна фетишизация анатомии. Считается, что ребенок должен пройти все стадии развития оргазма, прежде чем он достигнет своего «анатомического предназначения», и сможет выполнить свою миссию. Практикующие врачи обычно видели свою миссию в коррекции отклонения человека от его «биологической» цели. Возводя моральный закон в статус научной закономерности, клиническая практика принуждает неправых пациентов следовать сложившимся конвенциям отношений между полами. В этом смысле психоанализ часто является не просто теорией механизма воспроизводства отношений между полами — он представляет собой один из таких механизмов. Поскольку целью бунта феминисток и геев является разрушение аппарата полового приключения, их критика психоанализа вполне обоснована.

Однако непринятие Фрейдом женским движением и движением геев имеет более глубокие корни: оно коренится в отказе психоанализа от своих собственных прозрений. Нигде воздействие на женщин социальных систем, построенных на господстве мужчин, не было показано лучше, чем в медицинской литературе психоаналитического направления. Согласно ортодоксальному фрейдизму, «нормальная» женственность достигается женщинам тяжелой ценой. Психоаналитическая теория достижения гендерной идентичности могла бы лечь в основу критики половых ролей. Вместо этого радикальные следствия из фрейдистской теории подтвердились радикальному искоренению. Эта тенденция очевидна уже в исходных формулировках теории, но с течением времени она усилилась, так что о потенциале критической психоаналитической теории гендера можно судить лишь по симптоматике ее отторжения — запутанной рационализации половых ролей в том виде, в каком они даны в обществе. В этой статье я не собираюсь проводить психоанализ психоаналитического бессознательного, но, тем не менее, надеюсь доказать, что такое существует. Более того, спасение психоанализа от его собственных противоречий предпринимается не в целях спасения доброго имени Фрейда. В психоанализе разработан уникальный ряд

понятий, необходимых для концептуализации мужчин, женщин и сексуальности. Психонализ является теорией сексуальности в целом, веческом обществе. И самое важное — это то, что психонализ обещает описание механизмов, посредством которых происходит разделение полов и их деформация, а также того, как бисексуальные двуполые младенцы превращаются в мальчиков и девочек.⁸ Психонализ — это феминистская теория *manque*.*

Эдипов Треугольник

Вплоть до конца 1970-х годов психоналитическое движение не имело особой теории развития женщин. Вместо этого были предложены варианты комплекса Электры у женщин, согласно которому опыт женщины вырос как зеркальное отображение эдипова комплекса, опущенного у мужчин. Мальчик любит свою мать, но отказывается от нее из страха быть кастрированным отцом. Девочка, согласно данной теории, любит своего отца, но отказывается от него, боясь мести со стороны матери. Такая формулировка подражала, что оба ребенка подчинены биологическому императиву гетеросексуальности. Подразумевалось также, что дети на доэдиповой стадии развития были уже «маленькими» мужчинами и женщинами.

Фрейд предупреждал, что нельзя делать выводы относительно женщин на основе данных, полученных при исследовании мужчин. Но до обнаружения доэдиповой стадии развития у женщин его аргументы носили обильный характер. Понятие доэдиповой фазы дало возможность и Фрейду и Джин Ламбль де Гроот формулировать классическую психоаналитическую теорию женственности.⁹ Идея о существовании доэдиповой фазы у женщин продемонстрировала неспособность выведенных из биологии представлений о комплексе Электры. В доэдиповой фазе развития дети обоих полов являются психически одинаковыми, а значит дифференциацию детей мужского и женского пола необходимо объяснить, а не считать данностью. Дети на доэдиповой стадии развития, согласно данной концепции, являются бисексуальными и проявляют полный набор активных и пассивных либидозных отношений. На этой фазе развития для детей обоим пола объектом желания является мать.

Представления о примордиальной гетеросексуальности и значительной гендерной идентичности женщин противоречили данным исследования доэдиповой стадии развития девочек. Поскольку либидозная актив-

ность девочки первоначально направлена на мать, гетеросексуальность, присущая взрослому женщине, нуждается в объяснении.

«Решение было бы идеально простым, если бы мы могли предположить, что с определенного возраста вступают в силу элементарное влияние притяжения друг к другу противоположных полов, которое влечет маленькую женщину к мужчине... Но далеко не все так просто, ведь мы едва ли знаем, можем ли мы вообще верить в ту танталовую, аналитическую и далее неразрешимую силу, о которой так часто говорит посты» (Фрейд, 1989: 374).

Более того, оказалось, что девочка не проявляет «женственной» либидозной ориентации. Поскольку ее желание, направленное на мать, выражается активно и настойчиво, обретение ею «женственности» также нуждается в объяснении:

«В соответствии со своей спецификой психонализ не намерен описывать, что такое женщина... а он исследует, как она ею становится, как развивается женщина из предположенного к бисексуальности ребенка» (Фрейд, 1989: 372).

Итак, развитие женственности больше не могло считаться безусловным следствием биологии. Напротив, оно стало чрезвычайно проблематичным. Чтобы объяснить формирование «женственности», Фрейд ввел понятия *зависти к пенису* и *кастрации*, что сразу же вызвало ожесточенный протест. По Фрейду, девочка отстраняется от матери и подпадает «мужским» элементам своего либидо в результате осознания того, что она кастрирована. Она сравнивает свой крошечный клитор с большим пенисом и, убежденная в своей неспособности удовлетворить мать, становится жертвой зависти к пенису и чувства неполноценности. Она прекращает борьбу за мать и занимает пассивную позицию по отношению к отцу. Объяснение Фрейда можно интерпретировать как утверждение, что женственность является следствием анатомических различий между полами. Поэтому он был обвинен в биологическом детерминизме. И тем не менее даже в его наиболее «анатомических» версиях комплекса женской кастрации («неполноценность» женских гениталий является продуктом ситуативного контекста: девочка чувствует себя менее «экипированной», чтобы выдать матерью и удовлетворять ее. Если бы лезвие на доэдиповой стадии развития не сталкивалась с гетеросексуальностью другого, она могла бы сделать иной вывод об относительном статусе своих гениталий.

Фрейд никогда не придерживался столь жесткого биологического детерминизма, как полагают некоторые. Он неоднократно подчеркивал, что все особенности сексуальности взрослого человека являются результатом психического, а не биологического развития. Но сочинения Фрейда часто неоднозначны, а его формулировки предостав-

* *Manque* (фр.) — несостоявшаяся (Прим. перев.).

ляют много возможностей биологических интерпретаций, которые столь популярны в американском психоанализе. В то же время во Франции тенденция развития психоаналитической теории заключается в том, чтобы «дебиологизировать» Фрейда и осмыслить психоанализ как теорию информации, а не как теорию строения органов. Жак Лакан, сторонник этого направления в интерпретации Фрейда, утверждал, что Фрейд никогда не имел в виду анатомии и что теория Фрейда — это теория языка и культурных смыслов, которые приписываются анатомии. Дебат об истинном смысле концепции Фрейда крайне интересен, но я здесь не буду обсуждать его подробно. Моя задача — переформулировать классическую теорию женственности в терминах Лакана. Но сначала я позначкомлю вас с некоторыми фигурами на его концептуальной шахматной доске.

Системы родства, Лакан и Фаллос

Лакан утверждает, что психоанализ представляет собой изучение следов, которые оставила в психике индивида его включенность в систему родства.

«Разве не поразительно, что Леви-Стресс, предполагая значимость структуры языка для той части социальных законов, которые регулируют брак и родство, уже завоевывает ту самую территорию, на которой Фрейд располагает бесознательное?» (Лакан 1968:48)

«Ибо где же еще можно было поместить детерминанты бессознательного, если не в тех символических схемах, на которых всегда основываются язык брака и родства. И как возможно понять конфликты, выделенные психоанализом, и эдипов прототип этих конфликтов вне отношений, которые определяют судьбу и идентичность субъекта задолго до того, как он появился на свет?» (ibid.: 126)

«Именно здесь, можно сказать, эдипов комплекс обозначает границы, которые наша область знания приписывает субъективности (subjectivity), то есть границы того, что субъект может знать о своем несознанном участии в динамике сложных структур родственных связей, проверяя действительные символические систем на своем собственном опыте приближения к инцесту...» (ibid.: 40)

Родство — это окультуривание биологической сексуальности на уровне общества в целом; психоанализ описывает, как трансформируется биологическая сексуальность индивидов по мере того, как они приобщаются к культуре.

Терминология родства содержит информацию о системе родственных отношений в обществе. Термины родства обозначают статусы и указывают на некоторые атрибуты этих статусов. Например, на Тробрианских островах мужчина обозначает женщин своего клана

термином «сестры». А женщин из кланов, с членами которых он может заключать брак, он обозначает термином, указывающим на их потенциальную способность вступить в брак. Когда молодой тробрианский мужчина усваивает эти термины, он усваивает также, какую женщину он может пожелать, не подвергая себя опасности. Согласно схеме Лакана, эдипов кризис имеет место, когда ребенок усваивает полные роли, заключенные в терминах, обозначающих семью и родственников. Кризис начинается тогда, когда ребенок принимает систему и свое место в ней, кризис разрешается, когда ребенок соглашается с этим местом и принимает систему. Даже если ребенок отвергает свое место в системе родства, он не может избежать знания о ней. В период, предшествующий эдиповой фазе, сексуальность ребенка является лабильной и относительно неструктурированной. В каждом ребенке заключены все сексуальные возможности, доступные человеку. Но в каждом данном обществе найдут выражение только некоторые из них, тогда как другие будут сдерживаться. Когда эдипова фаза развития ребенка завершается, его либидо и гендерная идентичность уже организованы в соответствии с правилами культуры, которая его цивилизует.

Эдипов комплекс является механизмом производства личности, обладающей определенным полом (sexual reproductivity). Трюизмом является мысль о том, что общество прививает своей молодежи характерные черты, необходимые для продолжения дела общества. Например, Томпсон (Thompson 1963) говорит о трансформации личностной структуры английского рабочего класса, которая происходила с превращением ремесленников в квалифицированных промышленных рабочих. Точно так же, как общественные формы труда нуждаются в личности определенного типа, так и общественные формы пола и гендера требуют формирования людей определенного типа. Рассуждая на самом общем уровне, можно сказать, что эдипов комплекс представляет собой механизм, который формирует соответствующие типы индивидов, наделенных полом (см. также обсуждение различных форм «исторической индивидуальности» у Альтюссера и Баллибара (Althusser & Balibar 1970:112, 251-253).

В лакановой теории психоанализа именно термины родства, указывающие на структуру отношений, определяют роль любого индивида или объекта в рамках эдиповой драмы. Например, Лакан проводит различие между «функцией отца» и конкретным отцом, который является носителем этой функции. Точно так же он выделяет коренное различие между пенисом и «фаллосом», между органом и информацией. Фаллос — это система значений, приписываемых пе-

нису. Различение фаллоса и пениса в современной французской психоаналитической терминологии призвано подчеркнуть мысль о том, что пенис не играет той роли, которую приписывает ему классическая концепция комплекса кастрации.¹⁰

В терминологии Фрейда эдипов комплекс представляет ребенку альтернативу: либо иметь пенис, либо быть кастрированным. В отличие от этой концепции Лаканова теория комплекса кастрации снижает все отсылки к анатомической реальности:

«Теория комплекса кастрации претендует на то, чтобы придать мужскому органу — на этот раз как символу, — господствующую роль, в такой степени, что его отсутствие или наличие превращает анатомические различия в главный принцип классификации человеческих существ, и настолько, что для каждого субъекта это наличие или отсутствие не просто данность, а проблематичный регулятор интра- и межсубъектного процесса (связанного с принятием субъектом своего собственного пола)». (Липпанш, Понтилис 1996: 549. Курсив мой — Г.Р.)*

Альтернатива, представленная ребенку, может быть переформулирована как альтернатива между наличием или отсутствием фаллоса. Кастрация означает отсутствие (символического) фаллоса. Кастрация не является реальным «отсутствием», но значением, приписанным гениталиям женщины:

«Кастрация может находить поддержку... в осознании Реальности отсутствия пениса у женщин — но даже это предполагает символикацию объекта, так как Реальность полна и в ней ничего не отсутствует. Поскольку кастрация обнаруживается в генезисе неврозов, она никогда не бывает реальной, а является символической...» (Ласан 1968:271)

Фаллос как был, так и остается отличительным признаком, дифференцирующим «кастрированного» и «некастрированного». Наличие или отсутствие фаллоса подразделяет различия между двумя половыми статусами: «мужчиной» и «женщиной» (об различительных признаках см.: Jacobson and Halle 1971). Поскольку статус мужчины и женщины не равны, в системе значений фаллоса присутствует идея господства мужчин над женщинами, и можно заключить, что «зависть к пенису» является признанием этого господства. Более того,

* Цитата из «Словаря по психоанализу» Ж. Липпанша и Ж.-Б. Понтилиса дается здесь по русскому переводу Словара. Однако переводчики настоящей статьи вынуждены были внести некоторые изменения по сравнению с опубликованным русским переводом в связи с неточностями, в нем допущенными (отсутствие идеи доминантности, эмфаза с конструкцией «настолько... что», подмена понятия «кесубъект-ный» на «несубъектный» (Прим. перев.).

поскольку мужчины обладают правом распоряжаться женщинами, которого у женщин нет, идея фаллоса подразделяет также различие «обмениваемого» и «обмениваемого», дара и дарителя. В конечном счете ни классическая теория эдипова процесса, разработанная Фрейдом, ни ее перефразированный Лаканом вариант не имеют смысла, если эти психоаналитические отношения сексуальности до сих пор не сохраняются в нашей жизни и сознании. Мы до сих пор живем в «фаллической» культуре.

Лакан также говорит о фаллосе как о символическом объекте, который является предметом обмена в семьях и между семьями (см. также: Wilden 1968:303-308). Интересно осмыслить это положение в терминах брачных трансакций (сделок — *Deals*) и сетей обмена в примитивных обществах. В этих трансакциях обмен женщинами является обычно лишь одним из многих циклов обмена. Как правило, наряду с женщинами в трансакциях участвуют и другие объекты. Женщины движутся в одном направлении, рогаый скот, ракушки, ковра — в другом. В некотором смысле эдипов комплекс является выражением циркуляции фаллоса во внутрисемейном обмене, инверсией циркуляции женщин в межсемейном обмене. В цикле обмена, основанном на эдиповом комплексе, женщины опосредуют передачу фаллоса от одного мужчины к другому, от отца к сыну, от брата матери к сыну сестры и так далее. Так, в семейном круге рода Кула* женщины движутся в одном направлении, а фаллос — в другом. Он там, где нас нет. В этом смысле фаллос представляет собой нечто большее, чем признак, который отличает один пол от другого: это — воплощение мужского статуса, к которому стремятся мужчины и которому присущи определенные права, среди них — право на женщину. Он является символом преемственности в отношениях мужского господства. Он передается через женщин и закрепляется за мужчинами.¹¹ Следы, которые он оставляет, включают гендерную идентичность, разделение полов. Но фаллос оставляет и нечто больше. Он оставляет «зависть к пенису», которая обозначает беспокойное состояние женщин, принадлежащих к фаллической культуре.

Новое обращение к Эдипу

Вернемся к нашим двум доэдиповым андрогинам, стоящим на границе между биологией и культурой. Именно на этой границе Левин-Стросс помещает табу на incest, доказывая, что порождение

* Кула — система обмена через дарение в Меланезии (Прим. перев.).

мый этим запретом обмен женщинами лежит в основе происхождения общества. В этом смысле табу на инцест и обмен женщинами составляет содержание первоначального социального договора (см. Salins 1972: Шар. 4). На индивидуальном уровне эдипов кризис происходит на этой же самой границе, когда табу на инцест инстинктивно обменивается фаллосом.

Эдипов кризис предвращается определенного типа информацией например, когда дети открывают для себя различия между полами (sexes) и то, что каждый ребенок должен стать человеком мужского или женского рода (gender). Они также открывают для себя табу на инцест и запрет на некоторые виды сексуальности. Так, мать неприемлема для любого ребенка, потому что она «принадлежит» отцу. И, наконец, дети обнаруживают, что люди мужского и женского рода имеют разные «права», обусловленные их полом, или, иными словами, разное будущее.

При обычном ходе событий мальчик отказывается от своей матери, опасаясь, что в противном случае отец может его кастрировать (отнять у него фаллос и сделать его девочкой). Но этим актом отказавшись мальчик подтверждает отношения, в силу которых мать отдана отцу и в силу которых, он, если станет мужчиной, получит свою собственную женщину. В обмен на подтверждение мальчиком отцовских прав на мать отец подтверждает существование фаллоса у сына (не кастрирует его). Мальчик обменивает свою мать на фаллос, символический знак, который в дальнейшем может быть обменен на женщину. Мальчику требуется лишь немного терпения. Он сохраняет свою первоначальную либидозную организацию и ориентацию на пол своего первого объекта любви. Социальный договор, который он заключил, в конечном счете обеспечивает его собственные права и предоставляет ему его собственную женщину.

То, что происходит с девочкой, гораздо сложнее. Она, как и мальчик, открывает для себя табу на инцест и разделение полов. Она также узнает кое-что неприятное о женском роде (gender), к которому ее приписывают. Для мальчика запрет инцеста — это табу на определенных женщин. Для девочки — это табу на сексуальные отношения со всеми женщинами. Поскольку девочка находится в гомосексуальной позиции по отношению к матери, господствующее правило гетеросексуальности делает ее позицию мучительной и противоречивой. Мать и, по аналогии, все другие женщины могут, согласно правилу, быть возлюбленными только того, кто «обладает пенисом» (фаллосом). Поскольку у девочки нет «фаллоса», у нее нет «права» любить свою мать или другую женщину, так как она сама предназначена ка-

кому-то мужчине. Она не обладает символическим знаком, который может быть обменен на женщину.

Если Фрейдова формулировка этого момента эдипова кризиса у женщин неопределенна, то формулировка Лампье де Гроот делает текст, придающий значение детородным органам, предельно ясным:

«...Если маленькая девочка приходит к заключению о том, что такой орган действительно необходим для обладания матерью, она испытывает по отношению к матери, общей для обоих полов, еще один удар, а именно: чувство неполноценности по поводу своих гениталий» (Lamprie de Groot, 1933:497. Курсив мой. — Г.Р.).

Девочка делает вывод, что «пенис» является совершенно необходимым для обладания матерью, потому что только те, кто обладает фаллосом, имеют «право» на женщину и на предмет обмена. Она приходит к этому заключению не потому, что осознает естественное превосходство пениса как такового или как инструмента физической любви. Нервно-физиологическое соотношение женских и мужских гениталий является результатом определенной гетеросексуальности и переноса женщины (тех, кто не имеет фаллоса, кастрированных) мужчинам (тем, кто имеет фаллос).

В дальнейшем девочка отделяется от матери и приближается к отцу.

«Для девочки она [кастрация] является фактом смирившимся и необратимым; признание этого факта заставляет ее, в конечном счете, отрешиться от объекта своей первой любви и ощутить полную горечь его потери... в качестве объекта любви выбирается отец, враг становится объектом обожания» (Lamprie de Groot 1948: 213).

Это признание «кастрации» принуждает девочку пересмотреть свое отношение к себе, к матери и к отцу.

Она отвращается от матери, потому что у той нет фаллоса. Она отвращается от матери также из-за гнева и разочарования, потому что мать не дала ей «пениса» (фаллоса). Но у матери — женщины, принадлежат к фаллической культуре, — нет фаллоса, чтобы отдать его (она в свое время сама прошла через эдипов кризис). Тогда девочка обращается к отцу, потому что только через него она может вступить в символическую систему обмена, в которой циркулирует фаллос. Но отец не дает ей фаллоса таким образом, каким он дает его мальчику. Наличие фаллоса признается у мальчика, который потом должен его отдать. Девочка никогда не получает фаллос. Он передается через нее и в этой передаче трансформируется в рожденного ею ребенка. Когда она «принимает свою кастрацию», она принимает положение женщины

в системе фаллического обмена. Она может «получить» фаллическое половое сношение или в виде ребенка, но только как по отношению к мужчине. Она никогда не получит его для того, чтобы отдала. Когда она обращается к отцу, она также подавляет свое либидо:

«Отречение от матери является очень важным шагом на пути маленькой девочки. Это больше, чем простое изменение объекта... ей необходимо замечать понижение активности сексуальных импульсов пассивных... Переход к объекту-отцу достигается на основе осознания новой модели поведения, которая закрепляется, а не разрушается. Темперамент девочки открывает путь к развитию женственности» (Freud 1961: 23).

Развитие пассивности в девочке происходит потому, что она знает невозможность реализации своего активного желания и новые условия борьбы. Фрейд помещает активное желание в клинику пассивного желания в вагину и поэтому описывает подавление активного желания как подавление клиторного эротизма за счет пассивного вагинального эротизма. В этой схеме культурные стереотипы являются спроецированными на генитальи. В результате исследования проведенных Мастерсом и Джонсон, стало ясно, что такое генитальное разделение является неверным. Любый орган — пенис, клиitoris — может быть местом активного или пассивного эротизма. Однако важным в схеме Фрейда является не «география», а само желание. Подается не орган, а какая-то из эротических возможностей. Фрейд отмечает, что «еще большее ограничение навязывается на либидо, когда оно подчиняется функции женственности» (Freud 1965: 131). Девочка в этом смысле обделена.

Если эдипова фаза протекает нормально и девочка «принимает свою кастрацию», ее либидозная структура и объект выбора соответствуют ее женской гендерной роли. Она становится маленькой женщиной: женственной, пассивной, гетеросексуальной. В действительности Фрейд полагал, что существует три разных пути выхода кастрационной эдиповой кризиса. Девочка может просто изуродовать всем подавить свою сексуальность и стать асексуальной. Она может забыть о сексуальности, остаться приверженной своему нарциссизму и можно стать «мужчиной» или принять гомосексуальную ориентацию. Она может также просто принять ситуацию, подписать социальный договор и достичь «нормального состояния».

Карен Хорни критически относится ко всей схеме Фрейда Лампш де Гроот. Но, высказывая свои критические замечания, в то же время формулирует выводы, которые имплицитно следуют из этой схемы:

«... Когда она [девочка] впервые обращается к мужчине (отцу), это, в основном, происходит из-за чувства обиды... мы должны понимать противоречивую ситуацию: отношение женщины к мужчине всегда сохраняет некоторый оттенок навязанной замены действительного желанного объекта... Схожие черты чего-то отдаленно инстинктивного, вторичного и замещающего свойственные желанию материнства даже у нормальной женщины». «... Специфическая точка зрения Фрейда заключается скорее в том, что он рассматривает желание материнства не как врожденную формуацию, а как нечто, что появляется в процессе онтогенеза, и что черпает свою энергию первоначально из гомосексуальных или фаллических инстинктов... Такая позиция предполагает, что реакция всех женщин на жизнь должна была бы развиваться на сильном патентном чувстве обиды» (Horney 1973: 148-49).

Хорни считает эти выводы столь неестественными, что они ставят под сомнение правильность всей системы Фрейда. Однако вместо этого можно было бы утверждать, что формирование «женственности» в женских в ходе социализации является результатом настига над их психикой и что оно оставляет в сознании женщин страшное возмущение и обиду по поводу подавления, которому их подвергают. Можно показать, что женщины расплачутся немногими средствами осознания и выражения пережитков своей обиды. Эссе Фрейда о женственности можно считать описанием того, как некоторую категорию людей в нежном возрасте психологически готовят жить в состоянии угнетения.

В классических трудах о том, как формируется женщина, есть еще один момент. Девочка впервые обращается к отцу потому, что она доживает это состояние, потому что она «кастрирована» (потому, что она женщина, беспомощная и т.д.). Затем она открывает для себя, что «кастрация» является условием отцовской любви, что она должна быть для него женщиной, чтобы он ее любил. Поэтому она начинает желать «кастрацию» и то, что было ее несчастьем, становится ее желанием.

«Опыт анализа не оставляет места сомнению в том, что первое либидозное отношение маленькой девочки к своему отцу является мазохистским, в мазохистское желание на наиболее ранней специфически женской стадии является таким: «я хочу быть кастрированной своим отцом»» (Deutsch 1948: 228).

Дойч утверждает, что такой мазохизм может вступать в конфликт с это. Поэтому некоторые женщины избегают данной ситуации, чтобы сохранить чувство собственного достоинства. У тех женщин, которые стоят перед выбором «между обретением счастья в страдании или мира в самоотречении» (ibid.: 231), возникают трудности в формировании нормального отношения к половой жизни и материнству. Остается неясным, почему Дойч склонна рассматривать таких женщин скорее как особый случай, а не как норму.

Психоаналитическая теория женственности утверждает, что вытеснение основано, главным образом, на боли и унижении. Требуемая особые усилия и изолированность, чтобы объяснить, почему некоторым нравятся быть женщинами. И тут-то происходит фальшивое возвращение биологов. Эти особые усилия направляются так, чтобы доказать, что радость от боли — это адаптационный механизм, обеспечивающий роль женщины в воспроизводстве, так как «женщины» являются деторождения и дефлорация. Возможно, разумнее было бы подвергнуть сомнению весь этот процесс. Место женщины в системе отношений между полами достигается не лишения ее либидо и принуждения к мазохистскому эротическому поведению, а потому психоаналитики не выступают за новые отношения в том, чтобы рационализировать старье?

Теория женственности Фрейда подвергалась феминистской критике с самых первых его публикаций на эту тему. Феминистская критика велела, когда она направлена на содержащуюся в теории Фрейда идеологию угнетения женщины. Феминистская критика ошибается, когда она направлена против предложенного Фрейдом описания процесса подчинения женщины. Психоаналитическая теория не имеет равных в описании того, каким образом фальшивая культура «машинирует» женщин и каковы результаты этого процесса (см. Mitchell 1971 и 1974; Lasch 1974). А поскольку психоанализ является орией гендера, отбросить его было бы самоубийством для политической теории, направленной на искоренение гендерной иерархии гендера как такового). Мы не можем разрушить того, что мы не понимаем или не понимаем. Угнетение женщины настолько укоренено, даже внедрение принципа равной оплаты за равный труд и усиление женщин-политиков не могут искоренить источники сексизма. Стросс и Фрейд проливают свет на то, что без них осталось бы непонятными элементами глубинных структур угнетения по признаку пола. Они напоминают нам о сложности и масштабности того, с чем мы имеем дело, а их исследования показывают нам структуру социальных механизмов, которую мы должны перестроить.

Объединение женщин во имя преодоления нережитка Эдипова комплекса в культуре

Поразительны соответствия, которые мы находим в теориях Фрейда и Леви-Стросса. Системы родства требуют разделения полова, а система разделения полова требует разделения между полами. Система родства включает множество правил регулирующих сексуальность.

Эдипова кризиса — в усвоении этих правил и запретов. Принудительная гетеросексуальность — продукт родства. Эдипова фаза конструирует различие между правами мужчин и женщин. Эдипов комплекс наделяет мальчика мужскими правами и принуждает девочку приспособляться к более ограниченными правами.

Эта согласованность концепций Леви-Стросса и Фрейда свидетельствует о том, что наша система «пол / гендер» все еще организована по принципам, выделенным Леви-Строссом, несмотря на то, что он опирается на эмпирические данные, далекие от современности. Более современные данные, на которых основывает свою теорию Фрейд, свидетельствуют об устойчивости структур, связанных с отношениями полов. Если мы интерпретируем Фрейда и Леви-Стросса верно, нужно сделать вывод о том, что феминистское движение должно пытаться разрешить эдипов кризис культуры путем реорганизации сферы пола и гендера таким образом, чтобы индивидуальный эдипов опыт каждого человека был менее деструктивным. Масштабы подобной задачи огромны, однако ситуация далеко не безнадежна.

Для того, чтобы эдипов кризис не оказывал столь тиснющего воздействия на эго молодой женщины, должны быть изменены некоторые элементы этой фазы развития личности. Эдипова фаза сопряжена для девочки с противоречием, поскольку она предвывает ей противоположные требования. С одной стороны, мы наблюдаем любовь девочки к матери, вызванную материнской заботой о детях. Однако девочка вынуждена отказать от этой любви, потому что роль женщины — принадлежать мужчине. Если разделение труда между полами было бы таким, что взрослые обоих полов работали бы о детях в равной степени, то выбор первичности объекта любви был бы бисексуальным. Если бы гетеросексуальность была необязательной, то и эту раннюю любовь не надо было бы пресекал и пенису не приписывалась бы такая высокая ценность. Если бы система половой собственности (sexual property system) была преобразована таким образом, чтобы мужчины не попирали прав женщин (если бы не было обмена женщинами), и если бы не было гендера, вся драма эдипова кризиса стала бы пережитком прошлого. Короче говоря, феминизм должен требовать революционного преобразования системы родства.

Система организации пола и гендера первоначально имела более широкие функции: она организовывала все общество. Теперь она организует и воспроизводит только самое себя. Типы взаимоотношений полов, установившиеся в отдаленном прошлом, до сих пор господствуют в нашей сексуальной жизни, в наших пред-

ставлениях о мужчинах и женщинах и в том, как мы воспитываем своих детей. Однако сегодня отношения между полами несут функциональную нагрузку, нежели в прошлом. Одним из самых метных свойств системы родства является то, что она перестала служить своим первоначальным функциям: политической, экономической, образовательной, организационной. Так она была сведена к своему истоку — *папу и гендеру*.

Сексуальная жизнь человека всегда будет предметом конвенционального вмешательства. Она никогда не будет совершенно «естественной» природой и разделена на категории. Дикая избыточность инстинктивной сексуальности всегда будет обуздываться. Конфронтация между незрелыми и беспомощными детьми и развитой социальностью взрослых, вероятно, всегда будет вызывать некоторое беспокойство. Но механизмы и цели «окультуривания» сексуальности должны быть, по большей части, независимыми от сознательного выбора людей. Культурная эволюция позволяет нам осуществлять контроль за средствами сексуальности, воспроизводства и социализации и принимать сознательные решения для того, чтобы осудить сексуальную жизнь человека от архаичных отношений, которые ее деформируют. В конце концов глубокая феминистская революция приведет не только к освобождению женщин. Она придет к свободе форм сексуального самовыражения и освободит человеческую личность от гендерной смирительной рубашки.

«Daddy, daddy, you bastard, I'm through» — Sylvia Plath*

В данном эссе я пытаюсь выстроить теорию угнетения женщин на основе понятий, разработанных в области антропологии и кохналлиза. При этом я отгадываю себе отчет в том, что Левин-Стросс Фрейд работает в интеллектуальной культурной традиции, в которой женщины подвержены угнетению. Опасность предпринятой попытки заключается в том, что сексизм традиции, к которой принадлежат эти авторы, может просачиваться при любом замешательстве. «Мы не можем формулировать ни одного утверждения, тенденющего на разрушение правил, не соскользя при этом в форму, логику и имплицитные постулаты именно тех правил, которые утверждение призвано опровергнуть» (DeGilda 1972:250). А то, что соскользнуло, становится трудно преодолимым. И психоанализ

* «Папа, папа, ты, ублюдок, с меня хватит!» — Сильвия Плат (Прим. перев.)

структурная антропология в каком-то смысле являются наиболее изощренными идеологиями сексизма.¹²

Так, например, Левин-Стросс уподобляет женщин, которые не стали средством коммуникации и предметом обмена, неправильно использованным словам. На последней странице одной своей очень длинной книги он замечает, что такая ситуация создается в женщинах нечто похожее на противоречие, так как женщины выступают одновременно и как «творящие», и как «сообщение». Его единственным замечанием по поводу этого противоречия является следующее:

«Но женщина никогда не могла быть всего лишь знаком и ничем более, так как даже в мужском мире она все-таки является личностью, но поскольку она определяется как знак, она должна восприниматься как генератор знаков. В матримонимальном диалоге мужчины никогда не является просто предметом разговора; если женщины в целом представляют собой некоторую категорию знаков, предназначенных для определенного вида коммуникации, каждая [отдельная] женщина сохраняет индивидуальную ценность, которая возмещает отсутствие ее таланта — до и после замужества — отрицая свою партию в дуэте. В отличие от слов, которые полностью стали знаками, женщина остается и знаком, и ценностью. Это объясняет, почему отношения между нами сохранили такую эмоциональную яркость, пыл и тайну, которые, несомненно, неизбежно проливались весь мир человеческих взаимоотношений» (Levi-Strauss 1969:496. Курсив мой. — Г.Р.).

Это выдвинулось высказывание. Почему же Левин-Стросс не осуждает того, что делает системы родства с женщинами, а вместо этого представляет величайшую несправедливость всех времен как основу романтической любви?

Аналогичное отсутствие чувствительности обнаруживается в той же последовательности, с которой психоанализ относится к критическим выводам на своей собственной теории. Фрейд, например, не колеблясь, признал, что его открытия бросили вызов общепринятой морали:

«Мы не можем избежать критической точки зрения, и мы находим невозможным оказывать поддержку конвенциональной сексуальной морали или одобрять средства, с помощью которых общество пытается привести в порядок практические проблемы сексуальной жизни. Мы можем с легкостью продекларировать, что так называемый моральный кодекс современного мира предвзят больше жерновомощности, чем он того заслуживает, и что нравственное поведение не проликовано честностью и не основано на мудрости» (Freud 1943:376-77. Курсив мой — Г.Р.).

Тем не менее, когда психоанализ с той же легкостью доказывает, что обычными составляющими личности женщины являются мазохизм, ненависть к себе, пассивность¹³, аналогичное суждение не высказывается. Вместо этого используется двойной стандарт интерпретации

ташни. Для мужчин мазохизм — это зло, для женщины — необходимая сущность. Адекватный нарциссизм необходим мужчинам, а у женщин он невозможен. Пассивность — это трагедия для мужчин, время как отсутствие пассивности — трагедия для женщины.

Именно этот двойной стандарт позволяет меликам пытаться учать женщин к роли, деструктивность которой детально описана в собственных теориях. И та же самая противоречивая установка позволяет терапевтам рассматривать лесбиянство скорее как болезнь которую нужно лечить, чем как реакцию сопротивления, о которой говорят их собственные теории.¹⁴

В психоаналитических исследованиях женственности встречаемся с расхождением, из которых можно сделать следующие выводы: «Мы имеем дело с угнетением женщин», или: «Мы можем с легкостью продемонстрировать, что то, что мир называет женственностью будет больше жертв, чем она того заслуживает». Но именно в тех случаях эти выводы не следуют из теоретических расхождений и являются формулировками, цель которых состоит в том, чтобы тащить возможные выводы в сфере теоретического бессознательного. Именно в таких случаях на смену критическому анализу ценности ответственности приходят такие аргументы, как некая «таинственная ская химия», «удовольствие от боли» и «биологические цели», доброе замещение является симптомом теоретического подавления поскольку оно не согласуется с общепринятыми канонами психологической аргументации. То, насколько сильно подобная реторика лизалия женственности противоречит сути психоаналитической теории, является свидетельством значительной потребности некоторых авторов подавить радикальные и феминистские выводы из теоретической ответственности (яркими образцами такого замещения и подавления являются работы Дойч).

Довольно сложно выстроить логику, которая поможет выписать концепции Левин-Стросса и Фрейда в феминистскую теорию. Я пытаюсь сделать это по нескольким причинам. Во-первых, хотя ни Левин-Стросс, ни Фрейд не высказывали критики по поводу явного сексизма, свойственного сылаемым им системам, тем не менее эта критика следует из их деленного ими анализа совершенно очевидно. Во-вторых, результаты исследования дают нам возможность рассмотреть по и внешне «способа производства» и тем самым задать альтернативные дефиниции объективации по признаку пола как результат деятельности экономических сил. Работы Левин-Стросса и Фрейда формируют ретический подход, в рамках которого сексуальность и брак являются бытие учтены при объяснении угнетения по признаку пола. Это

код дает основания утверждать, что женское движение не изоморфно движению рабочего класса, а может рассматриваться как его аналог. И то, и другое движение порождено недовольством людей, но в каждом из случаев это недовольство имеет свои причины. Согласно Марксу, цель рабочего движения не сводится к разрушению отношений эксплуатации. Рабочее движение способно изменить историю, освободить человечество, создать бесклассовое общество. Возможно, переложим движение стоит задача осуществить столь же масштабные социальные преобразования той другой системы эксплуатации, о которой Маркс имел смутное представление. Нечто подобное имплицитно содержится у Виттиг (Wittig 1973): диктатура партиянок-мазонак рассматривается как временное средство, необходимое для достижения безгендерного общества.

Система «пол/гендер» не является вечно репрессивной системой, и она утратила многие из своих традиционных функций. Тем не менее она не исчезнет, если ей не будет оказано сопротивление. Она до сих пор несет социальное бремя, выполняя функцию определения пола и гендера, диктует механизмы социализации молодого поколения, формирует наиболее общие суждения о природе людей. Эта система служит экономическим и политическим целям, отличным от тех, которыми она изначально служила (см.: Scott 1965). Система «пол/гендер» должна быть перестроена посредством политического действия.

И, наконец, из интерпретации сочинений Левин-Стросса и Фрейда следует определенный подход к феминистской политике и феминистской утопии. Этот подход означает, что нам нужно стремиться не к устранению мужчин, а к устранению социальной системы, которая порождает сексизм и гендер. Я считаю, что утопия матриархата амбивалентно (в зависимости от возможностей партогенетического* размножения), не имеет смысла и отдает безавуислей. Подобный взгляд на социальную организацию сохраняет гендерные отношения и разделение полов. Этот взгляд просто использует для своих целей аргументы тех, кто обосновывает свое мнение о неизбежности мужского господства неискоренимыми и сущностными различиями между полами. Но нас угнетают не только как женщин, нас угнетает то, что мы должны быть женщинами или мужчинами в зависимости от ситуации. Лично я чувствую, что участники феминистского движения должны мечтать даже о большем, чем об искоренении угнетения жен-

* Партогенез (биол.) — вид размножения, при которой женская половая клетка развивается без оплодотворения (Прим ред.).

шин. Они должны мечтать об устранении обязательной сексуальности и обязательных половых ролей. Моя мечта — это андрогинное (хотя и не бесполое) общество, в котором анатомическое устройство половых органов человека не играет никакой роли, какую профессию он выбирает, чем он занимается и с кем встречается любовью.

Политическая экономия пола

Было бы замечательно, если бы на этом можно было закончить анализ следствий переосмысления положений теорий Левин-Струи и Фрейда для феминизма и движения геев. Но я предлагаю следующий шаг, приступить к следующему пункту повестки дня: к следующему анализу системы «пол-гендер». Системы «пол-гендер» являются внеисторическими эманициями человеческого сознания, являются продуктами исторической деятельности человека.

Необходимо, например, проанализировать эволюцию половой мена согласно принципам, на основании которых Маркс исследовал «Капиталер» эволюцию денег и товаров. Существуют экономика и политика «пол-гендерных систем», которые затеваются понятиями мен женщинами». Например, система, в которой женщины могут обмениваться друг на друга, воздействует на женщин иначе, чем системы, в которых существует товар, эквивалентный женщинам.

«Представление о том, что браки в простых обществах предполагают мен», является несколько неопределенным и часто затрудняет анализ социальных систем. Крайним случаем этого обмена является обмен «сестрами», прежде всего возникшим в некоторых частях Австралии и Африки. Здесь термин «сестры», «отдать и получить взамен». Если же посмотреть на эту ситуацию с другой точки зрения, то практически универсальное табу на инцест означает системы брака необходимо включают «обменывание» братьев или сестер друг на друга, порождавая взаимобмен, который является совершенно условным. Но в большинстве обществ брак опосредуется рядом промежуточных точек. Если же мы рассматриваем эти транзакции просто как непосредственные или расторгнутые во времени отношения взаимобмена, то очень вероятно картина окажется запутанной... Дальнейший анализ будет еще более сложным, если считать переход собственности из одних рук в другие лишь как передачу прав, поскольку при такой интерпретации прирост передаваемых объектов... не придается существенного значения... Ни один из этих подходов не является неправильным, но оба не адекватны» (Goody 1973, 2).

Существуют системы, в которых для женщин нет обменности вивалента. Чтобы получить жену, мужчина должен иметь дочку у дружки или другую состоящую с ним в родстве женщину, которую он

есть право дарить. Он должен обладать властью над какой-то женской плотью. Племена леле и кума как раз представляют собой такие случаи. Мужчины племени леле постоянно планируют свои отношения так, чтобы закрепить свои права на еще не родившихся девочек, а затем воспользоваться этими правами (Douglas 1963). Брак девушки племени кума определяется сложной сетью долгов, и ее голос при выборе мужа практически не учитывается. Девушка обычно выходит замуж против своей воли, и жених пускает ей в бедро стрелу для того, чтобы сивовольчески воспрепятствовать ее побегу. Молодые жены все-таки почти всегда убегают — но только для того, чтобы их возвратили мужьям с помощью сложных мер, которые предпринимает их родственники и близкие (Reay 1959).

Есть и другие общества, в которых женщина является предметом обмена и может быть обменена на брачный выкуп. Динамика подобных систем варьирует в соответствии с оказываемым на женщин давлением. Брак женщины племени мелпа (Melpa) — это не возвращение прежнего долга. Каждая транзакция самодостаточна в том смысле, что передача брачного выкупа, состоящего из свиней и ракушек, аннулирует долг. Таким образом, женщина племени мелпа обладает большей свободой действий в выборе мужа, чем женщина племени кума. И все же ее судьба зависит от брачного выкупа. Если родственники ее мужа медлят с брачным выкупом, ее родня может поддаться ее в намерении расстаться с мужем. В том же случае, если единородные родственники женщины довольны балансом взаимных платежей, они могут отказаться принять ее назад, даже если она хочет оставить своего мужа. Более того, ее родственники-мужчины используют брачный выкуп в своих собственных целях в обмене женой и для заключения своих браков. Если женщина оставляет своего мужа, должен быть возвращен весь брачный выкуп или некоторая его часть. Если, как это обычно и происходит, свиньи и ракушки были уже распределены или обещаны кому-то, родственники неохотно примут женщину назад в случае супружеского разлада. И каждый раз, когда женщина разводится и снова выходит замуж, ее цена, исчисляемая размером брачного выкупа, уменьшается. В целом ее единородные родственники-мужчины терпят издержки в случае развода, если только жених не уклонялся от уплаты выкупа. Хотя женщина племени мелпа имеет больше свободы в качестве невесты, по сравнению с женщиной племени кума, система брачного выкупа депает развод сложным или невозможным (Stratford 1972).

У некоторых племен, таких как нуэры, брачный выкуп может быть обменен только на невесту. У других же брачный выкуп может быть

обмен на что-то другое, например, на политический престиж. В случае брак женщины «встроена» в политическую систему. В обмене Большого Человека в горах Новой Гвинее те материальные средства, которые обмениваются на женщин, циркулируют и в актах обмена, которых основана политическая власть. В рамках подобной политической системы мужчины постоянно нуждаются в ценностях для осуществления платежей, а значит, зависят от поступления ценностей. Зависит не только от своих непосредственных партнеров, но и от неров их партнеров и т. д. Может случиться так, что мужчина, который должен вернуть какое-то количество брачного выкупа, окажется не в состоянии отдать его тому, кто планировал передать другому, хотевшему использовать полученное для того, чтобы устроить праздник, от которого зависит его статус. Из-за недоступности связи, обусловленной движением брачного выкупа, мужскими обществами оказываются заинтересованными в семейных делах делюдей, даже если они состоят с ними в крайне отдаленных отношениях. Бывают такие ситуации, когда вожди племен вмешиваются в супружеские споры, в которых участвуют ковенные торговые партнеры, для того чтобы обмены *можа* не были нарушены (Ванниан 1969:11). И вся эта громоздкая система может быть выстроена на основании одного брачного союза, в котором женщина несчастна.

Короче говоря, существуют другие вопросы, относящиеся к теме брака, помимо вопросов о том, обмениваются ли в этих случаях женщины или нет. Важно знать, обмениваются ли женщины или используются другой эквивалент? Действует ли эквивалент только в отношении женщины или он может быть обретен во что-то еще? Если он может быть обращен во что-то еще, обретен ли он в политическую власть или богатство? С другой стороны, получается ли брачный выкуп только в брачном обмене, или может быть получен из каких-то иных источников? Можно ли увеличивать число женщин путем накопления богатства? Можно ли увеличивать богатство, избавляясь от женщин? Является ли система обмена системой стратегификации?¹⁵

Все эти вопросы свидетельствуют о том, что существует еще одна сторона политической экономики пола. Родство и брак всегда являются элементами социальной систем и всегда связаны с политической и экономической организацией общества.

¹⁵ Левин-Стросс... справедливо утверждает, что структурные системы не могут быть поняты, только если мы мыслим его как один из элементов целой серии транзакций между группами рода (Kin groups). С этой целью он соглашается. Но ни в одном из примеров, которые он приводит

книге, он не проводит этот принцип достаточно глубоко. Взаимные обязательства между родственниками — это не просто символы брачного союза, это еще и экономические и политические транзакции, договоры о правах проживания и использования земли. Убедительная картина того, «как работает система родства», не может быть создана до тех пор, пока не будут рассмотрены одновременно эти несколько аспектов или следствий организации родства» (Leach 1971: 90).

В общине качинов отношения арендатора и владельца являются также отношениями между зятем и тестем. «Процедура приобретения прав на землю любого рода почти во всех случаях равнозначна женитьбе на женщине из семьи владельца земли» (Ibid.:89). В этом сообществе брачный выкуп перемещается от простого родственника к арис-тократам, а женщины движутся в обратном направлении.

¹⁶ С экономической точки зрения, матрилатеральный брак между кузенами подразумевает, что родственники главы рода постоянно платят дань родственникам главы клана в форме брачного выкупа. Такая выплата может рассматриваться как рента, которую арендатор платит землевладельцу-сеньору. Самая важная часть такой оплаты имеет форму потребительского товара, а именно: крупного рогатого скота. Глава клана меняет это брачное богатство на нетленный престиж, устраивая традиционный праздник. В конечном счете потребителями товаров становятся их проксиранты, то есть простые люди, присутствующие на пиру» (Ibid.: 89).

Другой пример — это тробриандцы, у которых принято, чтобы мужчина послал дар в честь урюжая богата — урюгбу — в дом своей сестры. У людей знатного происхождения это оборачивается простой циркуляцией богата. Но глава клана понимает и женится на женщине из каждого участка, находящегося в его владении. Поэтому с каждого участка вождем отправляют урюгбу, заполняя до отказа его склады, которые служат для того, чтобы обеспечивать праздники, ремесленное производство и экспедиции к племенам кула. Этот «фонд власти» является гарантом политической системы и образует основу власти вождя (Malinowski 1970).

В некоторых системах брака место в политической иерархии и место в системе брака тесно взаимосвязаны. Согласно традициям тонга, женщины выходят замуж с повышением своего ранга. Таким образом, род низкого ранга посылает женщин в род более высокого ранга. Женщины, принадлежавшие к самому высокому роду, должны выйти замуж в «Дом Фиджи» — род, который находится вне политической системы. Если вождь самого высокого ранга выдает свою сестру замуж не в род, который находится вне системы рангов, он уже не считается вождем самого высокого ранга. Теперь род сына его се-

стры будет принадлежать к более высокому рангу, чем его собственный. Во время политической реорганизации снижение прежнего социального ранга рода оформляется официально, когда женщину из этого рода выдают замуж в род, который до этого был ниже по рангу традиционных культурах на Таваях ситуация была обратной. Женихи выхаживали замуж в более низкий род, а господствовавший отдалвал жен менее высокородным семьям. При этом глава рода либо жениться на сестре, либо получить жену из племени тонга. Недавно младший род узурпирует высокое положение, он официально реплицирует свое положение тем, что дает жену представителю бывшего старшего рода.

Имеются данные, на основании которых очень сложно сделать вывод о том, что системы брака причастны к эволюции социальных слоев и, возможно, к становлению государства. Первый значительный этап политической консолидации, в результате которого сформировалось государство на Мадагаскаре, связан с тем, что один из вождей получил право на несколько самостоятельных родов из-за своей причудливой матримонидальной биографии и годов наследству (Генри Райт, личное сообщение). На Самоа, согласно легендам, вождь получил аналогичное право — Тага'а в результате перекрестного брака между членами высокородных племенами четырех родов. Мои рассуждения носят слишком отвлеченный характер, а мои данные слишком схематичны, что можно было сказать об этом больше. Но имеет смысл провести исследование, которое показало бы, каким образом системы брака респектуются с крупномасштабными политическими процессами, какими как формирование государства. Системы брака могут быть задействованы здесь по-разному: при накоплении богатств и в держании дифференцированного доступа к политическим и экономическим ресурсам; при организации союзов, для консолидации занимающих высокое социальное положение в единую закрытую стратегию эндогамного рода.

Примеры из жизни кичингов и тубоидишцев, показывают, что сами отношения между племенами в конечном итоге не могут быть полностью изолированы от других социальных явлений. Другим примером анализа положения женщины в отдаленно взятом общепонятном анализе является история, которую я приведу ниже. Она описывает формы потребления женщинами, системы землевладения, политической организации, технологии выживания и т.д. С другой стороны, исследования в области экономики и политики также не являются полными, если не будут учитывать положение женщины, брак и с

дальность. Традиционные сферы анализа антропологии и социальной науки, такие как, например, эволюция социальной стратификации и происхождения государства необходимо переосмыслить таким образом, чтобы учесть матрилатеральный брак между племенами, прибавочную стоимость, извлекаемую в форме дочерей, конвертирование труда женщины в богатство мужчин, конвертирование жизни женщины в брачные союзы, влияние брака на политическую власть и трансформации, которые все эти стороны общественной жизни претерпевают с течением времени.

Такого рода исследования, в конечном итоге, направлены на осуществление как раз того, что Энгельс попытался сделать путем последовательного системного анализа разнообразнейших аспектов социальной жизни. Он пытался связать мужские и женские, город и деревню, системы родства и государство, формы собственности, системы землевладения, конвертируемость материальных средств, формы обмена, технологично производя продукты питания, формы торговли (если упомянуть некоторые из предметов его интереса) в единое целое путем системного исторического объяснения. В конце концов, кто-то же должен написать новый вариант «Происхождения семьи, частной собственности и государства», исходя из взаимосвязей сексуальности, экономики и политики и отдавая должное значимости каждого из этих факторов для человеческого общества.

Перевод Тамьяны Вирчуновой и Натальи Фрогоскиной

Примечания

¹ Когда приходится переходить от марксизма к структурализму, а затем — к психоанализу, то неизбежен конфликт эпистемологий. В частности, структурализм — это своего рода банка с червяками, которую и гланд, расплодится по эпистемологической карте. Вместо того, чтобы пытаться решать эту проблему, я стараюсь не придавать значения тому обстоятельству, что Лакан и Леви-Стросс относятся к числу тех живущих ныне мыслителей, которые стоят у истоков современной французской интеллектуальной революции (см.: Фолсайт 1970). Было бы интересно и занимательно, а — живя в во Франции — совершенно необходимо развешивать аргументацию, исходя из центра структуралистского дабринта и продвигаясь дальше, следуя «диалектической теории практик сингификации» (см.: Нейтер 1974).

² Одним из основных дискутируемых вопросов относительно женщины и труда по дому является вопрос о том, можно ли считать труд по дому «производительным». Строго говоря, домашний труд не является «производительным» в техническом смысле этого термина (I. Gould 1972; Маркс 1981).

Но такое различие между производительным и непродовольственным дом не имеет отношения к основной линии моего рассуждения. Домашняя работа может не быть «производительной» с точки зрения прямого производства прибавочной стоимости и капитала, и тем не менее быть реальным элементом в производстве прибавочной стоимости и капитала.

¹ То, что некоторые из этих форм кажутся нам совершенно необычными является еще одним доказательством того, что сексуальность объективно культурные формы (см.: Ford and Beach 1972). Можно привести некоторые этнографические примеры, которые так нравятся антропологам. Так, в Индии банаро брак предполагает несколько социально санкционированных половых партнерств. Когда женщина вступает в брак, она сначала вступает в половые отношения с близким другом отца своего жениха. После того она рождает ребенка от этого человека, она вступает в половые отношения со своим мужем. Кроме того, институт брака в племени банаро предполагает половые отношения женщины с близким другом ее мужа. Партнер мужины являются его жена, жена его близкого друга и жена близкого та его сына (Thrippald 1916). Традиция многосторонних половых связей более ярко выражена у маринг-анимов. При заключении брака невеста вступает в половые отношения со всеми членами рода жениха, причем становится ее последним половым партнером. Каждый большой брат сопровождает ее обычаям, известным как отив-бомбарн, который состоит вбирании спермы для ритуальных целей. Отрпаченное число женщин вступает в половой контакт с большим числом мужчин. При этом сперма собирается в сосуды из кокосового ореха. Мужина из племени мариндов и многоженные гомосексуальные контакты во время инициации (Уап 1966). У племени это ро на гетеросексуальные половые отношения налага запрета в течение 205-260 дней в году (Келли 1974). Многие мужчины вой Гвинен боются совокупления и считают, что оно может привести к смерти, если не сопровождается магическими обрядами (Glasse 1971; Merget 1971). Обычно в представлении о том, что женщина бывает «трязной», наиболее выражение подчиненное положение женщин. Однако символические элементы содержат внутренне противоречия: логическое развитее некоторых ложений иногда приводит к выводу, прямо противоположным тем принципам, на которых основываются эти системы. В Новой Британии мужчины перел половой жизнью принимают настолько крайние формы насилия боются не женщины, а мужчины. Женщины преследуют мужчте от них убегают. В данном случае полов-агрессором являются женщины, женки находят в положении принуждаемых к половым отношениям (Goodale and Showling 1971). Другие интересные варианты отношений в полами можно найти у Уалпоп (1963) и К. Соулд (1959).

⁴ Энгельс считал, что мужчины, накопившие богатство в форме стада и желавшие передать это богатство своим детям, низвергли «материнское право», заменив его на патрилинейное наследование. «Ниспровержение теринского права было *эссенциально историческим поражением женского Муж захватили брады правления в доме, а жена была лишена своего*

ного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» (Энгельс 1986: 257). Как указывали многие исследователи, женщины не обязательно пользуются большим социальным авторитетом в тех обществах, где существует матрилинейное наследование (Schneider and Gould 1962).

⁵ «Неужели вы хотите жениться на своей сестре? Что с вами? Неужели вам не нужен зять (brother-in-law)? Вы что, не понимаете, что если вы женитесь на сестре другого мужчины, а другой мужчина женится на вашей сестре, то у вас будет по крайней мере два зятя, а если вы женитесь на своей собственной сестре, то у вас не будет ни одного? С кем вы будете охотиться, ухаживать за посадцами, к кому вы будете ходить в гости?» — говорит араб (цит. по: Левин-Стросс 1969: 485).

⁶ Данный анализ общества, основанный на связях между мужчинами посредством женщин позволяет понять «сепаратистскую» реакцию участниц женского движения на подобные социальные явления. Я имею в виду сепаратизм как такое изменение социальной структуры, которое представляет собой попытку сформировать социальные группы, построенные на прямых, не опосредованных связях между женщинами. Сепаратизм также можно рассматривать как радикальное отрицание «прав» мужчин на женщин, и как требование женщины иметь права безотносительно к кому бы то ни было.

⁷ На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье; ибо мерзок пред Господом Богом твоим делаящий сие» (Второзаконие 22: 5).

⁸ «Исследуя женщин, мы не можем пренебрегать методами науки о сознании (mind), теории, которая пытается объяснить, как женщины становятся женщинами, а мужчины — мужчинами. Пограничная территория между биологическим и социальным, которая находит выражение в семье, — это та область, которую психоанализ взял на карту знаний о человеке, область, откуда происходит различия между полами» (Mitchell 1971: 167).

Каков объект психоанализа? ... Сказываюшися в жизни взрослого человека «исследовать» необычных приключений, которые в процессе предодления эпитовой фазы... превращают маленького дегенша, зачатого мужчиной и женщиной, в человеческого дитя... «Послебствая», сохранившися в структуре личности тех, кто сумел выжить в процессе насильственной «Гуманизации», которая превращает маленького человеческого дегенша в «мужчину или женщину»... (Althusser 1969: 57, 59).

⁹ Психоаналитические теории женственности были сформулированы в рамках дискуссии, которая развернулась на страницах «International Journal of Psychoanalysis» и «The Psychoanalytic Quarterly» в конце 20-х — начале 30-х годов. Уровень и характер дискуссии представлял статьи: Фрейд 1989, Freud 1975, vol. 21; Lapin de Groot 1933, 1948; Deutsch 1948a, 1948b; Notpau 1973; Jones 1933. В некоторых случаях здесь приведены данные о более поздних повторных публикациях. Реальную хронологию см.: Classen-Stiigel 1970. Введение. Дискуссия была сложной. Я представляю ее в несколько упр-

рошенном виде. Фрейд, Лампль де Гроот и Доун утверждали, что женская роль развивается в первоначально бисексуальном, «фаллическом» репродуктивном поле, тогда как Хорни и Джонс доказывали, что женственность — врожденное качество. Не обошлось без курьезов. Хорни выступила за защиту женщин, отвергая концепцию зависти к пенису и утверждая, что женщинами рождаются, а не становятся в результате воспитания. Доун тавида, что женщинами становятся, а не рождаются, развила теорию своего мазохизма, которой противоречит история общества. Я полагаю, ядро «фрейдовской» теории развития женщины сформулировано в работе Фрейда и Лампль де Гроот. Анализируя дискуссию, я пришла к выводу, что теория сформулирована в текстах обоих авторов, но выражена наиболее отчетливо в работах Джин Лампль де Гроот.

¹⁰ Я полагаю, что Фрейд занимает промежуточную позицию между цузскими структуралистскими и биологизаторскими американскими позициями. С одной стороны, он расуждает о зависти к пенису, о «книжной ценности» кинтора, о психических последствиях анатомической организации. В то же время последователи Лакана, апеллируя к текстам Фрейда, утверждают, что его нельзя понимать буквально и что можно сформулировать совершенно неанатомическую теорию, которая будет соответствовать духу чинений Фрейда (Althusser 1969). По моему мнению, они правы: в сочинении Фрейда слишком много говорится о пенисе, чтобы воспринимать его так, как будто. Представление о возможности отделения пениса, его трансформации в фантазиях (например, ряд «пение» — фекалии — ребенок — может служить сильным аргументом в пользу его символической интерпретации. Тем не менее, я не считаю, что Фрейд был таким последователем, каким я или Лакан хотели бы его видеть, и следует принимать его по крайней мере с известными оговорками даже тогда, когда мы пытаемся реконструировать, что он имел в виду.

¹¹ Мать для ребенка, находящегося на додипловой стадии развития, это «фаллическая» мать, т. е. считается, например, что она обладает пенисом. Диплова стадия несет с собой знание о том, что у матери ребенка фаллоса. Другими словами, развитие кризиса происходит быстрее за «кастриции» матери, за счет осознания того, что фаллос только передается (passes through) через нее и не остается на ее теле. «Фаллос» должен «передаться» через нее, поскольку отношение мужчины с любовью к мужчине определяется через женщину. Мужчина связан со своим отцом через мать, с племянником — через сестру и т. д. Если власть является патриархальной и должна как-то образом передаваться, то это должно происходить посредством женщины, служащих промежуточным звеном. Шал Салине (личное сообщение) однажды высказал мысль, что патриархальная женщина так часто определяется как тупая, грязная, нечестная, невежественная, заключается в том, чтобы показать, что власть принадлежит ей, которая может только через них передаваться.

¹² Некоторые фрагменты книги Виттиг «Les Guerilleres» (Witig 1973) правлены, по-видимому, буквально против Левин-Стросса и Лакана.

мер: «Разве он не говорит: власть и обладание женщинами, досуг и наслаждение женщинами? Он пишет, что вы — валюта, предмет обмена. Он пишет: бартер, бартер, обладание женщинами и приобретение женщины и товаров. Лучше видеть свои кишки на солнце и издавать смертельные стоны, чем жить жизнью, которую любой может приносить. Что принадлежит тебе на этой планете? Только смерть. Никакая сила не земле не может забрать ее у тебя. И — думай-объясняй-говори себе — если счастье заключается в обладании кем-то, то тогда быстро завладей этим самым счастьем — смертью» (Witig 1973: 115–116; см. также 106–107; 113–114; 134).

Во французском феминизме наиболее явно солидаризируются с Левин-Строссом и Лаканом группа «Ruchonaise et Politique», которая занимается феминистской критикой в рамках лакановского психоанализа.

¹³ «Каждая женщина обожает какого-нибудь фаллиста». — Сильвия Плат.

¹⁴ Один из врачей-клиницистов Шарлотта Волфф вознена психоаналитическую концепцию природы женщины (Wolmanhood) в логическую крайность и предположила, что лесбиянство является нормальной реакцией женщины на социализацию. «Женщины, которые не бунтуют против низведения их до положения объекта, провозглашают себя побежденными как полноценные личности» (Wolff 1971: 65).

«Девочкой-лесбиянкой является та, которая всеми средствами, имеющимися у нее в распоряжении, пытается найти безопасное место в семье или вне семьи путем борьбы за равенство с мужчинами. В отличие от других женщин, она не закипает перед ними: ей противна даже мысль об этом» (Ibid.: 59).

«Лесбиянки были и, несомненно, будут и дальше в авангарде борьбы за равенство полов и за психическое освобождение женщин» (Ibid.: 66).

Для понимания обсуждаемой проблемы очень много дает сравнение расуждений Волфф со статьями по лесбиянству Мармор (Marmor 1965).

¹⁵ Существует еще один подход к анализу этих отношений, который строится на сравнении систем, основанных на брачном выкупе, с системами, основанными на приданом. Подробнее об этом см.: Goody and Tambiah 1973.

Эдипова асимметрия и гетеросексуальные союзы¹

Традиционный психоаналитический подход к женственности и мужественности исходит из следующего представления. Эдипова фаза развития личности создает идеологию и психологию мужского господства, подавления и отрицания зависимости от других людей, что выталкивает мужчину из мира семьи в проникнутый духом конкуренции мир работы. Эта же идеология и психология создает структурную напряженность в браке и семейной жизни. Поскольку именно женщины осуществляют материнскую заботу (to mother*), механизм формирования и значение выбора гетеросексуального объекта различаются для женщин и мужчин. В нашем обществе брак стал приобретать все больший эмоциональный вес, что, по-видимому, компенсирует усиливающуюся отчужденность и бюрократизацию системы наемного труда. Брак больше не основывается на экономических и политических интересах, как это было в прежние времена, а семья практически утратила функцию психологической и материальной поддержки индивида, так как проливается, образований, респекта и забота о престарелых и больных ушли из частной сферы. В этом контексте становится ясными противоречия между гетеросексуальностью женщин и гетеросексуальностью мужчин, которые возникают в результате выполнения женщинами функций материнской заботы.

Согласно психоаналитической теории, гетеросексуальная фротическая ориентация является следствием эдипова комплекса у обоих полов в детском возрасте. Однако между мальчиками и девочками есть различия. У мальчиков на протяжении всего детства сохраняется один первоначальный объект любви. Поэтому развитие выбора гетеросексуального объекта у мужчин относительно непрерывно: «Для мужчин путь этого развития прямой и переход от "фаллической" фазы происходит не вследствие "волны подавления", а основывается на утверждении того, что уже существует...» (Deutsch 1925; 1945: 165). Согласно теории, разрешение эдипова комплекса у мальчика происходит через подавление привязанности к матери. Следовательно, став

ПСИХОДИНАМИКА СЕМЬИ*

Нэнси Ходоров

«[...] Давайте вспомним, что мы оставили девушку пубертатного возраста ситуации треугольника, выразив надежду, что позднее она разрушит сексуально смешанный треугольник... отдав предпочтение гетеросексуальности. Такая формулировка была сделана ради упрощения. На самом деле, независимо от того, способствует ли созданию этого треугольника начальная бисексуальность человека или нет, его последствия невозможно преодолеть полностью. Самые глубокие и наиболее устойчивые эмоциональные отношения с обоями родителями вносят свой вклад в его формирование. Этот треугольник формируется всегда за нилым отношением, более божим и устойчивым, — взаимоотношением между матерью и ребенком, которое каждый человек, будь то мужчина или женщина, сохраняет от дня до смерти. Наверно говорить, что маленькая девочка отказывается своих отношений с матерью в пользу отношений с отцом. Она лишь временно вовлекает его в союз. Она переходит от отношений "родитель-ребенок". Все свою жизнь она поддерживает оба типа отношений, при этом что первый тип — отношения "мать — ребенок" — сохраняется, пусть более слабой и менее значимой форме, в течение всей ее жизни. Именно только "исполнитель" главной роли: ее играт для то отци. Несмотря на множественность аффективных сочетаний, типичных для этих отношений, присутствуют в последующих повторениях структуры треугольника».

Хелен Дойч, «Психология женщины»
(Helen Deutsch, «Psychology of Women»)

«Женщина — это ее мать. И это — главная»

Энн Секстон, «Домохозяйка»
(Ann Sexton, «Housewife»)

* Перевод гл. 12 «The Psychodynamic of the Family» из кн.: Chodorow Nancy, Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley, Angeles, London: Univ. of California Press, 1978. P. 191-210.

¹ Английское слово mother, в отличие от соответствующего русского слова, может выступать в функции существительного (в значении «мать») и родительных ему), а также в функции глагола (to mother (в значении «заботиться, опекать, осуществлять материнскую заботу»). При переводе глагола to mother его связь с существительным не всегда удается сохранить. Особую революционную проблему в данном тексте составил перевод формы mothering и, в частности, словосочетания «women's mothering», которое мы перевели как *материнская забота* (Прим. перев.).

взрослым, он может установить первичные отношения с кем-то только если на его мать. Эти отношения приобретают смысл на основе психологической реактивизации того отношения, которое когда-то было сильным и исключительным все другие, то есть развивалось от отожествления, через «двуединство» к стадии отношений между двумя автономными личностями.

У девочек все не так просто. Психоналитические исследования с самого начала показали, что развитие инфантильного либидо нормального состояния выбора гетеросексуального объекта у женщин осложнено некоторыми специфическими обстоятельствами (Ibid). Эти «специфические обстоятельства» являются универсальными чертами организации семьи. Первым объектом любви у девочек является женщина. Поэтому, чтобы достичь правильной гетеросексуальной ориентации, девочка должна изменить первичный объект перенести свой выбор на отца, или мужчину. Это создает асимметрию единства комплекса у мужчин и женщин и сложности в развитии женской сексуальности, при котором целью развития является гетеросексуальность.

Для девочки, как и для мальчика, мать является первичным объектом любви. Таким образом, внутренняя организация объекта женской и мужской гетеросексуальности различна. В период, когда отец становится тугой наибольшей значимости для девочки, отношения (в nuclear-семье) приобретают характер бисексуальной триады. Отношения девочки к отцу является эмоциональной реакцией на ее отношение к матери. Привязанность к отцу конкурирует с чувством первичной привязанности к матери и тесно переплетается с ним. Наблюдаемый обычно в начале либидозный переход от отношений с матерью, первоначально исключительных все прочие отношения, к отношениям с отцом, не является первичной привязанности к матери. Девочка сохраняет додлинную связь с матерью (сильную связь, которая основывается на опыте первичной идентификации, первичной любви, зависимости и отделимости) строит на ее основании привязанности к матери и отцу, характерные эдиповой фазы. Для этих привязанностей характерны эротизированные требования исключительности любви других отношений, а также чувств ревности и ревности. Девочка сохраняет интениоризированные видные отношения, на основании которых строится определенная интениоризирует новые взаимоотношения, которые дополняют первоначальные, но не замещают их.

Таким образом, для развития девочки не характерно ни абсолютное замещение объекта, ни исключительная привязанность к отцу. Кроме того, поведение отца, его роль в семье и взаимоотношения с ним девочки

отца решающими в развитии ее гетеросексуальной ориентации. Но отцы достаточно недоступны — как физически, так и эмоционально. Они мало бывают дома, они не берут на себя основных забот по уходу за детьми. Воспитание в духе мужественности, которое они получили сами, может приводить их к отрицанию эмоциональности. Поскольку отец недоступен для дочери и поскольку она интенсивно взаимодействует с матерью, девочка не способна полностью переносить свою привязанность на отца, но стремится сохранить свои отношения с матерью и эмоционально колеблется между матерью и отцом.

Отсюда вытекают два следствия. Во-первых, природа гетеросексуальных отношений у мальчиков и девочек различна. Большинство женщин выходят из эдипова комплекса ориентированными на отца и на мужчину как на первичные эротические объекты, но при этом ясна тенденция, сложившаяся у большинства мужчин оставаться для них эмоционально вторичными или, в лучшем случае, эмоционально равными женщинам (ср. с первичностью и исключительностью эдиповой эмоциональной связи мальчика с матерью и с женщинами). Во-вторых, поскольку отец является важным дополнительным объектом любви, приобретенный значимость в контексте триады отношений, внутренний объектный мир женщины более сложен, чем объектный мир мужчины. Эта психологическая ситуация сохраняется и у взрослых женщин и влияет на их взаимоотношения с другими людьми. Дойч утверждает, что женщины выступают в гетеросексуальные отношения в рамках триады, где мужчины не являются для них исключительными, единственными объектами привязанности. Это положение получило подтверждение в межкультурных сравнительных исследованиях структуры семьи и отношений между полами. Эти исследования свидетельствуют о том, что близость между супругами является исключением, а не правилом.

Поскольку мать и отец представляют собой разные типы родителей, природа и интенсивность отношений ребенка к ним различна, поскольку различна и степень исключительности этих отношений. Поскольку сначала ребенок воспринимает социальный и когнитивный мир как продолжение самого себя и не дифференцирует объект, его мать — первый человек, который о нем заботится — не является для него отдельным лицом, ее интересы не отделимы от интересов ребенка. Кроме того, связанность (неотделимость) ребенка от матери обусловлена еще и с тем, что физическое и психологическое выживание младенца полностью зависит от нее. Интениоризированный опыт первоначального отношения с матерью остается для личности объективно значимым и путающим: единство было блаженством, но сначала потерю себя и абсолютную зависимость. Совсем иной харак-

тер имеют отношения с отцом. Ребенок всегда отделяет себя от и знает его как отдельное лицо, обладающее своими особыми речами. Кроме того, ребенок никогда полностью не зависит от отца. Отец девочки никогда не является источником первоначальной любви ее нарциссизму (он не составляет угрозы фундаментальной личности и границам ее эго). Отец также никогда не обеспечивает первоначального нарциссического единства (исходноста единства). Таким образом, эдипова любовь к матери несет в себе как угрозу по отношению к самости, так и обещание первичности, которых никогда не несет в себе любовь к отцу. Любовь к отцу и привязанность женщины к мужчине отражает все эти асимметричные отношения.

Мужчины не могут обеспечить такого возвращения к единственности. Микаэл Баллинг (Valint) утверждает, что регрессия к первичной любви — возможность возвращения к детскому чувству единства, спокойному чувству благополучия, удовлетворения потребностей, которые не сопровождаются проверками на прочность, — является основной целью сексуальных отношений взрослых людей: «Эта первичное желание того, чтобы тебя любили всегда и всюду, чтобы эта любовь проявилась во всех формах, чтобы любовь твое тело, все твоё существо — без какой бы то ни было критики, малейшего усиления с твоей стороны — является конечной целью и то эротического стремления» (Valint 1995: 50). Вместе с тем Баллинг добавляет, что женщина может удовлетворить эту потребность лучше мужчины, потому что сексуальные отношения с женщинами всегда водят к исходному состоянию более полно и являются более полными рессиней к матери. Так, мужчины в коитусе максимално приближаются к новому слиянию с матерью: «мужчина во время коитуса до конца этой регрессии в наиболее полной форме: в материальной форме через семейновержение, в символической форме — посредством в фантазии всей целостностью своего я» (Valint 1956: 141).³

Участие женщины в этом процессе регрессии к первоначальному единству двойственно. (Баллинг имеет здесь в виду гетеросексуальную женщину). Во-первых, женщина отождествляет себя с мужчиной, никаким образом, и отрицает через это слияние свое отождествление с женщиной (матерью). Во-вторых, она *стала* женщиной (фактически — всеобъемлющим морем, онтогенетически — матерью). Таким образом, женщина, вступая в гетеросексуальные отношения, не может, подобно мужчине, воспринять *себя* через свой опыт. Она может вернуться к первоначальному единству, отождествляя себя с мужчиной или с матерью. Для женщины «регрессивная

стаповление» (regressive restitution — термин Баллинга), которое включает за собой коитус, не достижимо в той же степени, в какой он осуществляется у мужчины.

Фрейд говорит о том, как женщина, вступая в гетеросексуальные связи, пытается воспроизвести свои взаимоотношения с матерью (Freud 1975, v. 21). Он считает, что поскольку женщины «меняют объект» привязанности, смещая его от матери к отцу, мать остается для них первичным внутренним объектом, так что они часто накладываю на отношения с отцом, а позже — на отношения с мужчиной, проблемами, с которыми они сталкивались в своих отношениях с матерью. Они ищут в отношениях с мужчиной удовольствий и удовлетворения, которые хотят получить от женщины. Фрейд указывает на хорошо известную в клинике ситуацию, когда моделью при выборе мужа служит отец женщины, а ее последующий брак фактически повторяет конфликты и чувства, характерные для ее отношений с матерью. Вполне вероятно, что женщина, сохраняющая противоречивую зависимость от матери, или озабоченная проблемой своей отдаленности, перенесет такое отношение и самосознание на свои взаимоотношения с мужем.⁴ Она скорее будет идентифицировать себя как частичный объект (part-object) своего партнера-мужчины и чувствовать себя продолжением своего отца или мужчины, чем продолжением своей матери или женщины.⁵

Однако дети стремятся как бежать от своей матери, так и возвращаться к ней. Роль отца заключается отчасти в том, чтобы разрушить первичное единство дочери с матерью и ее зависимость от матери. Именно поэтому и по ряду других причин отцы и мужчины идеализируются (Shasseguet-Smirgel 1964; 1970; Stulberger 1964; 1970). Отец обеспечивает возможность бегства девочки из плена материнского всепья, поэтому она не может рисковать отношениями с ним. В то же самое время, держа на расстоянии и занимая позицию идеологического авторитета, отец может оказывать отдаленной фигурой, понимаемой в большой мере благодаря той интерпретации его роли, которую дает мать. Это создает сложность в развитии взаимоотношений, основывающихся на подлинных сильных и слабых сторонах отца. И, наконец, мать любит девочку иначе, чем она любит мальчика. Мать ошущает себя и дочь как единое целое, ее отношение к дочери «нарциссично», в то время как ее отношения с сыном более «анаклитичны» (anaclitic*).

Таким образом, дочь стремится через отца обрести чувство самостоятельности и подтверждение своей особости, которое ее брат по-

* От anacliticum (греч.) — подушка, подушник (Прим. ред.).

лучает от матери. Она (и женщина, которой она впоследствии ставится) готова отказываться от признания недостатков своего отца. Также своего удовлетворенного или мужа), пока чувствует, что для ма.⁹ Ей это хорошо удается настолько, насколько это дистанцированность означает, что она в действительности его не знает. Таким образом, эти отношения из-за дистанцированности отца и их значимости для нее развиваются в значительной степени как фантазия и идеализация, в них отсутствует та связь с реальностью, которая характерна для отношений между матерью и мальчиком.

Эти различия между опытом и переживаниями мальчиков и девочек в их отношениях к отцу и матери усугубляются тем, что детского пода оказываются в эдиповой ситуации на разных стадиях его развития. Девочки дольше остаются в доэдиповых отношениях, входят в эдипову фазу развития позже, чем мальчики, и их спонтанные разрешения эдипова комплекса отличны. Вибринг (Vibring), Слейтер (Slater) и Джон Уайтинг (Whiting) считают, что, когда в семье отсутствуют мужчины, мать сексуализирует свои отношения с сыном достаточно рано, так что «эдиповы» проблемы сексуальной привлекательности и связи, соперничество и ревность сливаются с проблемами «доэдиповой» первичной любви и единства. Напротив, поскольку ношения девочки с отцом развиваются позже, ее чувство самости вержидается более прочно. Если эдиповы и доэдиповы проблемы девочки слиты воедино, то это слипные, скорее, характерно для отношений с матерью, чем с отцом. Поскольку ее чувство самости тойчине и поскольку эдипова любовь к отцу не несет в себе столь сильной угрозы, эдипов комплекс девочки не «разрешается» в такой же в какой он «разрешается» у мальчика. Это означает, что в процессе взросления она проявляет больше интереса к интениоризированным и экстениоризированным объектным отношениям, в то время как мальчики склонны подавлять свои эдиповы потребности в любви и в связи с другими людьми. В то же время мужчины обычно проявляют нежность и пренебрежение по отношению к тем, кто выражает потребность в любви, поскольку пытаются отрицать свои собственные потребности (Chasseguet-Smirgel 1964, 1970; Спайнбетгет 1964, 1970).

Мужчины защищают себя от угрозы, которую несет в себе любовь по потребности в любви не исчезает в результате подавления. Поскольку мужчины воспитываются в духе мужественности и подавления потребности в аффективных отношениях с другими людьми, а их отношения в личном мире обесличены, то им трудно установить глубокие личные отношения с другими мужчинами.⁹ Отсюда становится ясным, почему мужчины склонны вступать в гетеросексуальные отношения.

Значение и динамика отношений мужчин с женщинами в значительной степени пронизвана от их отношений с матерями. Но образцы матери с сыном, которое описывают Вибринг, Слейтер и Джон Уайтинг, порождает определенные сложности в отношениях сына с окружающими его людьми. Поскольку мать мальчика относится к нему как к продолжению самой себя и в то же время как к сексуальному объекту, он научается использовать свою маскулинность и обидание пенисом как нарциссическую защиту. Когда он становится взрослым, он ищет отношений с женщинами для нарциссического фаллического самоутверждения, а не для взаимной поддержки и любви. Поскольку сексуализированная доэдипова привязанность мужчин поощряется, а их эдипово-генитальные желания пресекаются и вытесняются, они могут вырабатывать защитную реакцию за собой угрозу наказания, они могут вырабатывать защитную реакцию, заключающуюся в инстинктивном стремлении к вознаграждению через сексуальные отношения, которые должны помочь ему избежать риска быть отвергнутым в любви.

Женщины не подавляют своих аффективных потребностей. Они все еще хотят любви и нарциссического утверждения и могут быть готовы смиряться с недостатками своего воспитанного в духе маскулинности возлюбленного или мужа в обмен на доказательства его заботы и любви. Такая позиция может вести к отказу женщин от более непосредственно ощущаемых или агрессивных и эротических влечений. Пассега-Смиртель (Chasseguet-Smirgel) считает, что высокий уровень сексуальности влечет за собой проявление импульсов агрессии и требовательности, слитых воедино с эротическими импульсами любви и идеализации. Сексуальность женщин подавляется в той мере, в какой они ощущают конфликт эротических эмоций и страх наказания, связанный с проявлением импульсов, которые они считают агрессивными.⁹

Таким образом, при существующей социальной организации ролевых функций мужчины фигурируют на двух уровнях женской психики (psyche). На одном уровне они эмоционально вторичны и не являются единственными объектами любви, поскольку, в отличие от матерей, они не являются первичными объектами. На другом — они идеализируются и воспринимаются как необходимые, но при этом оказываются неспособны ни выразить собственные эмоциональные потребности, ни ответить на эмоциональные потребности женщин. Грюнбергер (Grunberger) формулирует это противоречие следующим образом: «Трагедия данной ситуации состоит в том, что тот, кто мог бы обеспечить (женщине) нарциссическое утверждение, — ее половой партнер — является как раз тем, кто, как мы только что увидели,

в своем стремлении освободиться от нарциссических потребностей презирать их» (Glinberget 1964, 1970: 74).

Эта ситуация проясняется социологическими и медицинскими исследованиями. Согласно здравому смыслу, основанному на жесте наших повседневных наблюдений, женщины в наше время — это романтики, для них чрезвычайно важны любовь, внимание и похвалы. Однако некоторые исследования показывают, что именно мужчины любят и влюбляются романтически, а женщины в любовных отношениях проявляют благодарные и ранимые чувства (Ваши 1971: 107-117; Hochschild 1975; Кернат 1967; Райт 1975). В большинстве этих исследований утверждается, что в сложной ситуации экономической зависимости от мужчин женщины должны полагаться на рациональный расчет, чтобы обеспечить и своих (будущих) детей. Согласно данной точке зрения, внешние явления романтических настроений женщин — это их эмоциональный и идеологический ответ на свою реально существующую экономическую зависимость. На социетальном уровне, особенно в отношении женщин, дальнейшим подтверждением этого служит обнадорожившая современная тенденция, согласно которой женщины чаще выступают инициаторами развода и раздельной жизни, чем мужчины. обусловлено ростом возможностей их независимого заработка (в частности, в сфере услуг) и в меньшей степени обесцениванием общественного мнения по отношению к разведенным женщинам под влиянием феминистского движения).

Взрослые женщины объективно экономически зависят от мужчин. Точно так же, как в детстве девочки объективно зависят от своих родителей, поскольку им необходимо освободиться от власти матери. Развитая способность к романтизации рациональных решений (или игнорировать или даже идеализируют неудачи отца и других мужчин) поскольку зависимы от них) оказывается полезной, когда они становятся взрослыми.

Однако у этой ситуации есть и другая сторона. Женщины обладают способностью рационализации и дистанцирования в гетеросексуальных отношениях, поскольку эти качества встроены в их отношения с мужчинами с самого детства. Подтверждение психологических первичности данной установки можно найти в исследованиях психологов-живаний, связанных с утратами и потерями. Джордж Геттал (Goethals) сообщает о клинических исследованиях, которые показывают, что мужчины, переживая утрату предмета привязанности, крайней мере, на раннем этапе взрослой жизни, «испытывают сильное потрясение и впадают в крайнюю депрессию» (Goethals 1973: 96).

их реакции на утрату объекта привязанности подобна той, которую Фрейд описывает в «Скорби и меланхолии»: они уходят в себя и становятся не способными искать новых связей. Гетталс полагает, вместе с тем, что у женщины первая утрата может не привести к серьезной депрессии, и утверждает, что его пациенты-женщины не так глубоко уходили в себя, как мужчины, и были способны заявлять новые отношения. Эрик Рубин (Rubin) сообщает о схожих исследованиях (Rubin Z. 1975). Женщины, которых он наблюдает, чаще разрывали свои связи, а мужчины, независимо от того, кто инициировал разрыв, впадали в большую депрессию и чувствовали себя более одинокими. Джесси Бернгард (Bernard), изучавшая пожилых людей, сообщает, что случаи психической неуравновешенности, смерти и суицида встречаются намного чаще среди недавно овдовевших мужчин, чем среди недавно овдовевших женщин, и указывает, что подобное различие обнаруживается при сравнении разведенных мужчин и женщин (Bernard 1972).

Результаты этих исследований показывают, что женщины располагают иными ресурсами и умеют дистанцироваться от своих отношений с мужчинами. Я считаю, что женщины имеют более богатый, постоянно развивающийся внутренний мир, в котором они находят себе опору, и что мужчины в жизни женщины играют не столь сильную и исключительную роль, какую женщины играют в жизни мужчин. Если говорить о внешней стороне, то они, как и мужчины, тоже могут поддерживать и устанавливать многочисленные связи и отношения. Складывается впечатление, что с течением жизни мужчины становятся менее эмоционально значимыми для женщин, чем женщины — для мужчин.

Поскольку женщины заботятся о детях, гетеросексуальный симбиоз имеет для них иное «значение», чем для мужчин. Еще Фрейд говорил, что «мужская и женская любовь психологически сильно различаются» (Freud 1933, 1965: 134). Фрейд и его последователи показали, как женщина и мужчина, стремясь к интимным отношениям друг с другом, могут все-таки не удовлетворять взаимных потребностей друг друга, и связали это с социальной организацией родительства. Данная ситуация, указали они, возникает из-за различия в женском и мужском опыте ухода за детьми и материнской заботы, осуществляется из женского опыта ухода за детьми и материнской заботы, осуществляемой женщинами. Девочки vstupают во взрослую жизнь, имея за плечами сложные эмоциональные связи, а также богатый и развивающийся внутренний объектный мир. У мальчиков более простая типичная ситуация и более прямые аффективные связи, и эта ситуация

тогда, когда становятся взрослыми.¹¹ Более того, Дойч считает, что отношения между взрослыми женщинами иногда зеркально повторяют участие женщин в треугольнике психологических отношений. Некоторым женщинам, полагает она, в отношениях с мужчиной тогда нужна соперница: другие нуждаются в лучшей подруге, которую можно было бы доверить тайны своих отношений с мужчинами. Отношения являются одним из способов разрешения и воссоздания связей между матерью и дочерью и выражения общих способностей женщин к установлению отношений с другими людьми и опирания своего Я через эти отношения.

Однако для многих женщин глубокие эмоциональные отношения с другими женщинами слава ли могут вырасти из рутинны и повседневны. Тенденция воссоздания глубоких эмоциональных отношений между матерью и дочерью (Deutsch 1944; Wolff 1971; Rich 1976) проявляется в отношениях между лесбиянками, но надо иметь в виду, что большинство женщин гетеросексуально. Гетеросексуальная ориентация и гомосексуальность вместе с объективно существующей экономической зависимостью от мужчин делает первичную сексуальную связь с другими женщинами маловероятной, хотя в последнее время выбор становится все более распространеным. Было время, когда женщина после замужества продолжала поддерживать близкие отношения со своей матерью и сестрами и могла устанавливать связи с другими женщинами, живя с ними в одном сообществе и работавшие изо дня в день. Однако развитие промышленного капитализма возрастало физическая изоляция нуклеарной семьи сделала первичные отношения редкостью и постепенно переориентировала женщин (и мужчин) на то, что только супружеские семейные связи должны обеспечить психологическую поддержку и любовь.¹²

Альтернатива описанной выше модели также строится на особенностях самоопределения женщины в гетеросексуальных отношениях. Первичной связи между матерью и ребенком. Как объясняет Дойч, такая психика состоит из напластованных разных типов отношений. Вместо позднего детства, а на самом деле — на протяжении всей жизни вности женщины сочетаются структуры доэдиповых отношений, характерных для матери и ребенка, и структуры эдипова треугольника. Пока отношения с мужчиной значимы для женщины, это сочетание остается актуальным. Треугольник отношений и эмоциональная метрия, в рамках которых женщина осуществляет родительские функции, способствует тому, что ее отношение к мужчине *требуется* уровне психической структуры наличия третьего лица, поскольку отношение изначально развивалось в рамках треугольника. Отно-

ние мужчины к женщине не требует этого, поскольку оно еще до того как в поле зрения появляется отец, проходит несколько этапов, сначала принимая форму тождества (identity), затем — двойного единства, затем — отношения двух личностей.

Таким образом, на уровне психической структуры завершением треугольника отношений для женщины служит ребенок. Наличие ребенка и опыт отношений с мужчиной в этом контексте дает женщине возможность вновь соотноситься интрапсихическую структуру своей личности с социальным миром. Заняв новое место в треугольнике — место матери своего ребенка — женщина находит способ «разрешения» эдипова конфликта на новом поколенческом витке.

Отношение мать—ребенок воссоздает еще более фундаментальную конституцию отношений. Вновь возникают исключочающие все другие символические отношения между матерью и ребенком, воспроизводящие детские годы матери, то есть те отношения, которые стремятся воспроизвести все люди, воспитывавшиеся матерью. У мужчины ситуация прямо противоположна. Мужчина обычно хочет иметь ребенка, руководствуясь своей ролевой позиционной идентификацией с отцом или своей первичной личностной идентификацией с матерью. Аналогичным образом, женщина начинает идентифицировать себя со своей матерью, в особенности с теми ее чертами, которые позволяют ей выполнять уникальную функцию материнской заботы по отношению к обоим полам. Однако на менее осознанном уровне — уровне объективных отношений — наличие ребенка воссоздает для женщины желанные, исключочающие все другие отношения между матерью и ребенком, и прерывает их для мужчины. И эта ситуация аналогична той, когда отец мужчины выражается в его отношения с матерью. Именно поэтому, как считают Бенедек, Зилбург и Вакан (Benedek, Zilburg & Vakani), мужчины обычно чувствуют сильную ревность к детям.¹³ Эти различия существуют также на уровне сексуально-биологических фантазий и символов. Как я уже говорила выше, у женщин не существует той непосредственной возможности «вернуться» к матери в коитусе, которая существует у мужчин. Символически ей может помочь идентификация с мужчиной. Однако гораздо более прямое символическое возвращение происходит через идентификацию с ребенком, которого она носит в своем чреве: «"Материнская регрессия", о которой говорит Фреуд, для женщины осуществляется путем приравнивания коитуса к ситуации сосания груди. Последний акт этой регрессии (возвращение в матку), который мужчина выполняет путем интроспекции в коитусе, реализуется женщинами в беременности посредством полной идентификации матери и ребенка» (Deutsch 1925, 1945: 171).

Все эти причины делают психологически понятным, почему шина превращает свой брак в семью и состоит в более тесных отношениях со своими детьми (или ребенком), чем ее муж. Тем самым она создает то интенсивное, исключяющее все другие отношения, первичное единство, которое для мужчины воссоздается посредством гетеросудальной связи. Она также воссоздает свой интериоризованный асимметричный треугольник отношений. Эти сложности отношения и потребности в отношениях предшествуют идентификации женщины, лежат в ее основе и вытекают из стандартной структуры сексуальности, не зависят от внешнего научения половым ролям, хотя обычно они усиливаются действием указанных факторов. Осуществляя материнскую заботу, женщина действует на основе личностной идентификации с матерью, осуществляющей родительскую опеку, и руководствуясь «школой» половых ролей, которую она прошла.

Приведенный выше анализ ставит проблему более общего плана: как отношение женщины к своим детям воссоздает психологическую ситуацию ее отношений с матерью. Это отношение воссоздается на двух уровнях. Первый уровень — глубоко подсознательный, а именно первичной связи между матерью и младенцем. Над первым уровнем надстраиваются отношения бисексуального треугольника: сколько первичный союз между матерью и младенцем основывается на исключении всех других отношений и поскольку колебание в как бисексуального треугольника постоянно возвращает женщину к состоянию привязанности к матери, у нее может возникнуть психическое противоречие между преданностью детям и интересом к и преданностью мужчинам и интересом к ним. Поскольку на уровне психической структуры отношения с ребенком переживаются женщиной как исключяющие все другие, ее отношения с мужчиной оказываются избыточными.

Фрейд предпринял попытку характеристики этой (с его точки зрения нежелательной) ситуации, противопоставив любовь к объекту у мужчин и у женщин. В своем эссе «О нарциссизме» он утверждает, что «любь к объекту по опорному типу в сущности характерна для мужчин» (Freud 1975, vol. 14: 88). Женщины, напротив, склонны к «нарциссической любви» — на одном уровне они хотят быть любимыми или быть в значительной степени самодостаточными; на другом — любить кого-то как продолжение самих себя, а не как отдельный объект. Фрейд подраумывает, таким образом, что необходимо связать с детьми является нормой для женщин. Однако он утверждает, что женщины все-таки достигают подлинной объектной любви только по отношению к своим собственным детям, которые, с од-

стороню, составляют их часть, а с другой — отделены от них. Фрейд здесь, по-видимому, рассуждает с позиций исключенного мужчины, который рассматривает женщин как потенциально психологически самодостаточных в их отношениях с мужчинами. Именно такой подход, скорее всего, может объяснить утверждение первых психоаналитиков, что женщины больше склонны к нарциссизму, чем мужчины, поскольку из клинических наблюдений следует, что у мужчин так же много серьезных проблем, связанных с фундаментальными объективными отношениями, как и у женщин (Kohut 1971; Kernberg 1975).

Результаты клинических исследований открывают это противоречие между любовью мужчины и женщины с одной стороны, и любовью матери и ребенка с другой. Флисс (Fliess) и Дойч указывают на крайний случай, где дети — это исключительно сфера взаимоотношений между матерью и дочерью (Fliess 1961; Deutsch 1944). Некоторые женщины в своих фантазиях рожают ребенка для своей матери или даже имеют ребенка от нее. Обычно такие фантазии бывают у девушек-подростков, имеющих серьезные проблемы привязанности и разобщенности в отношениях с матерью. Это случается в семьях, где отец достаточно мало связан с домом. Девушка может при этом фантазировать, что не знает, кто является отцом ее ребенка, или может фантазировать, что знает, кто он, но ее это не интересует. Ее главная цель при этом — принести своего ребенка в дом матери.

Дойч указывает, что в женских фантазиях и снах сексуальность и эротизм обычно противопоставлены материнству и репродуктивной роли (Deutsch 1944). Она сообщает о клинических и описанных в литературе случаях, когда женщины совершают выбор между сексуальностью или материнством, о таких случаях, когда для женщины, ставшей матерью, сексуальное удовольствие становится несущественным, а также о женщинах с парендогенетическими фантазиями. Бенедек и Винникотт (Winnicott) отмечают, что опыт беременности и ожидания материнства часто отвлекает женщину от других забот, связанных со своим телом, и от ответственности за развивающегося ребенка. Бенедек говорит об этом следующим: «Интерес женщины свдигается с экстремных действий на ее собственное тело и его благополучие. Если выразить это в терминах психоанализа, то можно сказать, что либидо уходит от внешних гетеросексуальных объектов, чтобы сосредоточиться на я» (Benedit 1949: 643).

Этот сдвиг либидо может сохраняться и после рождения ребенка. Психологическое и либидозное удовольствие, получаемое от заботы о ребенке, может заменять психологическое и либидозное удовольствие, источником которого прежде были интимные отноше-

ния (см. об этом: Valin 1939; Pines 1961; Whiting et al. 1958; Noller 1955; 1973). Результаты клинических исследований ревности, в свою очередь, испытывают мужчины к своим детям, подтверждают важность такого сдвига (см. Бэкан, Бенедек и Зипбург).

На уровне треугольника отношений также может существовать противоречие между интересом женщин, направленным на детей, и интересом, направленным на мужчин. Именно это имеет в виду Фройд, когда говорит, что женщины психологически колеблются между полой и доэдиповой позициями (он говорит об их колебаниях в периодах «мужественности» и «женственности»), и что женщины мужская любовь соотносывают различными фазам психодинамики существованию различаются (что женщина будет скорее любить сына, чем мужа). Дойч указывает, что мужчина может быть, а может и не быть психологически необходимым или желаемым в отношениях матери и ребенка, исключаяюших вмешательство других. Женщина ориентирована на мужчину, ее фантазия о желании ребенка выглядит следующим образом: «Я хочу иметь ребенка от того фантазия может быть сформулирована так: «я хочу иметь сына» (Deutsch 1944: 205).

У женщин формируется желание и потребность в первичных отношениях с детьми. Эти желания и потребности возникают в результате сдвига к интенсивным первичным (рплату) отношениям, которые являются не склонны обеспечивать в силу своего места в конститутивных отношений женщины и из-за сложности, которые женщины испытывают в установлении близких, интимных отношений. Женщины имеют интенсивные первичные отношения не могут направлено на других женщин, поскольку существует внутренняя внешняя запрет на гомосексуальность и поскольку женщины лишены от своих первичных родственников-женщин (в особенности матерей) и других женщин.

По мере того, как у женщин развиваются эти желания и потребности, у них также развиваются способности вступать в отношения с матерью-ребенком. У них развивается способность проявлять материнскую заботу. Структура родительства функционировать таким образом, что женщины остаются в первичных доэдиповых взаимоотношениях со своей матерью дольше, чем мужчины. Они не чувствуют потребности подавления первичной идентификации и первичной любви, которые служат основанием родительской эмпатии. Развитие личности и разрешение эдипова комплекса у женщин не требует защиты эго от регрессии или первичных отношений, которые

характеризуются развитием личности мужчин. Женщины также склонны сохранять доэдипову связь со своей матерью, так что, когда у них развивается ребенок, они несознательно более готовы к реактивности доэдиповых отношений, чем мужчины. Поведение родителей в кризисные периоды развития ребенка в значительной степени зависит от пережитых ими конфликтов и опытов (Benedek 1959). Опыт доэдиповых отношений женщины, латентно присутствующий в ее обычном отношении к миру и в опыте ее, активизируется, когда она приступает к уходу за младенцем, этот опыт стимулирует эмпатическую идентификацию женщины с младенцем, составляющую основу материнской заботы.

Кроме того, материнская забота предполагает двойную идентификацию женщины: как матери и как ребенка. У женщин весь интродуцируемый комплекс доэдиповых отношений закрепляется более прочно, чем у мужчин. Они играют обе роли — матери и ребенка. Женщины обладают способностью первичной идентификации со своими детьми через регрессию к первичной любви и эмпатии. Благодаря идентификации с матерью, женщины обладают таким эго и таким чувством ответственности, которые находят воплощение в их заботе о детях. Следует отметить, что материнская забота является также возманием должного собственной матери. Более того, в процессе развития женщина надстраивает новые уровни идентификации с матерью на основе первичной интериоризации отношений мать-ребенок (Klein 1937).¹⁴

Способность к материнской заботе вырастает из позиции женщины в объектных отношениях. Эта позиция, в свою очередь, возникает из особого характера и продолжительности доэдиповых отношений девочки с матерью, неполного подавления эдиповых отношений, а также постоянной включенности в отношения «мать-дочь» в процессе взросления. Эта позиция возникает еще и потому, что женщины не формируют такой защиты от отношений, которая характерна для мужчин. Таким образом, опыт эдиповой фазы и противоречия гетеросексуальной любви являются источниками формирования у женщины желания и потребности быть матерью.

Испытывая желания и потребности, побуждающие ее стать матерью, женщина оказывается в ситуациях, в которых может проявиться ее способность к материнской заботе. Одновременно женщина остается в ситуации конфликта со своей «внутренней» матерью, а частью — и с реальной. Способность проблемами отделенности и первичной идентификации, способность возвращаться к детской связи с матерью, то есть именно те способности, которые делают возмож-

ным осуществление материнской заботы, в то же самое время вести к избыточной идентификации и псевдоэмпатии, основанной скорее на проекции, чем на восприятии и понимании реальных потребностей младенца. Аналогичным образом, потребность в переносе с другой женщиной становится более значимой по мере того, как отсутствие отца/мужа становится все более ощутимым. Хотя же на ориентирована на то, чтобы стать матерью, и становится способностью осуществлять материнскую заботу и готовность к ней могут прийти в противоречие друг с другом. Они могут также во внутренне противоречия сами по себе. Те же самые способности, которые делают материнскую заботу возможной, могут сделать проблематичной.

Гендерная личность и воспроизводство материнской заботы

Несмотря на явную связь между способностью женщины к вынашиванию ребенка и кормлению грудью, с одной стороны, и ее занятиями по уходу за ребенком, с другой, и несмотря на вероиспытанное доисторическое преимущество (возможно, связанное с выживанием) разделения труда по половому признаку, согласно которому уход детьми осуществляли женщины, биология и инстинкт не обеспечивают адекватного объяснения того, как женщина превращается в Материнскую заботу, осуществляемая женщинами, как черта отдельной структуры нуждается в объяснении в терминах социальности. Обычные феминистские и социально-психологические объяснения генезиса гендерных ролей — «девочек и мальчиков «оборудовано» соответствующему поведению и соответствующим чувствам эмпирически и методологически не удовлетворительны для понимания того, как женщина становится матерью.

Методологически теории социализации опираются на индивидуальные интенции. И это неверно. Имеющиеся в настоящее время социальные структуры заключают в себе средства своего воспроизводства — в регулярном повторении социальных процессов, в реинтеграции условий, которые требуют участия людей, входящих в структуру, в генезисе легитимации идеологии и институтов, в холотическом и физическом воспроизводстве людей, которые должны выполнять необходимые роли. Объяснения процесса социализации помогают понять суть механизма закрепления идеологических конструкций, связанных с гендерными ролями. Однако предостережения об адекватном поведении, как и принуждение, не могут сам-

себе привести к родительству. Психологические особенности и определенная позиция в структуре объектных отношений определяют родительство гораздо в большей степени, чем другие роли и действия.

Материнская забота, осуществляемая женщинами, содержит в себе возможность собственного воспроизводства. Это воспроизводство состоит в производстве женщин, обладающих особыми психологическими способностями и занимающих позицию, затем активизирующуюся в переносе родительстве, а также в формировании мужчин, которые не обладают этими способностями и находятся в другой позиции. Теория социального воспроизводства, разработанная в рамках психоанализа, объясняет главные черты развития психической структуры личности, в частности, дифференцированного развития гендерной индивидуальности. Психоаналитики утверждают, что личность конституируется особым образом, при помощи которых ребенок приобретает, интериоризирует и организует опыт жизни в своей семье в раннем детстве. Этот опыт, в свою очередь, складывается из его фантазий, защитных механизмов, которые он использует, и тех приемов, с помощью которых он направляет и переориентирует свои влечения в контексте объектных отношений. Затем индивид налагает эту интрапсихическую структуру, фантазии, механизмы защиты, типы отношений и сложности, которые с ними связаны, на внешние социальные ситуации. Эта реактериоризация (или взаимная реактериоризация) — главная конституирующая черта социальных и межличностных ситуаций.

Однако психоанализ не создал адекватной теории воспроизводства материнской заботы. Из-за телеологического предположения, что аналогия — это судьба, и что женская судьба предполагает исполнение функций первичного родительства, онтогенез материнской заботы, осуществляемой женщинами, не изучался даже тогда, когда внимание специалистов было сосредоточено на происхождении разного рода нарушений и проблем, связанных с материнством. Большинство психоаналитиков согласны в том, что основные родительства для обоих полов закладываются в отношениях с тем, кто ухаживает за ребенком в раннем детстве. Кроме того, чтобы объяснить, почему именно женщина заботится о ребенке, они склонны опираться на неопределенные представления о последующей идентификации девочки с матерью, которая превращает именно девочку, а не ее брата, в главного родителя, или на некоторую неопределенную не исследованную врожденную женскую суть (femaleness) девочек, или на непоследовательные переходы от кормления грудью или детских вагинальных ощущений к способностям и обязанностям по уходу за ребенком.

Новая интерпретация психоаналитического объяснения разницы между мужчинами и женщинами представляет собой динамическую теорию волеизъявления материнской заботы, осуществляемой женщинами. Материнская забота воспроизводится благодаря дифференциации опыта и холотических последствий объектных отношений у женщин и мужчин. Поскольку основную родительскую функцию по отношению к женщинам выполняют женщины, у них с большей вероятностью, чем у мужчин, формируется желание стать матерью, то есть опыт оказывает первичной системе отношений «мать—ребенок», получить удовольствие от этих отношений, приобрести психологические способности, необходимые для осуществления материнской заботы.

Отношения между ребенком любого пола и тем, кто о нем заботится, вырабатываются у него как способность вступать в отношения «родитель—ребенок», так и желание создавать эти тесные отношения. Однако, поскольку забота о детях лежит на женщине, опыт, него детства и дозрительные отношения у мальчиков и девочек разные. У девочек сохраняется больший интерес к проблемам раннего детства в контексте ее отношений с матерью и чувством того, что проблемы значимы для нее. Поэтому в характере ее привязанности сохраняется больше дозрительных элементов. Большая продолжительность и иной характер дозрительного опыта девочки и ее дальнейшая частность к проблемам этого периода означают, что чувство и у женщин сопряжено с другими и то что у них сохраняется способность первичной идентификации. Отсюда следует способность женщины эмпатии и то отсутствие чувства реальности, которое необходимо, кто ухаживает за ребенком. У мужчины эти качества само до минимума, во-первых, потому, что с самого раннего детства относятся к нему как к противоположности, и, во-вторых, потому что он должен подавлять свою привязанность к ней. Таким образом способность к установлению отношений, необходимыми для осуществления материнской заботы, находят свое развитие у женщин и мужчин, которые описывают себя более отделенными и независимыми от других.

Различия в структуре эдипова треугольника и в переживании опыта у мужчин и у женщин, которые проистекают из женской материнской заботы, способствуют дальнейшей дифференциации личностей и воспроизведению материнской заботы, осуществляемой женщинами. Результатом этого опыта является то, что различия объектный мир женщины, а также связанные с ним аффекты и проблемы поддерживаются более активно и более сложным объектный мир и аффекты мужчины. Это означает, что женщи-

определяют и воспринимают себя через отношения с другими. Их гендеросексуальная ориентация всегда является внутренним диалогом как с эдиповыми, так и с доэдиповыми проблемами отношений «мать—ребенок». Таким образом, женская гендеросексуальность — это треугольник, который для своей структурной и эмоциональной полноты предполагает наличие третьего лица — ребенка. У мужчины, в отличие от женщины, гендеросексуальные отношения сами по себе воспроиздают связь с матерью, которая возникает в раннем детстве, а ребенок эту связь нарушает. Более того, мужчина не определяет себя в терминах отношений и подавляет свои способности к установлению отношений и свою потребность в них. Тем самым мужчина готовится к жизни в мире отчужденной работы, отрицанием эмоций, а не к тому, чтобы идти навстречу потребностям женщины в близких первичных отношениях.

Эдипов комплекс, развиваясь на основе асимметричной организации родительства, обеспечивает психологическое табу на инцестуальные связи между родителем и ребенком и ориентирует мальчиков и девочек на гендеросексуальные связи вне семьи. Это — один из шагов к воспроизведению отношений родительства. Однако пути создания и поддержания гендеросексуальности и запрета на инцест у девочек и мальчиков различны. У мальчиков ситуация следующая. С одной стороны, формирование *супер-эго* и идентификация с отцом, вознаградившая превосходством мужественности, поддерживают запрет на инцест с матерью. С другой стороны, гендеросексуальная ориентация мальчиков служит продолжением их детской любви к матери. У девочек формирование гендеросексуальности, в первую очередь, поддерживает запрет на инцест с матерью. Однако женская гендеросексуальность не является столь жесткой в выборе партнера, как мужская. Это побуждает женщину поиск мужчины, заменяющего отца, и помогает ей принять его. В то же самое время в обществе, в котором господствуют мужчины, жесткая гендеросексуальность женщины не является необходимой, как, впрочем, не является необходимым подавление ее любви к отцу. Мужчины легче инициируют отношения, а экономическая зависимость от мужчин подталкивает женщин в любом случае к вступлению в гендеросексуальный брак.

Личностные проблемы женщин, связанные с отсутствием жесткости требований гендеросексуальности и недостаточной удовлетворенностью жизнью, сводятся на нет благодаря господству мужчины в гендеросексуальных союзах и семьях. Мужское господство способствует тому, что женщина приобретает способность к более чуткой реакции в сексуальных отношениях. В то же самое время про-

творения женской гетеросексуальности способствуют укреплению семьи и родительства, поскольку благодаря им женщины ориентированы на отношения с детьми и не считают интимные отношения единственным источником удовлетворения в жизни. Таким образом, отсутствие эмоциональности у мужчин и жесткой гетеросексуальной ориентации у женщин обеспечивают постоянство осуществления женщинами материнской заботы.

Итак, материнская забота, осуществляемая женщиной, формирует адекватные материнству способности и психологическое самоопределение женщины и в то же время купирует эти способности и соответствующую самоидентификацию у мужчин. В результате того, что в раннем детстве о ребенке заботится женщина, у мужчин формируются фундаментальная структура ожиданий, с которой обман забота о благополучии ребенка лежит на матери и у нее отсутствуют интересы, отдельные от интересов ее маленьких детей. Дочь вырастает, идентифицируя себя с матерью, относит к которой у нее есть такие ожидания. Эта система ожиданий является в распространённом стереотипе о том, что женщины по природе должны заботиться о детях всех возрастов, а также в удивительности в том, что («материнские» качества женщины могут и должны проявляться в других сферах их деятельности. Все это способствует тому, что именно женщины заботятся о маленьких детях и именно они дальнейшую ответственность.

Воспроизводство материнской заботы, осуществляемой женщиной, служит основным воспроизводством места и ответственности женщины в домашней сфере. Материнская забота как форма выражения структурного места женщины в домашней сфере связывает современную альтернативную организацию гендера и социальную организацию производства воспроизводства каждой из этих сфер. То, что женщины осуществляют материнскую заботу, является фундаментальной организацией поло-гендерной системы. Женская материнская забота — основной разделенный труд по признаку пола и порождает психологию и идеологию мужского господства, а также идеологические предрасположения о свойствах и природе женщины. Женщины как жены и матери каждый день вносят свой вклад в воспроизводство — как физическое и психологическое — мужской рабочей силы и тем самым — производством капиталистического производства.

Кроме того, материнская забота, осуществляемая женщиной, приводит семью в том виде, в каком она существует в обществе, способствует на господстве мужчин. Разделение труда по признаку пола и распределение труда среди членов семьи, согласно которому женщина осущес-

твора за детьми, приводит к разделению по признаку пола в сфере психической организации и ориентации. Оно порождает гендерные стереотипы асимметричных гетеросексуальных отношений между женщинами и мужчинами; оно порождает мужчин, которые противостоят женщинам, боясь их, действуют как стоящая над ними сила и вкладывают большую часть своей энергии в работу вне дома, и занимаются детьми. И, наконец, оно порождает женщин, направляющих свою энергию на воспитание детей и заботу о детях, которые затем воспроизводят разделение труда по признаку пола в семьях, где женщины (как и прежде) осуществляют материнскую заботу.

Таким образом, социальное воспроизводство является асимметричным. В соответствии со своей домашней ролью, женщина воспроизводит мужчин и детей физически, психологически и эмоционально. Женщина, работая по дому, изо дня в день воспроизводит физически самое себя; женщина как мать воспроизводит себя эмоционально и психологически в следующем поколении. Тем самым она способствует сохранению и укреплению своих собственных социальных ролей и своего положения в гендерной иерархии.

Институциональные характеристики структуры семьи и социальные отношения воспроизводства воспроизводит сами себя. Психологическое исследование показывает, что способность женщины к материнской заботе и связанные с ней обязанности, а также психологические свойства и желания, которые являются основанием эмоциональной работы женщины, формируются в процессе развития женской личности. Поскольку именно женщины являются основными родителями, девочки вырастают, обладая потребностями и способностями к установлению отношений с другими людьми, у них формируется психологическое самоопределение через отношения (self-relationship), которое и побуждает их в дальнейшем к осуществлению материнской заботы. У мужчин, поскольку они воспитываются также женщинами, таких способностей не формируется. Женщины окружают дочерей материнской заботой, и, став женщинами, дочери, в свою очередь, воспроизводят материнскую заботу.

Перевод Тамары Барчуковой и Жанны Черновой

Примечания

¹ Часть этой работы уже была ранее опубликована (см.: Chodrow N. *Cediral Asymmetries and Heterosexual Knots// Social Problems*. 1976. Vol. 4. P. 454-468).

² Это утверждение основывается на этнографических источниках в том сообщении антрополога Мишель З. Розальдо.

³ Здесь Баллинт следует Шандору Ференци (Ferenczi 1924, 1968).

⁴ Прекрасную интерпретацию этого феномена, построенную на наблюдениях над психистами, см.: Friedlan 1961.

⁵ Конечно, это лишь одна сторона психологической динамики. Шандор Смиртел (Chasseguet-Smirgel) отмечает, например, что мужчина так же способен удовлетворения и чувства безопасности, когда преуспевает в всемогущую мать в частичный объект привязанности (part-object).

⁶ Для социологического подтверждения см.: Kerhart 1967: 479-484; Z. 1970: 265-273.

⁷ Шассет-Смиртел (Chasseguet-Smirgel) утверждает, что то отношение которое Фрейд и Брунсуик (Brunswick) называют «нормальным презервативом» по отношению к женщинам и стандартным следствием для комплекса, представляет собой патологическую защитную реакцию на шенне неизбежного материнского всемогущества и не является простым ствием различия в гениталиях.

⁸ Алан Бут (Booth 1972: 183-193) сообщает, что дружба между женщинами в нашем обществе эмоционально богаче, чем между мужчинами. С этим также: Копатовку 1974: 677-686. В исследовании Комаровски про то, что у мужчин-студентов обычно есть друг-женщина, которому они бенно доверяют, тогда как с мужчинами они держатся как неприступная пость. Более того, эти студенты чувствовали некоторую ущербность отношения со своими близкими друзьями-женщинами, потому что они могли быть другие близкие друзья.

⁹ Она предполагает, что эта реакция, при которой импульсы агрессии и эротического влечения, противопоставленные идеализации, подавляются и становятся контрзаряженными, лучше объясняет женскую фритивность, что Мари Бонапарт (Bonaparte) и Дойч (Deutsch) определяют как «малыно» для женщин одухотворение сексуальности (feminine spritual of sex). Бонапарт объясняет это явление меньшей тибидозной энергией шин, а Дойч — конститутивным запретом (constitutional inhibition).

¹⁰ Эти данные подтверждаются во многих работах, представляющих лично сторонников движения за освобождение мужчин.

¹¹ Данные, которые подтверждают этот тезис, можно найти в большой культурно-сопоставительных исследований. См., например: Rosalind Lamphere 1974. Данные по современному капиталистическому обществу Booth 1972; для конкретной иллюстрации: Volt 1957; Gans 1967; Kommit 1962; Slack 1974; Young and Willmot 1957.

¹² Современную интерпретацию именно такого перехода см.: Young and Willmot 1957.

¹³ Это не значит, что у женщин не бывает конфликтов с детьми и что они не могут испытывать раздражения по отношению к ним.

¹⁴ Барбара Дэк указала мне в личной беседе, что объяснение того, почему женщины ухаживают за детьми, которое дает Клайн, соответствует логике описания коитуса у Баллинта и Ференци. Удовлетворение, получаемое женщиной в процессе ухода за детьми (mothering), является следствием того, что она становится как бы своей собственной матерью, и одновременно идентифицирует себя с ребенком, за которым ухаживает. Аналогичным образом в коитусе она является и воспринимается матерью (matкой) и идентифицирует себя с мужчиной, проникающим в нее.

Разные суждения об образе человека как великана предполагают разные представления о развитии человека, различные мнения о том, что ценно в любви.

Сейчас, когда предпринимаются попытки искоренить дискриминацию по признаку пола и установить социальное равенство и справедливость, социальные науки вновь открывают различия между полами. И это открытие делается тогда, когда оказалось, что теории, которые считались гендерно нейтральными и объективными, на самом деле отражают перспективу и оценки исследователя. Уверенность в нейтральности науки и самого языка, на котором формулируются научные теории, сменилась признанием того факта, что познавательные категории конструируются людьми. Наша приверженность тезису об относительности утверждений науки, разоблачающему один из мифов XX века, только крепнет, когда мы начинаем понимать, насколько глубоко наша привычка смотреть на мир мужскими глазами.

Одно из последних открытий в этой области касается вполне недавнего издания — классического руководства по грамматике и стилистике английского языка Вильяма Странка и Е. Б. Уайта «Основы стиля» (Strank & White. The Elements of Style). Постановление Верховного Суда по дискриминации по признаку пола побудило одного учителя английского языка указать на то, что правила английского языка обучают на примерах, в которых, с одной стороны, говорится о рождении Наполеона и сочинениях Кольриджа, сообщается, что «он был интересным собеседником, потому что обездлил весь мир и жил в десятке стран», а с другой — говорится о том, что какая-то Сьюзан влипла в историю, или, скажем, о том, что какая-то «женщина с двумя дестыми плелась по улице».

Психологи-теоретики, так же, как Странк и Уайт, незаметно для самих себя, потаились в ту же самую ловушку. Импицитно исходя из того, что нормой является жизнь мужчины, они пытаются «скрыть» женщину по мужской «мерке». Это возвращает нас к рассказу об Адаме и Еве, в котором, кроме всего прочего, говорится, что если вы делаете женщину из мужчины, то это обязательно плохо кончится. В концепциях жизненного цикла, как и в саду Эдема, женщина считается отклонением от нормы.

Начало тенденции психологии развития конструировать личность как проекцию образа мужчины, дугающего для женщин, было положено в работах Фрейда, строившего свою теорию психосексуального развития на основании изучения опыта мальчиков, для которого характерно, по его мнению, формирование эдипова комплекса. В двадцатые годы Фрейд старался преодолеть противоречия

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНЕННОМ ЦИКЛЕ МУЖЧИНЫ

Карол Гиллиган

Во втором действии пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» молодой купец Лопухин описывает свою успешную жизнь, полную упорного труда. После безуспешной попытки убедить Раневскую продать вишневый сад, чтобы сохранить состояние, он сам покупает этот сад (третье действие). Лопухин всего добился собственным домом и, покупая поместье, в котором его дед и отец были крепостными, он хочет навсегда стереть из своей памяти следы «трудной, несчастной жизни», вырубить сад и построить на его месте дачу, будет жить поколение, которое «увидит новую жизнь». Рассказывая о своем видении будущего, он рисует идеальный образ мужа, на который он ориентируется в своих поступках: «Иной когда не спится, я думаю: Господи, ты дал нам громадные необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы должны бы по-настоящему быть великанами». Раневская, предположительно бы по-настоящему быть великанями... Они только в скверно, говорит: «Вам понадобилось великаны... Они только в скверно хороши, а так они пугают...» (Чехов 1978: 198).

Концепции жизненного цикла представляют собой попытку рядочить и представлять в связанной форме динамику жизненного цикла и восприятия жизни, изменения желаний человека и реальности. Но природа этих концепций зависит, в частности, от позиции наблюдателя. Приведенный выше отрывок из пьесы Чехова свидетельствует о том, что позиция наблюдателя-женщины может различаться от позиции наблюдателя-мужчины.

* Перевод главы I «Woman's Place in Man's Life Cycle» из кн.: Gilligan, Carol. Different Voice. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. P. 5-11.

Сохраненный перевод предисловия и первой главы, сделанный О. В. Арнольд, опубликован: Этическая мысль 92 М., 1992.

своей теории, обусловленные тем, что она не учитывала анатомических особенностей женщин и того, что девочка по сравнению мальчиком в раннем детстве оказывается в иной структуре семейных отношений. Попытка Фрейда «втиснуть» женщину в свою концепцию, ориентированную на опыт мужчины, и рассматривать как человека, завидующего тому, что у нее отсутствует, окончилась неудачей, поскольку зафиксированная им сильная и устойчивая привязанность девочки к матери в доэдиповой фазе заставила его признать, что женщины развиваются иначе. Он считал, что эти различия являются причиной неудачного развития женщины.

Связывая формирование *суперэго*, или сознания, с боязнью страсти, Фрейд рассматривал женщину как существо, которое при родах лишилась стремления (*позыва* — *impetus*) к преодолению эдипова комплекса. Поскольку *суперэго* формируется как наследственный комплекс, сама возможность формирования *суперэго* женщины была поставлена под сомнение. Женское *суперэго* является «не таким неуловимым, не таким безличным, не таким независимым от своего эмоционального начала, как *суперэго* мужчин». Исходя из соображения о том, что «уровень этической нормы женщины отличается от уровня этической нормы для мужчин», Фрейд делает вывод, что «чувство справедливости у женщин ражено в меньшей степени, чем у мужчин, что они выражают меньше готовности следовать требованиям жизни, чаще подтверждают своих суждениях чувствам любви и ненависти, чем мужчины» (Freud 1925; 1961, vol. 19: 257–258).

Таким образом, проблема развития женщины стала теоретической проблемой. Основной построения теории развития женщины — опыт отношений женщины с другими людьми. Нэнси Холдоров, приняв попытку объяснить «воспроизводство из поколения в поколение некоторые общие, практически универсальных, различительные характеристики личности мужчины и женщины и их роль, связала эти различия между полами не с анатомическими различиями, а с тем, что «в действительности, в основном, именно женщины в любом обществе отвечают за заботу о маленьких детях». Поскольку социальная среда у мальчиков и девочек различна, и поскольку по-разному переживают отношения со своим ближайшим окружением, фундаментальные различия между полами сказываются на развитии личности. Вследствие этого женщина в любом обществе знает себя как личность через отношения и связи с другими людьми у мужчины осознание себя через отношения с другими людьми является «женю меньше» (Shodolow 1974: 43–44).

В своем анализе Холдоров опирается, в основном, на исследование Роберта Столлера (Stoller), который утверждает, что гендерная идентичность как неизменное ядро личности, «за редким исключением, устанавливается у обоих полов к трем годам». Если учесть, что о детях обоих полов до этого возраста заботятся именно женщины, межличностная динамика формирования гендерной идентичности у мальчиков и девочек различна. Формирование женской идентичности происходит в условиях постоянно развивающихся отношений, поскольку «мать относится к своей дочери как к подобной себе и как к продолжению самой себя». Соответственно, девочка, идентифицируя себя как женщину, ощущает себя похожей на свою мать, тем самым смешивая опыт привязанности к другому человеку с процессом формирования идентичности. К сыну мать относится как к своей противоположности». А мальчик, идентифицируя себя как мужчину, отделяет себя от матери, тем самым гася «свою изначальную любовь и чувство эмпатической связи». Следовательно, развитие мужчины предполагает «более выраженную индивидуацию* и более активную защиту границ *эго*». Именно у мальчиков «вопросы дифференциации личности (*differentiation*) оказываются связанными с поломом» (Shodolow 1978: 150, 166–167).

Выступая против тенденции психонализа, связанной с его ориентацией на мужчину как норму, Холдоров утверждает, что различные опыты индивидуализации и установления отношений с другими людьми у разных полов в раннем детстве «не означают, что у женщин более размытые границы *эго*, чем у мужчин, или что они более склонны к психозам». По сути дела, это означает, что «девочки, в отличие от мальчиков, пройдя период раннего детства, приобретают способность к «эмпатии», которая у них встроена в первичное определение самости». Таким образом, Холдоров замечает предложенное Фрейдом описание женской психологии, построенное по принципу отрицания и производности, на позитивное и прямое. «У девочки, — пишет она, — формируется способность к восприимчиво потребностей и чувств других людей как своих собственных (или склонность считать, что человек именно так и чувствует). Более того, девочки в меньшей степени определяют себя через отрицание доэдиповых типов отношений, чем мальчики. Таким образом, регрессия к этим типам отношений не воспринимается ими как сильная угроза их *эго*. Так как с раннего детства

* Индивидуация (*individuation*) — первый шаг в процессе отделения, в результате которого личность осознает себя автономной и самостоятельной (Прим. ред.).

девочка воспитывается матерью, то есть человеком того же пола что и она сама <...> девочка воспринимает себя как существо не отгичное от внешнего объектного мира, как более сопереживающее и связанное с ним, чем мальчик. Она иначе ориентирована на свой внутренний мир» (ibid.: 167).

Следовательно, у мужчин и женщин различается опыт взаимоотношений с другими людьми и, в особенности, опыт отношений с симости. У мальчика и мужчины процесс отделения и индивидуализации тесно связан с гендерной идентичностью, поскольку отделение матери необходимо для развития мужской идентичности. У девочки и женщины вопросы женственности или женской идентичности не зависят от отделения от матери или процесса индивидуализации. Поскольку женственность определяется через автономию, а женственность — рез привязанность, близкие отношения с другими людьми (иптиа) рассматриваются как угроза гендерной идентичности мужчины, тогда как *отделенность* рассматривается как угроза гендерной идентичности женщины. Таким образом, характерной особенностью жизни мужчины являются сложности в отношениях с другими людьми и женщины — проблемы индивидуализации. Однако та волевая жизнь женщины — проблемы взаимодействия и межличностные отношения которых отличает жизнь женщины, не только является различием уровне описания, но и предъвляется как обязательный признак развития на фоне того, что поворотные моменты развития в детско-подростковом возрасте трактуются в психологической литературе как стадии развития автономии. Несомненно, что автономия является признаком недостаточного развития личности женщины.

Итак, Холдоров описывает, каким образом происходит формирование различия полов в раннем детстве. Формированию различия полов посвящено множество психологических исследований, в частности, исследования игр детей среднего возраста. Джордж Герберт Мид (Mead 1934) и Жан Пиаже (Piaget 1932) считали детские игры важнейшим механизмом личностного развития в школьном возрасте. Играть, дети учатся играть роль другого и смотреть на себя со стороны. В процессе игры они учатся уважать правила и понимать, эти правила устанавливаются и как они могут быть изменены.

Жанет Левер (Lever), исходя из того, что группа сверстников является важнейшим агентом социализации в начальном школьном возрасте, поставила своей целью выявить, существуют ли в детских играх половые различия. Наблюдая за пятиклассниками десяти-одиннадцатилетних лет, белыми, принадлежавшими к среднему классу (всего 181 человек), она изучала организацию и структуру игры. Левер изучала игры

той в школе на перемене и на уроке физкультуры. Кроме того, она записывала рассказы детей о том, как они проводят время вне школы. На основании своих наблюдений она установила следующие различия между полами: мальчики чаще играют на улице, в больших разновозрастных компаниях; они чаще играют в игры, построенные на соревнованиях; игры мальчиков более продолжительны, чем игры девочек. Последняя характеристика является наиболее важной. Игры мальчиков делятся дольше, чем игры девочек не только потому, что они сложнее или требуют большей ловкости и потому менее скучны, а еще и потому, что когда в ходе игры возникает спор, мальчики разрешают их с большей легкостью, чем девочки: «В ходе исследования оказалось, что мальчики во время игры постоянно ссорились, но ни разу игра не закончилась из-за ссоры и не прерывалась больше, чем на семь минут. В самом серьезном споре последними словами всегда были «продолжим играть», которым обычно предшествовал целый поток обвинений в жадничестве и нечестности» (Lever 1976: 482). При наблюдении складывалось впечатление, что эти правые (legal) споры мальчишески разрешаются не меньше, чем сама игра, при этом даже не самые активные участники игры, обладающие меньшими навыками, участвуют в спорах наравне с остальными. Напротив, возникновение споров между девочками обычно приводит к прекращению игры.

Таким образом, Левер подтвердила результаты исследований привилегии пола в играх, сделанные Пиаже, и сформулировала несколько новых положений. Пиаже обнаружил, что мальчиков, в отличие от девочек, привлекает создание правил и разработка процедур справедливого разрешения конфликтов. У девочек, говорит Пиаже, более «прагматичное» отношение к правилу: «правила хороши постольку, поскольку в игре вознаграждаются их соблюдение» (Piaget 1965: 83). Девочки относятся к правилам более свободно, чаще готовы идти на исключения, легче принимают нововведения. В результате чувство законности (legal sense), формирование которого Пиаже считал необходимым условием морального развития, у девочек менее развито, чем у мальчиков» (ibid.: 77).

Тенденция к подходу Пиаже, которая выражается в том, что он отождествляет развитие ребенка с развитием мальчика, проявляется и в работе Левер. Описывая результаты своего исследования, она исходит из допущения, что мужская модель поведения больше соответствует требованиям достижения корпоративного успеха, господствующим в современном обществе. Напротив, отзывчивость и забота о чувствах других, которые развиваются в играх девочек, обладают незначительной «рыночной стоимостью» и даже могут препятствовать профессиональному успе-

ху. Левер предполагает, что, учитывая те проблемы, с которыми сталкивается взрослый человек, девочка должна научиться играть с мальчиком, если в будущем она не хочет зависеть от мужчины.

К расуждению Пиаже о том, что дети в процессе игры уважают правила, необходимо для их морального развития, рене Кольберг (Kolberg 1969) добавил, что эти уроки наиболее эффективно усваиваются в ходе разрешения споров. Отсюда следует, что девочки из своих игр усваивают меньше моральных уроков, мальчики. В традиционных играх девочек, таких как игры со калкой, классики, предполагается очередность, и поэтому соревнование в них не является прямым, а успех одного не обязательно означает поражение другого. Поэтому вероятность возникновения споров, требующих разрешения, значительно меньше. Действительно, большинство девочек, проинтервьюированных Левер, сообщают, что когда в ходе игры возникает ссора, они заканчивают игру. Девочки отдают приоритет сохранению дружеских отношений с другом, а не продолжению игры и разработке системы правил решения споров.

Отсюда Левер делает вывод, что в своих играх мальчики участвуют независимо и организационным навыкам, необходимым для организации действий больших и разнородных групп людей. Однако в моделируемых играми ситуациях соревнования, которые специально контролируются и одобряются, мальчики участвуют в играх и соревнуются с друзьями. И все это в соответствии с правилами. В отличие от мальчиков, девочки стремятся играть в малых, более тесных группах, часто в паре с лучшей подругой, в определенных местах. Их игры построены на тесной кооперации, тем самым копируя социальную модель первичных отношений между людьми. Они в меньшей степени нацелены на абстрактные человеческие отношения, на то, чтобы ребенок научился брать на себя роль «обобщенного другаго» (термин Мида), а в большей степени — на разделение эмпатии и чувствительности, необходимых для того, чтобы брать на себя роль «особенного другаго» и понимать другого человека как личность от самого себя.

Таким образом, различия полов в формировании личности в раннем детстве, которые Ходоров выявляет на основании своего анализа отношений между матерью и младенцем, предполагают и выявляются, согласно исследованиям Левер, в игровой деятельности той среднего возраста. Исследования обих психологов свидетельствуют о том, что мальчики и девочки достигают этапа половой созревания, имея разные межличностные ориентации и различия

социальный опыт. Поскольку юность считается решающим периодом в процессе отделения личности, периодом «второй индивидуации» (Vios 1967), развитие женщины кажется в этот период наиболее отличным от развития мужчины и тем самым — наиболее сложным для понимания.

«Переходный возраст», — говорит Фрейд, — который несет с собой значительное усиление либидо у мальчиков, в жизни девочки отмечен новой волной *подавления*, необходимым для трансформации «мужской сексуальности» юных девочек в специфическую женскую сексуальность, присущую взрослым женщинам (Freud 1905; 1961, vol. 7: 220–221). Фрейд связывает эту трансформацию с тем, что девочка признает факт своей кастрации и смиряется с ним (Фрейд 1989). Для девочки, объясняет Фрейд, переходный период связан с осознанием новой «раны на ее нарциссизме», которое ведет к тому, что на месте ран у нее появляется шрам «чувства неполноценности» и т.д. (Freud 1925; 1961, vol. 19: 253).

Эрик Эрикссон, расширивший психоаналитические представления Фрейда, трактует юность как время, когда ключевым аспектом развития является идентичность. Девушка, считает он, подходит к этому периоду своей жизни или в состоянии психологического риска или руководствуясь другими жизненными планами.

Сложности исследования развития девушки в период юности, проявляюая в схеме развития личности, разработанной Эриксоном (Erikson 1950; Эрикссон 1996). Эрикссон выделил восемь стадий психосоциального развития, где юность составляет пятую стадию. Задача, которая стоит перед человеком на этой стадии, — осознать себя как целостную личность, преодолеть дискретность переходного возраста и приобрести способность любить и работать, присущую взрослому человеку. Возможность успешного разрешения кризиса идентичности в период юности заложена, согласно Эрикссону, в успешном разрешении кризиса, характерного для предыдущих четырех стадий.

Несмотря на то, что первый кризис младенческого возраста — «доверие *versus* недоверие» — показывает, что развитие личности описывается на опыт отношений с другими людьми, задача этого периода жизни — индивидуация. Вторая стадия развития личности, по Эрикссону, связана с разрешением кризиса «автономия *versus* стыд и сомнение»; в результате успешного разрешения этого кризиса у ребенка формируется чувство отделенности (*separateness*) и способность к действиям (*agency*). Для следующей стадии развития характерен кризис «инициатива *versus* вина», успешное разрешение которого ведет к успешному автономии личности. Далее следует неизбежное разоча-

рование в волшебных желанных эдипова периода, когда дети понимают, что для того, чтобы соперничать со своими родителями, должны присоединиться к ним и научиться делать то, что те умеют делать так хорошо. В среднем детском возрасте развитие приводит к кризису «труднолюбие чувств неполноценности», поскольку подтверждение своих знаний и умений становится решающим фактором развития самооценки ребенка. В это время ребенок стремится усвоить, а затем и усовершенствовать навыки владения технологиями своей культуры для того, чтобы осознать свою способность стать взрослым, и для того, чтобы другие признали эту его способность. Затем наступает юношеский возраст: наслаждение независимости, базирующейся на идеологии, которая может поддерживать оправдать то, что должен делать взрослый человек. Но о ком говорит Эрикссон?

Все эти рассуждения очевидно относятся к мальчикам. У девочки говорит Эрикссон (Erikson 1968), последовательность фаз развития несколько иная. Девочка «удерживает» свою идентичность в неопределенности, так как она готовится к тому, чтобы привлечь мужчину, чье имя она будет носить, статус которого будет определять ее статус, мужчину, который спасет ее от тусоты и одиночества, заподозрит ее «внутренний мир». Если у мужчины идентичность, предшествующая интимности (intimacy) и способности к воспроизводству (generativity), что соответствует оптимальному жизненному циклу, где есть место самостоительности, и привязанности к другим, то у женщины задачи, по-видимому, смешаны. Способность к установлению и поддержанию близких отношений (intimacy) развивается параллельно идентичности, так как женщина приходит к познанию самой себя только по мере того, как ее узнают другие, через свои отношения с другими.

Несмотря на то, что Эрикссон констатирует различия между девочками, он оставляет предложенный им порядок стадий жизненного цикла неизменным: идентичность продолжает предшествовать интимности, а жизненный опыт мужчины продолжает определять его развитие жизненного цикла. Но в этом мужском цикле жизни остается место для подготовки к интимности первой стадии взрослой жизни. Только на начальном этапе «доверие versus недоверие» присутствует тот тип взаимности, который Эрикссон называет интимностью и способностью к воспроизводству (generativity), а Фрейд — генитальной фазой (genitality). Все остальные периоды развития мальчика развиваются отдаленности и самостоятельности, так что развитие

ности как таковое отождествляется с самостоятельностью и отдаленностью, а привязанность выглядит как задержка в развитии, что постоенно сказывается в оценке женщины.

Описание Эриксоном формирования личности женщины в контексте его отношений с миром и описание личности женщины как пробуждающейся в интимных отношениях с другим человеком, трудно назвать новым. Анализ волшебных сказок, проведенный Бруно Беттельгеймом (Betelheim 1976), представляет аналогичную картину. Он иллюстрирует личностную динамику юности архетипическим конфликтом между отцом и сыном в сказке «Три языка». В этой сказке говорится о сыне, который с точки зрения своего отца был безнадежно глуп. Отец решил дать ему возможность научиться уму-разуму и отослал его на год к опытному наставнику. Но он сумел научиться лишь одному за это время — понимать лай собак. После еще двух неудачных попыток чему-нибудь научить сына отец приказал своим слугам отвести его в лес и там убить. Но слуги, традиционные помощники покидаемых и отвергаемых детей, пожалели несчастного и решили просто оставить его в лесу. Блуждая по лесу, мальчик попал в страну, захваченную страшными собаками, которые никому не давали покоя своим лаем и время от времени пожирали кого-нибудь из обитателей страны. Так оказалось, что герой сказки научился как раз тому, что нужно: он умел говорить с собаками. Благодаря своему уменью, он смог их успокоить и тем самым установил в стране мир и спокойствие. Затем он смог применить и другие приобретенные им знания и потому вышел победителем из юношеского конфликта с отцом.

Юность женщины изображается в сказках совсем иначе. В волшебном мире у девочки после первого кровотечения наступает период полного бездействия, в течение которого внешне ничего не происходит. Тем не менее, в глубоком сне Белоснежки и Спящей Красавицы Беттельгейм усматривает период внутренней концентрации, который он считает неотъемлемой частью их приключений. Так как юные героини просыпаются ото сна не для того, чтобы завоевывать мир, а для того, чтобы выйти замуж за принца, их идентичность определяется внутренне и в межличностных отношениях. У женщин, по мнению Беттельгейма и Эриксона, идентичность и способность к близким отношениям тесно переплетены между собой. Персонажи волшебных сказок, подобные фантастической женщине-воину из последнего автобиографического романа Максина Гонт Кингстон (Kingston 1977), который можно трактовать как отзыв старых сюжетов о Троице и Крессиде, Танкреде и Клоринде, подтверждают

представление, что приклонения — это дело мужское, а если женщина решается на нечто подобное, то она должна, по крайней мере, одеться в мужской костюм.

Эти наблюдения, касающиеся половых различий, подтверждает заключение Дэвида Мак-Клеганда (McClelland 1976): «пол человека и роли, которые он играет в соответствии со своим полом, являются одной из наиболее важных детерминант поведения; психологи обнаружили половые различия с того самого времени, когда они начали проводить эмпирические исследования». Но, поскольку трудно сказать «другой» и не дать при этом оценки «лучше» или «хуже» поскольку существует тенденция конструировать единую шкалу измерений, и эта шкала обычно строится и унифицируется на основе интерпретации эмпирических данных, которая осуществляется мужчинами и на основе исследования мужчин, в психологии «существует тенденция считать мужское поведение нормой, а женское поведение — в той или иной степени, отклонением от нормы» (McClelland 1976: 81). Поэтому когда поведение женщины не соответствует ожиданиям, вытекающим из данной методологической тановки, психологи констатируют отклонение от нормы.

Так Матина Хорнер (Horner 1972) показывает, что одним из тех отклонений считается беспокойство (anxiety), которое проявляют женщины по поводу достижения успеха в условиях конкуренции (competitive achievement). С самого начала исследования Мотивации Людей с помощью теста на тематическую апперцепцию (ТАТ) было осложнено данными, свидетельствующими о половых различиях, которые, казалось, только запутывали и усложняли анализ эмпирического материала. В ходе теста испытуемым предлагалось нарисовать вышнюю следующую задачу: написать рассказ по картинке или же доложить незаконченный рассказ. Психологи считают, что в таком рассказе проявляется проективное воображение личности; они указывают, каким образом человек истолковывает то, что он видит и воспринимает, то есть в них содержится понятия и интерпретации, которые он привносит в свой опыт и которые показывают, как понимает смысл своей жизни. Еще до исследования, проведенного Хорнер, было ясно, что женщины придают ситуациям конкурентной инстинкту, чем мужчины, что до некоторой степени они видят ситуацию иначе, или они выражают у них другую реакцию.

Изучая мужчин, Мак-Клеганда выделил две логические составляющие достижительной мотивации: мотив стремления к успеху («лежа на удачу») и мотив избегания неудач («страх перестать неудачу»). Хорнер, исследуя женщин, обнаружила еще один кажущийся не-

дополнительным мотив: стремление избежать успеха («боязнь успеха»). Хорнер предположила, что достижение успеха в ситуации конкуренции ставит перед женщиной психологическую проблему. Эта проблема, видимо, обусловлена тем, что женщина чувствует конфликт между женственностью и успехом. Девушка стремится соединить женскую идентичность со свойственными ей установками, сформированными в раннем детстве, с более маскулиными навыками, которые она приобрела в школе. На основании анализа того, каким образом женщины заканчивали рассказ, начинавшийся с предложения: «По результатам экзаменов первого семестра Анна оказалась лучшей в классе», а также наблюдений над тем, как женщины ведут себя в ситуации конкуренции, Хорнер делает вывод, что, когда женщины видят, что успех вероятен или возможен, то, испуганные его возможными негативными последствиями, они начинают испытывать чувство беспокойства, которое блокирует их позитивно устремленность к успеху» (Horner 1968: 171). Из этого она заключает, что эти опасения возникают «потому, что для большинства женщин достижение успеха в условиях конкуренции, особенно в конкуренции с мужчинами, связано с ожиданиями определенных негативных последствий, например, с угрозой общественного неприятия или с утратой женственности» (ibid.: 125).

Однако подобные конфликты, связанные с боязнью успеха, можно интерпретировать и иначе. Джорджия Сассен утверждает, что конфликты, о которых говорят женщины, в действительности связаны с «более глубоким пониманием ими "обратной стороны" успеха, тех огромных эмоциональных затрат, которыми чревата победа в борьбе; пониманием — пусть и не всегда отчетливым того, что есть что-то неприглядное в том, что критерием успеха являются оценки, которые должны быть выше, чем у всех остальных» (Sassen 1980: 15). Сассен указывает на то, что Хорнер зафиксировала у женщин беспокойство по поводу успеха только в ситуациях прямой конкуренции, то есть когда за успех одного заплачено провалом другого.

В своем исследовании кризиса идентичности Эрикссон (Erikson 1968) обращается на жизнь Джорджа Бернарда Шоу, используя ее для иллюстрации чувств молодого человека, к которому рано пришел успех, но не принес ему никакой радости. Когда Шоу было 70 лет, он, размышляя о своей жизни, связывал кризис личности, пережитый им в двадцатилетнем возрасте, не с отсутствием успеха или признания, а с избытком того и другого: «Я достиг хороших результатов вопреки самому себе, и, наконец, к своему смущению, что Бикнесс, вместо того, чтобы выпнать меня, как никчемного самозванца, принял меня и не собирался отпущать».

Итак, попытайтесь вообразить меня двадцатилетним юношей с разованием, необходимым для занятий тем, что я ненавидел с той же силой, с какой любой здравомыслящий человек ненавидит то, чего он не может убожать. В марте 1876 года я вырвался на свободу (цит. по: Erikson 1968: 143). С этого времени Шоу начал заниматься только тем, что ему нравилось.

Оценку, которую дает решению Шоу Эрикссон, лишь с большой трудной можно охарактеризовать как негероическое беспокойство в воду достижения успеха и конкуренции: отказ Шоу от карьеры в Эрикссоне как «из ряда вон выходящие поступки, характерные для мирования выдающейся личности» (Ibid.: 144).

Сказанного выше достаточно, чтобы поставить исследователям вопрос по-новому. Нужно выяснять не причины того, что достигают конкурентной борьбе успех вызывает психологический дискомфорт женщины, а причины того, что мужчины в стайкой готовностью принимают уязвимый взгляд на успех. Принимая во внимание наблюдение Плоттнера о сохранении правил, а девочки — сохранять отношения, стремясь сохранить правила, а также учитывая заключение Холлора, что мужской ориентирован на достижение определенного социального положения женщина — на личные отношения, можно понять, почему в разе Хорнер о профессиональном успехе страх перед успехом не исходит из места «Анны» ставится «Джон», и продолжение расказа пишется мужчинами. Считается, что коль скоро Джон игнорирует правила, он должен выигрывать. У него есть право радоваться ему успеху. Утвердившись как личность, независимая по отношению к тем, кто обладает меньшей компетенцией, он утверждает свое положение в обществе. В то же время, возможно, что положение, которое достигла Анна, став лучшей в классе, — это не то, чего она да на самом деле.

«Очевидно, — говорила Вирджиния Вулф — ценности женщины очень часто отличаются от ценностей, которые создаются для «полюма» (Woolf 1929: 76). И все же, добавляет она, «мужские ценности господствуют». Поэтому женщины начинают подвергать критике нормальность своих чувств и изменять свои суждения, чтобы нормально чувствовать своих друзей и изменять свои суждения, чтобы в зависимости от мнений других. Романы, написанные женщиной в XIX в., Вулф рассматривает как работу «сознания, которое много свернуло с прямого пути, но продолжало разрабатывать взгляд тех, кто господствовал в обществе». Такое же отношение к ценностям и взглядам других можно усмотреть и в суждениях женщин XX века. Проблемы, с которыми сталкиваются же-

пытаясь публично говорить от своего собственного имени, возникают постоинно, подтверждение тому оговорки*, сомнения в собственных силах, а также их постоянные намеки на то, что суждения, высказываемые в публичной и частной сферах, в сущности своей несовместимы.

И все же преклонение перед авторитетами и неуверенность — черты, которые критикует Вулф в женщинах, — коренятся в тех ценностях, которые она считает силой женщины. Преклонение и почтение, характерные для отношения женщины к чуждому мнению, порождены не только их социальной субординацией, но и морально-психологическими характеристиками, присущими женщинам. Понимание потребности и нужд других и чувство ответственности за заботу о них приводит к тому, что женщины прислушиваются к голосам других больше, чем к своему собственному, и учитывают в своих суждениях взгляды других людей. Моральная слабость женщины, выражающаяся в неопределенности и запутанности суждений, несомнима от их нравственной силы, от того, что приоритетом для них являются отношения с другими людьми и ответственность. Нежелание формулировать суждение может само по себе свидетельствовать о связи с другими и об ориентации на других, пронизывающих психологическое развитие женщины и выявляющих причинной того, что обычно считается слабостью женской психологии.

Таким образом, женщины не только определяют себя в контексте отношений между людьми, но также и судят о себе с учетом своей способности заботиться о других. Место женщины в цикле жизни мужчины — кормить, заботиться, помогать, создавать сеть отношений, на которую она затем и полагается. Но пока женщины заботились о мужчинах, мужчины в создаваемых ими теориях психического развития и экономического устройства общества стремились либо поддать эту заботу как должное, либо обесценить ее. Когда критерием зрелости личности считается индивидуализация и индивидуальное достижение и зрелость приравнивается к личной независимости, то интерес к отношениям с другими людьми оказывается, скорее, проявлением женской слабости женщины, чем силы личности (Miller 1976).

Лучше всего различие в понимании сущности женщины (womanhood) в отличие от понимания сущности взрослого человека (adulthood) как такового представлено в работе Бровермана и др. (Browetman, Vogel, Brovetman, Clatson, Rosenkranz 1972). В этом исследовании неоднократно подтверждено представление о том, что качества, которые счи-

* Оговорка эд. в значении оправдание (Прим. перекл.).

таются важными для взрослой жизни: способность к независимым мышлению, умение принимать решения и способность к ответным действиям, — ассоциируются с сущностью мужчины и считаются желательными характеристиками для женщины. Стереотипы писывавот разделять любовь и работу таким образом, что эмоциональная сфера отдается женщинам, а производственные навыки мужчинам. Однако если взглянуть на эти стереотипы с другой стороны, то станет ясно, что они отражают представление о взрослом человеке, которое лишено внутренней сбалансированности, поскольку в нем отдается предпочтение отделенности индивидуального Я, связи с другими людьми, склонности к независимой жизни, постоянной работе, а не отношению взаимной зависимости, построенной на любви и заботе о других.

Таким образом, мужчина, прожив половину жизни, открывает себя важность эмоциональной близости, отношений с другими людьми, то есть то, что женщина известно с самого начала. Однако поскольку это знание считалось «инстинктивным» и «интуитивным», рассматривается как функция связи анатомии и судьбы, оно остается вне поле зрения психологов. Проведя ряд исследований, мы увидели, что нравственное развитие женщин сосредоточено именно усвоении такого знания и, таким образом, составляет канву психического развития в жизни обоих полов. Исследования становления морально-психологической структуры личности не только с красноречивой иллюстрацией того, как в психологии развития провозводятся принципы изучения различий между полами и их корни, но и помогают понять, почему природа и смысл развития женщин так долго оставались покрытыми тайной.

Критическое отношение Фрейда к представлениям женщин о величии как к компромиссу, связанному с отказом от спелости и страсти, воспринимается не только у Пиаже, но и у Берга. Тогда как в интерпретации моральных суждений ребенка Пиаже (Piaget 1932) девочки являются периферийным объектом маниакальной экзотикой, которой посвящено четыре слайда метного указателя, где, между прочим, отсутствует вхождение «чижи», потому что «ребенок» считается тождественным мужчине, то в исследовании, на котором построена теория Колб, женщины просто не существуют. На основе изучения восьмидесяти четырех мальчиков, которые возмужали за время исследования, шестого более 20 лет, Колбберг выделил шесть стадий развития морального суждения, от детства к взрослому состоянию (Kolbberg 1981). Хотя Колбберг претендует на универсальность последовательности

ности выделенных им стадий, группы, не включенные им в исходную выборку, редко достигают высших стадий нравственного развития (Edwards 1975; Holstein 1976; Simpson 1974). Большую часть тех, кто обнародовал ущербное нравственное развитие, согласно шестиступенной схеме Колбберга, составили женщины, чьи суждения соответствовали третьей стадии. На этой стадии нравственность понимается в межличностных терминах, а быть добродетельным означает помогать другим людям и угождать им. Это понимание добродетельности (goodness) считается Колббергом и Крамером (Kolbberg & Kramer 1969) функциональным в жизни зрелой женщины только тогда, когда ее жизнь протекает в доме. Если же женщины вступают в традиционные мужские сферы деятельности, они начинают осознавать узость своего нравственного горизонта. Это побуждает их к дальнейшему нравственному развитию по сценарию, характерному для мужчин и ведущему к более высокой ступени развития морального сознания, где отношения между людьми подчинены правилам (четвертая стадия), а правила — универсальным принципам справедливости (пятая и шестая стадии).

Тем не менее здесь заложен известный парадокс: те черты, которые, согласно традиции, определяют «добродетельность» женщины, — способность к заботе о других и отзывчивость — в то же самое время считаются дефектом ее морального развития. Однако в данной концепции морально-психологического развития личности понятие зрелости выводится на основании исследования жизни мужчин и отражает важность индивидуации в их развитии. Пиаже (Piaget 1970), опровергая распространенное представление о том, что теория развития личности построена как пирамида, основание которой составляет младенчество, утверждает, что теория как бы «подвешена» на точке зрелости, являющейся целью личностного развития. Таким образом, изменение в определении зрелости не просто приводит к другому описанию высшей стадии развития, но и меняет всю интерпретацию развития личности.

Когда исследователь начинает изучать женщин и строит теории развития личности, основываясь на их жизни, начинает вырисовываться представление о морали, отличное от того, которое предложено в исследовании Фрейда, Пиаже или Колбберга. Согласно этому *фруму* представлению, моральная проблема возникает из конфликта ответственности разных людей, а не из конфликта их прав. Для разрешения этого конфликта необходим тип мышления, который опирается скорее на контекст и нарратив, чем на формализмы и абстракции. Это представление о морали, связанное с заботой, ставит в

центр нравственного развития ответственность и отношения между людьми, тогда как концепция морали как справедливости связывает нравственное развитие с пониманием прав и правил.

Эта особенность восприятия моральной проблемы женщинами может быть рассмотрена как основная причина их неспособности развиваться в жестких рамках системы, построенной Кольбергом. Расматривая концепции ответственности как свидетельство конвенционного понимания нравственности, Кольберг считает, что высшая стадия морально-психологического развития личности связана с рефлексивным пониманием прав человека. Иллюстрацией того, что нравственность основанная на праве, отличается от нравственности, основанной на ответственности, поскольку приоритетными оказываются независимый индивид, а не его связи с другими людьми, сама личность, а не человеческие отношения, являются два фрагмента интервью о природе этики. Первый ответ принадлежит мужчине 25 лет, одному из тех, которые наблюдали Кольберг в процессе своего исследования:

«Вопрос: Что для тебя значит слово мораль?»

Ответ: Никто в мире не знает ответа на этот вопрос. Я думаю, что это признание прав человека, права людей не посягать на права других. Поступай так же справедливо, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Я думаю, что на самом деле это означает, что мы охранять право человека на существование. Я думаю, что это очень важно. Во-вторых, право человека поступать так, как ему нравиться, но опять-таки без нарушения прав кого-то другого.

Вопрос: Как изменился твой взгляд на мораль со времени проведения интервью?»

Ответ: Я думаю, что сейчас я стал лучше осознавать правдивую личность. Я, бывало, смотрел на все только со своей точки зрения, только для себя. Сейчас, я думаю, что я лучше осознаю индивида имеет право делать».

Кольберг цитирует ответ этого мужчины как иллюстрацию представления о правах человека, которое соответствует пятой и шестой стадиям развития. Комментируя этот ответ, Кольберг говорит: «Новаясь на точку зрения человека, находящегося вне своего обычного отождествляет мораль со справедливостью (честностью, правдой «золотым правилом»), с признанием прав других людей, определенное существо может поступать так, как ему нравится, но при этом оно не должно посягать права других, — это формула, в которой содержится определение прав, предшествующее их определению в общественном законодательстве» (Kohlberg 1973: 29–30).

Другой ответ принадлежит женщине, которую интервьюировали в ходе исследования проблемы прав и ответственности. Ей также 25 лет, и во время проведения она была студенткой третьего курса юридического факультета.

«Вопрос: Существует ли какое-нибудь правильное решение моральных проблем, или, может быть, одинаково правы все?»

Ответ: Нет, я не думаю, что мнения всех одинаково правильны. Я думаю, что есть ситуации, когда мнения всех одинаково законны, и можно осознанно выбрать один из нескольких возможных способов действия. Но есть другие ситуации, в которых, я думаю, могут быть правильные и ошибочные решения, и это в каком-то смысле закономерно в самой природе нашего существования, существование всех людей, которые живут друг с другом. Мы нуждаемся в том, чтобы зависеть друг от друга, и к счастью, это не только физическая потребность, но и наша потребность в самореализации, заключенная внутри нас: жизнь личности обогатится за счет взаимодействия с другими людьми и стремления жить в гармонии со всеми. Поэтому существует правильное и неправильное, существует то, что приближает к этой цели, и то, что отдаляет от нее, и поэтому есть возможность в определенных ситуациях выбирать различные способы действия, которые, очевидно, либо продвигают нас к цели, либо мешают достигнуть ее.

Вопрос: Было ли время, когда вы думали об этом по-другому?»

Ответ: О да, я думаю, я прошла стадию, когда была уверена, что все достаточно относительно, что я не могу говорить, что вам надо делать, и вы не можете говорить мне, что мне нужно делать, потому, что у меня свой ум, а у вас — свой.

Вопрос: Когда это было?»

Ответ: Когда я училась в школе, в старших классах. Мне кажется, меня тогда как бы осенило, что с возрастом мои представления меняются, а поскольку меняются мои собственные представления, я считаю, что я не могу осуждать взгляды других людей. Но сейчас я думаю, что если даже только сам человек пострадает от неверного решения, которое он принял, я должна сказать ему, что то, что он собирается делать, ошибочно, поскольку его решение не согласуется с моими знаниями о человеческой природе, о нем самом и о том, как устроена вселенная. Я могу сказать ему, что ты делаешь ошибку.

Вопрос: Как вы думаете, почему вы изменились?»

Ответ: Потому что я больше узнала о жизни. Узнала, что существует ужасно много общего между людьми. Есть что-то, что помогает улучшить жизнь, взаимоотношения, способствует самореализа-

ции. Есть и кое-что другое, что, в основном, способствует прямо тивоположному. И то, что способствует улучшению, можно назвать моральным, правильным».

В этом ответе, как и в предыдущем, представлена реконструкция морали, которая явилась итогом периода вопросов и сомнений эта реконструкция основана не на приоритете и универсальности личности, а скорее на чувстве, которое она описывает, как «« сильное чувство ответственности за мир». В рамках этой конструкции меняется формулировка моральной дилеммы. Вместо вопроса, «как пользоваться своими правами и при этом не нарушать права других людей», ставится вопрос о том, «что такое нравственная жизнь, предполагающая обязательства перед собой, перед собой и людьми вообще». В этом случае личность частично снимает себя ответственность, не отказываясь при этом от нравственных боты. Когда эту женщину попросили описать себя, она сказала: «Меня важно, «что есть люди, с которыми я связана, и есть люди которых я отвечено. У меня очень сильное чувство ответственности за мир, я не могу жить только для своего удовольствия. Самостоятельное существование в мире налагает на меня обязательство делать все в моих силах, чтобы мир стал лучше для жизни, и не важно, что может быть что-то очень незначительное». Таким образом, если всего респондента Колберга волнуют люди, которые нарушают права других, то эту женщину волнует «возможность бездействия да «человек не помог кому-то, а мог бы».

Основываясь на формулировке нравственной проблемы, которая дает респондентка Джейн Лёвинджер относит ее к пятой («автономной») стадии личностного развития, при которой автономия помещенная в контекст отношений, смягчает чрезмерное чувство ответственности за счет признания того, что другие люди тоже ответственны за свою судьбу. Автономная стадия, согласно Лёвинджер, свидетельствует об отказе от моральных дихотомий и об измене «осознанием сложности характеров реальных людей и различии реальных ситуаций» (Loewinger 1970: 6). Если правовая концепция морали, соответствующая высшим уровням развития морального знания (по Колберту, пятой и шестой стадиям), способствует автономному честному или справедливому решению моральных дилемм, которыми могут согласиться все разумные люди, то концепция ответственности исходит из отграниченности любого конкретного решения и описывает конфликты, которые остаются неразрешенными.

Таким образом, понятно, почему мораль, основанная на привнесении справедливости, может пугать женщин тем, что она способ-

развивать безразличие и отсутствие интереса к другим людям. В то же время ясно, почему с мужской точки зрения мораль как ответственность выглядит неубедительно и размыто, отпицается ситуационным релятивизмом. Таким образом, моральные суждения женщин раскрывают существо различий, которые наблюдаются в развитии полов. Кроме того, анализ моральных суждений женщин может способствовать созданию альтернативной концепции зрелости, которая станет новым основанием оценки различий полов и их последствий. Психология женщин, специфика которой была справедливо определена в терминах отношений и потребности взаимной зависимости в отношениях с другими, оказывается в контекстуальном по своему характеру моральном суждении и в специфическом понимании морали. В силу специфики своих представлений о самости и нравственности женщины рассматривают жизненный цикл с особой точки зрения и упорядочивают человеческий опыт на основании других приоритетов, чем мужчины.

Миф о Деметре и Персефоне, который Мак-Клеппанд приводит в качестве примера женского отношения к власти, связан с элевсинскими мистериями, которые праздновались в Древней Греции более двух тысяч лет назад. Как говорится в гомеровом «Гимне к Деметре», рассказ о Персефоне подчеркивает значимость и силу взаимозависимости, создавая ценности и отдавая их другим, которые характеризуют стиль поведения зрелой женщины, как выявил Мак-Клеппанд в своих исследованиях причин стремления к власти. Хотя, говорит Мак-Клеппанд, «модно утверждать, что никому неизвестно, что происходило во время мистерий, вероятнее всего они были самыми важными ритуальными церемониями (о чем можно судить и по историческим документам), которые организовывались женщинами и для женщин, в особенности, в самом начале, когда мужчины еще не начали брать над ними верх, опираясь на культ Диониса». Таким образом, Мак-Клеппанд рассматривает миф как «особый способ представления женской психологии» (McClelland 1975: 96). Миф является также рассказом о цикле жизни раг excellence.

Персефона, дочь Деметры, играя на лугу с подружками, увидела прекрасный нарцисс, который тут же сорвала. Как только она это сделала, земля разверзлась и Аид увлек ее в свое подземное царство. Деметра, богиня земли, так оплакивала потерю своей дочери, что замедлила вся растительная жизнь на земле. Посевы, поддерживавшие жизнь на земле, погибали, неся, в свою очередь, гибель людям и животным, и так продолжалось до тех пор, пока Зевс не пожалел страдающих людей и не уговорил своего брата вернуть Персефону ее ма-

тери. Но перед тем как вернуться на землю, Персефона съела несколько гранатовых зерен и поэтому каждый год она должна какое-то время проводить с Аидом под землей.

Неудивительна тайна развития женщин состоит в том, что оно детелствует о значимости привязанности к другому на протяжении всего жизненного цикла человека. Место женщины в жизненном цикле мужчины состоит в том, чтобы поддерживать это свидетельство, да как «хор» психологов «поет славу» отделению, независимости, автономности, индивидуализации и естественным правам. Миф о Персефоне прямо говорит о порочности подобной ориентации: он гласит, что нарциссизм ведет к смерти, а плодородие земли неким таинственным образом заключено в продолжении отношений между матерью и дочерью и что сама жизнь возникает из-за соприкосновения женщины и мира мужчин. Только когда исследователи, занимающиеся теорией жизненного цикла, смогут расширить свой угол зрения, включив в него опыт женщин, только когда они смогут сочетать своих построенных опыт женщины и мужчин, их теории станут более плодотворными.

Перевод Тамары Барчуловой и Юлии Зелик

ПРИНЦИПЫ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ*

Джудит Лорбер и Сюзан Фиррелл

Пол... половые роли... гендер... гендерные роли. Эти термины могут легко путаться при объяснении социального конструирования гендера. Мы живем в обществе, которое долгое время оставляло эти категории неизученными. Многие люди, включая и обществоведов, все еще обращаются с этими терминами так, как будто «все знают, что они означают». Термин *пол* считается биологической категорией, которая используется для объяснения того, что «естественно», что не может измениться. Однако биологи, эндокринологи и обществоведы уже начали исследовать категории «мужского» и «женского» более пристально, обнаружив, что далеко не все попадает в ту или иную категорию так однозначно, как это предполагалось раньше (Fausto-Sterling 1985; Money 1986; Money and Tucker 1975; Stoller 1985).

С позиции социального конструирования гендера, и *пол*, и *гендер* являются социально достигаемыми статусами. Биологи и эндокринологи, изучающие гормоны, располагают в настоящее время чрезвычайно сложной картиной «пола». Женский и мужской пол более не являются двумя противоположными взаимно исключительными категориями. Пол скорее воспринимается как континуум, составленный из хромосомного пола, гонадального пола и гормонального пола (Money 1986), которые все «работают» в присутствии и под влиянием различных сред (Fausto-Sterling 1985: 71).

* Перевод введены («The Principles of Gender Construction») к коллективной монографии «The Social Construction of Gender» (Edited by Judith Lorber and Susan A. Fagrell. Published in cooperation with Sociologists for Women in Society, Sage Publications, 1991) и включает обзор ее содержания. Мы посетили возможных включить в хрестоматию перевод данного текста, поскольку в нем содержится важные тезисы теории социального конструирования гендерных отношений (Прим. ред.).

Гендерная идентичность — еще один важнейший компонент «ского» и «мужского». Гендерная идентичность включает психосоциальное развитие, обучение социальным ролям и формирование суальных предпочтений. Социальное воспитание, или социализация, является решающим элементом для формирования гендерной идентичности (Gagnon and Henderson 1985). Сексуальные предпочтения и выбор сексуального объекта обусловлены гендерной идентичностью. Предполагается, что мальчики, считающие себя особями мужского пола, и девочки, считающие себя особями женского пола, сексуально привлекательны друг для друга. Это измерение гендерной идентичности составляет, по мнению Рич (Rich 1980), суть «объективной гетеросексуальности». В США социальное конструирование мужественности до такой степени ориентировано на гетеросексуальность, что можно говорить о гомофобии (Herek 1987). Таким образом, социальное конструирование гендера является также частью социального конструирования сексуальности, включающего сексуальные чувства, сексуальные предпочтения и сексуальные практики (Greenberg 1988, Stein 1989).

Суммируем: биологическое измерение гендера, которое до сих пор называлось полом, является лишь частью «возможностей индивидов». Возникающих из ткани взаимодействий между биологическим существом и его социальным окружением» (Fausto-Sterling 1985: 8). В дополнение к возросшей сложности понимания полового развития эволюционными и биологами, мы встречаемся с феноменом трансгендеров — людей, чьи половые органы не дают возможности определить гендерную идентичность не соответствующую их гиниталиям, и прибегают к помощи хирургии и гормонального лечения для изменения своего полово-гендерного статуса. Трансгендерные люди не бросают вызова кратно предписанным нормам «создания гендера» (*doing gender*). Лучи уверены в том, что «природа» совершила ошибку, как они стремятся привести свои гиниталии в соответствие со своей, как они считают истинной гендерной идентичностью (Green and Money 1969). Таким образом не являются вызовом и новые прокреативные технологии, они и раскалывают прокреативные технологии на яйце-доноров, доноров спермы, носителей плода — роженца, эмбриональные доноров и родителей (а также врача, банкира, юриста, профессионала по уходу за ребенком и учителя), тем не менее, они не изменяют вид родства и модели семьи. Эти два примера показывают, что, смотря на изменчивость пола и гендера индивидов, соответствующим социальным категориям гораздо менее подвержены изменениям.

В действительности между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами больше сходств, чем различий, но, как говорит Рубин (Rubin 1975), в этой сфере общество накладывает «табу на подобию». Так же, как раса, этничность и социальный класс, *гендерные категории* являются институционализированными культурными и социальными статусами. Эти статусы или социальные положения формируют жизнь каждого индивида с самого рождения. Социально предписаны не только сексуальное и прокреативное поведение, но и другие, казалось бы, чисто физиологические характеристики, такие, как вес, мышечное развитие, время первой менструации и менопауза и ее продолжительность. Все эти характеристики находят свое влияние социальное положение класса и расово-этнической группы так же, как и гендерной категории. Несмотря на то, что некоторые общества являются расово и этнически гомогенными, а иногда гомогенными и по социальному статусу, нет ни одного общества, которое было бы гомогенно в гендерном отношении. Разделение социального мира на мужчин и женщин укоренено настолько глубоко, что с момента рождения, с того самого момента, когда пол ребенка опознан, родители, врачи, акушерки и все окружающие новорожденного «создают гендер» — начиная с имени, которое дают младенцу.

Рассматривая проблему концептуализации и терминологии пола, гендера и сексуальности, К. Уэст и Д. Зиммерман в первой главе (данной монографии. — Е.З.) под названием «Создание гендера» (*Doing Gender*) деконструируют категорию пола и гендера. Используя этно-методологический подход, основанный на теории Гарфинкеля, а также последние разработки биологов, сексологов и антропологов, они предлагают различать *пол* (классификация по рождению), *категорию принадлежности по признаку пола* (социальную принадлежность) и *гендер* (процессуальное подтверждение этой принадлежности — *processual validation of the membership*). К. Уэст и Д. Зиммерман иллюстрируют сквозной характер «создания гендера» в социальном взаимодействии. Даже во взрослый период жизни, когда предполагается стабилизированность гендерного статуса, мы привычным образом моделируем гендер в каждой конкретной ситуации. В реальности и в повседневных практиках гендер пронизывает все аспекты нашей жизни от микро- до макроуровня. С точки зрения К. Уэст и Д. Зиммерман (West, Zimmerman), будучи социальным статусом, гендер фундаментален, институционализирован и постоянен, и, тем не менее, поскольку члены социальных групп должны постоянно (независимо от того, осознают они это или нет) «создавать гендер», чтобы поддерживать свой статус, всегда существует потенциал изменений.

Во второй главе «Социальное положение и гендерно-ролевые типологии: сравнение черных и белых женщин» К. Датгер рассматривает переосечение расовой принадлежности и социального класса с социальным статусом гендера. Ученые все больше и больше настаивают на том, что расово-этническую, социально-классовую позицию и гендерный статус нельзя рассматривать как аналитически различные, скорее, к ним необходимо подходить как к трехчастной стратификационной системе, в которой каждый компонент переплетен с другими. Каждая система зависит от двух других. Так, например, классовая стратификация предполагает неоплаченный труд всех женщин и низкооплаченный труд цветных женщин и мужчин. Гендер и расовая принадлежность являются приписанными статусами, с которыми соотносятся достижения, предусмотренные данной позицией в данной системе стратификации. Далее гендерная и расовая (женщины являются семейноориентированными, а не ориентированными на работу) и расовая ориентация (низко ранжированные группы являются ненадежными ориентированными лишь на настоек) оправдывает стратификационную систему, которая создает преимущественную позицию для белых мужчин, принадлежащих к высшему классу.

В монографии «Феминистская теория: от маргинального положения к центру» (Feminist theory: from Margin to Center, Bell Hooks и Б. Хукс утверждает, что в США все мужчины и все белые являются угнетателями: белые мужчины угнетают как белых женщин, так и цветных мужчин и женщин. Белые женщины, в свою очередь, угнетают цветных мужчин и женщин. Таким образом, система господства конструируется и усиливается повседневыми действиями и опытом. Т. Дюпл и Б. Зинн заявили в своем докладе на собрании Американской социологической ассоциации в 1988 году, что «существуют жесточайшие иерархии ресурсов и поощрений, и эти иерархии формируются объективными и субъективными опытами женщин и мужчин в нашем обществе».

Итак, раса, класс и гендер формируют синергистические * (языке медицины означает больше, чем сумма частей) системы подопытия и подавления. Эти авторы также поддерживают утверждение многих цветных феминисток, что без изучения того, как живут живущие в условиях подавления, сами *логикомат* свое существование. Данные исследований не имеют значения. Датгер расширяет понимание гендера, подчеркивает взаимопересечение расовой принадлежности и гендера:

Несколько лет тому назад, впервые читая лекции по социологии женщин, я составила полную, как мне тогда казалось, программу курса, основанную на том, что в нее была включена критика черными женщинами женского движения. В середине курса мой подход был оспорен тремя чернокожими студентками. Каждая из них в студенческом журнале утверждала, что теории и описания женственности и женской социализации, представленные в рекомандуемой литературе, не отражали их опыт и не подтверждались им. Эти замечания указали мне на универсалистские основания, на которых базировалась моя концепция социального конструирования женщины (womanhood), и способствовали тому, чтобы я расширила свое понимание предмета. Я признаю большое влияние этих трех студенток на мое исследование социального положения и гендерно-ролевых систем верований» (Дюгер 1990).

Во второй главе Датгер говорит о расово-гендерных группах, которые проблематизируют универсализацию опыта белых женщин и отожествление его с опытом всех женщин. Такая универсализация была камнем преткновения феминистского движения с самого начала. Социальное положение субъектов делает объяснимыми их attitudes, а их attitudes, в свою очередь, конструируют их социальный мир. Специфические мировоззренческие позиции черных и белых женщин не получают отражения в данных исследованиях, и макрообъяснения их attitudes и поведения могут оказаться ложными. Необходимо внимательно к индивидуальным историям женщин (см. гл. 12).

Датгер показывает различия и сходства в жизни белых и черных женщин, подтверждая таким образом данные различных исследований, которые кажутся на первый взгляд противоречивыми. Однако, сведенные вместе в контексте жизни женщин, эти данные иллюстрируют важность изучения различных аспектов жизни самых разных женщин. Взаимопересечение социального положения по категориям гендера, расы — этничности и класса в жизни женщин объясняет не только сходства и различия, но и противоречия, которые иногда ставит нас в тупик, но которые также способствуют развитию социологического и феминистского объяснения.

В гл. 3 «Мужественность и спортивные карьеры» (Masculinities and Athletic Careers) М. Месснер использует феминистскую перспективу и критикует тенденции универсализации в исследовании жизни мужчин. Он рассматривает организованный спорт не только как поле для изучения социального конструирования мужественности, но и как сферу пересечения расово-этнической и мужской гендерной идентичности. Как утверждает Месснер, в сфере организованного спорта систематически занято диспропорционально большое число молодых чернокожих мужчин. Однако их классовая и расово-этническая идентичность не может полностью объяснить этот феномен. Месснер критикует положение, разделяемое большинством социологов, что «му-

* Синергизм — совместное действие каких-либо органов или систем. (Пирс)

жественность представляет собой биологически детерминированную тенденцию действовать в роли защитника и кормильца (provider). Проблемы чернокожих мужчины являются результатом того, расизм и классовая дискриминация блокируют возможности реализации ими этого образа мужественности. Месснер утверждает, что социально конструируемое понятие мужественности также соответствует «деструктивным отношениям и жизненным стилям».

Вслед за Рубин и Левинсон, которых он цитирует, а также в соответствии со взглядами Ходоров, Гиллинг, Коннелл, Уэст и Зимман (Shodorrow 1978, Giligan 1982, Connell 1987, West и Zimmerman 1991), Месснер рассматривает мужскую идентичность как «продуцируемое» становление «через взаимодействие между внутренними (психологически неопределенными) и внешними контекстами (социальными, историческими и институциональными). Как для мужчин так и для женщин гендер является социально конструируемым феноменом, созданным специфическим социальным и историческим положением, которое поддерживает радикальные изменения и в то же время парадоксальным образом способствует им. Мы можем «создавать» гендер таким образом, чтобы поддерживать существующие гендерные отношения, или так, чтобы бросать им вызов.

Перевод Елены Здравомысловой

Кэндес Уэст и Дон Зиммерман

СОЗДАНИЕ ГЕНДЕРА*

Сначала был пол и был гендер. Те из нас, кто преподавал эту тематику в конце 1960х — начале 1970х годов, четко отделили одно от другого. Мы говорили студентам, что пол — это то, что присуще нам биологически, т.е. это анатомия, гормоны и физиология. В отличие от пола, гендер — учили мы — это достигаемый статус. Он конструируется психологическими, культурными и социальными средствами. Чтобы провести различия между ними, мы привели результаты исследований отдельных случаев гермафродитов (Money 1968; 1974; Money and Ehrhardt 1972) и антропологические исследования «странных и экзотических племен» (Мсад 1963; 1968).

В результате этого наши студенты неизбежно начали путаться (что вполне понятно). Трудно было утверждать, что пол является данностью в контексте исследований, которые иллюстрировали двусмысленность и противоречивость критериев для его обозначения. В свою очередь, гендер казался гораздо в меньшей степени «достигнутым статусом» в контексте изучаемых нами антропологических, психологических и социальных норм, таких как разделение труда, формирование гендерных идентичностей и социальное подчинение женщин по отношению к мужчинам. Более того, разрабатываемая теория гендерной социализации утверждала, что гендерный статус достигается в возрасте около пяти лет, после чего он фиксируется, остается неизменным и стабильным, во многом подобно принадлежности по полу.

* Перевод гл. 1 «Doing Gender» из кн. «The Social Construction of Gender» (Edited by Judith Lorber and Susan A. Farrell. Published in cooperation with Sociologists for Women and Society. Sage Publications, 1991. P. 13-37. Первоначальная версия перевода опубликована: Гендерные тетради. Вып. II/ Под ред. А. Клецина. СПб. Ф. ИС РАН. СПб., 1997. С. 95-124.

Примерно с 1975 года понятичная путаница стала усиливаться вышла за пределы наших аудиторий. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, выяснилось, что отношение между биологическими и культурными процессами является гораздо более сложным и рефлексивным, чем мы предполагали (Rossi 1984: 10-14). Во-вторых, мы обнаружили, что определенные структурные соотношения например между работой и семьей, на самом деле создают ряд возможностей, наличие которых раньше мы ассоциировали с биологией. Примером такого рода являются возможности, представленные матери в сфере оплачиваемого труда (Shodagam 1978 *versus* Fitzell 1970). В этих дебатах понятие гендера как воспроизводительского тинтутого статуса осталось в стороне.

Цель данной главы — предложить социологичное по своей сути понимание гендера, основанное на этнометодологическом подходе, анализировать гендер как рутинное методическое и воспроизводительное (assomplishment). Мы утверждаем, что гендер «создается» мужчинами и женщинами, чья компетентность как членов общества является залогом их деятельности по созданию гендера. Создание гендера (doing gender) включает в себя комплекс социальнo контролируемых действий (по воспитанию, микрополитике и взаимодействию), целью которых является выражение мужской и женской «природы».

Когда мы рассматриваем гендер как осуществление, как доступное качество ситуативного поведения, наше внимание переключается с индивидуального уровня на уровень взаимодействия и, в конечном итоге, выходит на институциональный уровень. С одной стороны, очевидно, что гендер создается индивиды. Но это создание ситуационно обусловлено, оно происходит в контексте реального или виртуального присутствия других, которые, как предполагается, ориентированы на его производство. Мы понимаем гендер не как качество личности, скорее, как эмерджентную характеристику социальных ситуаций, как результат и, одновременно, причину различных социальных отношений (entanglements), как средство легитимизации одного из социальнo-культуральных разделений в обществе.

Чтобы развить данное положение, мы предпримем критический анализ того, как социологи понимают *gender*, включая его рассмотрение как исполнения конвенциональной роли и как *дисплея* в терминологии Гоффмана (Goffman 1976). Оба понятия — *gendering practices* и *gendered displays** — касаются поведенческих аспектов женского

мужского бытия (в противоположность, например, биологическим различиям между мужским и женским). Однако мы полагаем, что интерпретация гендера как *роли* затеняет деятельность по производству гендера в практиках обыденной жизни, в то время как понятие гендера как *дисплея* относит нас к периферии взаимодействия. Вместо этого мы утверждаем, что участники взаимодействия организуют свои множественные и разнообразные действия таким образом, чтобы последние отражали и выражали гендер, и ожидается, что они будут рассматривать поведение других в том же свете.

Развивая дальше эту логику, мы считаем, что прежде всего необходимо рассмотреть важные и часто недостаточно разработанные различия между *полом*, *категорией пола* и *гендером*. Пол — это определенность, основанная на использовании социальнo принятых биологических критериев для классификации индивидов как женщин или мужчин.¹ Критерием для классификации могут быть гениталии при рождении или хромосомный тип до рождения (которые не обязательно соотносятся друг с другом). Приписывание пола происходит посредством использования критериев пола, однако в обыденной жизни оно поддерживается социальнo заданными идентификационными проявлениями (дисплеями), которые свидетельствуют о принадлежности к той или иной категории по признаку пола. В этом смысле категория принадлежности по полу в отношении кого-либо предполагается пол этого индивида и выступает в качестве выражения этого пола в различных ситуациях, однако пол и категория принадлежности по полу могут изменяться независимо друг от друга. Это означает, что возможно претендовать на принадлежность к какой-либо категории по признаку пола в случае, когда биологических критериев пола недостаточно. В противоположность этому, гендер является деятельностью по организации ситуативного поведения в свете нормативных представлений об attitudes и действиях, соответствующих категории принадлежности по полу. Гендерные виды деятельности обусловлены принадлежностью к категории по признаку пола и поддерживаются ею.

Мы утверждаем, что аналитическое различение пола, категории принадлежности по полу и гендера является существенным для понимания отношения между этими элементами и для понимания того, как осуществляется работа взаимодействия, способствующая «бытию» гендерной личности в обществе. Хотя наша задача является, прежде всего, теоретической, мы рассмотрим также плодотворные направления эмпирических исследований, основанные на нашей интерпретации гендера.

* Термин «дисплеи» на русский язык может перевестись словом «проявления» (Прим. перев.).

Мы начинаем с оценки принятого значения понятия «гендер-укорененности» в предполагаемых биологических различиях между женщинами и мужчинами.

Представления о поле и гендере

В западных обществах принято в культуре представлять о поле рассматривает мужчину и женщину как определенные естественные и недвусмысленно категории бытия (Garfinkel 1967: 116–118) с очевидно различающимися психологическими и поведенческими предпосылками, которые возможно предсказать, исходя из репродуктивных функций. Компетентные взрослые члены этого общества рассматривают различия между мужчиной и женщиной как фундаментальные и тождественные. Эти различия, видимо, поддерживаются разделением труда на мужскую и женскую работы и часто — развитой дифференциацией женственных и мужественных атрибутов и моделей поведения, которые являются важными характеристиками социальной организации. Положение таково, каково оно есть, благодаря тому факту, что мужчины — это мужчины, а женщины — это женщины: такое разделение рассматривается как естественное и укорененное в биологии, оно не входит в свою очередь, к глубоким психологическим, поведенческим социальным последствиям. Структурные социальные отношения в этих сферах отсылаются на эти различия.

Анализ пола и гендера в общественных науках, хотя и более типичный к позиции наивного биологического детерминизма, предположительно выше, тем не менее, часто воспроизводит представленные обусловленных полом моделях поведения и личностных чертах существующих свойствах индивидов (см. обзор литературы по этому вопросу: Hochschild 1973; Thorne 1980; Tiesmet 1975; Henley 1980). Хотя подход с позиции «половых различий» чаще приписывается коллегам, чем социологам, исследователям, работающим методами, определенными гендер респондента по звуку его голоса по телефону, также исходит из предположений соответствия личностных принадлежностей по полу. Сведение гендера к фиксированному набору психологических характеристик или к одной переменной материальному анализу тех способов, которыми он используется для структурирования различных сфер социального опыта (Stacey and Thorne 1985: 307–308).

Исходя из другой задачи, ролевая теория настаивает на социальном конструировании гендерных категорий, которые называются «повышки ролями» или, с недавнего времени, «гендерными ролями»

анализирует, как они усваиваются и приводятся в действие. Ролевая теория, начиная с Линтона (Linton 1936), а затем развитая в работах Парсонса (Parsons 1951; Parsons and Bales 1955) и Комаровски (Komarovsky 1946; 1950), подчеркивала социальный и динамический аспекты конструирования ролей и их осуществления (Connell 1983; Thorne 1980). Однако на уровне непосредственного взаимодействия (face-to-face interaction) использование ролевой теории для анализа гендера является само по себе проблематичным (см. обзор литературы и критику по этому вопросу: Connell 1983; 1985; Kessler et al. 1985; Lorata and Thorne 1978; Stacey and Thorne 1985; Thorne 1980). Роли представляют собой *ситуационные* идентичности — их принимают и от них отказываются в зависимости от требуемой ситуации — они не являются *базовыми* идентичностями (Hughes 1945), в отличие от категории принадлежности по полу, значимой для всех ситуаций. В отличие от большинства ролей, таких как «няня», «врач», «родитель», «профессор», «студент», гендер не привязан к специфическому месту или организационному контексту. Более того, многие роли сами по себе являются гендерно маркированными так, что для обозначения исключения из правил необходимо использовать специальные грамматические формы, например «женщина-врач» или «няня мужского пола». Торн (Thorne 1980) отмечает, что при подходе к гендеру как к роли возникает трудность в оценке его влияния на другие роли. Ролевой подход уменьшает объяснительные возможности категории *гендер* при обсуждении проблем власти и неравенства. Отталкиваясь от текста Рубин (Rubin 1975), Торн призывает к формированию нового взгляда на мужчин и женщин как на различные социальные группы, конституированные в «конкретных, исторически изменяющихся и в целом неравных социальных отношениях» (Thorne 1980: 11).

Мы утверждаем, что гендер не является ни совокупностью личностных психологических черт, ни ролью, а является продуктом социального рода социального действия (создания). Что же собой представляет социальное создание гендера? Это нечто большее, чем постоянное творение смысла гендера через человеческие действия (Getson and Peiss 1985). Мы утверждаем, что сам гендер конституируется через взаимодействие. Для развития этого положения мы обратимся к тому, как Э.Т. Оффман объясняет «гендерный дисплей» (Goffman 1976). Нашей целью будет рассмотрение того, как гендер может проявляться и представляться через взаимодействие и восприниматься, таким образом, как нечто «естественное», хотя на самом деле он производится как социально организованное достижение (достижимый статус. — E. J.).

Гендерный дисплей

Гоффман утверждает, что в процессе взаимодействия друг с другом и со своим окружением люди предполагают, что каждый участник процесса взаимодействия обладает «сущностной природой» («тестовом»), распознаваемой через «естественные знаки, которые являются данностью или выражаются людьми» (Гоффман 1976: 76). Женственность и мужественность рассматриваются как «прото» сущностного выражения — как нечто, схватываемое с первого взгляда в любой социальной ситуации и, тем не менее, воспринимаемыми нами как самая основная характеристика индивида» (Гоффман 1975). Средства, которыми мы пользуемся для такого выражения, представляют собой «формальные конвенциональные акты» (Гоффман 1976: 69), которые делают явным для других наше отношение к указываемой на нашу позицию в контакте и на опытно уровне навливают условия контакта, применимые для данной социальной ситуации. Эти средства воспринимаются также как экспрессивное ведение, свидетельствование нашего естества.

Гоффман (Гоффман 1976: 69–70) рассматривает *дисплеи* как конвенциональные модели поведения, структурированного как *объект* двух действующих лиц по типу «утверждение — ответ» (*statement-reply*), в условиях которого наличие или отсутствие симметричного жет быть причиной установления отношений господства или взаимного уважения. Эти ритуалы рассматриваются как отличимые от связанных с другими следующими из них действиями. Такими являются определенные задачи или включение в дискурс. Так обстоит то, что Гоффман называет назначением («*scheduling*») дисплея при переклещении видов деятельности. Предполагается, что дисплеи включаются в начале или в конце деятельности, но с нею *само* смешиваются. Гоффман дает следующее определение *гендерного дисплея*: «Если гендер можно определить как культурно установленный коррелят пола (как следствие биологии или научения), то гендер дисплеи относятся к конвенциональным изображениям этих коррелятов» (Гоффман 1976: 69).

Эти гендерно окрашенные выражения могли бы дать ключ к пониманию фундаментальных изменений женского и мужского, однако, мнению Гоффмана, они не являются обязательными для исполнения. Мужское уваживание может быть предложено, а будучи предложенным, может быть принято или отклонено (Гоффман 1976: 71). В итоге, люди сами используют термины «*выражение*» и ведут себя так образом, чтобы соответствовать своим собственным понятиям о

лежащем *выражении* (Гоффман 1976: 75). Гендерные изображения являются в меньшей степени следствием нашего полового естества, чем интерактивными изображениями того, что мы хотели бы выразить в отношении нашего полового естества, используя конвенциональные жесты. Наша человеческая природа (человеческое естество) дает нам возможность научиться тому, как создавать и опознавать мужской и женский гендерные дисплеи, причем, «этой способностью мы обладаем благодаря тому, что мы являемся людьми, а не лицами мужского и женского пола» (Гоффман 1976: 76).

С первого взгляда может показаться, что теория Гоффмана представляет интересную социологическую коррективу к существующим представлениям о гендере. Согласно его точке зрения, гендер представляет собой такую инспирировку социального сценария культурных представлений о мужском и женском естестве, которая развивается в присутствии аудитории, хорошо обученной пониманию идлом данного представления. В продолжение данной метафоры можно сказать, что существует расписание и репертуар спектаклей, которые показывают в определенных местах, и, как и театральные пьесы, они представляют какие-то более серьезные действия или являются отходом от них.

В этом подходе существует, однако, фундаментальная неясность. Отдавая гендерный дисплей от серьезного дела взаимодействия, Гоффман тем самым заглушает воздействие гендера на широкий диапазон видов человеческой деятельности. Гендер — это не просто нечто, происходящее в укромных уголках и «трещинах» взаимодействия, появляющееся здесь и там и не включенное в серьезное дело жизни. Хотя вполне допустимо представление, что гендерные дисплеи — конструируемые и конвенциональные выражения — могут быть выбраны исполнителями, однако то, как нас воспринимают (существами мужского или женского пола), лежит вне пределов нашего выбора.

Чтобы рассмотреть создание гендера как постоянную деятельность, являющуюся неотъемлемой частью обычного взаимодействия, необходимо выйти за пределы понятия гендерного дисплея. Здесь мы должны вернуться к затронутому выше различию пола, категории принадлежности по полу (категории пола) и гендера.

Пол, категория пола и гендер

Исследование явления транссексуальности на примере Агнес, проведенное Гарфинкелем (Garfinkel 1967: 118–140), показывает, как создается гендер через взаимодействие и как он, в свою очередь, структури-

рует взаимодействие. Агнес, воспитываясь с детства как мальчик, в возрасте 17 лет меняет идентичность на женскую, вслед за чем проводит операцию по изменению половых органов. Гарфинкель характеризует Агнес как методолога-практика. Она разработала набор процедур того, чтобы ее принимали за «нормальное существо женского пола до операции, так и после нее. Перед ней стояла практическая задача — справиться с двумя фактами: с наличием мужских генитальных отсутствием социальных ресурсов, которые, как предполагается, печивает биография девочки в обычном взаимодействии. Кроме того, ей нужно было вести себя как женщине и одновременно учиться тому, как быть женщиной. По необходимости ей пришлось по-разному заниматься этим в том возрасте, когда гендерная идентичность большинства людей уже сложилась и рутинизировалась. Агнес выдана была сознательно избраться то, что подавляющее большинство женщин делают, не задумываясь. Она не занималась подделкой того, что реальные женщины делают «естественно». Она должна была проанализировать и выяснить, как действовать в контексте социализации и ролевых обязательств и понятий женственности, которые женщины, рожденные с соответствующими биологическими данными считали само собой разумеющимися с раннего возраста. Так же, как в других случаях, когда людей должны были воспринимать соответствующим образом (транссвеститы, актеры театра Кабуки, «Туте» исполнители Дастина Гоффмана, история Агнес обнаруживает культурную дилемму невидимых, а именно — осуществление гендера».

В анализе Гарфинкель истории Агнес нет эксплицитного аналитического различения трех отдельных, хотя эмпирически взаимосвязанных (накладывающихся друг на друга) понятий: пол, теория принадлежности по полу и гендера.

Пол

По социальным принятым биологическим критериям Агнес не было отнесено к женскому полу. И все же Агнес считала себя женщиной, но женщиной с пенисом, которым женщина не должна обладать. Утверждала, что пенис — «шпибка», которую надо устранить (Safilios 1967: 126–127; 131–132). Подобно другим компетентным членам этой культуры, Агнес придерживалась взгляда, что существуют нейтральные биологические критерии, которые недвусмысленно различают мужчин и женщин. Однако если мы сойдем с позиции здравого смысла, то обнаружим, что надежность этих критериев не безусловна (Money and Vrepan 1968; Money and Ehrhardt 1972; Money and O'Neil

1974; Money and Tucker 1975). Более того, в других культурах признают существование «пересекającychся гендеров» (Blackwood 1984; Williams 1986) и возможность более чем двух полов (Hill 1935; Martin and Voorhis 1975: 84–107; Slocshart 1981: 32–35).

Более важным для нашего объяснения является замечание Кесслер и Макенны (Kessler and McKenna 1978: 1–6), что, хотя генитальи функционально скрыты от публичного обозрения в повседневной жизни, тем не менее в обычной социальной жизни мы продолжаем «наблюдать» мир двух естественных нормальных вариантов половой принадлежности. Именно наличие *презумции* того, что эти существующие биологические критерии существуют и находятся там, где по-прежнему, если посмотреть, куда надо, и составляет основу категоризации по признаку пола. Основываясь на теории Гарфинкеля, Макенна и Кесслер утверждают, что «мужское» и «женское» являются культурными событиями, продуктами того, что они называют «процессом атрибуции гендера», а не просто совокупностью черт, поведенческих моделей или даже физических качеств. Для иллюстрации они цитируют высказывание ребенка, который, рассматривая картинку с изображением кого-то, одетого в костюм и галстук, заключает: «Это мужчина, потому что у него есть пипи» (Kessler and McKenna 1978: 154). Поэтому «Должно быть, у него есть пипи (существенная характеристика), поэтому что я вижу обозначение этого в виде галстука и костюма». И первоначальное приписывание пола (прозвнесение при рождении, что родилось существо мужского либо женского пола), и реальное наличие существующих критериев для такого приписывания (наличие клитора и вагины или пениса и яичек) не много имеют общего — если вообще имеют что-то общее — с идентификацией по категории принадлежности по полу в обычной жизни. В этой сфере, отмечают Кесслер и Макенна, наши действия основаны на моральной уверенности в существовании мира, разделенного на два пола. Мы не думаем, что «большинство людей с пенисом — мужчины, но, может быть, некоторые из них не являются мужчинами» или «большинство людей, одетых как мужчины, обладают пенисом». Скорее, мы считаем само собой разумеющимся, что пол и категория принадлежности по полу контингентны, что, зная второе, можно деуцировать все остальное.

Отнесение к категории по признаку пола (категоризация по полу)

Претензия Агнес на принадлежность к категории женского пола, которую она подкрепляла соответствующими идентификационными дисплеями и другими характеристиками, могла быть опровер-

нута и до операции, если бы обнаружилось, что она обладает пенисом, и после нее — по хирургически сконструированным пенисам (см.: Reumont 1979: 37, 138). В этом отношении Агнес долгие годы постоянно была бдительной к реальной и потенциальной розе разоблачения ее категоризации по признаку пола. Ее проблема заключалась не столько в том, чтобы жить согласно некоему типу сущностной женственности, но в том, чтобы сохранить себя принадлежностью к женскому полу как принадлежность к категории. Эта задача облегчалась для нее благодаря мощному ресурсу, а именно, процессу отнесения к категории по признаку пола на уровне этого смысла в обыденной жизни.

Деление членов общества на врожденные категории, например на мальчиков и девочек, мужчин и женщин, происходит отчасти социальным образом. Сам акт отнесения к категории не предполагает некоего позитивного тестирования, т. е. нельзя сказать с определенностью, что существует определенный набор критериев, который должен соответствовать для того, чтобы идентифицироваться как таковая. Скорее, применение категории принадлежности полу основывается на тесте типа «если возможно...», примененном в обыденном взаимодействии (Sacks 1972: 332–333). Этот тест предполагает, что, если возможно рассматривать людей как принадлежащих к соответствующим категориям, значило бы считать их принадлежностями к этим категориям. То есть: возможно использовать эту категорию, которая кажется уместной, за исключением случаев, когда имеется информация, не соответствующая такой категории, или наличие очевидные характеристики, которые указывают на несоответствие данной категории. Такая процедура вполне в духе аттитудов обыденной жизни, когда мы принимаем на веру то, видим, до тех пор, пока у нас нет причин усомниться в таковой соответствия (Weststein 1986; Garfinkel 1967: 272–277; Schitz 1990). Необходимо добавить, что именно тогда, когда у нас есть причины усомниться в том, что мы видим, возникает вопрос о жестких критериях, но необходимость в позитивных тестах редко появляется в юридических и бюрократических обстоятельствах (Garfinkel 1967: 283; Wilson 1970).

Первоначальный ресурс Агнес заключался в предрасположении к стилю тех, с кем она сталкивалась, по внешнему облику принимая за нормальную женщину (фигура, одежда, стиль причёски и пр.). Еще одним ресурсом было культурно обусловленное представление о качествах, присущих «природно сексуально нормальным индивидам». Гарфинкель отмечает, что в обыденной жизни мы живем в

двух — и только двух — полов (Garfinkel 1967: 122–128). Такое устройство мира имеет моральный статус, поскольку мы рассматриваем себя и других как «сущностно, в конечном итоге, по происхождению, прежде всего, навсегда, — так было, есть и будет — существами, принадлежащими либо к мужскому, либо к женскому полу» (Garfinkel 1967: 122).

Рассмотрим следующий случай:

«Эта проблема напоминает мне о посещении компьютерного магазина пару лет тому назад. Субъект, отвечавший на мой вопрос, был, конечно, продавцом. Было невозможно отнести его к категории мужчин или женщин. На что я обратила внимание? (1) Волосной покров на лице: у него/нее была гладкая кожа, но у некоторых мужчин также мало или совсем нет волос на лице. (Это зависит от расы. Американские индейцы и чернокожие часто не имеют волос на лице). (2) Грудь: Она была (а) одета в свободную рубашку, свисающую с плеч. И, как, к своему стыду, знают многие женщины, бывшие подростками в 1950-е годы, женщинам часто выпадают шокотруды. (3) Плечи: Его/ее плечи были слишком узки и покатые для мужчины и широковаты для женщины. (4) Руки: Длинные тонкие пальцы, суставы светлая кругловатая для женщины и мяловатая для мужчины. (5) Голос: Среднего тембра, мало выразительный для женщины, но и без нескольких преувеличенных интонаций, которые так типичны для некоторых мужчин-гомосексуалов. (6) Его/ее обхождение: Не было никаких признаков, которые бы мне указали на то, что мы принадлежим к одному или к разным полам. Не было даже признаков того, что она/он осознает, насколько трудно отнести его/ее к какой-нибудь категории по признаку пола, и, когда мы обсуждали компьютерную бумагу, я продолжала думать об этом, хотя старалась не показывать этого, чтобы не привести его/ее в замешательство. Я вышла из магазина, так и не определив пола моего продавца, и этот вопрос продолжал меня волновать (поскольку я — дитя своей культуры)» (Margolis 1985).

Что говорит нам этот случай о ситуации, подобной той, в которой оказалась Агнес, или об отнесении к категории по полу как о процессе вообще? (См.: Morris 1974; Richards 1983) Прежде всего из этого описания мы заключаем, что идентификационный дисплей субъекта, работающего в компьютерном магазине, был неопределенным, поскольку она или он не был ослет выражено мужским или женским образом. Именно в том случае, когда такой дисплей не обеспечивает нас основанием для категоризации, мы начинаем оценивать такие факторы, как волосяной покров на лице или тембр голоса, чтобы определить принадлежность к категории по полу. Во-вторых, кроме того, что этот случай был не забыть «через пару лет», покупатель был не только обезбужден неопределенностью пола продавца, но и понимал, что наличие этой неопределенности будет беспокоить и продавца. Мы не только хотим знать, к какой категории по полу

приннадлежат те люди, с которыми мы общаемся (мы хотим расставить эту принадлежность с первого взгляда), но считаем также, что другие демонстрируют нам свою половую принадлежность настолько убедительно, насколько это возможно.

Гендер

Агнес старалась быть «женщиной на 120 процентов» (Garfinkel 1979), т.е. женственной всегда и во всем. Ей казалось, что она смогла защитить себя от разоблачения до и после операции, если ее обвиняют в том, что она не отвечает требованиям женственной манеры, но, с другой стороны, могла себя выдать, если бы переусердствовала в своем поведении. Приписывание категории по признаку пола и осуществление гендера — одно и то же. Принадлежность Агнес к категории по признаку пола могла быть сомнительной или не вызывать подозрения независимо от того, жила ли она в соответствии с каким-то представлением об идеальной женственности или нет. Женщины могут быть и неженственными, не делают их «неженщинами». Перед Агнес стояла постоянная задача быть женщиной — это нечто большее, чем фасон платья (идентификационный дисплей) или разрешение мужчине поднести огонь к сигаретам (гендерный дисплей). Ее задача заключалась в том, чтобы создать конфигурацию поведения, которая рассматривалась бы другими как немотивированное гендерное поведение.

Стратегия «тайного ученичества», примененная Агнес для обучения ожидаемому женственному этикету, когда она внимательно прислушивалась к тому, как ее жених критиковал других женщин, был одним из средств маскировки собственной некомпетентности и, одновременно средством приобретения необходимых навыков (Garfinkel 1967: 146–147). Именно у своего жениха Агнес научилась, что приносить солонечные ванны на лужайке перед своей квартирой «оскорбительно» (потому, что это выставляло ее напоказ перед другими женщинами). Из его критики других женщин она поняла, что не должна настаивать на своем и не должна предлагать свое мнение или предложение на равенство с мужчинами (Garfinkel 1967: 147–148) (Кэрол Уэст и Дев Эммерман, 1992: 147–148). Другие женщины нашего общества, Агнес узнала кое-что о языке хоме своего «обучения».)

Массовая культура насыщена книгами и журналами, содержащими идеализированные описания отношений между мужчинами и женщинами. Те из них, которые посвящены этикету ухаживания и приносящим стандартам женственного поведения, предназначены для практической помощи в этих вопросах. Однако исползование для

такого источника как руководство к действию требует предположения, что создание гендера есть просто-напросто использование дискурсивных, четко определенных узлов поведения, которые могут быть включены в ситуации взаимодействия для узнавания (признания) мужественности и женственности. Мужчина «создает» мужественность тем, например, что он берет женщину за руку, чтобы перевести ее через дорогу, а она «создает» женственность, соглашаясь на то, чтобы ее перевели, не проявляя такой же активности в отношении мужчины.

Агнес, возможно, могла бы использовать такие руководства, однако мы настаиваем, что создание гендера организовано не столько просто (Mihetz, 1982; Morris 1974). Литература по этикету может перечислять и описывать виды поведения, которые маркируют гендер или выставляют его напоказ, но предлагаемый список и описания неизбежно неполны (Garfinkel 1967: 66–75; Wiedet 1974: 183–214; Zimmerman and Wiedet 1970: 285–298). Чтобы быть успешными, маркирование или демонстрация гендера должны соответствовать ситуации, изменяться и трансформироваться в зависимости от потребности ситуации. Создание гендера состоит в управлении ситуациями (несмотря на их специфику) таким образом, что поведение рассматривается (или может рассматриваться) как гендерно соответствующее или намеренно гендерно несоответствующее, т.е. подготовленное (accomplishable*) в конкретном контексте.

Гендер и подготовленность

Как замечает Херитаж (Heritage 1984: 136–137), члены общества регулярно «отчитываются друг перед другом», и такие отчеты (accounts) являются вполне серьезными и исследовательскими. Эти дискурсивные отчеты называются характеристиками, формулируют, объясняют, оправдывают, извиняют или просто обращают внимание на некоторые обстоятельства или виды деятельности и таким образом помещают их в некие социальные рамки (по отношению к другим видам деятельности, сложим и отпичным).

Такие описания сами по себе подготовлены, и члены общества ориентированы на то обстоятельство, что их деятельность будет предметом обсуждения. Действия часто выстраиваются с учетом того, как они будут интерпретированы, т.е. с учетом того, как они будут выданы и как они будут охарактеризованы воспринимающей стороной. Подготовленными оказываются также действия, которые кажутся

* Accomplishable, accomplishability (англ.) — букв.: подготовленный, подготовленность, может также переводиться как: юридич. вменяемый, вменяемость (Прим. перев.).

совсем непримечательными и которыми не стоит уделять много внимания, поскольку они рассматриваются как соответствующие культурно одобряемым стандартам.

Херитаж отмечает, что подотчетность имеет интерактивный характер: «[Подотчетность] позволяет действующим лицам выстроить свои действия по отношению к обстоятельствам таким образом, чтобы дать возможность другим, методично принимая во внимание стоятельства, признать действие таковым, каковым оно является» (Heritage 1986: 179).

Ключевое слово здесь — *обстоятельность*. Одно из обстоятельств, которое присутствует виртуально при всех действиях, — это категория принадлежности по полу, приписываемая действующему лицу. Гарфинкель комментирует: «Работа выдвигает себя за лицо оперленного пола и социально структурированные случаи такой идефиксации упрямно не поддавались попыткам Агнес рутинизировать нования ее повседневной деятельности. Эта устойчивость указывает на *всобщую** релевантность сексуального статуса в повседневной жизни как неизменного, но незаметного фона в ткани релевантных, которые составляют изменяющиеся реальные декорации поведенности» (Garfinkel 1967: 118).

Если категория принадлежности по полу имеет всеобщий характер (или хотя бы приближается к таковому), то индивид, виртуально включенный в любой вид деятельности, может рассматриваться как сошедший эту деятельность либо как *женщина*, либо как *мужчина*. Принадлежность к той или иной категории по полу может быть использована для легитимации или дискредитации двух видов деятельности, которые они выполняют (Betger, Sohn and Zelditch 1972; West, Singer and Fiske 1974; Niphringers and Betger 1981). Соответствие виртуально каждый вид деятельности может быть оценен как мужской или женской по своей природе. И, заметим, «делать» гендер — не всегда означает жить согласно нормативным представлениям о собственном или мужественном; это означает быть включенным в различные виды деятельности в *условиях гендерной оценки*. Хотя именно дивиды создают гендер, эта деятельность является в функциональном отношении интерактивной и институциональной по своему характеру, поскольку подотчетность является чертой социальных отношений и ее идиома выводится из институциональной сферы, в рамках которой эти отношения приводятся в действие. Если вышесказанное справедливо, то как возможно не создавать гендер? Делание гендера

* Курсив автора (Прим. перек.).

бежно, поскольку общество разделено «сущностным» различием между мужчинами и женщинами, и помещение в категорию по признаку пола является релевантным и принудительным.

Ресурсы создания гендера

Делать гендер означает создавать различия между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами; различия, которые не являются естественными, сущностными или биологическими. Будучи созданными, эти различия используются для усиления «сущностного» характера гендера. В блестящем описании «устройства социальных отношений между полами» Гоффман (Гоффман 1977) рассматривает создание разнообразных институциональных рамок, в пределах которых может быть активизирована «наша естественная нормальная полова принадлежность». Физические характеристики социально-полю окружения обеспечивают один очевидный ресурс для выражения наших «сущностных» различий. Например, полова сегрегация сведаммериканских общественных туалетов различает «Ж» и «М» в сферах, которые считаются биологическими, хотя оба пола «в некотором роде схожи в том, что у них есть продукты отхода и процесс избавления от них» (Гоффман 1977: 315). Эти помещения обеспечены диморфическим оборудованием (писсуары для мужчин и различные устройства для женщин), несмотря на то, что представители обоих полов могут достичь одних и тех целей, используя одни и те же средства (и, очевидно, так и делают в приватном пространстве у себя дома). Здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что «речь идет о функционировании поло-дифференцированных органов, но в этом функционировании нет ничего такого, что биологически предполагает сегрегацию; такого рода сегрегирующие образования являются всецело культурными... Сегрегация туалетов представляется как естественное следствие различий между половыми классами, хотя на самом деле она является средством воздаяния должного этим различиям, если не средством их произвола» (Гоффман 1977: 316).

Стандартные социальные ситуации (standard social occasions) также оказываются сценариями для напоминания о «сущности мужского и женского естества». Гоффман приводит пример организованного спорта как одной из возможных институциональных рамок для выражения мужского начала. В этом случае те качества, которые должны ассоциироваться с нормативной маскулинностью (например: выносливость, сила, соревновательность...), приветствуются всеми участниками; и спортсменами, которые демонстрируют эти черты, и

зрителями, которые апплодируют такой демонстрации, чувствуя ее еще больше возможности для создания и поддержания различий между мужчинами и женщинами. Например, хотя размеры, сила и воля среди мужчин и женщин имеют тенденцию к нормальному статистическому распределению (при значительном пересечении между ними большую поддержку получают пары, в которых мальчики и мужчины очевидно крупнее, сильнее и старше (если не «мудрее»), чем девочки-женщины. Таким образом, когда возникает ситуация, в которой готовы продемонстрировать эти качества, а девочки и женщины оценить этот дисплей (Goffman 1977; P. West and Iritani 1985).

Гендер может рутинно демонстрироваться в самых разнообразных ситуациях, прежде всего в тех, которые представляются конвенционально экспрессивными и презентипируют «беспомощных» женщин рядом с тяжелыми предметами или массивной мебелью. Однако, замечает Гофман, тяжелый, рискованный и «мусорный» смысл может быть придан любой социальной ситуации, «даже несмотря на то что по стандартам другого окружения эти же элементы предполагают что-то легкое, чистое и безопасное» (Goffman 1977: 324). При определенных ресурсах очевидно, что любая ситуация взаимодействия может стать собой сцену для изображения «сущностного» поведения. В целом «эти ситуации не столько позволяют выражать естественные различия, сколько сами производят эти различия» (Goffman 1977: 324).

Многие ситуации не являются отчетливо категоризованными, полу, и их содержание не очевидно гендерно релевантно. Однако какое социальное взаимодействие может быть использовано для создания гендера. Так, исследование Фишман о случайных диалогах пар (Fishman 1978). Женщины должны были задавать больше вопросов, заполнять молчание и использовать больше вступлений для привлечения внимания, чтобы быть услышанными. Ее выводы здесь критичны: «Поскольку работа взаимодействия имеет прямое отношение к тому, что конституирует женское существо — к тому, *такое* женщина, затупевывается мысль о том, что это именно работа. Такая работа рассматривается не как то, что делает женщина, а часть того, чем она является» (Fishman 1978: 405).

Мы утверждаем, что именно этот труд взаимодействия способствует конституированию сущностного естества женщины как та-

ких в различных контекстах взаимодействия (West and Zimmerman 1983: 109–111; Kollbeck et al. 1985).

Индивиды имеют много социальных идентичностей, которыми, в зависимости от ситуации, можно пожертвовать, которые можно притупить или, наоборот, сделать более явными. Можно быть другом, профессионалом, гражданином и еще много «чем» для различных людей или для одного и того же человека в разное время. Но мы всегда во всех этих случаях являемся мужчинами или женщинами — до тех пор, пока мы не переходим в другую категорию по признаку пола. Это означает, прежде всего, что наши идентификационные дисплеи представляют наличный ресурс для создания гендера при бесконечно разнообразном наборе обстоятельств.

Некоторые ситуации организованы таким образом, чтобы рутинно демонстрировать и одобрять модели поведения, конвенционально связанные с той или иной категорией принадлежности по полу. В таких случаях каждый знает свое место в схеме взаимодействия. Если индивид, идентифицированный по половой принадлежности, замечен в поведении, обычно ассоциирующемся с другой категорией, это является вызовом рутинному порядку вещей. Хьюз (Hughes 1945: 356) приводит иллюстрацию этой дилеммы: «Молодая женщина... имеет мужскую профессию, она — авиаконструктор. Профессия предполагает, что авиаконструктор первым совершает полет на сконструированной им модели. После этого он (sic) дает обед инженерам и всем тем, кто работал над созданием нового самолета. Обычно такой обед является холостяцкой вечеринкой. Молодая женщина, о которой идет речь, сконструировала самолет. Ее коллеги настаивали, чтобы она не рисковала совершать первый полет: предлагалось, что для этого годятся только мужчины. Таким образом, они просили ее остаться дамой, а не инженером. Она сделала свой выбор и повела себя в этом случае как инженер. После полета она дала обед и оплатила его, как подбавляет мужчине. После обеда и первого круга тостов она ушла, как полагается даме».

В этом случае участники взаимодействия достигли соглашения, в соответствии с которым женщина могла следовать мужским моделям поведения. Однако в конце концов этот компромисс позволил продемонстрировать ее «сущностную» женственность через подотчетное «дамское» поведение.

Хьюз предполагает (Hughes 1945: 357), что такие противоречия можно нейтрализовать, управляя взаимодействием в очень узком диапазоне (например, «сохраняя формальные и конкретные отношения»). Однако суть дела в том, что даже (и, возможно, в особенности) в тех случаях,

когда отношения формальны, гендер все же является чем-то подлинно-ролевым. Так, женщина-врач может заслуживать уважение как профессионал, и к ней будут обращаться в соответствии с ее должностью. Однако она оказывается предметом оценки с точки зрения нормативных представлений об аттиподах и видах деятельности, соответствующих принадлежности по полу, и должна представлять доказательства того, что она является «сущностно» женщиной, несмотря на внешне проявляемую «мужественность». Ее принадлежность по полу используется чтобы подвергнуть сомнению релевантность ее участия в важных профессиональных видах деятельности (Lorbet 1984: 52-54), а ее профессиональная деятельность используется, чтобы подвергнуть сомнению ее принадлежность к профессии жены и матери (Wolpe and Wicket 1943-437). Одновременно обеспечивается ее исключение из сообщества коллег-врачей и подотчетность как *женицины*.

В этом контексте «ролевой конфликт» может рассматриваться как динамический аспект современных «отношений между полами» (Goffman 1977) — отношений, формирующих ситуации, в которых лица, принадлежащие к определенной категории по полу, могут совершенно отчетливо «видеть», что они находятся не на своем месте, если их не будет на этом месте, проблемы, от которых они страдают, исчезнут сами собой. С точки зрения взаимодействия речь идет об отношениях наших «сущностей» естеством, а с точки зрения индивидуальной речи идет о постоянном осуществлении гендера. Если, как мы утверждаем, категория пола имеет всеобщий характер (общереферентная), значит, что всякая (как конфликтная, так и неконфликтная) ситуация представляет ресурсы для делания гендера.

Мы старались показать, что и категория принадлежности по полу и гендер являются управляемыми свойствами поведения, которые тесно связаны с учетом того, что другие судят нас и реагируют на нас каким образом. Мы утверждаем, что гендерная принадлежность имеет вид — это не просто какой-то аспект его личности, но, скорее, фундаментально, — это то, что человек *делает* и делает постоянно в процессе взаимодействия с другими.

Каковы последствия этого теоретического положения? Если, например, индивиды стремятся достигнуть определенного гендерного статуса во взаимодействии с другими, то каким образом общество выражает потребность в таком достижении? Каково отношение между принадлежностью к полу и уровнем взаимодействия и таким институциональным устройством как разделение труда в обществе? И, возможно, важным вопросом о том, каким образом создание гендера соотносится с поведением женщин и мужчин.

Исследовательские темы

Для того, чтобы сделать социальное производство гендера предметом эмпирического исследования, мы могли бы начать с самого начала с пересмотра процесса, с помощью которого члены общества приобретают требуемый категориальный аппарат и навыки, необходимые, чтобы стать гендерно ориентированными людьми.

Рекрутирование гендерных идентичностей

Общепринятый подход к анализу процесса формирования мальчиков и девочек — это теория полно-ролевой социализации. В последние годы этот подход постоянно порождает проблемы, связанные с неадекватностью самой теории ролей: ее акцентом на «консенсусе», стабильности и преземственности (Stacey and Thorne 1985: 307), антиисторичностью и аполитичностью (Stacey and Thorne 1985: 307; Thorne 1980: 9), на том, что ее «социальное» намерение основывается «на общем предположении, что люди предпочитают поддерживать существующие обычаи» (Connell 1985: 263).

В противовес этому Кахилл (Cahill 1982; 1986a; 1986b) анализирует опыт дошкольников, используя социальную модель рекрутирования в нормальные гендерные идентичности. Кахилл утверждает, что практики причисления к категории по полу являются основополагающими для процесса научения и демонстрации женского и мужского поведения. Первоначально, отмечает она, дети, в основном, оттягивают себя от других по критерию социальной компетентности. Категориально их различение разрешается в классификации, противопоставляющей «девочку/мальчика», с одной стороны, и ребенка, — с другой (причем последнее обозначает детей, чье социальное поведение является проблематичным и которые нуждаются в контроле старших). Именно стремление выглядеть социально компетентными порождает их первоначальные претензии на гендерную идентичность: «Во время испытательной фазы детской социализации... дети узнают, что в их распоряжении обыкновенно имеются две социальные идентичности: идентичность «ребенка» («бабу») или, в зависимости от конфигурации гениталий, идентичность «большого мальчика» или «большой девочки». Более того, другие исподволь информируют их о том, что идентичность «ребенка» является дискредитирующей. Когда, например, дети плохо себя ведут, им часто говорят: «Ты ведешь себя как ребенок» или «Веди себя как большой мальчик». В результате эти типичные вербальные реакции на поведение детей показывают им, что поведенчески они должны сделать выбор между

дискредитирующей идентичностью «ребенка» или анатомически рецененной половой идентичностью» (Sahlil 1986a: 175).

Вследствие этого мальчики усваивают гендерный идеал «эффективности», т.е. оказываются способными воздействовать на физическую социальную окружение, демонстрируя физическую силу или соответствующие навыки. И, наоборот, девочки научаются ценить «внешнюю облик», т.е. управлять собой как служащим для украшения объекта. Оба класса детей узнают, что признание и использование категории при по признаку пола во взаимодействии не зависит от их выбора являются принудительными. (См. также: Ветт 1983).

Быть мальчиком или девочкой, таким образом, значит не только быть более компетентным, чем «ребенок», но также — быть компетентным в качестве существ женского или мужского пола, т.е., учиться продуцировать поведенческие дисплеи «сушностной» мужской или женской идентичности. В этом отношении задачи четырех пятилетних детей очень схожи с задачами, стоящими перед Ада «Например, слеующее взаимодействие имело место на детской площадке дошкольников. Мальчик (D) 55 месяцев от роду пытался рстегнуть застежку на ожерелье, когда к нему подошла воспитательница (B):

B: Ты хочешь это надеть?

D: Нет, это для девочек.

B: Чтобы носить такое, обязательно быть девочкой. Короли также носят на шею. Ты можешь играть в короля.

D: Я не король. Я мальчик» (Sahlil 1986a: 176).

Как замечает Кахилл, хотя D, возможно, шлоко себе представлял половой статус идентичности короля, он, очевидно, сознает, что фреелья используются для обозначения идентичности «девочки». Тендуя на идентичность «мальчика» и развив соответствующее поведение, он очень подозрительно относится к любому проявлению, которое могло бы стать основанием для того, чтобы усомниться обоснованности его претензии.

Именно таким образом новые члены общества включаются в *цесс саморегуляции* и одновременно начинают мониторить своего поведения и поведения других с учетом следствий гендерной идентичности. Такой процесс рекрутирования включает не только усвоение гендерных идеалов (в качестве соответствующих «правильных» способов бытия и поведения), но также — важных для индивидов гендерной идентичностей, которые они стараются сохранять. Таким образом, дерные различия или социально-культурное оформление «сушности мужского и женского естества» приобретает статус объективных

тов. Они считаются естественными нормативными чертами индивидов и позволяют принимать как данность различия в судьбах женщин и мужчин в рамках одного социального порядка.

В целом исследование детской игровой деятельности как обычных повторяющихся обстоятельств выражения «гендерно соответствующего» поведения может пролить новый свет на то, как конструируется «сушностная природа». Определителю в нашем понимании процесса рекрутирования является переход от включенности в полосергированный мир по типу «подмастерье» (Sahlil 1986a) к так называемой подростков (Thotte 1986; Thotte and Luita 1986) включенности типа «bona fide»*.

Гендер и разделение труда

Как только люди сталкиваются с проблемами определения социальной позиции: т.е. с вопросами о том, кто что должен делать и что получать за это, кому планировать или исполнять действие, управлять или подчиняться, сразу возникает необходимость использования значимых социальных категорий, таких как категория «мужского» и «женского». Проявление, инсценировка и обустройство «сушностной природы» человека как мужчины и женщины обусловлено тем, как рассматриваются проблемы социального положения и распределения в обществе.

Берк (Berk 1985) предлагает иллюстрацию этого тезиса в своем исследовании, посвященном установлению социального места (allocation) домашнего труда и отношениям супругов к разделение их домашних обязанностей. Как в реальном разделение домашних обязанностей, так и в восприятии справедливости такого разделения, Берк обнаруживает мало вариаций. Женщины, даже в тех случаях, когда они работают вне дома, делают большую часть домашней работы и работы по уходу за ребенком. Более того, и мужчины, и женщины склонны рассматривать такое положение дел как «справедливое». Отмечая неспособность конвенциональных социологических и экономических теорий объяснить это кажущееся противоречие, Берк утверждает, что в данном случае имеет место нечто большее, чем рациональный способ организации (allocation) производства продуктов домашнего труда и услуг: «Отношение между реальной структурой работы и структурной нормативной ожиданий, связанных с работой, вряд ли определяется тем, кто имеет больше

* Bona fide (лат.) — по доброй воле, чистосердечно (Прим. перев.).

времени, или чье время дороже стоит, или чья квалификация выше или кто обладает большим объемом власти. Это отношение является гендерным, и именно это обстоятельство определяет в конечном итоге распределение времени работы людей дома и в сфере оплачиваемого труда» (Берк 1985: 195–196).

Берк отмечает, например, что наиболее важным фактором, влияющим на трудовую вклад жен, является общий объем работ, необходимой или ожидаемой в домашнем хозяйстве; такого рода обвинения не подразумевают участия мужей. Женны предлагают различные объяснения (и свои собственные, и объяснения своих мужей), которые оправдывают меру их вклада в домашний труд, и в целом подчеркивается, что жены *по своей природе* ответственны за домашнее хозяйство.

Берк утверждает, что трудно представить, чтобы «люди могли бы изначально создать некое социальное устройство исключительно для людей производства продуктов домашнего хозяйства и услуг», если не считают такое устройство «справедливым». Она считает, что временная организация разделения домашнего труда служит подлинным для двух процессов производства: производства продуктов домашнего труда и услуг (приготовление пищи, уход за детьми и и производство гендера: «Члены (семьи. — Е.З.) «создают» гендерный процесс домашнего труда или ухода за детьми. То, что называется разделением труда, обеспечивает одновременное производство машинного труда и гендера; именно в этом суть механизма, посредством которого создаются материальные и символические продукты домашнего хозяйства» (Берк 1985: 201).

Дело не только в том, что домашний труд обозначается как «мужской труд», а в том, что вовлеченность женщины или невовлеченность мужчины в этот вид деятельности означает проявление их «сущностной природы». То, что производится и воспроизводится, — это просто легитимность и артефакты домашней жизни, а материал воплощенные роли жены и мужа и, как производная, — женское и мужское поведение (См.: Вейт 1983: 70–89). Так же часто производятся воспроизводятся господствующий и подчиненный статусы категорий принадлежности по полу.

Как делается гендер в рабочем окружении вне домашней сферы где господство и подчинение являются важнейшими темами? Анализы работ бортипроводников самолетов, проведенный А. Хошидль (Hoehschild 1983), помогает лучше понять эти вопросы. Она объясняет, что профессия бортипроводника совершенно различна от держанию труда для мужчины и женщины: «[Поскольку створщик

являются теми представителями авиакомпании, которые по роду занятий успокаивают пассажиров, испытавших "плохое обращение", их собственные чувства чрезвычайно часто страдают от грубости. Кроме того, постоянная демонстрация себя людям, которые сопротивляются проявлению власти в лице женщины, делает опыт жен-шин-бортипроводниц отличным от опыта мужчин-бортипроводников.

В этом отношении створщики не являются просто женщинами в биологическом смысле этого слова. Они также являются в высшей степени зримой квинтэссенцией среднеамериканского представления о женственности. Они символизируют собой Женщину. Поскольку категория «женского» мысленно ассоциируется с более низким статусом и меньшей властью, створщик с большей готовностью, чем другие, причисляют к категории "настоящих" женщин» (Hoehschild 1983: 175).

Занимаясь тем, что Хошидль называет «эмоциональным трудом», необходимым для поддержания доходов авиакомпании, створщики одновременно используют свою «сущностную» женственность.

Пол и сексуальность

Каково соотношение между созданием гендера и культурными представлениями «обязательной гетеросексуальности» (Rich 1980; Rubin 1975)? Как отмечает Фрай (Fray, 1983), контроль сексуальных чувств по отношению к людям, принадлежащим к соответствующей категории по полу, требует мгновенного распознавания таких лиц: «Прежде чем от эротического возбуждения, вызванного этим лицом, начнется учащенно биться сердце или пульсировать кровь» (Fray 1983: 22).

Видимость гетеросексуальности создается благодаря эмфатическим и недвусмысленным признакам пола, предельно явным определенным образом (Fray 1983: 24). Так, эти признаки для маскировки могут использоваться лесбиянки и гомосексуалисты, которые хотят считаться в глазах других гетеросексуальными; наоборот, те, кто не желает быть принятым за гетеросексуалов, могут использовать «двусмысленные» признаки своего статуса принадлежности по полу: «маникюры одеваться и общий стиль поведения. Однако «двусмысленные» признаки пола остаются, тем не менее, признаками пола. Если индивид хочет, чтобы его сочли, например, лесбиянкой (или гетеросексуальной женщиной), то прежде необходимо утвердиться в категориальном статусе женщины как таковой. Даже когда в массовом изображении лесбиянки предстают как «неженственные женщины» (Fray 1983: 129), все же сохраняется их подотчетность как лиц,

«имеющих нормальную естественную принадлежность по полу признакам».

Такая подотчетность не уничтожается хирургическими операциями по смене пола, которые считаются самым радикальным выходом наших культурным представлениям о поле и гендере. Хотя никто не ставляет транссексуалов проходить гормональную терапию, эстрогены или делают операцию, доступные им альтернативы, безусловно, ограничены: «Эксперты по транссексуальности утверждают, что они применяют процедуру смены пола только по отношению к транслюдям, которые просят об этом и доказывают, что их могут признать другими полами в контексте социальной реальности. Имеет значение инакватные предписания, человек должен быть либо мужественным, либо * женственным, при этом выбор обусловлен рядом обстоятельств» (Raymond 1979: 135).

Физическая реконструкция биологических критериев принадлежности к категории по полу всего лишь подтверждает сущностный характер нашей половой природы — как женщин или мужчин.

Гендер, власть и социальное изменение

Теперь вернемся к вопросу о том, возможно ли избежать создания пола. Выше мы предположили, что поскольку категория пола является базовой критерий дифференциации, создание гендера неизбежно. Оно представляется неизбежным, так как социальным следствием категоризации по полу является распределение властных ресурсов не только в домашней, экономической и политической любой ситуации категория принадлежности по полу может оказываться решающей, и поведение человека, принадлежащего к данной категории (т.е. гендер), может стать предметом оценки. Поддержка такого всепроникающего статуса, который сохраняется в течение жизни, требует легитимизации.

Кроме того, создание гендера придает статус нормальности естественности социальным отношениям, основанным на категории принадлежности по полу, т.е. делает такие отношения легитимными способами организации социальной жизни. Таким образом, различия между мужчинами и женщинами, созданные процессом «дифференциации», могут быть представлены как постоянные базовые установки. В этом свете институциональные отношения в обществе могут

* Курсив автора (Прим. пер.)

смагиваться как отображение естественных различий, и социальный порядок представляется лишь приспособлением к естественному порядку. Таким образом, если, создавая гендер, мужчины одновременно продублируют господство, а женщины — подчинение (см.: Фуе 1983: 47-95), то социальный порядок, возникающий в результате этого, предположительно отражает естественные различия и в значительной степени усиливает и легитимизирует неравные отношения. Фрай отмечает: «Для эффективного подчинения требуется, чтобы структура не воспринималась как культурный артефакт, поддерживаемый человеческим решением или обычаем, но казалась естественной, т.е. казалась прямым следствием естественной животной жизни, развивающейся вне сферы человеческого воздействия... То, что мы обучены вести себя столь различным образом как мужчины и женщины и по отношению к мужчинам и женщинам, само по себе поддерживает проявления экстремального диморфизма. Кроме того, *стопы*, которыми мы действуем как мужчины и женщины, и *способы*, которыми мы действуем в отношении мужчин и женщин, изменяют наши тела и наше сознание так, чтобы сформировать подчинение и господство. Мы становимся тем, что мы осуществляем в наших практиках» (Фуе 1983: 34).

Если мы создаем гендер должным образом, то одновременно мы поддерживаем, воспроизводим и обеспечиваем легитимность институциональных отношений, основанных на категории принадлежности по полу. Если мы не делаем гендер должным образом, то мы как индивиды — не как институциональные отношения — можем быть призваны к ответу (за свой характер, мотивы и установки).

Общественные движения, подбные феминизму, могут обеспечить идеологию и проблематизировать существующие отношения, а также — обеспечить социальную поддержку индивидам в поисках возможных для них альтернатив. Законодательные изменения, введенные, например, Поправкой о равных правах, также могут ослабить подотчетность поведения, предписанного категории принадлежности по полу, создавая, таким образом, возможность ослабления подотчетности в целом. С уверенностью можно сказать, что равенство перед законом не гарантирует равенства в других сферах. Как показывает Лорбер, обеспечение «истинного равенства категорий людей, которых считают сущностно различными, требует постоянного контроля». Изменения в сфере права могут лишь обеспечить юридические основания для того, чтобы задавать вопрос: «Если мы хотим отнестись к мужчинам и женщинам как к равным, то почему вообще необходимы две категории принадлежности по полу?»

Соотношение категории принадлежности по полу и гендера, выдает институциональный уровень и уровень межличностного взаимодействия. Такая связь легитимизирует социальные отношения новинные в категории принадлежности по полу, и воспроизводит их асимметрию в непосредственном взаимодействии (face-to-face) знание гендера, наряду со встроеным механизмом социального контроля, обеспечивает поддержку социальной структуре на уровне взаимодействия. Оценивая институциональные силы, поддерживающие различия между мужчинами и женщинами, мы не должны забывать происходившей на уровне взаимодействия легитимизации различий, данных смыслом «естественности» и «правоты».

Социальное изменение, таким образом, должно осуществляться как на институциональном и культурном уровне категории принадлежности по полу, так и на интеракционном уровне гендера. Тем самым признается, что аналитическое различие институциональных сфер и сфер взаимодействия не ставит перед нами выбора и/или, когда дело доходит до вопроса о воздействии на социальные изменения. Переосмысление гендера и понимание этой категории просто как качества индивидов, а как интервальной динамики социальных порядков, предполагает новый взгляд на всю сеть гендерных отношений, т.е. на такие социальные феномены, как «социальное подчинение женщин и культурные практики, которые способствуют его поддержанию; политика выбора сексуального объекта и, наоборот, подавление гомосексуалистов; половое разделение труда; формирование характера и мотивации в той мере, в которой они определяются как женственность и мужественность; роль тела в социальных отношениях, особенно — политика деторождения; стратегические движения сексуального освобождения» (Connell 1985: 261).

Гендер является мощным идеологическим устройством, которое пронизывает, воспроизводит и легитимизирует выборы и транзитные предписанные категории принадлежности по полу. Понимание того, как в социальной ситуации создается гендер, позволит прояснить механизм поддержания социальной структуры на уровне взаимодействия и выявить те механизмы социального контроля, которые способствуют ее существованию.

Перевод Елены Здравомыс

Примечания

¹ Это определение преуменьшает множество сложностей в отношениях между биологией и культурой (Laggar 1983: 106–113). Однако, наша позиция заключается в том, что определение пола индивида является прежде всего социальным процессом и происходит через социальный процесс.

² Это вместе с тем не означает, что гендер — это некая «вещь», жестко присутствующая в одной и той же исторической форме в каждой ситуации. Из-за того, что нормативные представления об авторитетах и действиях, соответствующих категории принадлежности по полу, различаются в разных культурах и в разное историческое время, регулирование ситуативного управления в свете этих экзектаций может приобретать самые различные формы.

³ Бернштейн рассказывает о необычном случае шпионажа, в результате которого мужчина, выдающий себя за женщину, убедил любовника, что она родила «их» ребенка, который, как думает любовник, похож на него.

Рози Брайдонти

РАЗЛИЧИЕ ПОЛОВ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: НОМАДИЗМА*

«Я думаю, что женщины, способные заботиться о необходимости исправить историю, смогут много времени».

Маргрет Дюрас (Duras 1991).

... Состояние номадизма представляет собой новую форму субъектности, построенную на множественности различий и отсутствии иерархии. Ниже будет подробно рассмотрено, как (номадическая субъектность) соотносится с различиями по признаку пола. Я сошлусь с Люс Иригэрай в том, что различие полов (*sexual difference*) это тот вопрос, над решением которого нам, западным людям в начале XX в. в силу определенных исторических причин, приходилось биться; мы стремимся разрешить этот мучительный вопрос и наемся на это. Причины актуальности проблемы коренятся (во-первых) в той роли, которую играла категория различия в истории ролей, и (во-вторых) в том специфическом месте, которое оно (различие) занимает в феминистской практике. Рассмотрим эти причины последовательно.

* Перевод гл. 8. «Sexual Difference as a Nomadic Political Project» из кн.: Vaidoussis Nomadic Subjects, New York: Columbia University Press, 1994. P. 146-172.

Латинский термин «*nomad*» переводится на русский язык как «кочевник». Соответственно производные — кочевнический, кочевничество и пр. В данном переводе мы решили использовать кальку с латинского как уже установившийся антропологической и философской литературе термин. Вала термин *nomadic project* номадизма. Брайдонти объединяет две позиции: с одной стороны, она утверждает концепцию изменчивости номадического субъекта; с другой стороны, она утверждает необходимость разрабатывать номадическую, изменчивую политическую субъектность (проект), основанную на категории различия полов (Прим. ред.).

1. Обратимся сначала к европейской ситуации. Я думаю, что понятие, тема и проблема, известные как «различные полов», в современном контексте Европейского сообщества становятся значимыми как никогда ранее. Новый акцент на общей европейской идентичности, который усиливается благодаря проекту объединения старого континента, включает за собой то, что различия становятся понятием, которое как никогда ранее включает в себя *разделение* и *антиголизм*. Мы являемся свидетелями («зретья интересом»), утверждающих свои различия через *регионализм*, *локализм*, *этнические войны* и всевозможные *религиозизмы*. В эпоху распада Восточного блока различия становятся опасным понятием. Некоторые югославские феминистские философы пришли к выводу, что использование понятия различия в негативном и дезинтеграционном смысле делает пустой и бессмысленной попытку его позитивного постмодернистского переосмысления. Фрагментация и переоценка различия в постструктуралистском ключе в лучшем случае может восприниматься иронически, а в худшем — трагически: теми, кто живет в Загребце, не говоря уже о Дубровнике или Сараево.¹

Исторически идея различия коренится в европейском фашизме, в стиле мышления которого господствовали понятия иерархии и исключения. Однако фашизм возник не на пустом месте. Понятие различия является центральным для европейской истории философии, поскольку западная мысль *всегда* развивалась в дуалистической оп-позициях, которые порождают подкатегории *инного* (*otherness*)* или *отличного-от*. Поскольку в истории философии различия основывались на отношениях господства и исключения, быть «отличным от» означало быть «меньше, чем» или быть «менее ценным, чем». Как толковать различие, монополично определяла власть, в результате чего смысл этого понятия сводился к обозначению неполноценности, что ясно показала Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол». Соответственно различие получало эссенциалистские и смертоносные по своим политическим последствиям коннотации; использование этого понятия придало целым категориям людей статус таких существ, от которых можно избавиться, то есть хотя и людей, но в то же время «несколько более смертных» людей.

В современной европейской истории понятием различия оперировали фашистские и тоталитарные политические режимы. Интерпретации

* Слово «*otherness*» в отечественной феминистской литературе переводится по-разному (ср. «чуждость» у Ирины Жеребкиной). Наш выбор в пользу термина «инное» (ср. словарное значение «*другого*») обусловлен возможными образующими существительных в русском языке (Прим. ред.).

тируя это понятие в духе биологического детерминизма, они прикляли к истреблению огромного числа людей, которых они сконструировали в терминах неполноценности или *уничтожимого* (*religative obsolescence*). В рамках критической теории, в ее неспецифически французской или любой другой версии, нет возврата к историческому *различию* для оправдания эксплуатации и убийства, как это было во время нацистского геноцида. ... Существует различие во взглядах французской и немецкой критических школ на тоталитаристское нацистское понимание различия как категории, обозначающей иерархические отношения. Французы убеждены в существовании иерархической связи разума с насилием и господством и отрицают категорию «инструментального разума» (к которой склоняется Адорно и где немецкие критические теоретики), поэтому они пытаются изменить разум изнутри. В любом случае, как пишет Фуко в своем предисловии к американскому изданию книги Делеза и Гваттари «Анти-Эдип», мышление через призму Овеннима стало историческим императивом для всех европейских интеллектуалов.

Как сторонница критической теории, воспитанная в эпоху буржуазии новой Европы, как феминистка, считающая своим долгом действовать во имя утверждения нового, я обязана *разделить ответственность* за прошлое моей культуры и истории. Именно поэтому сознательно основываю свою концепцию на понятии различия, анализируя основные вопросы власти и насилия, которые сопутствовали восхождению этого понятия к вершине европейской мысли. Это понятие слишком значимо и богато, чтобы оставить его в сфере шистских и гегемонистских интерпретаций.

2. Теперь остановимся на длительной и полной событий истории понятия различия в рамках феминистской практики и истории мысли. Я не могу назвать понятия, которое было бы более противоречивым спорным и значимым. Понятие различия является источником вычуждения и знающим напряжением в феминистской теории. Зашифрованный концепт различия полов как эпистемологическое и политическое нововведение феминизма, я также выражаю свою озабоченность тем, что многие радикальные феминистки отвергли различие как идею безразлично эссенциалистскую. Прежде чем перейти к изложению своей собственной концепции различия полов, коротко проследю все превращения истории идеи различия в феминистской мысли.

Суть проблемы формулировала Симона де Бовуар, предложив глубокий анализ формирования различия полов, основанный на гегелевской иерархической модели диалектики сознания. Сделав предположивший основной феминизма как теории, Бовуар, с одной стороны,

определяет различие как центральное понятие, а с другой — призывает преодолеть встречающуюся в него иерархическую схему, сопряженную с обесцениванием *иного* (*otherness*), в особенности, *иного* как женщины. На этой стадии своего исследования, обращаясь к трудам ученика Декарта, Пюлена де ла Барра, Симона де Бовуар настаивает на необходимости преодоления гендерного дуализма и, следовательно, гендерных предубеждений, во имя рациональности. Анализ, проведенный де Бовуар, и ее программа освобождения через эгалитарное использование разума является важнейшим концептуальным наследием современной феминистской теории.

В середине 1970-х гг. постструктуралистский феминизм подверг сомнению предложенную де Бовуар политическую эгалитарную рациональности, выдвигая взамен политическое различие. Как сказала об этом Маргерит Дюрас (см. эпиграф к данному эссе²), женщины, продолжая мерить себя по мужскому аршину и считающие, что они должны исправлять мужские ошибки, понапрасну тратят свое время и энергию. В том же ключе высказывается Люс Иригарей в своей полемической статье «Равные кому?» (Irigaray 1987, 1988). Она рекомендует сместить фокус политики с критики и протеста на утверждение позитивных альтернативных ценностей. В своей ревизионной работе де Бовуар постструктуралистский феминизм пересмотрел понятие различия и задала вопросом, действительно ли связь различия с господством и иерархией является такой неразрывной и органичной, какой ее считало поколение экзистенциалистов, и является ли эта связь исторически неизбежной.

В результате кризиса современности (*modernity*), начиная с Ницше и Фрейда, понятие различия оказывается в центре европейской философской мысли. Однако еще в рамках модернистской традиции внимание к этой категории приводит к отказу от вековой привычки отождествлять различие с неполноценностью. Более того, через сочинения Ницше, Фрейда и Маркса — этой апокалиптической троицы современной истории — в сферу теоретической деятельности проникает другое дерзкое новшество: идея о том, что субъектность не совпадает с сознанием. Субъект эксцентричен по отношению к своему сознательному Я в силу существенного влияния на него таких структур, как подсознательное желание, исторические и социальные условия производства. Как только была поколеблена онтологическая устойчивость картезианского субъекта, появилась возможность анализа конвенционально установленной связи между субъектностью и маскулинностью. В этом смысле, как я показываю в своей работе «Модели диссонанса» (Braidotti 1991), кризис современности

может пониматься как разрушение маскулинистского основания политической субъектности. С феминистской точки зрения, этот кризис следует оценивать позитивно и усматривать в нем потенциал развития разнообразных форм обретения женщинами власти.

1980-е гг. в развитии феминизма характеризуются полемикой между сторонниками разных интерпретаций теории *различия*, в особенности между движением «*écriture féminine*» и «англо-американской «тендерной» оппозицией». Эта полемика внесла свой вклад в дискуссию об эссенциализме и зашла в интеллектуальный тупик, из которого мы только сейчас начали выходить. К этому вопросу я вернусь следующим разделом данного эссе. В наше время феминистская дилемма «над-тендерной» или «посттендерной» формы субъектности. Стопники этого направления выступают за преодоление дуализма пассивной и гендерной полярности в пользу новой гендерно недифференцированной субъектности. Мыслители, подобные Моник Виттиг (Wittig, 1991), заходят столь далеко, что предлагают отказаться от акцентирования различия полов как ведущего к возрождению метафизической женственности».

Выступая против опрощенного игнорирования различия полов, я имею спорной формы «антиэссенциализма» или утопического стремления к над-гендерной субъектности, я намерена возвести различия полов в статус политического проекта. Я называю это политическим проектом номинализма, потому что ориентация на отличие, которое воплощают собой женщины, обеспечивает глубокое позитивное нововведение для пересмотра субъектности женщины (*female subjectivity*), в результате которого они преобразуют во всей своей сложности. Не я остановлюсь на основных моментах своего понимания связей между женской идентичностью, феминистской субъектностью и радикальной эпистемологией номиналистских переходов, какими они выдвигаются в свете позитивного различия полов.

Я начну с критики гендерного подхода и таким образом покажу, в чем я вижу эпистемологические преимущества и политическую релевантность подходов, основанных на проекте различия полов.

ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ 1990-х ГОДОВ

Мой исходный тезис заключается в том, что в современной феминистской теории и практике происходит кризис понятия «гендера». Отвергается острая критика как по причине теоретической неадекватности, так и в силу политической аморфности и неопределенности

Наиболее релевантная критика этого понятия ведется с позиций теории различия полов, постколониального и черного феминизма, теории лезбианства, а также феминистской эпистемологии, строящейся на материале естественных наук, в особенности, биологии.

Второй момент: кризис гендера как полезной категории феминистского анализа совпадает с изменением исходных феминистских позиций, которые в какой-то момент зашли в тупик в своем развитии. Это относится в особенности к противостоянию между англо-американской «тендерной теорией» и континентальной, в первую очередь, французской «теорией различия полов» (см.: Duchen 1986). Дискуссия между двумя этими противоборствующими культурными и теоретическими парадигмами, основывающимися на различном понимании политической практики, в 80-е годы выродилась в достаточно бесплодную полемику. Эта бессмысленное противостояние было частично покоеблено в связи с растущим осознанием культурно-специфических форм, которые принимает феминистская теория.³ Последнее, в свою очередь, привело к формированию нового более продуктивного подхода к категории различия в разных феминистских концепциях.

Третий момент — это недавно возникшая междунациональная дискуссия между итальянским, голландским, австрийским и другими альтернативными направлениями феминистской мысли, которые способны расширять «удобной» бинарной оппозиции между французской континентальной и англо-американской традициями (см.: Lauteis 1988; 1990). В результате появления на феминистской «карте мира» иных, пусть и «авторостепенных», культур, стало ясно, насколько понятие гендера произвольно от особенностей английского языка, и поэтому имеет мало отношения к теории, развиваемой на романских языках, или совсем никакого. Понятие *гендер* как таковое не было воспринято французским, испанским и итальянским феминистскими движениями. Например, во французском языке термин «*le genre*» может быть использован по отношению к человечеству в целом («*le genre humain*»). *Genre* — это культурно-специфический и поэтому непереводаемый термин.

Такая позиция означает, что различие пола и гендера, являющиеся одним из принципов англоязычной феминистской теории, не имеют ни эпистемологического, ни политического смысла во многих неанглоязычных западноевропейских контекстах, где вместо термина «гендер» используются понятия «сексуальность» и «различия полов». Хотя много чернил было пролито как на хвалы, так и на нападки в адрес теории полового различия, мало усилий было предпринято, чтобы

поместить эти дискуссии в соответствующие культурные контексты. Не придавалось достаточного внимания и националистическим кованям, которые часто маркирует дискуссии о различии полов противоположные дискурсам о теориях гендера.

Четвертое, и последнее, замечание, которое я хочу сделать относительно гендера, связано с институциональной практикой, которую он порождает и которую я считаю сомнительной для феминистского движения. Сам по себе термин «гендерные исследования» звучит достаточно академично, чтобы не раздражать ученых и студентов, этим он отличается от несущего более выраженную политическую окраску термина «феминистские исследования». Отчасти благодаря этому в последнее время тематика, фигурирующая под рубрикой «гендерные исследования», пользуется успехом в университетах и издательствах. С моей точки зрения, этот успех привел к тому, что центральные вопросы с феминистской повестки дня на более абстрактное изучение социального конструирования различий между нами. Это расширение является в то же время сужением политическая тематика.

Утверждая, что *мужчины также имеют гендер*, многие учебные заведения стали требовать учреждения курсов *men's studies* (мужские исследования) в качестве параллельных женским исследованиям. В качестве структурного компонента последних. Маскулинность вращается, на сей раз — под прикрытием «гендера». Хотя критика маскулинности со стороны мужчин очень важна и необходима, важно признать, что институциональное соперничество между теми, кто выступает за «расширение гендерных исследований» за счет включения к ним мужчин и внесение в них мужской тематика, и те, кто ратует за приверженность феминистской политике. Это привело к тому, феминистки стали относиться с подозрением к использованию термина «гендер» в практике институционализации исследований и образовательных программ.

На теоретическом уровне, по моему мнению, главным допущением лежащим в основе «гендерных исследований», является новая метрика между полами, которая на практике приводит к возобновлению интереса к мужчинам и мужским исследованиям. Учитывая обстоятельства, я позволил себе открыто не согласиться с этой идеей новой симметрии и вновь подчеркнуть, что различие полагается мощным фактором асимметрии. Более того, я считаю, что классические тексты, относящиеся к феминистским спорам о гендере не могут служить обоснованием симметрии полов. С точки зрения историографии феминизма, я бы определила гендер как понятие

лежащее в основе множества парадигм, в рамках которых феминистская теория объясняет социальные и дискурсивные конструирования различий между полами и их проявление. Подобное использование понятия «гендер» в феминистской теории позволяет вызвать универсалистские претензии языка критики, систем знания и научного дискурса в целом.

Универсалистская тенденция состоит в отождествлении мужской точки зрения с «общечеловеческой», вследствие чего женская точка зрения отбрасывается в структурную позицию «иного». Таким образом, мужское *qua** человеческое воспринимается как «норма», а женское *qua* «иное» рассматривается как маркирующее «различное». Следствием этой дефиниции является то, что вся тяжесть различия полов падает на женщин, маркируя их как другой пол или структурное «иное», в то время как мужчины императивно маркируются как носители универсальности. Символическое разделение труда по половому признаку, которое помогает объяснить термин «гендер», представляет собой систему, основанную на фаллоцентризме, составляющую внутреннюю логику патриархата. Другими словами, эта система не является ни необходимой с точки зрения исторической неизбежности, ни рациональной вследствие концептуальной неопределенности. Она просто *возникла* как властные основания системы, в которой общество конструирует всех нас либо как мужчин, либо как женщин, используя при этом определенный набор символических, семиотических и материальных средств.

В этой системе мужчины и женщины находят в структурно асимметричной позиции: мужчины как референты маскулинности не характеризуются через категорию гендера, потому что от них ожидается, что они как «носители фаллоса» должны, так сказать, поддерживать образ абстрактной мужественности, что, на самом деле, вряд ли можно считать простой задачей (см.: Rubin 1975; Natsook 1983). Еще пятьдесят лет назад Симона де Бовуар заметила, что ценной, которую платит мужчина за то, что он репрезентирует всеобщее, является своего рода утрата телесного воплощения (*embodiment*), тогда как ценной, которую платит за свое положение женщина, является утрата субъектности и ограниченность рамками своего тела. Таким образом, мужчины в рамках описываемой символической системы лишены телесного воплощения, но в силу этого обретают трансцендентность и субъектность, тогда как женщины избыточно телесны (*overembodied*) и тем самым обречены на имманентность. Это выплывает в две крайние

* *Qua* (лат.) — как (Прим. перев.).

асимметричные позиции и две абсолютно противоположные проблемные области.

Анализ, проведенный де Бовуар, получил теоретическое развитие в соответствующих исследованиях в области семиотики, структурлистского психоанализа, а также в женском движении восьмидесятых годов (см.: Duchon 1986, Eisenstein 1984). Центральным в этом новом подходе становится переход от простой критики патриарха к утверждению позитивности женских культурных традиций и отцов. Большим вкладом в их утверждение стала работа Адриен Рих (Rich 1976; 1979; 1985). Этот переход привел к тому, что особое внимание стало уделяться языку, а следовательно, и репрезентации в сфере конституирования субъекта.

Наиболее ярко это новое направление феминизма проявилось в французской теории «различия полов», известном также как движение «*écriture féminine*». Концептуальные основания этого движения (Itavaag 1974; 1977; 1984; Sichaos 1974; 1975; 1986; 1987) были почерпнуты из лингвистики, литературоведения, семиотики, философско-психоаналитических теорий личности. Обратив внимание на сольную значимость теоретических и языковых репрезентаций различий между полами, исследователи данного направления дали феминистским дискурсам новый импульс. Они провозгласили, что социальное поле пронизано отношениями власти и знания, то есть представляет собой переплетение символических и материальных структур (Foucault 1977). Другими словами, представители этой французской школы считают, что адекватное исследование угнетенных женщин предполагает учет как языковой, так и материальной сферы (Coward & Ellis 1977). И нельзя ограничиться чем-то одним. Они резко критикуют понятие «гендера», считая, что оно приводит к чрезмерной сосредоточенности на социальных и материальных факторах ущерба символическим и семиотическим аспектам.

Дискуссия 80-х гг. между сторонниками теории различия полов с одной стороны, и гендерной теорией, вылившаяся в полемическое противостояние двух самостоятельных форм рекурсионизма (идеалистической (редакция к текстуальному) и материалистической (редакция к социальному)). Эти формы рекурсионизма, в свою очередь, привели к появлению двух крайних версий «эссенциализма» (Lauretis 1988; Scot 1988; Fuss 1990; Braidotti 1992; Gross 1991).

Мне представляется, что если отвлечься от полемической заочности позиций, то станет очевидно одно существенное концептуальное расхождение между ними, а именно: различие между их стратегиями ухода от универсальности, имплицитно заложенной

патриархатной, или фаллоцентрической, системе, а также от бинарного образа мышления, который ее характеризует. Тогда как теория различия полов выступала за работу в рамках старой системы, т. е. за стратегию «иподражательного повторения», гендерная теория настаивала на «критике идеологии». В результате теория различия полов ввела новый «женский» (*feminine*) полус диктотомии полов для того, чтобы создать для нее новые значения и репрезентации. Что же касается гендерной теории, то она отказалась от схемы полиризации полов в пользу десексуализированной (*desexualized*) и гендерно свободной установки. Другими словами, мы сталкиваемся с двумя противоположными утверждениями. Требование теории различия полов пересмотреть представление о личности женщины-феминистки зеркально соответствует противоположному заявлению гендерной теории о том, что *женское* — это трясина метафизического нонсенса, от которой следует отказаться ради новой андрогинии.

Неудивительно, что эти позиции предполагают и различные теоретические интерпретации женской сексуальности вообще и женской гомосексуальности в частности (см.: Sichaos 1987; Wittig 1973).

Удивительно, на мой взгляд, что эти позиции сходятся в фундаментальном тезисе о том, что феминистская практика и женские исследования вместе с ней должны бросить вызов универсализму научного дискурса, продемонстрировав присущий ему дуализм. Отказ от дуалистического мышления как способа бытия патриархата создает основу для устранения границ между противопоставленными по другим основаниям феминистскими позициями. Представители всех феминистских школ считают, что универсалистская точка зрения, отождествляющая мужское с общечеловеческим и сводящая женское ко второстепенной позиции «иного», изжигается на классической системе таких дуальных оппозиций, как культура/природа, активный/пассивный, рациональный/иррациональный, мужской/женский. В теории феминизма говорится, что дуалистический способ мышления задает бинарные различия лишь для того, чтобы упорядочить их в соответствии с иерархической шкалой властных отношений.

Так, Джованн Скотт утверждает, что понятие гендера, маркирующее множество взаимоотношений между переменными, характеристическими угнетенные, могло бы прояснить наложение пола, класса, расы, образа жизни и возраста как фундаментальных осей дифференциации (Scott 1986). В своем более позднем эссе (Scott 1988) она идет еще дальше. Она выступает за определение гендера как понятия, маркирующего пересечение языка с социальным, семиотического с материальным. Ссылаясь на понятие дискурса, развитое Фуко, и представ-

ляющее важнейший, по ее мнению, вклад постструктурализма в министскую теорию. Скотт предлагает дать новую интерпретацию гендера, которая связала бы текст и реальность, символическое материальное, теорию и практику. Согласно Скотту, достоинство такого постструктуралистского прочтения феминистской теории заключается в том, что оно политизирует теоретическую дискуссию.

В результате реинициации категории различия в постструктуралистском феминизме происходит радикальный отход от дуалистической модели текста и текстуального; текст, таким образом, рассматривается как семиотическая и материальная структура, а не изолированная единица, замкнутая в дуалистической оппозиции социальному контексту, с одной стороны, и к деятельности по интерпретации, с другой. Текст должен пониматься как звено в процессе или, скорее, как цепная реакция, захватывающая паутину различных отношений. Таким образом, для текстовой практики важны столько интерпретации, сколько распознавание сети связей и позиций, которые соединяют текст со всей социально-символической системой. Другими словами, мы имеем здесь дело с новой материалистической теорией текста и текстуальной практики.

Феминизм девяностых годов испытал на себе влияние как гендерной теории, так и теории различия полов и значительно продвинул вперед. Я выделяю следующие направления феминистской мысли нового поколения.

1) Немецкий критический феминизм, сторонников которого обильно приверженность Франкфуртской школе: Бенхабб (Benhabb & Soper 1987), Бенджамин (Benjamin 1990) и Флакс (Flax 1990).

2) Французская школа, которая в США получила распространение, в основном, в литературоведческих кругах и в области гуманитарных наук. Однако необходимо заметить, что работы философов Иригарей (Irigaray 1974; 1977) были переведены на английский язык только в 1985 году. Прямым следствием такого культурного обмена стало то, что сейчас в США теории различия полов получают знание в сфере литературоведения (Miller 1986; Jardine 1985; Sedgwick 1987; Stanton 1986). В результате в американских университетах возник вакуум между гуманитарными науками и философией, с одной стороны, и социальными науками, с другой.*

3) Итальянская группа. Здесь ключевой фигурой является Иригарей. Медленно становясь известной в англоязычном мире (куда ее за причудливым Деррида проскользнула Сиксу), Иригарей нашла благодарную и восприимчивую аудиторию в Италии. Используя традиционные связи итальянского женского движения с левыми поли-

тическими организациями, такие толкователи Иригарей, как Мурано (Murano 1991; *Sexual Difference* 1990) и Кавареро (Cavarero 1990) создали политизированную версию различия полов в форме социального и символического союза женщин.

4) Лесбийанский радикализм Виттинг (Witting 1973; 1991) и ее последователи, ориентированных на гендерную теорию.

5) «Этнические» и «колониальные» мыслители (Noli et al. 1982). Хотя в северо-американском феминизме расовый аспект присутствовал с самого начала, далеко не сразу этничность и раса были признаны главными категориями в феминистском определении субъектности. Таким образом, «белокожесть» феминистской теории стала основным объектом критики и перекрывала все другие противоречия, включая некогда острейший разрыв между гендерной теорией и теориями различия полов. За пионерскими работами Одре Лорд (Lord 1984), а также произведенными черных писательниц (Элис Уокер и Тони Моррисон) и мыслителей (Morgana & Anzaldúa 1981; *Looking for the Wag Years* 1983) последовала более систематическая методологическая критика «белокожесть» феминистских теорий гендера и различия полов: Гайатари Спивак (Spivak 1990), Чандра Моханти (Mohanty 1987; 1988), Барбара Смит (Smith 1985), Трин Минх-Ха (Trinh Minh-ha 1989) и Бэл Хукс (Bell hooks 1981; 1984; 1990). Это обилие работ цветных женщин в значительной мере повлияло на таких феминистских теоретиков как Тереза де Лауретис, Донна Харзуэй (Natalya 1990), Сандра Хардинг (Harding 1991).

В европейском контексте проблемы феминизма, расы и этничности было гораздо сложнее теоретически выразить, поскольку национальные различия стилей и типов феминистской политической культуры были всегда столь велики, что здесь не формировалась доминирующая феминистская точка зрения. В 80-е гг. растущее осознание культурной «нагруженности» некоторых феминистских понятий — таких как, например, гендер, — привело к тому, что можно-европейцы подняли вопрос о культурной и политической гегемонии феминизма английского толка и оспорили ее. В результате актуальными темами феминизма стали вопросы этничности и расы и была переоценена роль этих категорий в феминистской практике. В духе этих дискуссий выступила Спелман (Spelman 1989), критикуя де Бовуар за ее расовую слепоту и отсутствие чувствительности к вопросам этничности.

В последнее время в Европейском сообществе расовому вопросу стало уделяться гораздо больше внимания, что обусловлено множественностью культур (multiculturalism) современных европейских

стран, а также усилением расизма, антисемитизма, ксенофобии, неоколониализма. Так, в рамках межевропейской программы обмена по женским исследованиям Erasmus², в которой принимает участие мой факультет наряду с несколькими европейскими партнерами разрабатывается совместный учебный план по женским исследованиям, который учитывает множественность культур европейских стран. Нас вдохновляет американский опыт, связанный с расовой проблематикой, однако мы отдаем приоритет исследованию европейских проблем, таких как устойчивость антисемитизма, преследование цыган и других кочевых народов, различные формы экономического неоколониализма и внутриевропейская миграция из южных восточно-европейских регионов.

Новые теоретики 90-х гг. работают со множеством переменных, определяющих субъектность женщины. Раса, класс, возраст, сексуальность предпочтения рассматриваются как основные оси идентичности. Современные исследователи обновляют сложившиеся расово-феминистские концепции, рассматривая формирование субъектности женщины в контексте сети властных отношений. Ниже я постараюсь доказать, что возникает совсем новое направление, которое подталкивает ситуативную, конкретную, во-площенную (embodied) природу феминистки как субъекта (feminist subject), отвергая биологический или психологический эссенциализм. Это новый материалистический, построенный на идее телесного во-площения женщины*.

Центральным моментом этого нового феминистского материализма, который рассматривает текст как выражение единства отношений власти и знания, является процесс конституирования субъектности как части этой сети власти и знания. Суть вопроса может сформулировать следующим образом: что, если патриархатная модель репрезентации, которая может быть названа «гендерной системой», создала те самые категории, которые она стремится деконструировать? Рассматривая гендер как процесс, де Лауретис подчеркивает то, на что уже обращал внимание Фуко, а именно, что процесс взаимодействия власти и знания создает субъект как часть этого процесса.

Другими словами, глубинной основой для подобного пересмотра гендера как технологии создания я (technoLOGY of self) является идеология субъектности, имеющей двойной смысл: формирование

* Термин «embodiment» (в прожываемом) иногда переводится в настоящем tense как «телесное воплощение», хотя переводчики и редакторы осознают известную таутологичность данного словосочетания (Прим. ред.).

идентичности и достижения субъектности через обретение власти или прав на определенные практики. Таким образом, обретение субъектности — это процесс формирования материальных (институциональных) и дискурсивных (символических) практик, который выполняет по крайней мере, две функции. Одна из них — позитивная функция создания возможностей для осуществления разных форм обретения власти. Другая — регулятивная функция — обусловлена тем, что формы обретения власти предполагают действие определенных ограничений и дисциплинарных высказаний.

Основным понятием здесь является *гендер* как регулятивная фикция*, то есть нормативная деятельность, в процессе которой конституируются такие категории, как субъект, объект, мужское, женское, гетеросексуальное, лесбийское. Представление о *гендере* как о регулятивной фикции следует интерпретировать в рамках критики этноцентричности и однозначности термина *гендер*.

Разнообразя это изменение в установках феминистской теории, я бы хотела подчеркнуть то, о чем уже говорились выше, а именно: в современной феминистской практике парадокс «женщины» становится центральным. Феминизм основывается на том самом понятии идентичности женщины, которое феминистская теория подвергает критике. Феминистская мысль основывается на понятии, нуждающемся в пересмотре и дезэссенциализации. Если говорить более конкретно, то я считаю, что за последние десять лет центральным вопросом феминистской теории стал вопрос: как дать новое описание субъектности женщины после того, как утратила актуальность концепция гендерного дуализма? Как выдвинуть на первый план понимание я как про-цессуальной сложности, взаимосвязанности, в котором присутствует наложение разных типов угнетения в постколониальный период, а также многоуровневая технология формирования я. Другими словами, речь идет о кризисе социальной и символической судьбы полиархивации полов.

Центральным вопросом здесь я считаю вопрос об идентичности как средоточии различий. Феминистские исследования гендерной системы показывают, что субъект занимает различные позиции в разное время. Эти позиции характеризуются такими переменными, как пол, раса, класс, возраст, стиль жизни и т. д. Сейчас перед феминистской теорией остро стоит вопрос о введении новых образов, которые помогут бы нам осмыслить произошедшие и продолжающиеся про-

* Автор статьи использует слово «фикция» в значении, близком к юридическому значению, а не в обыденном значении этого слова (Прим. перев.).

кодить изменения в конструировании я. Речь идет не о статике сформированных истин и не о нахождении под рукой контр-идентичности, а о живом процессе трансформации я и иного. Сандра Хардинг называет этот процесс «пере-открытием себя как иного» (*re-inventing oneself as other*) (Harding 1991).

Другими словами, в результате развития новых направлений возникает необходимость в рамках феминистской теории перекодировать, или, иначе говоря, переименовать женщину как субъект. Смысл этого переименования заключается не в том, чтобы заменить его на другой суверенный, иерархически организованный и исключительный из системы общественных связей субъект, но скорее представить его как сложную, открытую сущность, входящую в множественные взаимоотношения с другими. Таким образом, чтобы конструктивно отнестись к изменениям феминизма и условий его развития, необходимо уйти от представления о том, что думавший и познающий субъект является чем-то единым, и увидеть его в радужном спектре снова и снова дробящихся — еще неопределенных, но всегда прекрасных возможностей.

Сейчас я бы хотела перейти к моему собственному видению структуры этой новой сложной феминистской субъектности, которую я считаю ядром проекта феминистского номинализма.

ФЕМИНИСТСКОЕ НОМАДИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ:

РАБОЧАЯ СХЕМА

Отправной пункт моей модели феминистского номинализма заключается в том, что феминизм — это не только движение критической оппозиции против ложной универсальности субъекта, но и позитивное утверждение желания женщины заявить о существовании различных форм субъектности и вводить их в действие. Этот проект включает в себя как критику существующих определений и репрезентаций женщин, так и создание новых образов женской субъектности. Исходным положением этого замысла (как в критической, так и в созидательной его части) является необходимость ввести реальных женщин в поле дискурсивной субъектности. Ключевые термины здесь это телесное воплощение, телесные корни субъектности и желание воосединить теорию и практику.

Для большей ясности я разделила проект феминистского номинализма на три фазы, каждая из которых связана с различием полов. Я хотела бы подчеркнуть, что эти три уровня не образуют диалектической последовательности. Они скорее могут сосуществовать одновременно, и

каждый из них может быть выбран в качестве сферы политической и теоретической деятельности. Таким образом, разграничение, которое я делаю между «различием между мужчинами и женщинами», «различиями между женщинами» и «различиями в каждой женщине», рассматривается мною не как различение категорий, а как управление в наименовании разных граней единого сложного феномена.

Эта схема является не парадигмальной моделью, а картой, которая изображает различные уровни сложности, включенные в эпистемологию номинализма, построенную на основании позиции различия полов. Эти уровни могут рассматриваться как в пространственной, так и во временной перспективе. Они отражают различия структуры субъектности, а также этапы процесса становления или диалектически. Исходя из номиналистского подхода, который я отстаиваю в настоящей работе, в эту карту можно вписаться на *любом уровне и в любой момент*. Я хочу подчеркнуть, что все три уровня сосуществуют в нашей повседневной жизни и их трудно развести. Ключ к пониманию номиналистской идентичности — это ее способность переходить в потоке опыта, во времени и в системе обозначения от одного уровня к другому. Я полагаю, что понимаемый таким образом номиналистский модуль является не только удобным инструментом анализа, но и искусством жизни.

Таблица 1.

Различия полов. Уровень 1: Различия между мужской и женской

Характеристики субъектности: <i>we/they</i>	Характеристики женщины:
Фаллоцентричность.	Субъект, характеризующийся как «отличный от», а также в терминах <i>недоступности</i> или <i>какой-то</i> качества.
Универсальность понятия субъекта.	Обесцененное различие. Несознательность. Бесконтрольность.
Отожествление с сознанием.	Иррациональность, способность к действиям, выходящим за пределы рационального.
Способность к саморегуляции.	Ограничения, связанные с имманентностью.
Рациональная действующая сила.	Отождествляется с телом.
Рациональность.	Идентифицируется с телом, т. е. телесность эксплуатируется и замалчивается.
Способность к трансценденции.	
Отрицание телесного происхождения или объективирующей тела.	

На этом уровне анализа главной задачей является критика универсализма, который идентифицируется с мужским началом и политика представляется об инном как лишней ценностью (критика *обесцененного иного*. — *Red*). Пятнадцать лет назад Симона де Бовуар исходила из гегельянского подхода, провела новаторский анализ универсализма субъекта. Столкнувшись с этой моделью субъектности, она пришла к выводу, что теоретическим и политическим выбором женщины должна стать борьба за достижение трансцендентности и права на субъектность, которым мужчины уже обладают.

Как показал блестящий анализ гегельянского подхода в феминистской теории, проведенный Джулит Батлер (Butler 1987), Бовуар видит различие, воплощаемое женщиной, как нечто *еще не репрезентированное*. Отсюда Бовуар делает вывод, что эта объективная и неверно репрезентированная сущность может и должна быть введена в поле репрезентации. В этом и заключается основная цель женского движения.

Однако современные теории, работающие в постструктуралистской парадигме, такие как Люс Иригарэй, выходят за рамки диалектики. Иригарэй полагает, что женщины мыслятся как *иное* не просто потому, что они еще не репрезентированы, а потому, что они *не могут быть репрезентированы* в данной схеме репрезентации. Женщина как *иное* остается за пределами фаллоцентричной схемы, которая отжествляет маскулинность с (ложной) универсалистской позицией. Отношения между субъектом и *иным* необратимы: напротив, эти два полюса оппозиции находятся в асимметричных отношениях. Используя понятие «двойного синтаксиса», Иригарэй защищает это нередуцируемое и необратимое различие и предлагает его в качестве основания новой стадии феминистской политики. Другими словами, Люс Иригарэй подчеркивает необходимость признавать как фактическую и историческую реальность то, что симметрия между полами не существует и что асимметрия неравномерно организована фаллоцентрическим режимом (Irigaray 1986: 59–76). Признав, что различие превратилось в знак уничтожения, феминизм поставил перед собой задачу переосмыслить его положительную характеристику субъектности.

Итак, исходной точкой нового замысла интерпретации различия полов на первом уровне остается политическая воля, которая утверждает специфичность живого телесного опыта женщины, не лишая понимание различия полов аспекта телесности под маркой якобы нового «постмодернистского» и «антиэссенциалистского» субъекта,

также воля к тому, чтобы вновь связать все дискурсы о различии с женским телесным существованием и опытом.

С точки зрения политической деятельности данный проект равенсизма отказу от эмансипации, следствием которой является гомо-когнитация, т.е. усвоение женщинами мужского образа жизни, мужских практик, а следовательно, и ценностей. Недавние изменения социально-экономического положения женщин в западном постиндустриальном обществе показывают, что наряду с устойчивостью традиционных форм дискриминации, ведущих к феминизации бедности, существует реальная опасность превращения женской эмансипации в «улицу с односторонним движением», которая ведет в мужской мир. Об этом с большой тревогой предупреждают придерживающиеся старых различных взглядов феминистки, такие как Люс Иригарэй (Irigaray 1988), Антуанетт Фук (Fouque 1991), Маргерит Дюрас (Duras 1991). Они предостерегают женщин от того, чтобы расходовать все свое время и энергию на исправление ошибок мужской культуры. Более благодарный способ расходовать эту энергию — разрабатывать альтернативные формы субъектности женщины, утверждая позитивность различия полов в теории и на практике.

Эти изменения в ориентации феминистской практики происходят далеко не просто. На самом деле они неодолеваемо вызвали бурную полемику и зачастую привели к конфликту между женщинами, усугублявшемуся конфликтом поколений (Kauffman 1986; Nitsch & Keller). Наиболее устойчивой оказалась полемика, связанная с противостоянием между сторонниками теории различия полов, выступающими против политики эмансипации, и теми, кто придерживается позиций «эссенциализма», разделяя при этом установку на равенство полов. <...>

Не отделив борьбу за равноправие от утверждения различия полов, и рассматривая эти два процесса как взаимодополняющие друг друга части непрерывного исторического развития. Женское движение является тем пространным, где операционализация различия полов происходит через выбор стратегии борьбы за равенство полов в рамках культурного и экономического порядка, в котором господствуют односторонне-маскулинные социальные связи. Главная задача этого подхода — определение женщины не просто как не-мужчины, а как *иной* по сравнению с ним.⁶

Одним из решающих вопросов при этом является следующий: как можно одновременно выступать за отказ от классической парадигмы субъектности и за специфичность альтернативного женского субъекта. В связи с тем, что возврат феминизма к утверждению раз-

личия полов происходит на том этапе периода модерна, когда происходит отказ от рационалистической и натуралистической парадигмы, перед феминистками встает двойная задача: сформировать новое видение субъектности в целом и сформировать новое понимание специфически женской субъектности.

Анализ первого уровня различия полов признается недостаточным не только из-за изменения политического и интеллектуального контекстов, но и из-за внутренней эволюции самого женского движения. С одной стороны, положение психоанализа и постструктурализма о совпадении знания и власти поставило под сомнение эксклюзивную стигму солидарности и, таким образом, изменило интерпретацию феноменов угнетения и освобождения. С другой стороны, новое поколение феминисток было frustrировано широкими обобщениями Бовуар, определившей «женщину» как «второй пол». Начиная с 70-х годов, политический и теоретический акцент смещается с изучения асимметрии между полами в сторону исследования различия полов, которое находит телесное воплощение в женственности и которое они переживают на собственном опыте.

Наиболее важным при этом становится вопрос о том, как создавать законный и репрезентировать множественность альтернативных форм феминистской субъектности, не выходя при этом в релятивизм. Для начала надо признать, что *Женщины* — это зонтичный термин, под который подводятся самые различные типы женщин, разные уровни опыта и разные идентичности.

Таблица 2.

Различия полов. Уровень 2: Различия между женщинами	
ЖЕНЩИНА КАК ИНОЕ:	ЖЕНЩИНА КАК РЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА:
как институт и репрезентация см. уровень 1	опыт, во-первых, ситуативные знания, основанные на опыте женщин; обретение власти; многообразие различий (раса, возраст, класс и проч.); или разнообразие асимметрии между полами.
<i>Nitias</i> [*] между ними — феминистская субъектность; политический проект, ориентированный на позитивность различия полов; женские феминистские генеалогии, или альтернативная память; политика локализации (location) и сопротивления; асимметрии между полами.	

* *Nitias* (лат.) — шель, пропасть, зияющее отверстие (Прим. перев.).

Понятие *Женщина* относится к субъекту, наделенному полом, который, как убедительно показывают психоаналитики, конституируется в процессе идентификации с определенными в данной культуре позициями, организованными как гендерная дихотомия. В качестве «второго пола» патриархальной гендерной дихотомии *Женщина* вписана в то, что Кристина называет более длительным линейным историческим временем (Kristeva 1988). Как исходный пункт феминистского сознания, женская идентичность принадлежит в то же время и другой темпоральности: более глубокому и более дискретному смыслу времени, которое есть время трансформации, сопротивлению, поиска политических корней и становления. Таким образом, с одной стороны, мы имеем телеологическое время, а с другой стороны, время роста сознания (*conscious-raising*), т. е. историю и бессознательное.

Я называю феминизмом движение, которое борется за изменение ценностей, приписываемых женщинам, и репрезентаций женщин, сформировавшихся в течение длительной патриархальной истории (*Женщины*), а также в течение «глубокого» времени развития собственной идентичности. Другими словами, феминистский проект включает в себя оба уровня субъектности: уровень исторический, в смысле исторической деятельности и политического и социального права, и уровень идентичности, связанный с сознанием, желанием и политической личностью; этот проект охватывает как уровень сознательного, так и уровень бессознательного.

Феминистский субъект историчен, так как включен в патриархат через отрицание; но он также связан с идентичностью женщины, то есть с личным. Другими словами, «женщина» должна быть помещена в позицию, структурно отличную от позиции феминистки, так как, будучи структурированной как референт *якобы*, она явно противопоставлена маскулинному как референту субъектности. Второй пол находится в дихотомической оппозиции по отношению к мужчине как представителю универсального. Следовательно, феминизм будет как эпистемологически, так и политически проводить различие между *женщиной* и *феминисткой*. Феминизм отказывается от включения женщины в патриархальную историю (первый уровень) и ставит под сомнение личностную идентичность, сформированную на основе отношений власти (второй уровень различия полов).

Рассмотрим тот же самый вопрос с другой точки зрения. Исходной точкой феминистского сознания является критическое дистанцирование от институциональной организации и репрезентации «Женщины». Женское движение основывается на общем убеждении в том, что все женщины разделяют положение «второго пола». Это пред-

ставляется вполне достоянным условием для выработки позиции феминистского субъекта. Исходным моментом феминистского сознания, который позволяет женщинам заключить своего рода пакт, является признание всеобщей связанности женщин. Этот момент является краеугольным камнем, позволяющим сформулировать феминистскую позицию или точку зрения.

Но признание общности положения «сексизма», подвергающего гонимого угнетению, не может быть конечной целью: женщины могут не ходить в одинаковом положении и иметь общий опыт, но в любом случае женщины не являются *одинаковыми*. В этом отношении важная мысль о разработке политики локализации (politics of location). Эти идеи переросли в теорию, которая признает множество различий между женщинами и подчеркивает необходимость отказа от глобальных утверждений, касающихся всех женщин. Вместо этого необходимо пытаться, насколько возможно, понять специфику того места, откуда раздается женский голос. Ключевым здесь является внимание к ситуативности утверждений в противопоставлении их универсальности. В своем политическом приложении тезис о локализации определяет подход исследователя ко времени и к истории. Для меня чувство места связано с альтернативной памятью (соплетемпору) и развитием альтернативных генеалогий. Одно дело для женщины иметь свою специфическую историческую память о пережитом угнетении или исключении, другое — выступать в качестве эмпирического референта господствующей группы, например, мужчин.

Таким образом, необходимо изменить представление о соотношении *женщины* и *феминистки*. Как утверждает Тереза де Лауретис все женщины вовлечены в конфронтацию с образом «Женщины», т. е. с господствующей в культуре моделью женской идентичности. Политическая субъектность феминистки требует в качестве предпосылки признания дистанции между «Женщиной» и реальными женщинами. Тереза де Лауретис определила этот момент как признание «сущностного различия» между женщиной как репрезентацией («Женщина» как культурный *image**) и женщиной как опытом (реальные женщины как агенты изменений).

Другими словами, с помощью семантических и психоаналитических теорий проводится основополагающее различие между означающим «Женщина», которое в результате длительной истории бинарных оппозиций превратилось в определенный код, и означающим «феминистка», построенном на признании сконструированной сути

* *Image* (изгл.) — изображение, образ, описание, отражение (Прим. перев.).

ности *Женщины*. Признание дистанции между *Женщиной* и женщиной столь же значимо, сколь и решимость искать адекватных политических и символических репрезентаций женщин.

Однако прежде чем станет возможно такое развитие философии различия полов, необходимо признать, что различие между *Женщиной* и женщинами является основополагающим моментом феминистской мысли. Здесь первым шагом является утверждение сущностного и непримиримого различия, которое я называю вторым уровнем различия полов, или уровнем различия между женщинами (*курсив нерез*).

Таким образом, я возвращаюсь к начальным замечаниям данного эссе по поводу феминизма и общества модерна: феминистская теория как философия различия полов определяет понятие *Женщина* как историческую сущность в тот исторический период, когда это понятие деконструируется и ставится под сомнение. Кризис модерна показывает феминисткам, что женственность есть исторический конструкт, над которым следует работать. Это означает, что *женщина* перестает рассматриваться в соответствии с культурно доминирующим предписанным образом субъектности и вместо этого превращается в идентифицируемый топос, подлежащий анализу, например, как конструкт (де Лауретис), маскарад (Ватлер), позитивная сущность (Иригарей) или идеологическая ловушка (Витиг) и т. д.

Мне кажется, что феминистский номинализм как теоретическая позиция допускает сосуществование всех этих разных репрезентаций и способов понимания субъектности женщины и дает богатый материал для дискуссии. Если не формируется номиналистская глубокость, эти различия в определениях и интерпретациях будут оказывать разное влияние на феминистскую практику.

Другая проблема, с которой мы сталкиваемся, — это необходимость найти адекватные способы репрезентации новых форм женщины-субъекта. Как я уже показала в другой своей работе, альтернативные формы женщины-субъекта имеют сейчас решающее значение, и необходимо создать новые концептуальные схемы, которые бы омыслили эти формы. Чтобы преодолеть старые концептуальные схемы, нам необходимо не только междисциплинарный подход, но и более эффективный обмен между теоретиками и художниками, исследователями и людьми искусства.

Таблица 3.
Различные полов. Уровень 3. Внутренние различия, присущие каждой женщине

Каждая реальная женщина (NB не «Женщина») или женщина-феминистка как субъект — это	
— внутренняя множественность: расщепление, дробность;	
— сеть уровней опыта (как показано в Таблицах 1 и 2);	
— живая память и во-площенная генеалогия;	
— не только единый сознательный субъект, но и субъект ее бессознательного: идентичность как идентификация;	
— находится в воображаемых отношениях с такими переменными, как класс, раса, возраст, сексуальный выбор.	

Этот, третий, уровень показывает сложность во-площенной структуры субъекта. Тепло относится к уровню вещественной материальности, субстрату живой материи, наделенной памятью. Всплыв за Дезом я понимаю это как потоки энергии, способные к множественным вариациям. Я, означаящее сущность, наделенную идентичностью, укоренено в этой живой материи, чья материальность закодирована в языке и передается с его помощью. То постпсихоналитическое в языке субъекта, которое я здесь предлагаю, подразумевает, что тело не может быть полностью осознано и представлено: оно шире границ репрезентации, что и выражается различием, проводимым в рамках каждого из определений. Для меня идентичность — это игра реальных, раздробленных аспектов Я; она определяется через отношения, поскольку требует связи с *иными*; она ретроспективна, поскольку закреплена в памяти и воспоминаниях, в генеалогическом процессе. И последнее, но не менее важное обстоятельство: идентичность состоит из последовательных идентификаций, то есть бессознательных интернализированных образов, которые не поддаются рациональному контролю.

Это фундаментальное несовершенство идентичности с сознанием предполагает также, что человек вступает в воображаемые отношения с историей, генеалогией и материальными условиями.

Я специально подчеркиваю этот момент, так как в феминистской теории слишком часто уровень идентичности беззаботно смешивается с вопросами политической субъектности. В моем понимании идентичность глубоко погружена в бессознательные процессы в то время как политическая субъектность является сознательно-волевой позицией. Бессознательное желание и волевой выбор всегда совпадают.

Внимание к тому уровню, на котором идентичность выступает как сложность и разнообразие, будет способствовать тому, что феминистки обратятся к анализу внутренних противоречий в движении и теоретической неподсоединяемости. Желательно относиться к этому по возможности легко и с чувством юмора... Я уверена, что необходимо оставить место для путаницы, противоречий, неопределенности и не воспринимать их как проявления «политически некорректного» поведения. В этом смысле ничто так не противоречит номиналду, как феминистское морализаторство.

Главным здесь является вопрос о том, как в процессе легитимизации альтернативного субъекта женщины-феминистки избежать повторения опыта *исключения* других. Как избежать гегемонистской рекодификации женщины-субъекта, как сохранить открытый взгляд на субъектность, утверждая при этом политическое и теоретическое существование нового видения субъектности?

В соответствии с представлением о субъекте, согласно которому он является одновременно и исторически укорененным, и расщепленным (или множественным), способность к синтезу Я является грамматической необходимостью, теоретической фикцией, объединяющей различные уровни, интегрированные фрагменты разногласящего горизонта человеческой личности. Идея «внутренних различий» каждого субъекта является данью психоаналитической теории и практике, поскольку субъект при этом рассматривается как пересечение различных речевых регистров, обращенных к разным уровням живого опыта.

Чтобы перевести это утверждение в контекст дискуссии о политической субъектности в рамках феминистской практики различия полов, я бы задала следующую вопрос: какова технология Я, задействованная при выражении полового различия?

Предлагаемый мной ход мысли, построенный на различении трех уровней женской субъектности, допускает также позиционирование феминистской субъектности как того, что может быть объектом желания для женщин. Следовательно, феминисткой можно считать женщину, которая склонна к феминизму, мечтает о феминизме и стремится к нему. Я бы назвала это «интенсивным» прочтением феминистской позиции, которая тем самым начинает пониматься не просто в терминах сознательной приверженности ценности и политическим убеждениям, но и с точки зрения страстей или желаний, которые ее поддерживают и мотивируют. Эта «топология» страсти является подходом, которым мы обзавели Ницше, пересмысленному Дезом. Благодаря этому подходу мы можем рассматривать волевые решения не как од-

нозначные и самоочевидные, а, скорее, как многослойные позиции. Здоровая доза герменевтики сомнения в чьих-то убеждениях не есть проявление пинизма или нигилизма: напротив, это путь возврата к политическим взглядам во всей их полноте, их телесной воплощенности и, следовательно, к их прискрасности.

Как отмечает Майяке Мэйер, психоаналитический, «интенсивный» подход редко применяется для анализа политики. Если же он все-таки используется, как например при анализе нацизма, он обычно бывает направлен на объяснение темных, вселиющих ужас движущих сил развития этого явления. Создается впечатление, что объяснение социальных процессов через топологию политических страстей предполагает то же отрицательные коннотации. В ответ на это позволило себе обратиться к мысли Делеза о позитивности страсти. Подобно Спинозе и Ницше Делез исследует это понятие как — для того чтобы объяснить «желание феминизма» как позитивную страсть, приносящую радость. Феминизм также высвобождает в женщинах желание свободы, легкости, удовольствия, справедливости и самовыражения. Эти ценности выделяются не только рациональными политическими убеждениями, но и объектами страстного желания. Этот радостный дух был достаточно сильно выражен на ранних этапах женского движения, когда радость и смех были фундаментальными политическими эмоциями. В наше время постмодернистского уныния не так уж много осталось от этого всплеска радости: все же было бы хорошо, если бы мы помнили о взрывной силе диалектического смеха. Я надеюсь, что феминизм оброст с себя свою удручающую догматическую форму, чтобы вновь открыть радость движения направленного на изменение жизни.⁸

Как считает Итало Калвино (Calvino 1988), ключевые слова, которые помогут нам выйти из постмодернистского кризиса, — легкость, быстрота и множественность. Третий уровень разницы полов настраивает нас на то, что важно сочетать сложность политических и эпистемологических структур феминистского проекта с легкостью в подходе к ним.

НА ПУТИ К НОМАДИЗМУ

Если расположить приведенные выше три уровня различия по во временной последовательности (следуя уже упомянутой схеме Кустевой), то можно подумать, что первые два уровня принадлежат базисному и линейному историческому времени, а третий — он относится к внутреннему, дискретному времени генеалогии. Но тогда возникает вопрос, как помислить взаимосвязь уровней, то есть как

образом объяснить становление (женских субъектов), которое происходит по мере того, как женщины обретают власть и превращаются в действующую силу истории.

Если подвести итог сказанному, то я бы отметила, что позиция «женщины-феминистки» не означает приверженности к какой-то одной догматической схеме, а, скорее, предполагает наличие целого ряда взаимосвязанных вопросов, возникающих на разных уровнях и в разных пластах нашего Я.

В моей интерпретации проект различия полов утверждает следующее: в общем для всех женщин мире, *здесь и теперь*, политически и исторически неотложным является обращение к категории различия полов и к действиям на ее основе. Это также важно из-за исторического контекста, в котором происходит укрепление позиции различия, в особенности в Европе.

Я рассматриваю феминизм как стратегико-переработку исторического понятия «Женщина» в тот момент истории, когда оно потеряло свое слушательное единство. Таким образом, феминизм в качестве теоретической и политической практики может быть описан как расширяющийся и использующий различные уровни репрезентации как «Женщины». Сейчас миф о Женщине как об *Идеи* представляется незнакомой сферой открытых возможностей, где разные женщины могут познать со становлением своей субъектности. В этом историческом контексте перед феминистским субъектом встает вопрос, каким образом воздействовать на Женщину так, чтобы здесь и сейчас создать новые условия для становящегося женского субъекта.

Для становления новой женской субъектности необходимо опираться на политику локализации, которая предполагает критику господствующих идентичностей, властных образований и общую ответственность за исторические условия, в которых мы находимся. Такая политика подразумевает не только признание различий между женщинами, но и практику декодирования — выражения на общем языке условий возможности индивидуального политического и теоретического выбора. Объяснительные схемы и политическая позиция неразрывно связаны друг с другом. Когда я подчеркиваю значимость ответственности за социальный вклад каждого — в осознанности, если этот вклад влияет на положение других женщин, — я на протяжении всей книги* настаиваю также на том, что необходимо учитывать уровень бессознательного, а, следовательно, вооб-

* Речь идет о монографии «Nomadic Subjects», частью которой является настоящая глава (Прим. перев.).

ражаемого отношения к тем материальными условиями, которые структурируют наше существование. Как говорит об этом Карл Каппан: «Такой подход к объяснению позиции может положить начало смещению феминистской практики от авторитетного релятивизма... к сложным практикам интерпретации, которые признают историческую значимость посредничества, предательства и альянсов в развитии отношений между женщинами, локализация которых различна» (Карпан 1968: 139).

Мой ответ на вопрос об историчности изменений заключается в следующем. Все новое создается через возвращение к старому и сожжение его. Прежде чем перейти к новому порядку, человек должен совершить ритуал тотемной трапезы по Фрейду, т. е. познать своего мертвеца. Понимать выход требует миметического повторения и поглощения старого. Это, в свою очередь, влияет на то, как я вижу возможность выхода из фаллоцентрической системы предположительно. Мне кажется, что традиционный выбор в рамках феминизма состоит с одной стороны, в преодолении гендерного дуализма во имя нейтральной разницы, а, с другой стороны, в доведении различия до крайности, в сверхсексуализации его в стратегических целях. Раскрывая различие полов как стратегию номинализма, я считаю, что итериная различие полов должна стать основанием пересмотра иерархической модели различия. Положение о различии полов, сформулированное в столь крайней форме, может привести к повторению пройденного, но решающим моментом здесь является то, что благодаря ему женщины обретают силы действовать.

Начав с предположки, что феминистский женский субъект является одной из составляющих процесса, который не должен и не может быть организован в форме линейной и телологической субъективности; что он должен рассматриваться как пересечение субъективной желаний с предельно мерной социальной трансформацией, я хочу пойти еще дальше и показать, что различие полов позволяет утверждать альтернативные формы феминистской политической субъективности — это женщины, пришедшие на смену *Женщина*, это *пост-Женщины* (*post-Woman women*).

Согласно моей интерпретации, феминистский субъект является номинальным, так как он является интенсивным, множественным, телесно воплощенным, а потому и полностью культурно детерминированным. Я считаю, что эта новая конфигурация идентичности может рассматриваться как попытка прийти к согласию с тем, что назвала новым номиналом наших исторических условий. Я показываю, что задача нового определения субъективности женщины подра-

меает предварительную переработку совокупности накопленных образцов, понятий и репрезентаций женщин и женской идентичности в том виде, в котором они кодифицированы культурой, в которой мы живем.

<...> Я считаю, что история господства и способ, которым фаллоцентрический язык структурирует наше положение как подчиненное, обуславливает следующий теоретический и политический выбор феминизма: прежде чем отбросить означенное *женщина*, необходимо заново его обрести и постичь его многогранную сложность, потому что эта сложность определяет основу для нас идентичность — идентичность женщин-феминисток.

Придавая главное значение номинальным перемещениям, я тем самым намерена подчеркнуть, насколько важно не исключать ни одного из уровней, составляющих «карту субъективности» женщины-феминистки. Важно уметь назвать и представлять области перехода от одного уровня к другому. Главное — это движение, процесс, прохождение между некоторыми важнейшими конфигурациями субъективности, действующими сегодня в феминизме. Например, образ «киборга» у Харрэй — это мощный инструмент понимания политической субъективности, поскольку в этом образе перерганизованы характеристики расовых, гендерных, классовых, возрастных и т. д. различий и утверждается идея многообразия местоположения (локаций) феминистского действующего лица. Но мне также кажется, что «киборг» провозглашает «надежный» мир, утверждая, что идентичность, надежная полов, является устаревшей, если она не показывает путей выхода из старой гендерно поларизованной системы.

В рамках предложенной модели номинальной субъективности необходимо назвать направления движения и указать возможности, которые позволят женщинам выйти за пределы фаллоцентрического гендерного дуализма. Другими словами, необходимо обратить внимание на уровень идентичности, бессознательной идентификации и желаний и соединить эти уровни с сознательными политическими преобразованиями. Образ киборга исключительно полезен для понимания последних, но он не позволяет существенно продвигаться в вопросах идентичности, идентификации и бессознательных желаний.

Аналогично, основанные на женской мифологии образы новой феминистской природы человека, предлагаемые Ирингэрэй («две тубы», «сизистав», «божественное»), отсылают нас к исследованию глубинных структур женской идентичности. Ирингэрэй утверждает, что разработанные ею миметическое погружение в женскую фанта-

магорию бессознательного должно стать основной стратегией нового осмысления идентичности женщины и субъектности феминистки. Однако, связывая столь тесно эти две субъектности, она не может объяснить множественности различий между женщинами, особенно различий в их культурной и этнической идентичности.

Идея номинального субъекта, которую я разрабатываю, — это фигурация, подчеркивающая необходимость действовать на трех уровнях: уровне идентичности, уровне субъектности и уровне различий между женщинами. Эти разные требования соответствуют различным моментам, то есть различному положению в пространственных терминах, различным практикам. Эта множественность записана в многоуровневой временной последовательности, в которой могут иметь место разрывы и даже противоречия.

Чтобы поддержать идею номинального субъекта, феминистка должна начать с признания того, что она не является единым неделимым субъектом, а представляет собой субъект, который вновь и вновь расщепляется по множественным осям дифференциации. Внимание этим множественным осям требует, соответственно, разнообразных форм практики.

В более ясном и простом изложении это означает, что, вслед за Ницше, Делезом и Ирригарей, я не считаю, что изменения и преобразование, такие как новая символическая система мира женщин, могут быть созданы простыми волевыми усилиями. Путь к преобразованию психической реальности не лежит через сознательное самоназывание; в лучшем случае последнее предлагает собой крайнюю форму нарциссизма, в худшем — меланхолическое лицо солипсизма. Преобразование можно достичь скорее через десенсибилизированное во-площение и через стратегическое ре-эссенциализированное во-площение: *действие* через многоуровневые структуры своего во-площенного Я.

Как постепенно отшелушивается старая кожа, так же постепенно происходят и изменения. Они достигаются медленной кропотливой работой; это метаболическое переваривание старого, порождающее новое. Различие — это не результат волевого усилия, но результат многократных, бесконечных повторений. До тех пор, пока мы не работаем множественные уровни обозначения *Женщины* — да, если они будут фаллическими — я не собираюсь отказываться от значащего.

Причина, по которой я хочу продолжать работать с терминами подлежащим деконструкции, т.е. стерминном «женщины как женские феминистские субъекты различия полов» — это моя ориентация политики желания. Я считаю, что никакие социальные изменения

не возможны без формирования новых типов субъектов: уникальных, номинальных и множественных и испытывающих желание. Начинать следует с того, чтобы оставить открытое пространство для эксперимента, поиска, переходов, то есть для становления номинализма.

Это не призыв к легкому и удобному плюрализму, а, скорее, страстная мольба признать необходимость уважать множественность и найти формы действия, отражающие сложность, при этом не утопая в ней.

Я также думаю, что можно избежать многих конфликтов и споров между феминистками, если начать проводить более жесткое различие между категориями мышления, которые подвергнутся сомнению, и формами связанной с ними политической практики. Принятие ответственности как за эти категории, так и за практики — это наш первый шаг в процессе развития феминистской теории, построенной на идее номинализма, где прерывности, преобразования и смешения уровней и токусов могут подлежать объяснению, обсуждению и замене. Таким образом наши различия могут породить во-площенные, ситуативные формы объяснений, рассказов и интерпретаций. Таким образом мы, феминистки-интеллектуалы, сможем поставить себя в положение путешественников, бредущих по опасной территории с самодельной картой в руках и выбирающих тропы, заметные только нашему глазу. Но при этом мы можем о них рассказывать, мы можем их объяснить и изменять.

Как выразительно сформулировала эту мысль Карен Калпан:

«Мы должны покинуть наши дома, поскольку они часто являются расщепленными расщепом, сексиамом и другими деструктивными социальными практик. В нашей новой обители должно найтись место для наших своеобразных историй и для наших различий, для того, что можно сохранить, и того нового, что будет создано» (Карпан 1987: 194).

Итак, *номинализм* — это различие полов, понимаемое как возможность перемены позиции, которую обретают многожественные женские, феминистские голоса, имеющие телесные во-площения.

Перевод Тамьяны Барчуковой и Андрея Ханжанина

Примечания

¹ См., напр., работы Ралы Ивкович из Загребца, Даши Духачек из Белграда и Жараны Палчи из Любляны.

² Интервью с Маргерит Дюрас см.: Jardine Alice и Menke Anne, eds. *Shifting Scenes: Interviews on Women, Writing, and Politics in Post-68 France*. New York: Columbia University Press, 1991. P. 74.

³ См. Milan Women's Bookshop, *Sexual Difference: A Theory of Political Practice*. Bloomington: Indiana University Press, 1990. См. также: Vono Paola и Sanda Kemp, eds. *Italian Feminist Thought*. Oxford: Blackwell, 1991; *The Lonely Mitos*. New York: Routledge, 1993. См. также: Netlesen Joke, van Lennep Alkeline, eds. *Shifting the Difference: Feminist Debates in Holland*. London and New York, 1991.

⁴ Этот процесс был проанализирован в специальном выпуске журнала *Nurra*. 1989 No. 3, посвященном французской феминистской теории.

⁵ Сеть называется NOISE (Сеть междисциплинарных европейских женских исследований). В нее входят университеты Йорка (Великобритания), Антверпена (Бельгия); Парижа VII (Франция); Мадрида (Испания); Болоньи (Италия); Вилфелда (Германия); Дублина (Ирландия); Олесе (Дания); Утрехта (Нидерланды). Сеть была основана в 1987. Координатором сети является подразделение университета Утрехта, где я работаю.

⁶ Символичной для этого изменения перспектив является полемика, в рамках которой Фуко противопоставляется Сартру по тому, как они анализируют роль интеллектуалов, а Бовуар противопоставляется Синсу и Ирригарэй в вопросе «освобождения» женщин. Обзор этой полемики см. в моей работе «*Rhetoric of Dissonance*».

⁷ Формулировкой этого утверждения я во многом обязана дискуссии по феминизму и психоанализу, проходившей на учебных семинарах в рамках программы женских исследований в Утрехте в марте—апреле 1993 г., особенно полезны были замечания, сделанные Маайке Мерг и Джулиана де Новелле.

⁸ Этот лозунг был широко распространен во время маршей в Париже в мае 1968 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ*

Роберт Коинелл

В данной работе анализируются основные исторически сложившиеся теории социального анализа гендера. Главный предмет работы — не конкретные способы приложени теории или конкретных понятий, а общая логика различных типов теории.

Этот, достаточно формальный, подход кажется мне самым лучшим путем к пониманию возможностей теоретического роста, к определению как потенциала данных теорий, так и присущих им ограничений. Отсюда — достаточно необычная классификация теоретических систем. Так, оказывается, что общепризнанные «школы» содержат логически не сопоставимые теории. Например, социалистическое направление феминизма (*socialist feminism*) включает в себя несколько типов теорий, которые мы будем рассматривать ниже. Понятие патриархата, рассматриваемое под данным углом зрения, не является специфичным для какой-то одной конкретной школы. Оно фигурирует в нескольких логически различных теориях и принимает различные значения в зависимости от контекста.

В контексте настоящего анализа фундаментальное значение имеют три различения: (а) между объяснениями неравенства по признаку пола при помощи внешних или внутренних факторов; (б) в рамках теорий, направленных на внутренние факторы между объяснениями, которые сосредоточиваются на обычаях, и теми, которые сосредоточиваются на власти; (с) в рамках теорий власти между теми, которые рассматривают категории как предшествующие практике, и теми, которые рассматривают категории как возникающие из практики. Начну с теорий внешних факторов — и не потому, что они ме-

* Перевод главы 3 «*Current Frameworks*» из кн.: Connell R. *Gender and Power*. Stanford University Press, 1987. P. 41—65.

нее сложны, а потому, что они кажутся мне менее перспективными для развития теории гендера в целом.

Теории внешних факторов: от тезиса «класс прежде всего» через «социальное воспроизводство» к «двойным системам».

Во второй главе отмечены расхождения между феминистскими теориями, в которых основным фактором угнетения женщин считаются прямые отношения власти между мужчинами и женщинами, и тем, которые видят его в чем-то ином. Наиболее выветренными теориями внешних факторов (кроме биологического детерминизма, который рассматривается в 4-й главе и не представляет собой социальной теории) являются марксистские концепции, которые усматривают основные факторы угнетения женщин в классовых отношениях, капиталистической системе или в производственных отношениях, понимаемых как классовые.

Простейший вариант этой идеи заключен в точке зрения, согласно которой освобождение женщин зависит от классовой борьбы, поскольку основная причина социального неравенства — капитализм, и поэтому классовая борьба против капиталистов имеет первостепенное значение. В брошюре «Освобождение женщин и классовая борьба», которая имеет широкое хождение в Америке в начале 1970-х гг., Карен Майлз (К. Миллс) коротко излагает широко распространенную позицию, согласно которой угнетение женщин выгодно правящему классу. Капиталисты получают более высокие прибыли, потому что работающие женщины имеют более низкую заработную плату; сексизм вносит разделение в рабочий класс, угнетение женщин способствует сохранению семьи, а она, в свою очередь, способствует сохранению капитализма. Этот простой синтез социалистических и феминистских идей оказался слишком сложным для более ортодоксальных марксистов. Недавним свидетельством этого является недавний перевод с английского на «Приоритет класса» в работе британского троцкиста Тони Клиффа (Т. Слй) «Классовая борьба и освобождение». В своей книге (одно из самых обширных исследований современной феминизма, опубликованных мужчиной) Клифф утверждает, что не может быть компромисса между марксизмом и феминизмом: последний есть буржуазный обман честных трудящихся женщин. Похожие взгляды ставили в 70—80-е гг. суть официальных доктрин в Советском Союзе и Китае, и это была одна из немногих позиций, по которым политические режимы этих стран были единодушны. Китайский режим был предпринят попытка освободить женщин от патриархальной патримархальной семьи, заменив ее идеалом гармоничной nuclearной семьи. Однако при этом разделение труда по признаку пола под сомнение не ставилось. Советский режим тоже благодушно от-

носился к тому, что работа о детях и другая работа по дому лежит на женских плечах. Политическая стратегия в отношении полов в этой стране подчинялась поворотам курса классовой политики.

Эти взгляды, с теоретической точки зрения, не богаты. Приоритет классовой борьбы является «постулатом, догмой», как отмечает Кристина Делфи (С. Delphy) в связи с аналогичными концепциями, развиваемыми во Франции. Правда, существует очевидный контраргумент против подобных концепций: подчинение женщины началось задолго до капитализма, имеет место у всех классов при капитализме и продолжается в странах, которые перестали быть капиталистическими. Тот факт, что женщины разных классов имеют разные интересы, весьма значим. Но его признание не нуждается в доплате о приоритете класса.

Однако в замечаниях Майлз о семье заключены возможности более глубокого анализа. В середине и в конце 70-х гг. они получили развитие в работах разных теоретиков, в особенности в Великобритании под влиянием структуралистского марксизма.

Основная идея заключалась в том, что семья, сексуальность или гендерные отношения в целом рассматривались как *воспроизводство* производственных отношений. Конкретный тип производственных отношений (который означает, главным образом, классовые отношения в промышленности (капиталистический, феодальный и т.д.)). Способ производства представляет собой стержень конкретной исторической эпохи. Эти производственные отношения не могут существовать без воспроизводства — день изю дня, из года в год, из поколения в поколение. Необходимость воспроизводства вынуждает к жизни социальные процессы, сосредоточенные вокруг семьи, домашнего уклада и воспитания детей. Различные теоретики дают разную оценку этим процессам. Джульетта Митчелл (J. Mitchell) рассматривает патриархат как сферу идеологии, которая определяет место индивидов в мире производства. Другие английские теоретики выделяют в связи с этим значимость специфической сферы социальных отношений — отношений воспроизводства. Все они соглашались с тем, что эти процессы или эта сфера является главной дедетерминантой подчиненного положения женщины.

Теория общественного воспроизводства в таком виде имеет важное преимущество перед простыми теориями патриархата, поскольку на идею классовых интересов, и являла собой синтез нескольких важных направлений мысли. Воспроизводство можно было понимать как рождение детей для заполнения рабочих мест в производстве и обслуживании рабочего, оставшего после трудового дня. Здесь теория могла соеди-

нителя с основными фактами из жизни, что документально отразили сами трудящиеся женщины в автобиографических сочинениях, начатая с книги Маргарет Левеллин Дэвис (M. L. Davies) «Жизнь, как мы ее знаем» и кончая книгой И вен Вессон (G. Wesson) «Жена Брайана, мать Джени». С другой стороны, воспроизводство могло быть рассмотрено как вопрос культуры и психологии, «социализации», продуктом которой являются стандартные люди, нужные капиталистическому производству. Это вызвало к жизни темы, уже знакомые по социалистической критике деформации образования и культуры под влиянием нужд капитализма. Когда Эндрю Толсон (A. Tolson) доказывал существование связи между соревновательной маскулинностью* и функционированием капитализма, использовавшийся им материал был новым, но форма доказательства была очень знакома социалистам.

Кроме того, теория воспроизводства доказывала наличие *системной* связи между угнетением женщин и экономической эксплуатацией при капитализме. Эта связь рассматривалась как встроена в общую индустриальную структуру социальной организации, а не как аспект отношений в рамках конкретных интересов или групп. Образ буржуазии как дьявола исчез на картине общества. Это позволило признать огромную сложность обсуждаемых вопросов, в результате чего были проведены глубокие значимые исследования. Но благодаря этому цель социальных преобразований стала казаться менее достижимой и более значимой, чем считали политики начала 70-х гг. В теории социального воспроизводства заключалось нечто гораздо большее, чем привкус пессимизма.

Поскольку вышесказанное справедливо для теорий воспроизводства в других областях социального анализа, таких как работы Бурдье по волевым образованиям и теории классов Алтосера, можно сделать вывод, что все эти теории опираются на общий принцип. Суть этого принципа, на мой взгляд, коренится в самом понятии социального воспроизводства, которое имеет смысл только в том случае, если изначально постулируется некая инвариантная структура. История рассматривается в этой теории как нечто *добавленное* к основному циклу структурного воспроизводства. Для того, чтобы история стала органичной частью теории, социальная структура должна рассматриваться как постоянно конституируемая, а не как постоянно воспроизводимая. А это имеет смысл, только

* В данном тексте взаимосвязанными являются термины маскулинность и мужественность (от masculine — англ.), фемининность и женственность (от feminine — англ.) и их производные (Шрнк. перек.).

если теория признает постоянную возможность того, что структура будет конституироваться по-новому. Группы, обладающие властью, действительно не пытаются воспроизводить структуру, которая обеспечивает их привилегии. Но вопрос о том, преуспеет ли они в этом и каким образом они этого добьются, всегда остается открытым.

Социальное воспроизводство, таким образом, является *объектом* *стратегии*. Когда оно имеет место — что происходит часто — это является достижением конкретного союза одних социальных сил в противовес другим. В силу этого, социальное воспроизводство нельзя считать поступатом или предпосылкой теории, и данное понятие не может принять на себя «тяжесть» объяснения, которую «звализива-кот» на нее теоретические теории воспроизводства.

Второй основной трудностью этих подходов является установление убедительной связи между потребностями капитализма и тем, что специфично для гендера. Достаточно очевидно, что если капитализму суждено существовать и дальше, то преуспевание его господствующим группам будет обеспечено с помощью какой-то стратегии воспроизводства. Но при этом вовсе не очевидно, что их действия приведут к иерархии *молоч* и угнетению по признаку пола. То же самое можно доказывать (как иногда и делается) и относительно расовой и этнической иерархий или иерархий возрастных групп. Ряд исторических данных, которыми располагали ранние социалисты, такие как Энгельс и Бебель, свидетельствовал о том, что в определенном смысле капитализм разрушил существовавшие патриархальные обычаи и дал женщинам большие личные свободы и большие возможности равноправия. События последних лет в таких странах, как США и Австралия, свидетельствуют о том, что наступления феминисток на ограничения, налагаемые на жизнь женщин и их карьеру, могут пробудить их способности и обратить последние на нужды капитализма. Обратите внимание на кооптацию, не только зафиксированную, но и прославляемую в журналах типа «Ms» и «Ротблосс». Очевидно, что отношение между капитализмом и патриархатом не является сугубо функциональным. Оно менее однозначно и более противоречиво, чем следует из теории воспроизводства.

Пытаясь преодолеть этот разрыв, феминистская теория воспроизводства марксистского направления искала принципов объяснения, главным образом, в теории культуры: Левин-Стросса и различных семантических структурной антропологии Левин-Стросса и различных семантических разработках. Так возникла устойчивая тенденция трактовать гендерные отношения как *усеченную* структуру в сравнении с классовыми отношениями. Согласно некоторым вариантам данной концепции, социаль-

ное воспроизводство и патриархатность рассматривались как отношения исключительно к сфере идеологии, а не производства. Согласно другим вариантам, воспроизводство было связано с общественным разделением труда, но лишь одного его вида — домашнего труда. Понимание гендерных отношений как менее широких, чем классовые отношения, является основой подхода, согласно которому историческая периодизация гендерных отношений соответствует основным периодам истории классов. Это именно так, поскольку, согласно марксистской теории, именно история классовых производственных отношений определяет способы производства и переходы от одного способа производства к другому.

Тенденция урезать понятие патриархата постепенно вводила логику теории воспроизводства от *практических* программ социального исторического феминистского направления. При этом, однако, в Австралии и Великобритании в конце 70-х — начале 80-х гг. большое внимание уделялось проблемам, тесно связанным с материальным миром и сферой производства, таким как занятость женщин, размер заработной платы, тред-юнионизм, охрана здоровья, государственное регулирование и т. п. В то же самое время расширялся поток исследований женского опыта на фабриках и на рынке труда, ориентированных на ценности социалистического феминизма, а не на теорию воспроизводства. Исследования Клер Уильямс (С. Williams) о шахтерских городах Австралии и работа Рут Кэвэндиш (R. Cavendish) о фабрике по производству автомобилей запчастей в Великобритании, например, сразу же показали, что гендерные отношения и разделение труда по половому признаку глубоко встроены в производственную систему развитого капитализма (что составляло традиционную область теории классов). Отсюда со всей очевидностью следовало, что гендерные отношения не есть усеченная структура. Гендер — это *часть* производственных отношений, и он был таковым с самого начала, а не составлял «примесь», сопутствующую их воспроизводству.

В этой логике дается другой ответ на вопрос о том, как связаны между собой капитализм и патриархат, и в 70-е гг. этот подход получил распространение в рамках социалистического феминизма в ряде стран. Так, Мариароза Дэлга Коста (M. Dalla Costa) и Сельма Джеймс (S. James) писали, что «классовая эксплуатация основана на особом опосредовании эксплуатации женщин». Барабара Эренрайх (B. Ehrenreich) утверждала, что социалисты должны рассматривать женщин как ядро рабочего класса. Аня Мейленбелг (A. Meilenebel) оспаривала мысль о том, что классовая борьба является «общей»

борьбой, а феминистское движение только мешает ей. Нэнси Хартсток (N. Hartstock) говорила о необходимости фундаментального пересмотра категории класса в свете гендерных проблем.

Начнем с того, что эти тезисы не были связаны между собой, но в них была заключена общая мысль о том, что гендерные отношения параллельны классовым отношениям, взаимодействуют с ними и, в определенном смысле, конституируют их. Работа Хейли Хартман (H. Hartman) «Неудачный брак марксизма и феминизма» и сборник под редакцией Зиглы Айзенштайн (Z. Eisenstein) «Капиталистический патриархат и аргументы в пользу социалистического феминизма», опубликованные в 1979 г., положили начало подходу, который был назван «теорией двойных систем» (dual systems theory). Главная мысль этой теории заключается в том, что капитализм и патриархат являются отличными друг от друга и равно всеобъемлющими системами социальных отношений, которые сталкиваются и взаимодействуют между собой. Формой их взаимодействия в настоящее время является общественный порядок, который Айзенштайн называет «капиталистическим патриархатом». Понимание современного мира требует одновременного анализа его классовых и гендерных структур. Анализ гендера требует, в принципе, самостоятельной теории, логически независимой от классовой.

С точки зрения наших современных знаний о гендере, эта концепция обоснована лучше, чем теории социального воспроизводства. Она согласуется с тем фактом, что гендерные отношения возникают во всех областях социальной практики и предшествуют капитализму и, возможно, всем видам классовых обществ. Подобный подход отвечает практическому критерию, выдвинутому Мейленбелг, согласно которому необходимо поставить опыт женщин в центр сексуальной политики* (sexual politics), не отказываясь при этом от анализа классовой политики. Вместе с тем этот подход имеет две серьезные трудности. Одна из них — идея «систем». Непросто понять, что именно делает патриархатную «систему» системой и в каком смысле капитализм и патриархат — одно и то же. Вторая трудность заключается в том, как понимать «взаимодействие» между капитализмом и патриархатом. Эту связь можно рассматривать как пограничный обмен (в смысле теории систем Парсонса) или как более или менее случайное пересечение структур. Ни одна из этих

* Термин *sexual politics* переводится в данном тексте двумя способами — как «сексуальная политика» и как «политика в отношении полов», в зависимости от контекста (Прим. ред.).

идей не обеспечивает *конкретных задач*, стоящих перед социалистическим феминизмом, то есть для объяснения угнетения и разрабатывания стратегий освобождения женщин.

Эти трудности принципиальны. Маловероятно, что формулировки классовых и гендерных проблем в духе Хартман и Айзенштайн смогут сохраниться в их современном виде. И все же общее направление, которое они принимают, кажется верным. Если мы будем рассматривать эти позиции как первые приближения в рамках общей теории, то их потенциал можно развить в новом ключе. Прежде всего для этого необходима адекватная теория внутренних факторов гендерных отношений (*intrinsic theory*). В соответствии с такой позицией в остальной части настоящей главы рассматриваются основные варианты этой теории.

Теория половых ролей

Литература о половых ролях весьма обширна. И в ней достаточно путаницы в вопросе о различиях между «половыми ролями» («различиями между полами» (*sex differences*) и «характером полова» (*sexual character*). В качестве примера можно привести исследования по андрогинии Сандры Бем (S. Bem), в которой предпринята попытка измерять психологические черты маскулинности и феминности. Ее вопросник называется «инструментарий для изучения половых ролей Сандры Бем» (*Bem Sex Role Inventory*), хотя он не включает вопросов о *ролях* в каком-либо строгом значении этого термина. По меньшей мере в сотнях других трудов информация о различиях полова дается на основе весьма свободного допущения, что ролевые феномены объясняют наблюдаемые различия между полами. Поэтому обычно довольно трудно определить, какая теория лежит в основе работ, посвященных исследованию так называемых половых ролей.

Существует, тем не менее, определенный социально-теоретический подход, организованный вокруг понятия роли. Хотя формулировка концепции, восходящие к 1930-м гг., различаются в деталях, большинство из них содержит пять общих моментов, которые образуют логическое ядро теории ролей. Первые два из них постулируют основную метафору, актера (*actor*) и сценарий (*script*):

1) аналитическое различение *личности* и социального *положения*,

которое она занимает;

2) набор *действий* или типов ролевого поведения, закрепленных социальными положениям.

В трех других тезисах формулируются способы, с помощью которых запускается и затем развивается, согласно определенному сценарию, социальная драма:

1) ролевые *ожидания*, или нормы, определяют, какие действия соответствуют данному положению;

2) этих ролевых ожиданий придерживаются люди, занимающие «протиположное положение» (*counter-position*) (т.е. кто задает роли, или референтные группы);

3) эти люди обеспечивают исполнение ролей с помощью *санкций* — наград, наказания, положительных и отрицательных подкреплений.

Эти понятия являются инструментами, с помощью которых в теории ролей осуществляется попытка общего анализа социального взаимодействия. В широком смысле, ролевая теория — это такой подход к социальной структуре, который рассматривает ее основные ограничения в сфере стереотипных межличностных ожиданий.

Эту парадигму можно применить почти к любому типу человеческого поведения — и в широком, и в узком смысле. О диапазоне интерпретации ролей можно судить по учебникам, в которых приводятся примеры ролей — от столь широких типов поведения, как «носитель языка», до столь узких, как «астронавт» (см. примеры из работы Брюса Вилда «Теория ролей» — Bruce Wilder, *Role Theory*). Соответственно, и к гендерным отношениям ролевую парадигму можно применять самыми разными способами. Можно дать описание очень ограниченного класса ролей. Так, в работе Мирры Комаровски (M. Komarovsky) о семье дается попытка детально описать ролевое поведение в процессе ухаживания и в браке. В более поздней работе «Ролевая структура и анализ семьи» (Nye et al. *Role Structure and the Analysis of the Family*) группа американских социологов приводит удивительный список ролей, которые они обнаружили в американской семье, включая «роль заботы о детях», «роль ролевенника», «сексуальную роль», «рекреационную роль», не говоря уже о ролях «диабетика» и «крайне выносливого оцага» (которые, к счастью, подаются как взаимодополняющие). Подобные списки наглядно демонстрируют неопределенность ролевой парадигмы.

В основном приложении ролевых понятий к гендеру имеют иной характер. Их основная идея состоит в том, что быть мужчиной или женщиной означает выполнять главную роль, характерную для данного пола. — так называемую половую роль. Соответственно, всегда есть две половых роли в данном контексте — мужская роль и женская роль, иногда называемые «ролью мужчины» и «ролью женщины» или «маскулинной ролью» и «фемининной ролью» и т. д.

Такой путь в рассуждениях о гендере привлекателен в нескольких отношениях. Во-первых, он дает возможность отойти от биологических интерпретаций различий между полами и сделать акцент на том, что поведение мужчин и женщин различно, потому что оно соответствует разным социальным ожиданиям. Наиболее плодотворные исследования выросли из идеи роли, раскрывают, каким образом определяются эти ожидания в средствах массовой информации. Ограниченность образа женщины в СМИ поразительна. Об этом говорила в 60-е гг. Бетти Фридан, которая охарактеризовала эту особенность репрезентации женщин как часть «мистики женственности». Впоследствии ее соображения подтвердились многочисленными исследованиями СМИ.

Во-вторых, теория половых ролей связывает социальную структуру с формированием личности, что является важной и трудной теоретической задачей. Сторонники общей теории ролей, такие как Ральф Дарендорф, утверждают, что понятие роли «находится на границе социологии и психологии». Точнее, это понятие предлагает простой подход для описания включения индивидов в общественные отношения. Основная мысль здесь заключается в том, что это включение происходит путем «усвоения роли», «социализации» или «интеррогации». Таким образом, женский (feminine) характер формируется путем социализации в женскую роль, а мужской (masculine) характер, соответственно, в мужскую роль, а девиации возникают из-за какой-либо неудачной социализации.

В результате этого хода рассуждений возникает интерес к видам и институтам, ответственным за обучение, так называемым «агентам социализации». К ним относятся — мать, семья, учителя, сверстники, СМИ. Другой большой блок исследований, выросший из теории половых ролей, посвящен разному отношению к мальчикам и девочкам со стороны агентов социализации, способам, которыми модели фемининности и маскулинности передаются детям, и (в ряде случаев) результатам смешения моделей социализации. В наиболее сложных вариантах теории половых ролей, типа концепции Тимотея Парсонса, социализация связывается с психоаналитическими идеями о структурировании бессознательного. Однако обычно теория половых ролей рассматривается как альтернатива психоаналитическим объяснениям, подобным концепции Фрейда, и внимание в ней полностью сосредоточено на внешних открытых факторах и внешне открытым поведением.

В-третьих, теория половых ролей содержит в себе принципы политики реформ. Если подчиненное положение женщины является, гл

ным образом, следствием ролевых ожиданий, согласно которым она определяется как помощник и лицо подчиненное, а ее характер — как пассивный или экспрессивный (а не инструментальный), тогда путь к прогрессу в том, чтобы изменить эти ожидания. Современный феминизм потратил много энергии именно на это: на разработку антисексистских школьных программ, на развитие политики равных возможностей на рынке труда и на кампанию «позитивного действия». Как ни широка территория либерального феминизма, но все это выходит за рамки заложенной в классическом либерализме сосредоточенности на индивиду, поскольку концепция половых ролей указывает на коллективное измерение социальной стереотипизации. Как заметила Алисон Зиллер (A. Ziller), директор Отдела по равным возможностям в сфере занятости при правительстве Нового Южного Уэльса: «Принятый план позитивных действий... означает, что подача жалоб отдельными гражданами не является эффективным средством борьбы против дискриминации».

Описанные выше положительные аспекты теории половых ролей очень значимы. Не следует считать серьезной теорией внутренних факторов формирования гендерных отношений (intrinsic theory of gender) не просто потому, что ей посвящена обширная литература. И все же ее достоинства получены ценой весьма серьезных концептуальных проблем.

Проблемы начинаются с того, что многие сторонники половой теории, считая своей самой сильной стороной то, что социальное анализируется на основе концепции «ожиданий». Рольвая теория часто понимается психологами как форма социального детерминизма, сосредоточивающаяся на том, как индивиды попадают в ловушку стереотипов. Стереотипные межличностные ожидания действительно являются социальными фактами. Согласно рольвой теории, они эффективны потому, что подчинение им вознаграждается, а отход от них наказывается другими людьми. На жаргоне теории ролей это означает, что выполнение роли санкционируется теми, кто занимает противоположное положение. Маленького мальчика хвалят за настойчивость, высмеивают, если он ведет себя «как девочка» и т. д. Но почему санкции осуществляются другой стороной? Это нельзя объяснить ее ролевыми ожиданиями: если так, то рольвая теория сводится к бесконечной регрессии. Уже с первых шагов она обращается к проблеме индивидуальной воли и действия, вращаясь вокруг выбора санкций. Как это ни парадоксально, социальное измерение рольвой теории, таким образом, растворяется в волонтаризме, в общей

предпочтении о том, что люди делают выбор в пользу сохранения существующих обычаев.

Поэтому, в конечном счете, ролевая теория оказывается отнюдь не социальной теорией. Она отстраняется перед той проблемой, с которой соотношения между деятельностью отдельного человека и социальной структурой. Но ролевая теория избегает этой проблемы, растворяя структуру в действии (agency).

В теории половых ролей происходит следующее: недостаточный элемент структуры скрыто восполняется биологической категорией пола. Сами термины «женская роль» и «мужская роль», привязывающие биологический термин к драматургическому, говорят о том, что происходит. Положенный в их основу образ является инвариантной биологической основой и гибкой социальной надстройкой. Поэтому обсуждение половых ролей постоянно сводится к обсуждению различий между полами. При анализе половых ролей всегда стоит имплицитный вопрос: какая конкретно надстройка была создана при таких-то и таких-то обстоятельствах и насколько через нее еще «просвечивает» биологическая дихотомия.

Таким образом, результатом применения ролевого подхода является абстрактное представление о различиях между полами и между ситуациями, в которых они находят, а не конкретное объяснение отклонений между ними. Сюзанна Франшей и Дн Лоуи (S. Franzway & J. Lowe), критикуя теорию половых ролей в феминизме, указывают, что она сосредоточивается на вяттгодах и упускает реалии, на основании которых формируются эти вяттгоды. Предполагается, что политический эффект должен состоять в том, чтобы высветить факторы, порождающие искусственно жесткое различие женщин и мужчин, и уменьшить экonomicкую, домашнюю и политическую власть мужчин над женщинами.

Как заметили некоторые критики, мы не говорим о «расовых ролях» и «классовых ролях», потому что проявления власти в этих областях социальной жизни более очевидны для социологов. Что касается половых ролей, то лежащая в основе биологическая дихотомия, по-видимому, убедила многих теоретиков в том, что здесь нет властных отношений вообще. «Женская» и «мужская» роли молчаливо признаются равными. Конечно, они считаются разными по содержанию, но взаимно зависят друг от друга (являются «взаимодополняющимися»). Состоят из одинаковых частей и одинаково репрессивны по отношению ко всем человеческим существам, как считают либералы середины 70-х гг., авторы самых значимых исследований «мужской роли».

Вместо объяснения власти анализ ролей выдвигает теорию норм. Энн Эдвардс (A. Edwards) заметила, что теория половых ролей серьезно упрощает сложность гендера, сводя все проявления маскулинности и фемининности к дуализму. Все женщины при этом объединяются в единую женскую ролью. Последняя, в свою очередь, приравнивается к роли домохозяйки, которая должна «исполняться» в семье. Большая часть положений теории половых ролей высказывается как анализ стандартного нормативного случая, а не исходя из проблем, которые наблюдаются при полевых исследованиях.

В качестве стандартного случая обычно полагается абстрактная модель нуклеарной семьи с общепринятым разделением труда по половому признаку. Такая ситуация считается «стандартной», поскольку большинство людей живет именно таким образом, а отклоняется от этой модели меньшинство. Она «нормативная» в двух смыслах. Во-первых, предполагается, что люди в целом считают, что именно так жить правильно, так что эта модель определяет действительные ролевые ожидания. Во-вторых, теоретики рассматривают ее как правильный (или социально функциональный, или биологически органичный) способ жизни. Привлекательность работ по половым ролям для обычного читателя объясняется некоторой затуманенностью этих идей. Так, когда сексолог Джон Мани (J. Money) пишет о «правильном» пути психосексуального развития, его цель заключается в том, чтобы закрепить любое отклонение от нормативной модели (включая гомосексуальный выбор) как патологическое явление и подкрепить идею о том, что общепринятая гетеросексуальность — это хорошо и для личности, и для общества.

Основная сложность здесь заключается в том, что *нормативное*, т.е. то, что считается ожидаемым или одобряемым, совсем не обязательно является *стандартным*, то есть тем, что имеет место в действительности. И это особенно явно в случае сексуальности. Проведенные исследования в этой области принесли сторонникам нормативного подхода много разочарований. Самые известные из них — труды Кинзи (Kinsey) — выявили частые случаи гомосексуального поведения среди американского населения, с чем нормативная теория половых ролей никогда не соглашалась. Данные о внебрачных гетеросексуальных половых отношениях создают еще больше проблем. Данные о домашнем насилии также трудно восприниматься: по умеренным оценкам Штрауса (Strauss) и других, более чем в половине американских семей имеет место домашнее насилие. Отсюда следует, что существует большой разрыв между тем, что является морально допустимым, и тем, что происходит в действитель-

ности. Статистика по домашнему хозяйству показывает, что семья в составе: мама, папа, двое детей, кошка и собака, к которой обычно апеллируют священники, президенты и издатели рекламы, не является преобладающей формой домашнего уклада, да и никогда, возможно, не была ею. Нормативная модель, согласно которой муж зарабатывает деньги, а жена ведет домашнее хозяйство, все еще активно используется в идеологии, была, на самом деле, разрушена экономикой: как показано в третьей главе данной монографии, около трети оплачиваемой рабочей силы в мире составляли женщины, тогда как значительное количество мужчин рабочей силой не являлось. Сторонникам теории ролей, ведущим тщательные полевые исследования, таким, например, как Мирра Комаровски, приходится серьезно работать над эмпирическими данными, чтобы извлечь из них что-то похожее на теоретическую модель «ролей».

Если мы четко разграничиваем нормативное и реально распределенное, вместо того чтобы смешивать их, возникают новые важные вопросы. Появляется возможность понять «нормативное» не как соответствующие стандарту, а как определение того, что власть придерживаясь хочет видеть общепринятым. Это порождает вопрос о том, чьи интересы воплощены в «нормах», насколько повседневная жизнь людей представляет собой сопротивление этим интересам и какие потенциально нормативные принципы могли бы возникнуть из широко распространенных практик, являющихся на данный момент ненормативными.

Теория половых ролей располагает способом трактовки отклонения от нормативного, стандартного случая с помощью понятия девиации. Этот термин не пользуется расположением из-за резкой критики «навешивания ярлыков» в практике социального обеспечения, но он продолжает существовать в теории ролей, потому что он логически необходим для нормативной концепции «ролей». В нашем распоряжении есть альтернативы — неадекватное представление о собственнике «я», номаконформизмы — неадекватное удивление, когда сторонники теории ролей, например Биллс, открыто рассуждают о «девиантном поведении», «девиантных идентичностях», «причинах плохой адаптации» и противопоставляют их «успешному усвоению ролей».

Доминирование нормативного стандартного случая в литературе по половым ролям в сочетании с понятием девиации приводит к некоему особому эффекту: создается впечатление, что конвенциональные полевые роли преобладают и что отклонения от них являются маргинальными и, вероятно, служат результатом эксцентричности, приобретенной человеком в силу несовершенной или

неадекватной социализации. Лесбиянство, мужской гомосексуализм, половое воздержание и девственность, проституция, насилие со стороны супруга и трансвестизм — все это подлегает подобной трактовке. Во всех этих случаях ролевой подход элиминирует из гендерных отношений властную составляющую. Он также элиминирует сопротивление власти и общественному давлению, явления открытой или скрытой общественной борьбы, ведущейся по поводу определенных сексуальности и гендера.

Рассуждая в связи с этим о конфликте интересов, следует сказать, что с наибольшими ограничениями сопряжено использование теории половых ролей в феминизме. Понимание сексуальной политики как реформы ролей — осовременивания, либерализации или расширения «женской» роли (и в мужской версии социальной теории движения реформ) — означает, что не существует социальной теории движения реформ, нет никакой концепции формирования коллективных интересов в рамках гендерных отношений. При существующем варианте половых ролей движущей силой реформы ролей выступают индивидуальные дискомфорт. Когда комфорт достигается, нет никакой социальной силы, которая может продвигать вперед политику или концептуальный анализ.

Отсутствие теории изменений и общественной борьбы отражает на более глубоком уровне отсутствие способа концептуализации социального противоречия и социальной динамики. Как социальная теория поло-ролевая концепция, в сущности своей, статична. Это означает, что сторонники этой теории не признают изменений. Модернизация «женской роли» была ведущей темой в одном из первых важных изложений теории половых ролей, а именно, в работе Т. Парсонса 1942 г. Изменяющиеся ожидания стали главной темой обсуждений «мужской роли» в американских исследованиях послевоенных десятилетий. Изменяющиеся определения «женской роли» являются главной темой в отклике академической социальной науки на феминизм.

Дело в том, что теория половых ролей не может понять изменения как историю, как трансформацию, порожденную взаимодействием социальной практики и социальной структуры. Структура предзадана в теории половых ролей в форме биологической дихотомии. А воплотить теорию, лежащую в основании интерпретации практики ролевого поведения, препятствует разработке представления о социальной детерминации. В конечном итоге, изменение — это всегда то, что случается с половыми ролями, то, что их нарушает. Оно приходит из внешнего мира, из общества в целом. Подобный ход мыслей очевиден, например,

в рассуждениях о том, как технические и экономические изменения требуют перехода к «современной» мужской роли. Или изменение исходит из внутренней сущности личности, из «действительной самости», которая требует ослабления ограничений, предписываемых данной половой ролью. Сама роль всегда находится под внешним влиянием. Теории половых ролей не предполагают механизма, который бы помог понять изменения как диалектику, вырастающую из самих гендерных отношений. Таким образом, эта теория внутренних факторов формирования гендерных отношений является, по сути, ограниченной.

Резюмируя приведенные выше рассуждения, следует сказать, что теория половых ролей как способ социального анализа гендера не устраивает нас в силу следующих четырех ее свойств: волюнтаризм и принципиальная неспособность дать теоретическое объяснение власти и социального интереса; зависимость теории от биологической дихотомии, приводящей ее к асоциальной концепции структуры; построение теории на основе стандартного нормативного случая и непонимание системной природы сопротивления; отсутствие способа теоретизирования по поводу историчности гендера.

Признание этих недостатков, как замечает Эдвардс, не мешает плодотворному исследованию стереотипов фемининности и маскулинности, то есть половых ролей как социальных конструкций, культурных идеалов, отражения этих стереотипов в СМИ и т. д. <...>. Но, как утверждает тот же Эдвардс, нужно искать такие пути теоретизирования по поводу пола и гендера, которые придадут большее значение социальным институтам и структурам.

Вместе с тем критика половых ролей создает некоторые ориентиры того, какой должна быть теория пола и гендера. Говоря конкретнее, одна из проблем, которую она должна прояснить, — это образование и конфликт общественных интересов, которые имеют место в гендерных отношениях. Обратимся теперь к подходам, ставшим во главу угла именно эту проблему.

Теория гендерных категорий

Объяснение гендерных отношений, в котором главное место уделяется власти и конфликту интересов, нашло свое воплощение в одной теории. У нее нет устоявшегося привычного названия. Отчасти это вызвано тем, что логика этой теории нарушает устоявшиеся границы между феминизмом культурологической ориентации (cultural feminism) и социалистическим феминизмом. Я буду называть этот подход категориальным.

Его основные положения сводятся к следующему. Во-первых, противоположные интересы в сфере сексуальной политики в значительной степени отождествляются с конкретными категориями людей. В качестве характерного примера можно привести определение Джилл Джонсон (J. Johnson). Во-вторых, единичей анализа и аргументации в этой теории является категория, а не процесс, конституирующая эту категорию, ее элементы или составные части. В-третьих, социальный порядок как целое описывается в терминах нескольких — обычно двух — главных категорий, связанных друг с другом отношениями власти и конфликтом интересов. Если теория половых ролей имеет тенденцию растворяться в индивидуализме, то категориальный подход большими мажками создает масштабное поле.

В теории половых ролей за повседневной терминологией трудно различить четкие логические понятия. Напротив, при категориальном подходе одна и та же фундаментальная идея выражается с помощью самых разных терминов. Первые теоретики освобождения женщин заимствовали термины из политэкономии и антропологии. Роксана Данбар (R. Dunbar), например, утверждала, что женщины были «низшей кастой», а Суламифь Файерстоун (S. Firestone) искоренила из того, что «поп — это класс», сознательно строя свою аргументацию в марксистской традиции. Академический феминизм заимствовал терминологию из разных общественных наук. Алиса Шлегель (A. Schlegel) и Джанет Чафез (J. Chafetz) писали о «половой стратегификации», а Мира Штробер (M. Strober) зафиксировала «рождение новой науки — диморфизма». Этот термин, по-видимому, был «запушен» как шутка, но тот факт, что он был принят всерьез, свидетельствует об исключительно высокой потребности в теории. Аналогичным образом, обсуждение «патриархата» в радикальном феминизме, начиная с середины 70-х гг., обычно основывалось на понимании гендера как категории. Так, согласно хорошо известному утверждению Сьюзан Браунмиллер (S. Brownmiller), изнасилование — это «сознательный процесс запугивания, посредством которого все мужчины держат всех женщин в состоянии страха».

Особенно ясно изложила основные положения этого подхода Дж. Чафез, которая продолжала дальше всех в формализации как социальной теории. Мужчина и женщина следует рассматривать как «антуполные недифференцированные общие категории». Эти категории для аналитика являются исходной данностью, тогда как предметом анализа выступают отношения между ними. Теории гендерных катего-

рий отличаются друг от друга, главным образом, объяснениями этих отношений.

Одна группа исследователей рассматривает отношение между этими категориями в терминах прямого господства. Пионерами данного подхода явились Р. Данбар и С. Файерстоун. В более поздних вариантах категориального подхода, например, в концепции глобального патриархата Мэри Дэйли (M. Daly), сущностью этих отношений считается насилие мужчин над женщинами. Феминистский культурологический анализ изнасилования и порнографии, проведенный такими авторами, как Сьюзен Гриффин (S. Griffin) и Андреа Дворкин (A. Dworkin), тесно связан с этим направлением. Порнография рассматривается как выражение насилия со стороны мужской сексуальности, а изнасилование — скорее как акт патриархатного насилия, чем сексуального желания.

Научные исследования «половой стратификации» обычно следуют более абстрактному и открытому подходу, признавая лишь то, что отношения между гендерными категориями — это отношения неравенства. Подобный подход послужил основой большого количества эмпирических исследований, которые показали неравенство материальных ресурсов и жизненных шансов мужчин и женщин. Эти разработки не могут претендовать на большую теоретическую глубину. Но они подняли вопрос о коррелятах или условиях различных уровней неравенства между полами. Чафез, например, провела сравнительное межкультурное исследование-опрос, чтобы понять, какие общие условия (экономическое развитие, окружающая среда, религия и т. д.) связаны с высоким или низким уровнем неравенства «обобщенных статусов мужчин и женщин».

Здесь Чафез приближается к объяснению гендерных отношений через действие внешних факторов. Категориальный подход, на самом деле, представляет модель гендера, пригодную для большинства теорий внешних факторов, обсуждавшихся выше. В исследованиях разделения труда по половому признаку гендерные категории обычно устанавливаются как простая линия демаркации в экономической жизни, которая может принимать более сложные очертания в результате анализа разных обществ. Лишь незначительная группа исследователей проявила интерес к тому, что Маргарет Пауэр (M. Power) назвала «созданием сферы женских профессий», к проблеме, которая уходит от абстрактной логики категориализма, поскольку делает акцент на процессе конструирования категорий.

Точно так же в большинстве исследований производственных отношений мало внимания уделяется практике самого производства.

Подходя к социальным отношениям чисто умозрительно, исследователи на самом деле пользуются этими понятиями, главным образом, для демаркации категорий. По сути дела, личность и ее практика могут быть совсем исключены из предмета анализа, как это случилось во французском структурализме. Внимание теоретиков сосредоточено на социальном месте (place) или категории, в которую помещен индивид. Следуя подобной стратегии, можно прийти к сильной теории гендерных категорий, не содержащей биологического детерминизма. Так, например, в структуралистских концепциях Джульетты Митчелл и Гейл Рубин «места» являются социально определенными, а оппозиция «мужчина—женщина», которую они исследуют, социально сконструирована. Это же справедливо в отношении семiotических исследований гендера, которые ведутся с конца 70-х гг.

В других вариантах в качестве социальной основы категориального подхода выступает упрощенная нормативная модель семьи. Именно такая семья становится фокусом большинства феминистских исследований домашнего труда, принадлежащих к марксистскому направлению. С этой же позиции К. Делфи разрабатывает анализ патриархата как экономической системы. Здесь категории конструируются социальным институтом брака, и суть отношений между ними состоит в том, что муж присваивает прибавочную стоимость, источником которой является неоплачиваемый труд жены. Еще одним примером подобной концепции является психология женственности Нэнси Холдоров (N. Chodorow), сознательно построенная на попытке найти социальное, а не биологическое основание для психоаналитического объяснения психологического развития детей. Здесь основой отношений между категориями считается разделение труда по признаку пола при уходе за детьми.

Несмотря на всю избирательность этих авторов в разработке социальных объяснений, общая картина гендера, которую они получают, не намного отличается от простой биологической дихотомии. Категориальное представление о гендере является наиболее ясным, когда категории могут считаться биологическими, а отношения между ними — коллативными, или стандартными. Именно такими являются модели Браунмиллер: «изнасилование — все мужчины — все женщины» или интерпретация порнографии у Дворкин: «мужчины, обладающие женщинами».

Следует заметить, что биологический редукционизм не обязательно приводит к категориализму. В некоторых работах по транссексуальности, например, исследователи рассматривают биологические основания девиаций от конвенциональных категорий. Но обычно

теории биологических оснований («биограмматики») приводит к крайним формам категоризального подхода, поскольку большинство авторов (ошибочно) считают, что в репродуктивной биологии люди четко делятся на две разные категории.

Категориализм возник из ряда источников: структурализма, биологизма и простого риторического обращения к широким понятиям категориям в целях политической мобилизации. Он сохраняет свою значимость, потому что отвечает потребности в четкой альтернативе либеральному феминизму и теории ролей. Для изучения и решения некоторых проблем расмотрение гендера в терминах «внутренне недифференцированных больших категорий» является в первом приближении совершенно адекватным. В этом смысле описательные работы о неравенстве полов в сфере образования, профессиональной занятости, охраны здоровья и по уровню доходов достигли явных успехов.

Сложности начинаются тогда, когда дальше «первого приближения» исследование не идет: когда категории «мужчина» и «женщина» принимаются за абсолютные и не подвергаются дальнейшему рассмотрению или уточнению. Ведь существуют проблемные области, где категоризальный подход совсем не работает или приводит к ошибкам. Самым распространённым примером здесь является, видимо, анализ, осуществляемый в терминах стандартной нормативной семьи. Было проведено достаточно много феминистских исследований по благосостоянию, чтобы подорвать установку, лежащую в основе большинства мер по официальной экономической политике и социальному обеспечению, а именно: что все или почти все живут в нуклеарных семьях; что у каждой женщины есть (или должен быть) мужчина, который ее обеспечивает; что наличие ребенка предполагает наличие мужа.

Для другого варианта категоризализма центром внимания является типичный индивид. Интерпретация сексуальности мужчин во многих работах по насильно над женщинами является характерным примером данного подхода. Сюда же можно отнести стремление объяснить загрязнение окружающей среды, бездумное использование природных ресурсов и угрозу ядерной войны личной агрессивностью и жестокостью типичного мужчины.

Интуитивные представления исследователей, лежащие в основе данного подхода, безусловно, верны. Жадная до власти и эмоционально тугопая маскулинность действительно составляет часть социальной машины, разрушающей окружающую среду. Именно она опустошила половину прекрасного острова Тасмания вырубкой лесов и строительством гидроэлектростанции. В исторических исследованиях, по-

добных работам Брайана Игли (В. Easlea), была прослежена тема маскулинности, контроля и власти в развитии науки и техники, культуры, минувшей которого явилась атомная бомба. Но рассматривать это как прямое следствие маскулинности — значит упустить существование социальной машины, превращающей данную форму маскулинности в деструктивную силу. (Ведь в другие периоды истории агрессивная маскулинность не приводила к радикальной деградации окружающей среды.) При подобном подходе упускаются из виду формы организации общества, которые наделяют один конкретный вид маскулинности главенствующим положением в социальной политике и в то же время маргинализируют другие. Кроме того, при подобном подходе не анализируются социальные процессы, которые изначально порождают этот вид маскулинности.

Анализ гендера, основанный на понятии типичного индивида представляет собой одно из проявлений того, что Эстер Айгенштайн (E. Eisenstein) называет «ложным универсализмом». Она формулирует проблемную следующую образом: «В определенной степени привычка к полному способу мышления является неизбежным результатом потребности представлять гендер как легитимную интеллектуальную категорию. Однако слишком часто она приводила к анализу, основанному на ужасном исследовании белых женщин среднего класса, но претендовавшему на суждение о всех женщинах и от имени всех женщин, белых или черных, бедных или богатых».

Построенной таким образом теории свойственна выраженная тенденция смешивать различные периоды истории и разные части света. В таких текстах, как «Гин/Экология» («Gyn/Ecology») Мари Дэли и «Женское сексуальное рабство» («Female Sexual Slavery») Катлин Барри (К. Barry) и им подобных, приводятся примеры патриархальных зверств, начиная со сжигания женщины в Индии, уродования гениталий в Африке, бинтования ног в Китае и кончая порнографией в Социалистических Штатах Америки. Все эти явления описываются как примеры проявления одной и той же базовой структуры. В таких теориях всеобщий характер гендерных отношений представляется как универсальная структура патриархата.

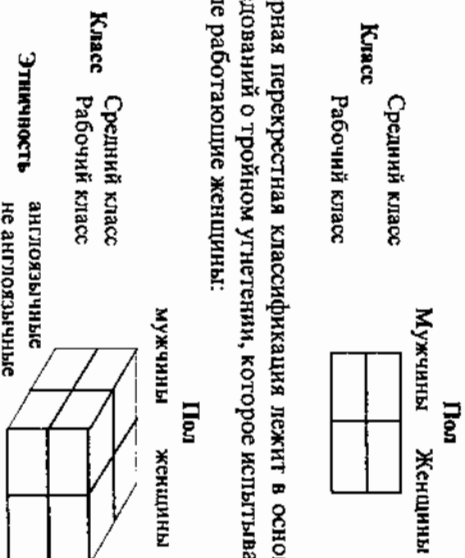
Убеждение, что в каждой стране и в каждый исторический период обнаруживается одна и та же структура, привнесло расуждающих таким образом западных феминисток к классическим этноцентристским позициям. Как указывал критики, например, Кашпана Рэм (К. Ram), объяснение обычая самосожжения вдов, основанное на расистских западных источниках, представляющее индийских женщин как пассивно страдающих от этого зверства и не принимающее в расчет их

сопротивление, мобилизацию и цели, не отдаст должного ни самой проблеме, ни индийским женщинам. Нужно сочетать ясное осознание эксплуатации и подчинения женщин и фундаментального характера социальных изменений, необходимых для их устранения, с одной стороны, со столь же ясным осознанием культурных различий в формах угнетения и стратегий борьбы с ними, с другой. Именно такая позиция утверждается, например, в Предварительном отчете о семинаре по феминистской идеологии и структурам, проведенном в 1979 г. в Гонконге Азиатским и Тихоокеанским центром ООН «Женщины и развитие». Однако такой подход выходит за рамки категориальной теории.

Можно инкорпорировать понятия класса, расы и национальности в теорию гендерных категорий, если эти структуры также понимать как категориальные. Это предполагает создание перекрестной классификации по нескольким переменным сразу — привычный шаг для количественной социологии. Главная операция при этом — логическое умножение, результатом чего является классификационная сетка, в которой размещают разные группы индивидов. Простая двумерная перекрестная классификация является фокусом исследования Маскулинности, проведенного Топсоном.

Например:

Трехмерная перекрестная классификация лежит в основе последних исследований о тройном угнетении, которое испытывают неанглоязычные работающие женщины:

Этничность: Доминирующая этническая группа / Подчиненная этническая группа

В такую схему можно добавить любое число измерений. С увеличением числа измерений их становится труднее отобразить на бумаге, но с ними можно легко справиться с помощью компьютерной техники. И все же чем сложнее становится перекрестная классификация, тем жестче связан анализ со статической логикой категорий. И это усугубляет проблему, которая возникает в теории гендерных категорий при рассмотрении делений внутри самого пола гендера, то есть делений, конституирующих гендерные категории.

Самой заметной проблемой здесь является политика выбора сексуального объекта. Гетеросексуализм и гомофобия должны рассматриваться как основные модели гендерных отношений. Очень трудно начать борьбу с господством гетеросексуальности, используя категориальную модель гендера. Можно установить новую перекрестную классификацию, где деление «гомо—гетеро» пересекается с делением «женщина—мужчина». Но при категориальном анализе нет оснований ставить это деление на первое место. Перекрестная классификация запутывает проблему, поскольку логически приравнивает женскую гомосексуальность к мужской. Есть все основания полагать, что между ними есть существенные различия не только в формах выражения, но и в том, как они первоначально возникают. Как показывает разнообразный опыт участия лесбиянок в движении по освобождению геев, солидарность мужчин и женщин в движении против угнетения со стороны «правильного» общества нельзя считать чем-то самым собой разумеющимся. Иначе говоря, логическая перекрестная классификация никак не коррелирует с формированием социальных интересов.

Теория гендерных категорий обычно делает акцент на конфликте интересов, но испытывает затруднения при объяснении способа становления интересов и того, как люди сопротивляются структурам, определяющим интересы. Признание социального конфликта в рамках этой теории весьма схематично. В ряде моментов категориализм недостаточно хорошо раскрывает движение и противоречивость внутри гендера как социального процесса.

Важно также иметь в виду политические импликации категориального подхода. Одна из двух главных разновидностей теории гендерных категорий — академическая или стратификационная — приводит к разработке программ увеличения доступа женщин к разным областям жизни за счет роста числа женщин-лидеров в политике, женщинах, играющих важные роли в юриспруденции или управлении

бизнесом. Но такой подход не даст никаких конкретных оснований оспаривать социальное устройство, порождающее сложившиеся положения дел. В этом отношении его практические последствия мало отличаются от стратегии реформы ролей, предлагаемой либеральным феминизмом.

Движение за освобождение женщин, как и наиболее радикальные теории гендерных категорий, несомненно, подвергли сомнению существующие властные соотношения. Им, однако, свойственна тенденция представлять ситуацию как «все или ничего». Подобно теории революцион в духе большого взрыва («big bang»), которая имплицитно заложена в марксистском структурализме, категориальный подход предполагает отдаленное будущее и отдаленное прошлое типичными угнетения, но стремится все мрачные стороны настоящего связать с проявлениями власти мужчин и подчинения женщин. Вследствие этого женщинам предлагается метафизическая солидарность («все женщины...»), вездесущий враг («все мужчины...») и необходимость вытекающей отсюда вывол, что борьба при существующих ходимо вытекающей отсюда вывол, что борьба при существующих условиях сегодня отношенях бессмысленна, поскольку большинство женщин в рни являются универсальными. Поскольку большинство женщин в силу своих жизненных обстоятельств не могут избежать отношений с мужчинами, на практике эта позиция выливается в неразрешимую дилемму внутри феминизма. Именно поэтому в женском движении на протяжении ряда лет существует напряженность по поводу вопросов *чистоты* и *вины*.

К теории, основанной на практике

В конечном счете, при категориальном подходе власть может учитываться, но при ее анализе исключается элемент практической политики: выбор, сомнения, стратегия, планирование, ошибки и преобразования. Именно практическая политика эминнируется в комедии «битых полов», которую мы обнаруживаем в традиционной народной культуре. Из века в век мужья решают, жены воячат, сакровивы придираются, девушки кокетничают, юности остаются юностями и не так во веки веков, аминь. Что бы люди ни предпринимали, ничего не меняется. В более сложных вариантах категориального подхода практическая политика маргинализируется скорее логически, чем юмористически. В текстах, подобных «Гин/Экологии», конкретное направление политики в отношении полов рассматривается как логическая необходимость, вытекающая из внутренней природы патриархата, а не как выбор стратегии.

Выбор всегда подразумевает сомнение и возможность ошибки. Таким образом, для дальнейшего развития теории гендера необходимо поставить в центр внимания практический характер политики и в то же время сохранить признание значимости власти, которое в категориализме составляет важный шаг вперед по сравнению с теорией ролей.

Для обоснования практической политики нужна такая социальная теория, которая даст понимание переплетения жизни отдельного человека и социальной структуры и при этом не сведется к волонтеризму и пилорагизму, с одной стороны, или категориализму и биологическому детерминизму, с другой. Такая задача была лучше всего выполнена в художественной литературе и автобиографических сочинениях, посвященной гендерным отношениям. В таких книгах, как «Золотой дневник» Дорис Лессинг («Golden Notebook» by Doris Lessing), «Конец стыду» Ани Мейленбелг («The Shame is Over» by Anja Meulenbelt), «Дело Твиборнов» Патрика Уайта («Twyborn's Affair» by Patrick White), «Дочь Бергера» Надина Гордимер («Virgen's Daughter» by Nadine Gordimer), ярко выражено осознание принудительной силы и власти гендерных отношений (и других структур, таких как класс и раса), чего-то такого, что оказывается жизненно препятствием. И тем не менее это «что-то» не есть некая простая абстракция, это «что-то» реально существует в других людях и их по-стутках со всей их сложностью, неоднозначностью и противоречивостью. И эта реальность служит постоянным объектом воздействия и преобразования — как в приятном, так и в неприятном для человека отношении.

В принципе мы знаем, как ввести этот способ понимания в социальную теорию, поскольку аналогичные проблемы возникли и в других областях знания. В классовой анализе они возникли в споре между «структурой» и *la Altyгоссер* и «историей» и *la Томпсон*. В теоретической социологии они возникли в ходе полемики между сторонниками символического интеракционизма и этнометодологии, с одной стороны, и сторонниками теории систем и функционализма *а la Парсонс*, с другой, и совсем недавно — в дебатах о Лемн-Строссе и структурализме. Основу решения этой проблемы можно найти в работах Сартра, Косика, Будье и Гидденса и других теоретиков, для которых главным объектом внимания являются взаимосвязи структуры и практики. Проблеме категориального подхода можно разрешить с помощью теории практики, сосредоточивая внимание на том, что люди делают, когда они конституируют социальные отношения, в которых живут. В принципе, волонтаризм можно преодолеть, сосре-

доточив внимание на структуре социальных отношений как на условии всех практик.

Несмотря на то, что ни одна теория гендера формально не излагалась в этих терминах, некоторые теоретики феминизма и освободительных геев и еще большее число полых исследователей начали заниматься подобной рода анализом. Их исследования не считаются единой «школой», а их политические взгляды и стратегии очень разнообразны. Поэтому стоит привести некоторые примеры, чтобы показать те основания, которые предлагаются для развития теории в этом направлении.

Одним из пионеров в данной области была Джульетта Митчелл. Во втором разделе ее теперь несколько забытой книги «Женское состояние» («Woman's Estate») описывается социальное положение женщин на основании четырех «структур», в каждой из которых возникает определенная форма угнетения. Эта мысль имеет важное значение для концепции структуры <...>. Частично под влиянием работы Митчелл американская исследовательница антрополог Эйли Рубин разработала формальный сравнительный анализ «системы отношений», посредством которой женщины подчинены мужчинам. Хотя в ее анализе поло-гендерной системы наблюдается тенденция движения к абстрактному структурализму, ее статья 1975 г. «Обмен женщинами» («The Traffic in Women») показывает более ясно, чем любая другая работа, какой может быть системная социальная теория гендера.

В другом знаменитом эссе «Принудительная гетеросексуальность и существование лесбиянок» («Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence») Адриенн Рич (A. Rich) указывает на значимость социальных отношений, которые женщины строят в противовес тем отношениям, которые они строят с мужчинами. Ее понятие «глейбикого континуума» приближается к теории категорий, но к нему можно подойти и исторически. Это одна из проблем, которые изучает Джилл Мэтьюс (J. Matthews) в своем исследовании «Исторического конструирования женственности» в Австралии XX в. В своей книге «Добродетельные и безумные женщины» («Good and Mad Women») она использует записи психиатрических лечебниц для изучения влияния изменяющихся идеалов женственности на жизнь конкретных женщин. Она подчеркивает историчность женственности (и, соответственно, мужественности) как жизненного опыта, а не просто как навязанных правил и связывает непосредственные семейные отношения с крупномасштабными тенденциями демографических, экономических и культурных изменений. Еще одна работа, в которой описыва-

ваются макропроцессы, — книга Дэвида Фернбаха «Путь по спиралью» (D. Fernbach «The Spiral Path») — содержит социальный и реляционный (relational) анализ* того, что обычно рассматривают как предельное желание (или антисоциальное поведение). Сделав главным объектом своего изучения гомосексуальные отношения между мужчинами, он рассматривает современный процесс формирования гомосексуальной идентичности в контексте истории гендерных отношений начиная с неолита. Его работа во многом умозрительна, но нет сомнений, что она больше похожа на реальную историю, чем мифотворчество об «исходных корнях».

Вместо того, чтобы задавать вопросы об исходных корнях и конечных основаниях, на которые нельзя найти ответа, авторы этих работ рассматривают проблему организации гендерных отношений как протекающего в настоящее время процесса. Они считают, что структура не дана заранее, а складывается исторически. Отсюда следует возможность разных способов структурирования гендера, отражающая разная степень внутренней согласованности или противоречивости структурирования гендерных отношений, которая отражает изменение уровня неприятия [патриархата] и сопротивления [ему]. Политика в отношении полов укоренена в самом общем виде в структуре гендерных отношений. В рамках данной структуры развиваются кризисные тенденции, которые материализуются в радикальной сексуальной политике. <...>

Однако теория практики этим не исчерпывается, поскольку она обращает внимание также на историчность гендера в личной жизни человека. Мысль о том, что формы сексуальности являются социальными конструкциями, возникла в работах радикальных историков**, в дискурсивном анализе*** и в интеракционистской социологии, не говоря уже о работах Маркузе. Женственность и мужественность как структуры характеров людей следует рассматривать как исторически изменчивые. Ничто не может предотвратить появления нескольких форм характера, свойственных данному полу

* Реляционный анализ — анализ, опирающийся на категорию отношений (Прим. ред.).

** Автор имеет в виду статью: Radigue Robert A. Sexual Matters: On Conceptualizing Sexuality in History // Radical History Rev. 1979. No 20. P. 3-23 (личное сообщение) (Прим. перев.).

*** Автор имеет в виду книгу: Weeks J. Sexuality. London: Tavistock, 1986 (личное сообщение) (Прим. перев.).

в одном и том же обществе и в одно и то же время. Я считаю, что множественность женственности и мужественности — это основополагающий факт гендерных отношений и способ проявления гендерных структур в жизни. <...>

[В заключительной] обратимся к еще одной проблеме. Главной трудностью в понимании историчности гендерных отношений является устойчивое мнение о том, что исторически инвариантная структура встроена в гендер в силу половой дихотомии тел (sexual dichotomy of bodies). Именно к этому допущению в конечном итоге восходит теория половых ролей и большая часть разновидностей категоризации по подходам. *Социальная* теория бессмысленна или, в лучшем случае, периферийна, если верно то, что базовые факторы являются биологическими. Таким образом, для теории гендера отношение между телом и социальной практикой является решающим вопросом, который необходимо прояснить, прежде чем обращаться к анализу структуры социальных отношений.

Примечания

Теория внешних факторов

Делфи (Delphy 1977: 25) обсуждает догматический характер тезиса о «приоритете класса»; ее критика осталась незамеченной. О китайской семейной политике см.: Стэн (Stacy 1979) и Кролл (Stoll 1983). Об основных положениях теории социального воспроизводства гендера см.: Мичелл (Mitchell 1975); Кун и Уолп (Kuhn and Wolf 1978); Сенте фот Сентпропарту Cultural Studies. Women's Studies Group (1978) и Бертон (Borton 1985). Критика, развиваемая в данной главе, основывается на одной критике теории воспроизводства. См.: Соннелл 1983, Шар. 8. Теоретические трудности феминизма марксистского направления подробно рассмотрены: Ваггелл 1980. О практических кампаниях социалистического феминизма см.: Соул и Самрелл 1982; Австралия Соул (1986); Stevens (готовится к печ.). Наиболее глубокую критику понятий «дуальных систем» я встретил в Уоллинг 1981. Более подробно о связи между патриархатом и капитализмом см.: Соннелл 1983, Шар. 3, 4 и 5.

Теория половых ролей

Бэм (Bem 1974), а также Стейнманн и Фокс (Steinmann and Fox 1974) приволят примеры смещения понятий половых ролей и характера полов. Весли и Весли (Wesley and Wesley 1977) — понятия половых ролей и различия полов. Карриган, Коннелл и Ли (Carriigan, Connell and Lee 1985) дают очерк истории идей, связанных с половыми ролями. Аргументация в данной главе основывается на общей критике теории ролей в Коннелл (Connell 1983, Шар. 10) и ее изложении применительно к половым ролям в статье Карри-

гана, Коннелла и Ли (Carriigan, Connell and Lee 1985), а также на анализ понятий половых ролей у Францисей и Лоуи (Franzway and Lowe 1978) и Эдвардс (Edwards 1983).

Список приводимых семейных ролей: Нусе et al. 1976. Вопрос об «агентах социализации» обсуждается более детально в главе 9 настоящей книги*. Плек (Pleck 1981) рассматривает ролевую теорию как альтернативу психоанализу. Дэвид и Брэннон (David and Brannon 1976) приволят примеры скрытого приравливания мужских и женских ролей. Эдвардс (Edwards 1983) дает исчерпывающую критику представлений о «девиантности» в теории половых ролей. Об изменении половых ролей см.: Липман-Вилшен и Тискашуэт (1975) и Плек (1976). Одним из направлений литературы стала область, претендующая на то, чтобы быть историей половых ролей, напр.: Вланса (1978). Мое доказательство неспособности теории ролей отвечать истинным критериям историчности было сформулировано в дискуссиях с Тимом Карриганом и Джоном Ли.

Теория гендерных категорий

Остроумно зашистая сепаратизм, Джонстон помог формулировать политическую проблему лесбиянства (См.: Johnston 1973: 276). Виллис (Willis 1984) дает превосходную историческую картину возникновения категориальной концепции гендера в рамках освободительного женского движения. Объяснение отношений воспроизводства с точки зрения категорий достигается своей вершиной в: Vland et al. (1978). Работы Мэни (Mooney 1970) являются примером исследованной девиации в духе биологического детерминизма. Реймонд (Raymond 1979) демонстрирует замечательный пример теории, которую категоризация политической логика толкает к биологическому эссенциализму. Категоризация как риторика хорошо показан в работе Стендера (Spender 1982). Работы Баллок и Касс (Ballock and Cass 1983) и Камбелл (Campbell 1984) относятся к тем многочисленным феминистским исследованиям, которые подымают нормативную модель семьи. О маскулинности и агрессивности см.: Фаррелл (Farrell 1974); Диннерштейн (Dinnerstein 1976) и Келли (Kelly 1984); Соннелл (1985, аргументация дана в расширенном виде). Цитата о ложном универсализме приведена из Eisenstein 1984: 132. О сложности интересов в движении геев см.: Gay Left Collective 1980 и Thompson 1985 (глава 3).

Теория, основанная на практике

Об образцах «битвы полов» см. знаменитое эссе Оруэлла об открытках Дональда Макгилла (1941) (Оруэлл Дж. Искусство Дональда Макгилла // Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь. 1992. С. 139-149. — Прим. перев.). Связь между стратегией и сомнением гораздо яснее в инициативной

* Имеется в виду монография Соннелл R. Gender and Power. Stanford University Press, 1987, перевод третьей главы которой включен в данную хрестоматию (Прим. ред.).

радикальной политике социальных движений (grass-roots)*, чем в радикальной теории, ср.: Алински (Alinsky 1972). История Томпсона более ценна как модель, чем как аргумент против структурализма (Thompson 1978), хотя в ней есть некоторые интересные моменты. Я попытался дать критическую оценку теории практики Сартра и Бурдьё: Солпел 1983. Спар. 5 и 8. Критика поисков «порождающего ядра» (generative nucleus) (см.: Lefebvre 1976: 73-91) была важна для разработки цельного исторического подхода к структурам власти.

Перевод Тамьяны Барчуновой и Ирины Мерникко

* «Grass-roots» — букв. перевод — «корни травы» — общепринятый термин для обозначения локальных инициативных движений (Прим. перев.).

ЛИТЕРАТУРА

- Де Бовуар С. 1997. Второй пол. СПб.: Прогресс — Алетейя.
- Дюркгейм Э. 1991. Метод социологии (1894) // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука. С. 411-447.
- Жеребкина И. (ред.) 1996. Теория и история феминизма. Харьковский Центр Гендерных Исследований: Ф-Пресс.
- Здравомислова Е., Темкина А. 1999. Исследования женщин и тендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. №. 6. С. 177-185.
- Ляпини Ж. и Понтиалис Ж.-Б. 1996. Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа.
- Лев-Стросс К. 1983. Структурная антропология. М.: Гл. ред. вост. лит.
- Маркс К. 1983. Капитал. Том 1. М.: Издательство политической литературы.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1962. Теория прибавочной стоимости // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 26. Ч. 1.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1985. Избранные произведения. В 3 т. М.: Политиздат. Т. 1.
- Осипович Т. 1998. Победа над рождением и смертью, или женофобия русской утопической мысли на рубеже XIX—XX веков // Феномен пола в культуре / Под ред. Г. Каченко, Н. Каменецкой. М.: РГГУ. С. 32-44.
- Пастернак Л. 1987. Заметки к переводам Шекспира // Перевод — средство взаимного сближения народов / Сост. А. Клышко. М.: Прогресс. С. 428-444.
- Райкрофт Ч. 1995. Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа.
- Фрейд З. 1989. Женственность / Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука. С. 369-385.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи / Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад.
- Фуко М. 1996. Что такое автор / Фуко М. Воля к истине. М.: Магистерium. С. 7-46.
- Хеллский Я. 1987. Из речи в речь... // Перевод — средство взаимного сближения народов / Сост. А. Клышко. М.: Прогресс. С. 187-203.
- Чехов А. П. 1978. Вишневый сад / Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. М.: Наука. Т. 12.

- Эзельс Ф. 1986. Проникновение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Эзельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. М.: Издательство политической литературы. Т. 3.
- Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс.
- Айнсви С.Д. 1972. Rules for Radicals. New York: Vintage.
- Айтхуссер Л. 1969. Freud and Lacan // New Left Review. No. 55. P. 48-65.
- Айтхуссер Л. & Баллар Е. 1970. Reading Capital. London: New Left Books.
- Бакан Д. 1966. The Duality of Human Existence: Isolation and Communion in Western Man. Boston: Beacon Press.
- Бакан Д. 1968. Disease, Pain, and Sacrifice: Toward a Psychology of Suffering. Boston: Beacon Press.
- Балдок С.У., Касс Б., eds. 1983. Women, Social Welfare and the State. Sydney: George Allen & Unwin.
- Балин А. 1939. Love for the Mother and Mother-Love // Primary Love and Psycho-Analytic Technique / Ed. by M. Balint. New York: Liveright Publishing, 1965.
- Балин М. 1935. Critical Notes on the Theory of the Pregenital Organizations of the Libido // Primary Love and Psycho-Analytic Technique / Ed. by M. Balint. New York: Liveright Publishing, 1965. P. 37-58.
- Балин М. 1956. Perversions and the Genitality // Primary Love and Psycho-Analytic Technique / Ed. by M. Balint. New York: Liveright Publishing, 1965.
- Барретт М. 1980. Women's Oppression Today. London: Verso.
- Барри К. 1979. Female Sexual Slavery. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall.
- Бастер Р., ed. 1975. The Collected Works of Abraham Lincoln. 9 vols. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press.
- Бамм М. 1971. Love, Marriage and the Division of Labor // Sociological Inquiry. Vol. 41. No. 1. P. 107-117.
- Бевуаюр С. де. 1968. The Second Sex / Trans. by H. M. Parshley. New York: Bantam Books.
- Бebel F. A. 1904. Women under Socialism. New York: Labour News Company.
- Берг В. Р. 1983. Househusbands: Men and Housework in American Families. New York: Praeger.
- bell hooks. 1981. Ain't I a Woman: Black Women and Feminism. Boston: South End Press.
- bell hooks. 1984. Feminist Theory: From Margin to Center. Boston: South End Press.
- bell hooks. 1990. Yearning: Race, Gender, and Cultural Politics. Toronto: Between the Lines.
- Bem S. L. 1974. The Measurement of Psychological Androgyny // Journal Consult. Clin. Psychol. Vol. 42. No. 2. P. 155-162.
- Bem S. L. 1983. Gender Schema Theory and Its Implication for Child Development: Raising Gender-Aschematic Children in a Gender-Schematic Society // Signs: Journal of Women in Culture and Society. No. 8. P. 598-616.
- Benedek T. 1949. Psychosomatic Implications of the Primary Unit, Mother-Child // American Journal of Orthopsychiatry. Vol. 19. No. 4. P. 642-654.
- Benedek T. 1959. Parenthood as a Developmental Phase: A Contribution to the Libido Theory // Journal of the American Psychoanalytic Association. Vol. 7. No. 3. P. 389-417.

- Berhabib S. and Cornell D. 1987. Feminism as Critique. Minneapolis: Minnesota University Press.
- Benjamin J. 1990. The Bonds of Love. New York: Pantheon.
- Benson M. 1969. The Political Economy of Women's Liberation // Monthly Review. Vol. 21. No. 4. P. 13-27.
- Berger J., Cohen B. P. and Zelditch M., Jr. 1972. Status Characteristics and Social Interaction // American Sociological Review. Vol. 37. P. 241-255.
- Berger J., Hamit Fisek M., Norman R. Z. and Zelditch M., Jr. 1977. Status Characteristics and Social Interaction: An Expectation States Approach. New York: Elsevier.
- Berger J., Conner T. L., and Hamit Fisek M., eds. 1974. Expectation States Theory: A Theoretical Research Program. Cambridge (MA): Winthrop.
- Berk S. Fenstermaker. 1985. The Gender Factory: The Appointments of Work in American Households. New York: Plenum.
- Bernard J. 1972. The Future of Marriage. New York: Bantam Books.
- Berndt R. 1962. Excess and Restraint. Chicago: University of Chicago Press.
- Berstein R. 1986. France Jails 2 in Odd Case of Espionage // New York Times. May, 11.
- Bettelheim B. 1976. The Uses of Enchantment. New York: Alfred A. Knopf.
- Birthing G., et al. 1961. A Study of the Psychological Processes in Pregnancy and of the Earliest Mother-Child Relationship // Psychoanalytic Study of the Child. No. 16. P. 9-72.
- Biddle B. 1979. Role Theory. New York: Academic Press.
- Blackwood E. 1984. Sexuality and Gender in Certain Native American Tribes: The case of Cross-Gender Females // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Vol. 10. P. 27-42.
- Bland L., Branson C., Hobson D., Winship J. 1978. Women Inside and Outside the Relations of Production. Centre for Contemporary Cultural Studies: Women's Studies Group. Women Take Issue. London: Hutchinson.
- Blos P. 1967. The Second Individuation Process of Adolescence // The Psychoanalytic Study of the Child / Ed. by A. Freud. New York: International University Press. Vol. 22.
- Bono P. and Kemp S., eds. 1993. The Lonely Mirror. New York: Routledge.
- Bono P. and Kemp S., eds. 1991. Italian Feminist Thought. Oxford: Blackwell.
- Booth A. 1972. Sex and Social Participation // American Sociological Review. Vol. 37. P. 183-193.
- Bott E. 1957. Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families. London: Tavistock Publications.
- Bourdieu P. 1977. Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu P. and Passeron J. P. 1977. Reproduction and Education. Society and Culture. Beverly Hills (CA): Sage.
- Bourne P. G. and Winker N. J. 1978. Commitment and the Cultural Mandate: Women in Medicine // Social Problems. Vol. 25. P. 430-440.
- Braidotti R. 1991. Patterns of Dissonance. Cambridge: Polity Press. New York: Routledge.

- Bradotti R. 1992. Essentialism // *Feminism and Psychoanalysis: A critical Dictionary* / Ed. by E. Wright. Oxford: Blackwell.
- Branca P. 1978. Women in Europe since 1750. London: Croom Helm.
- Brownman I., Vogel S., Brownman D., Clarkson F., and Rosenkrantz P. 1972. Sex-role Stereotypes: A Current Appraisal // *Journal of Social Issues*. Vol. 28. P. 59-78.
- Brownmiller S. 1975. *Against Our Will: Men, Women and Rape*. New York: Simon and Schuster.
- Brunswick R. 1940. The Preoedipal Phase of the Libido Development // *The Psychoanalytic Reader: An Anthology of Essential Papers with Critical Introductions* / Ed. by R. Fliess. New York: International Universities Press. P. 231-253.
- Bulmer R. 1969. Political Aspects of Moka Ceremonial Exchange System Among the Kyaka People of the Western Highlands of New Guinea // *Oceania*. Vol. 31. No. 1. P. 1-13.
- Burton C. 1985. *Subordination: Feminism and Social Theory*. Sydney: George Allen & Unwin.
- Butler J. 1990. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. New York: London: Routledge.
- Butler J. 1987. *Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth-Century France*. New York: Columbia University Press.
- Cahill S. E. 1982. *Becoming Boys and Girls*. Ph.D. dissertation. Department of Sociology, University of California, Santa Barbara.
- Cahill S. E. 1986. Childhood Socialization as Recruitment Process: Some Lessons from the Study of Gender Development // *Sociological Studies of Child Development* / Ed. by P. Adler. Greenwich (CT): JAI Press. P. 163-186.
- Cahill S. E. 1986. Language Practices and Self-Definition: The Case of Gender Identity Acquisition // *Sociological Quarterly*. Vol. 27. P. 291-311.
- Calvino I. 1988. *Lezione americane: Sei proposte per il prossimo millennio*. Milan: Garzanti.
- Campbell B. 1984. *Vigan Pier Revisited: Poverty and Politics in the Eighties*. London: Virago.
- Carrigan T., Cornell R. W., and Lee J. 1985. *Toward a New Sociology of Masculinity // Theory and Society*. Vol. 14. No. 5. P. 551-604.
- Carverio A. 1990. *Nonostante Platone*. Rome: Editori Riuniti.
- Cavendish R. 1982. *Women on the Line*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Centre for Contemporary Cultural Studies. Women's Studies Group*. 1978. *Women Take Issue*. London: Hutchinson.
- Chafetz J. 1980. *Toward a Macro-Level Theory of Sexual Stratification and Gender Differentiation // Current Perspectives in Social Theory*. Vol. 1. P. 103-125.
- Chamberlain L. 1992. *Gender and the Metaphors of Translation // Rethinking Translation. Discourse, Subjectivity, Ideology* / Ed. by L. Venuti. Routledge.
- Chasseguet-Smirgel J. 1970. *Feminine Guilt and the Oedipus Complex (1964) // Female Sexuality* / Ed. by J. Chasseguet-Smirgel. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 94-134.
- Chodorow N. 1974. *Family Structure and Feminine Personality // Women, Culture and Society* / Ed. by M. Rosaldo and L. Lamphere. Stanford: Stanford University Press.
- Chodorow N. 1978. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley: University of California Press; Los Angeles: University of California Press.
- Cixous H. 1974. *Le rire de la Meduse // L'Arc*. No. 61.
- Cixous H. 1975. *La jeune née*. Paris: U.G.E.
- Cixous H. 1986. *Entre l'écriture*. Paris: de femmes.
- Cixous H. 1987. *Le livre de Promethea*. Paris: Gallimard.
- Cliff T. 1984. *Class Struggle and Women's Liberation*. London: Bookmarks.
- Collins P. H. 1986. *Learning from Outsider Within: The Sociological Significance of Black Feminist Thought // Social Problems*. Vol. 33 (October/December). P. 14-32.
- Connell R. W. 1985. *Theorizing Gender // Sociology*. Vol. 19. P. 260-272.
- Connell R. W. 1983. *Which Way Is Up? Sydney*, Australia: Allen & Unwin.
- Connell R. 1987. *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Polity Press.
- Connell R. 1985. *Masculinity, Violence and War // War / Masculinity* / Ed. by P. Patton and R. Poole. Sydney: Intervention. P. 4-10.
- Connell R. W. 1987. *Gender and Power*. Stanford (CA): Stanford University Press.
- Coote A. and Campbell B. 1982. *Street Freedom: the Struggle for Women's Liberation*. London: Pan.
- Coward R. and Ellis J. 1977. *Language and Materialism: Developments in Semiology and the Theory of the Subject*. London and Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Crafi M. 1970. *Family, Class and Education: Changing Perspectives // Family, Class and Education: A Reader* / Ed. by M. Crafi. London: Longman. P. 3-37.
- Croll E. J. 1983. *Chinese Women since Mao*. London: Zed Press.
- Cucchiari S. 1981. *The Gender Revolution and the Transition from Bisexual Horde to Patriarchal Band: the Origin of Gender Hierarchy // Sexual Meanings: the Cultural Construction of Gender and Sexuality* / Ed. by S. Ortner and H. Whitehead. New York: Cambridge. P. 31-79.
- Dahrendorf R. 1973. *Homo Sociologicus*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Dalla Costa M. and Lames S. 1975. *The Power of Women and the Subversion of the Community*. Bristol: Falling Wall Press.
- Dalla Costa M. and Selma J. 1972. *The Power of Women and the Subversion of the Community*. Bristol: Falling Wall Press.
- Daly M. 1978. *Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism*. Boston: Beacon Press.
- David D., Bramon R. 1976. *The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role*. Reading (MA): Addison-Wesley.
- Dawes M. 1977. *Life As We Have Known It, By Cooperative Working Women* (1931). London: Virago.
- Davis K. 1967. *The Myth of Functional Analysis as a Special Method in Sociology and Anthropology // System, Change and Conflict* / Ed. by N. Demerath and R. Peterson. Glencoe (IL): Free Press. P. 379-402.
- Deeply C. 1977. *The Main Enemy: A Materialist Analysis of Women's Oppression*. London: Women's Research and Resources Centre.

- Derrida J.* 1979. Living on/Border Lines. Deconstruction and Criticism/Transl. by J. Hulbert. New York: Continuum. P. 75-176.
- Derrida J.* 1972. Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences // The Structuralist Controversy / Ed. By L. Mackensey and E. Donato. Baltimore: John Hopkins Press.
- Deutsch H.* 1944, 1945. Psychology of Women. New York: Grune & Stratton. Vols. 1, 2.
- Deutsch H.* 1948a. The Significance of Masculinity in the Mental Life of Women // The Psychoanalytical Reader / Ed. by R. Fliess. New York: International University Press.
- Deutsch H.* 1948b. On Female Homosexuality // The Psychoanalytical Reader / Ed. by R. Fliess. New York: International University Press.
- DeVault M.* 1986. Talking and Listening from Women's Standpoint, Feminist Strategies for Analyzing Interview Data. — Paper prepared for the annual meeting of the Society for the Study of Symbolic Interaction. New York.
- DeVault M.* 1987. Writing Women's Experience/Writing Sociology. — Paper presented at the annual meeting of the Study of Social Problems. Chicago.
- Dewarux G.* 1937. Institutionalized Homosexuality Among Mohave Indians // Human Biology. Vol. 9. P. 498-529.
- Dhill B. Thornton, Baca Zinn M.* 1988. Race and Gender. — Paper presented at American Sociological Association Annual Meetings. Atlanta (GA).
- Dinnerstein D.* 1976. The Mermaid and the Minotaur. New York: Harper & Row.
- Douglas J.* 1970. Parental Encouragement // Family, Class and Education: A Reader / Ed. by M. Craft. London: Longman. P. 151-157.
- Douglas M.* 1963. The Lale of Kasai. London: Oxford University Press.
- Duchen C.* 1986. Feminism in France: From May 1968 to Mitterand. London: Routledge & Kegan Paul.
- Dugger K.* 1990. Personal Communication.
- Dunbar R.* 1970. Female Liberation as the Basis for Social Revolution // Sisterhood is Powerful / Ed. by R. Morgan. New York: Vintage. P. 477-492.
- Dunn J.* 1979. Western Political Theory in the Face of the Future. Cambridge: Cambridge University Press.
- Duras M.* 1991. Interview / Shifting Scenes: Interviews on Women, Writing and Politics in Post-68 France. P. 74.
- Durkheim E.* 1964. The Rules of Sociological Method. New York: Free Press.
- Dworkin A.* 1981. Pornography: Men Possessing Women. London: Women's Press.
- Eastle B.* 1983. Fathering the Unthinkable: Masculinity, Scientists and the Arms Race. London: Pluto Press.
- Edwards A.* 1983. Sex-Roles: A Problem for Sociology and for Women // Australian and New Zealand Journal of Sociology. Vol. 19. No. 3. P. 385-412.
- Edwards C. P.* 1975. Societal Complexity and Moral Development: A Kenyan Study // Ethos. Vol. 3. P. 505-527.
- Ehrenreich B.* 1977. Towards Socialist Feminism // Heretics. No. 1. P. 4-7.
- Eisenstein H.* 1984. Contemporary Feminist Thought. London: Unwin Paperbacks.

- Eisenstein H.* 1984. Contemporary Feminist Thought. Sydney: Allen & Unwin.
- Eisenstein H.* 1985. The Gender of Bureaucracy: Reflections on Feminism and the State // Women, Social Science and Public Policy / Ed. by J. Goodnow and C. Pateman. Sydney: George Allen & Unwin. P. 104-115.
- Eisenstein Z. R.* 1979. Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism. New York: Monthly Review Press.
- Eshlain J. B.* 1975. 'Thank Heaven for Little Girls': The Dialectic of Development // Politics. No. 10 (November). P. 139-148.
- Eshlain J. B.* 1978. Liberal Heresies: Existentialism and Repressive Feminism // Liberalism and the Modern Polity / Ed. by C. Michael, G. McGrath. New York: Marcel Dekker.
- Engels F.* 1970. The origin of the Family, Private Property and the State (1884) // Marx K and Engels F. Selected Works. Moscow: Progress Publishers. Vol. 3.
- Erikson E.* 1950. *Childhood and Society*. New York: W. W. Norton.
- Erikson E.* 1968. Identity: Youth and Crisis. New York: W. W. Norton.
- Evans-Pritchard E. E.* 1951. Kinship and Marriage Among the Nuer. London: Oxford University Press.
- Evans-Pritchard E. E.* 1970. Sexual Inversion among the Azande // American Anthropologist. No. 72. P. 1428-1434.
- Farrell W.* 1974. The Liberated Man. New York: Random House.
- Fausto-Sterling A.* 1985. Myths of Gender: Biological Theories About Women and Men. New York: Basic Books.
- Fay B.* 1975. Social Theory and Political Practice. London: George Allen & Unwin.
- Fee E.* 1973. The Sexual Politics of Victorian Social Anthropology // Feminist Studies (Winter/Spring). P. 23-29.
- Felman S.* 1987. Jaque Lacan and the Adventure of Insight: Psychoanalysis in Contemporary Culture. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Ferenczi S.* 1968. Thalassa: A Theory of Genitality (1924). New York: W. W. Norton.
- Ferrbach D.* 1981. The Spiral Path. London: Gay Men Press.
- Firestone S.* 1970. The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: William Morrow.
- Firestone S.* 1978. Interaction: The Work Women Do // Social Problems. Vol. 25. P. 397-406.
- Flax J.* 1990. Thinking Fragments. New York: Routledge.
- Fliess R.* 1970. Ego and Body Ego: Contributions to Their Psychoanalytic Psychology (1961). New York: International Universities Press.
- Ford C. and Beach F.* 1972. Patterns of Sexual Behaviour. New York: Harper.
- Foucault M.* 1967. The Archeology of Knowledge. London: Tavistock.
- Foucault M.* 1970. L'ordre du discours. Paris: Gallimard.
- Foucault M.* 1970. The Order of Things. New York: Pantheon.
- Fouqui A.* 1991. Women in Movements: Yesterday, Today, and Tomorrow // Differences. Vol. 13. No. 3. P. 1-25.
- Fox R.* 1967. Kinship and Marriage. London: Pelican Books.

- Frantzway S. and Lowe J.* 1978. Sex-role Theory. Political Cul-de-Sac? // *Refractory Girl*. Vol. 16. P. 14-16.
- Freudman D.* 1966. On Women Who Hate Their Husbands (1961) // *Psychoanalysis and Female Sexuality* / Ed. by H. Rutenbeck. New Haven: College and Universities Press Services.
- Freud S.* 1961. Some Psychic Consequences of the Anatomical Distinction Between the Sexes; Female Sexuality; Three Essays on the Theory of Sexuality // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud* / Trans. and ed. by J. Strachey. London: Hogarth, V. 7, 19.
- Freud S.* 1965. *Femininity* // *New Introductory Lectures in Psychoanalysis* / Ed. by J. Strachey. New York: W. W. Norton.
- Freud S.* 1975. *Constructions in Analysis* // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. 24 vols. London: Hogarth. Vol. 23. P. 255-270.
- Freud S.* 1975. *Introductory Lectures on Psychoanalysis* // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. 24 vols. London: Hogarth, V. 15, 16.
- Freud S.* 1975. *Female Sexuality* // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. 24 vols. London: Hogarth. Vol. 21. P. 223-243.
- Freud S.* 1975. *The Unconscious* // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. 24 vols. London: Hogarth. Vol. 14. P. 166-204.
- Freud S.* 1975. *On Narcissism: An Introduction* // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. 24 vols. London: Hogarth. Vol. 14. P. 69-102.
- Freud S.* 1975. *New Introductory Lectures on Psychoanalysis* // *The Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. 24 vols. London: Hogarth. Vol. 22. P. 3-182.
- Freud S.* 1943. *A General Introduction to Psychoanalysis*. Garden City (NY): Garden City Publishing Company.
- Friedan B.* 1963. *The Feminine Mystique*. New York: Norton.
- Frye M.* 1983. *The Politics of Reality: Essays in Feminist Theory*. Trumansburg (NY): The Crossing Press.
- Fuss D.* 1990. *Essentially Thinking*. London: Routledge.
- Gagnon J., Henderson B.* 1985. *The Social Psychology of Sexual Development* // *Marriage and Family in a Changing Society* / Ed. by J. Henslin. New York: Free Press. P. 145-151.
- Gans H.* 1967. *The Levittowners*. New York: Vintage Books.
- Gardiner J.* 1974. *Political Economy of Female Labour in Capitalist Societies*.—Unpublished Manuscript.
- Garfinkel H.* 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall.
- Gavronsky S.* 1977. *The Translator: From Piety to Cannibalism* // *Substance*. V. 16. P. 53-62.
- Gay Left Collective*, ed. 1980. *Homosexuality: Power and Politics*. London: Allison & Busby.
- Gay P.*, ed. 1973. *The Enlightenment: A Comprehensive Anthology*. New York: Simon & Schuster.
- Gerson J. M., and Peiss K.* 1985. *Boundaries, Negotiation, Consciousness: Reconceptualizing Gender Relations* // *Social Problems*. Vol. 32. P. 317-331.
- Gerstein I.* 1973. *Domestic Work and Capitalism* // *Radical America*. Vol. 7. Nos. 4-5. P. 101-128.
- Giddens A.* 1979. *Central Problems in Social Theory*. London: Macmillan.
- Giddens A.* 1984. *The Constitution of Society*. Cambridge: Polity Press.
- Gilligan C.* 1982. *In a Different Voice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Glase R. M.* 1971. *The Mask of Venerability*.—Paper read at the 70th Annual Meeting of the American Anthropological Association. New York City, December.
- Goethals G.* 1973. *Symbiosis and the Life Cycle* // *British Journal of Medical Psychology*. Vol. 46. P. 91-96.
- Goffman E.* 1977. *The Arrangement Between the Sexes* // *Theory and Society*. No. 4. P. 301-331.
- Goffman E.* 1967. *The Nature of Deference and Demeanor* (1956) // *Goffman E. Interaction Ritual*. New York: Anchor/Doubleday. P. 47-95.
- Goffman E.* 1976. *Gender Display* // *Studies in the Anthropology of Visual Communication*. Vol. 3. P. 69-77.
- Goody J. and Tambiah S. J.* 1973. *Bridewealth and Dowry*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gordimer N.* 1979. *Burger's Daughter*. Harmondsworth: Penguin.
- Graham H. and Oakley A.* 1981. *Competing Ideologies of Reproduction: Medical and Maternal Perspectives on Pregnancy* // *Women, Health and Reproduction* / Ed. by H. Roberts. London: Routledge & Kegan Paul. P. 50-74.
- Green R. and Money J.*, eds. 1969. *Transsexualism and Sex Reassignment*. Baltimore (MD): Johns Hopkins University Press.
- Griffin S.* 1980. *Woman and Nature*. New York: Harper.
- Griffin S.* 1981. *Pornography and Silence: Culture's Revenge Against Nature*. London: Women's Press.
- Griffin S.* 1985. *Typical Girls?* London: Routledge & Kegan Paul.
- Gross E.* 1991. *Lacan: a Feminist Introduction*. London and New York: Routledge.
- Grunberger B.* 1970. *Outline for a Study of Narcissism in Female Sexuality* (1964) // *Female Sexuality* / Ed. by J. Chasseguet-Smirgel. Ann Arbor: University of Michigan Press. P. 68-83.
- Gunnell J.* 1979. *Political Theory: Tradition and Interpretation*. Cambridge (Mass.): Winthrop Publishers.
- Habermas J.* 1973. *Legitimation Crisis*. Boston, Beacon Press.
- Haraway D.* 1990. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. London: Free Association Books.
- Harding S.* 1991. *Whose Science? Whose Knowledge? Milton Keynes: Open University Press*.
- Harding S.* 1986. *The Science Question in Feminism*. Ithaca (NY): Cornell University Press.
- Hartmann H. I.* 1979. *The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union* // *Capital and Class*. No. 8. P. 1-33.
- Hartsock N.* 1979. *Feminist Theory and the Development of Revolutionary Strategy* // *Capitalist Patriarchy* / Ed. by Z. Eisenstein. New York: Monthly Review Press. P. 56-77.

- Harrisock N. 1983. The Feminist Standpoint: Developing the Ground for a Specifically Feminist Historical Materialism // *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology, and Philosophy of Science* / Ed. by S. Harding and M. B. Hintikka. Dordrecht; Boston, London: Reidel.
- Hentley N.M. 1985. Psychology and Gender // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 11. P. 101-119.
- Herak G.M. 1987. On Heterosexual Masculinity // *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity* / Ed. by M. Kimmel. Newbury Park (CA): Sage. P. 68-82.
- Herridge M. 1984. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press.
- Hermesen J. and A. van Lennig, eds. 1991. *Sharing the Difference: Feminist Debates in Holland*. London and New York.
- Herskowitz M. 1937. A Note on 'Women's Marriage' in Dahomey // *Africa*. Vol. 10. No. 3. P. 335-341.
- Hertz R. 1960. *Death and the Right Hand*. Glencoe: Free Press.
- Hill W.W. 1935. The Status of the Hermaphrodite and Transvestite in Navaho Culture // *American Anthropologist*. Vol. 37. P. 273-279.
- Hirsch M., Keller E. F., eds. *Conflicts in Feminism*
- Hochschild A. 1975. Attending to, Codifying, and Managing Feelings: Sex Differences in Love.—Paper presented to the American Sociological Association Meetings. San Francisco. August 29.
- Hochschild A. 1983. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley (CA): University of California Press.
- Hochschild A. 1973. A Review of Sex Roles Research // *American Journal of Sociology*. Vol. 78. P. 1011-1029.
- Holstein C. 1976. Development of Moral Judgment: A Longitudinal Study of Males and Females // *Child Development*. Vol. 47. P. 51-61.
- Horne M. S. 1968. Sex Differences in Achievement Motivation and Performance in Competitive and Noncompetitive Situations. Ph.D. Diss. University of Michigan, University Microfilms, # 6912135.
- Horner M. S. 1972. Toward an Understanding of Achievement-related Conflicts in Women // *Journal of Social Issues*. Vol. 28. P. 157-175.
- Horney K. 1973. *The Denial of the Vagina* // Horney K. *Feminine Psychology* / Ed. by H. Kelman. New York: W.W. Norton.
- Hughes E.C. 1945. Dilemmas and Contradictions of Status // *American Journal of Sociology*. Vol. 50. P. 353-359.
- Hull G., Scott P., and Smith B., eds. 1982. *But Some of Us Are Brave*. New York: Feminist Press.
- Humphrey P. and Berger J. 1981. Theoretical Consequences of the Status Characteristics Formulation // *American Journal of Sociology*. Vol. 86. P. 953-983.
- Figaroy L. 1974. *Speculum*. Paris: Minuit.
- Figaroy L. 1977. *Ce sexe qui n'en est pas un*. Paris: Minuit.
- Figaroy L. 1977, 1984. *L'Éthique de la différence sexuelle*. Paris: Minuit.
- Figaroy L. 1987. "Égales à qui?" // *Critique*. No. 21. P. 420-37.
- Figaroy L. 1988. "Equal to Whom?" // *Differences*. Vol. 1. No. 21. P. 59-76.
- Jacobsen N. 1978. *Pride and Solace: The Functions and Limits of Political Theory*. Berkeley: University of California Press.
- Jacobson R. and Halle M. 1971. *Fundamentals of Language*. The Hague: Mouton.
- Jaggar A.M. 1983. *Feminist Politics and Human Nature*. Totowa (NJ): Rowman & Allanheld.
- Jardine A. 1985. *Gynesis: Configurations of Woman in Modernity*. Ithaca: Cornell University Press.
- Jardine A. and Menke A., eds. 1991. *Shifting Scenes: Interviews on Women, Writing, and Politics* / Post-68 France. New York: Columbia University Press. P. 74.
- Johnston J. 1973. *Lesbian Nation: The Feminist Solution*. New York: Simon and Schuster.
- Jones E. 1933. The Phallic Phase // *International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 14. P. 1-33.
- Kaplan C. 1987. *Deterritorializations: The Rewriting of Home and Exile in Western Feminist Discourse* // *Cultural Critique*. Vol. 6 (Spring).
- Kaplan C. 1994. *The Politics of Location as Transnational Feminist Critical Practice* // *Scattered Hegemonies: Post-modernity and Transnational Feminist Practices* / Ed. by C. Kaplan and I. Grewal. Minneapolis and London: University of Minnesota Press.
- Kasper A. 1986. *Women's Consciousness and a Feminist Methodology*. Washington (DC): George Washington University, Department of Sociology.
- Kaufmann D. 1986. *Simone de Beauvoir: Questions of Difference and Generation* // *Yale French Studies*. No. 72.
- Kelly H. 1974. *Witchcraft and Sexual Relations: An Exploration of the Social and Semantic Implications of the Structure of Belief*.—Paper read at the 73rd Annual Meeting of the American Anthropological Association, Mexico City.
- Kelly P. 1984. *Fighting for Hope*. London: Chatto & Windus.
- Kephar W.M. 1967. *Some Correlates of Romantic Love* // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 29. P. 470-474.
- Kernberg O. 1975. *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*. New York: Jason Aronson.
- Kessler S. and McKenna W. 1978. *Gender: An Ethnomethodological Approach*. New York: John Wiley.
- Kessler S., Ashendon D. J., Connell R.W. and Dowsett G.W. 1985. *Gender Relations in Secondary Schooling* // *Sociology of Education*. Vol. 58. P. 34-48.
- Kingston M. H. 1978. *The Woman Warrior*. New York: Alfred A. Knopf.
- Kinsey A., Pomeroy W.B. and Martin C.E. 1948. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: Saunders.
- Klein M. 1964. *Love, Guilt and Reparation (1937)* // *Love, Hate and Reparation* / Ed. by M. Klein M. and J. Riviere. New York: W.W. Norton.
- Kohlberg L. 1958. *The Development of Modes of Thinking and Choices an Year 10 to 16* : Ph.D. Diss. University of Chicago.
- Kohlberg L. 1969. *Stage and Sequence: The Cognitive-Development Approach to Socialization* // *Handbook of Socialization Theory and Research* / Ed. by D. Goslin. Chicago: Rand McNally.

- Kohlberg L. 1981. The Philosophy of Moral Development. San Francisco: Harper & Row.
- Kohlberg L. 1973. Continues and Discontinuities in Childhood and Adult Moral Development Resisted // Kohlberg L. Collected Papers on Moral Development and Moral Education. Moral Education Research Foundation, Harvard University.
- Kohlberg L. and Kramer R. 1969. Continues and Discontinuities in Child and Adult Moral Development // Human Development. Vol. 12. P. 93-120.
- Kohut H. 1971. Analysis of Self: A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorders: Psychoanalytic Study of the Child. Monograph No 4. New York, International Universities Press.
- Kollock P., Blumstein P., and Schwartz P. 1985. Sex and Power in Interaction // American Sociological Review. Vol. 50. P. 34-46.
- Komarovsky M. 1946. Cultural Contradictions and Sex Roles // American Journal of Sociology. Vol. 52. P. 184-189.
- Komarovsky M. 1950. Functional Analysis of Sex Roles // American Sociological Review. Vol. 15. P. 508-516.
- Komarovsky M. 1964, 1967. Blue-Collar Marriage. New York: Vintage Books.
- Komarovsky M. 1974. Patterns of Self-Disclosure of Male Undergraduates // Journal of Marriage and the Family. Vol. 36. No. 4. P. 677-686.
- Kosik K. 1976. Dialectics of the Concrete. Dordrecht: D. Reidel.
- Kristeva J. 1988. Women's Time // Feminist Theory: A Critique of Ideology / Ed. by N. Keohane. Chicago: University of Chicago Press.
- Kuhn A., Wolf A.-M. 1978. Feminism and Materialism. London: Routledge & Kegan Paul.
- Lacan J. 1968. The Function of Language in Psychoanalysis // The Language of Self / Ed. by A. Wilden. Johns Hopkins University Press.
- Lampel de Groot J. 1933. Problems of Femininity // Psychoanalytical Quarterly. Vol. 2. P. 489-518.
- Lampel de Groot J. 1948. The Evolution of Oedipus Complex in Women // The Psychoanalytical Reader / Ed. by R. Feiss. New York: International University Press.
- Langness L. 1967. Sexual Antagonism in the New Guinea Highlands: A Bena Bena Example // Oceania. Vol. 37. No. 3. P. 161-177.
- Largueta I. and Dumoulin J. 1972. Towards a Science of Women's Liberation // NACLA Newsletter. Vol. 6. No. 10. P. 3-20.
- Lasch Ch. 1974. Freud and Women // New York Review of Books. Vol. 21. No. 15. P. 12-17.
- Lauretis T. de. 1988. The Essence of the Triangle: or, Taking the Risk of Essentialism Seriously // Difference. Vol. 1. No. 2. P. 3-37.
- Lauretis T. de. 1990. Savior et difference des sexes // Les cahiers du Griff. No. 45.
- Leach C. 1971. Rethinking Anthropology. New York: Humanities Press.
- Lefebvre H. 1976. The Survival of Capitalism: Reproduction of the Relations of Production. London: Allison and Busby.
- Lessing D. 1962. The Golden Notebook. London: Michael Joseph.
- Lever J. 1976. Sex Differences in the Games Children Play // Social Problems. Vol. 23. P. 478-487.
- Levi-Strauss C. 1969. The Elementary Structures of Kinship (1949) / Rev. edn. Boston: Beacon Press.
- Levi-Strauss C. 1971. The Family // Man, Culture and Society / Ed. by H. Shapiro. London: Oxford University Press.
- Linton R. 1936. The Study of Man. New York: Appleton-Century.
- Lipman-Blumen J., Tickamyer A.R. 1975. Sex-Roles in Transition: A Ten Year Perspective // Annual Review of Sociology. Vol. 1. P. 297-337.
- Loch W. 1974. Some Comments on the Subject of Psychoanalysis and Truth // Truth, Consciousness and Reality / Ed. by J. Smith. New Haven, M.D.: Yale University Press.
- Loewinger J. & Wessler R. 1970. Measuring Ego Development. San Francisco: Jossey-Bass.
- Lopata H. and Thorne B. 1978. On the Term 'Sex Roles' // Signs: Journal of Women in Culture and Society. No. 3. P. 718-721.
- Lorber J. 1984. Women Physicians: Careers, Status and Power. New York: Tavistock.
- Lorde A. 1984. Sister Outside. Tumbansberg, New York: Crossing.
- Malinowski B. 1970. The Primitive Economics of the Trobriand Islanders // Cultures of the Pacific / Ed. by T. Harding and B. Wallace. New York: Free Press.
- Malinowski B. 1929. The Sexual Life of Savages. London: Routledge & Kegan Paul.
- March P., Rosser E. and Harré R. 1978. The Rules of Disorder. London: Routledge & Kegan Paul.
- Marcuse H. 1955. Eros and Civilization. Boston: Beacon Press.
- Marcuse H. 1964. One Dimensional Man. London: Routledge & Kegan Paul.
- Marcuse H. 1972. An Essay on Liberation. Harmondsworth: Penguin.
- Margolis D. 1985. Personal communication.
- Martin M.K. and Voorheis B. 1975. Female of the Species. New York: Columbia University Press.
- Marx K. 1971. Precapitalist Economic Formations. New York: International Publishers.
- Marx K. and Engels F. 1970. The German Ideology. Part 1. New York: International Publishers.
- Mathews J. 1984. Good and Mad Women: the Historical Construction of Femininity in Twentieth-Century Australia. Sydney: George Allen & Unwin.
- Maus M. 1967. The Gift. New York: W.W. Norton
- McClelland D. 1975. Power: The Inner Experience. New York: Irvington.
- McMurrin D. 1914. The Legend of Lesbian Love Among North American Indians // Urological and Cutaneous Review. April. P. 192-193.
- Mead G.H. 1934. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press.
- Mead M. 1963. Sex and Temperament. New York: Dell.
- Mead M. 1968. Male and Female. New York: Dell.
- Meggitt M. 1970. Male-Female Relationships in the Highlands of Australian New Guinea // American Anthropologist. Vol. 66. No. 4. Part 2. P. 204-224.
- Merton R. 1967. On Theoretical Sociology. London: Collier-Macmillan.

- Meulenbelt A.* 1976. *Feminisme en Socialisme: Een Inleiding*. Amsterdam: Van Gennep.
- Meulenbelt A.* 1980. *The Shame is Over*. London: Women's Press.
- Midgley M.* 1978. *Beast and Man: The Roots of Human Nature*. Ithaca: Cornell University Press.
- Miles K.* 1974. *Women's Liberation, Class Struggle*. Sydney: Words for Women.
- Miller J. B.* 1976. *Toward a New Psychology of Women*. Boston: Beacon Press.
- Miller N.* 1986. *Subject to Change // Feminist Studies: Critical Studies / Ed. by T. de Lauretis*. Bloomington: Indiana University Press.
- Miller N., ed.* 1986. *The Poetics of Gender*. New York: Columbia University Press.
- Min-ha T.* 1989. *Woman, Native, Other*. Bloomington: Indiana University Press.
- Mitchell J.* 1971. *Women: The Longest Revolution (1966) // New Left Review*. No. 40. P. 11-37.
- Mitchell J.* 1971. *Women's Estate*. Harmondsworth: Penguin; New York: Vintage.
- Mitchell J.* 1974. *Psychoanalysis and Feminism*. New York: Pantheon.
- Mitchell J.* 1975. *Psychoanalysis and Feminism*. New York: Vintage Books.
- Mithers C.* 1982. *My Life as a Man // Village Voice*. Vol. 27 (October). No. 5.
- Mohanty C.* 1987. *Feminist Encounters: Locating and Politics of Experience // Copyright*. No. 1.
- Mohanty C.* 1988. *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourse // Feminist Review*. No. 30.
- Mohanty C.* 1991. *Cartographies of Struggle: Third World Women and the Politics of Feminism // Third World Women and the Politics of Feminism / Ed. by C. Mohanty, A. Russo and L. Torres*. Bloomington: Indiana University Press. P. 1-47.
- Money J.* 1968. *Sex Errors of the Body*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Money J.* 1970. *Sexual Dimorphism and Homosexual Gender Identity // Psychological Bulletin*. Vol. 74. No. 6. P. 425-440.
- Money J.* 1974. *Prenatal Hormones and Postnatal Sexualization in Gender Identity Differentiation // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. by J. Cole and R. Dienstbier*. Lincoln: University of Nebraska Press. Vol. 21. P. 221-295.
- Money J.* 1986. *Venus: Penis: Sexology, Sexosophy and Exigency Theory*. Buffalo (NY): Prometheus Press.
- Money J. and Brennan J. G.* 1968. *Sexual Dimorphism in the Psychology of Female Transsexuals // Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 147. P. 487-499.
- Money J. and Ehrhard A.* 1972. *Man and Woman/Boy and Girl*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Money J. and O'Guaro C.* 1974. *Behavioral Sexology: Ten Cases of Genetic Male Intersexuality with Impaired Prenatal and Pubertal Androgenization // Archives of Sexual Behaviour*. Vol. 3. P. 181-206.
- Money J. Tacker P.* 1975. *Sexual Signatures: On Being a Man or a Woman*. Boston: Little, Brown.

- Moraga C. and Anzaldúa G.* 1981. *This Bridge Called My Back*. Watertown: Persephone.
- Moraga C. and Anzaldúa G.* 1983. *Loving in the War Years*. Boston: South End.
- Morris J.* 1974. *Conundrum*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Muraro L.* 1991. *L'ordine simbolico della madre*. Rome: Editori Riuniti.
- Murphy R.* 1959. *Social Structure and Sex Antagonism // South-western Journal of Anthropology*. Vol. 15. No. 1. P. 81-96.
- Magrawe F.* 1970. *The 'Good Home' // Family, Class and Education: A Reader / Ed. by M. Craft*. London: Longman. P. 184-202.
- Newton N.* 1955. *Maternal Emotions: A Study of Women's Feelings Towards Menstruation, Pregnancy, Childbirth, Breastfeeding, Infant Care, and Other Aspects of Their Femininity: Psychosomatic Medicine Monograph*. New York: Paul Hoeber: Harper & Brothers.
- Newton N.* 1973. *Interrelationships Between Sexual Responsiveness, Birth, and Breast Feeding // Contemporary Sexual Behavior: Critical Issues in the 1970's / Ed. by J. Zubin and J. Money*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Nicholson L., ed.* 1997. *The Second Wave: A Reader in Feminist Theory*. New York and London: Routledge.
- Nye F., et al.* 1976. *Role Structure and Analysis of the Family*. Beverly Hills: Sage: Sage Library of Social Research. Vol. 24.
- Oakley J.* 1981. *Interviewing Women: A Contradiction in Terms // Doing Feminist Research / Ed. by H. Roberts*. London: Routledge & Kegan Paul. P. 30-61.
- Paugus R. A.* 1979. *Sexual Matters: On Conceptualizing Sexuality in History // Radical History Review*. Vol. 20. P. 3-23.
- Pager M. A.* 1987. *Unlearning to Not Speak—Paper presented at the meetings of the Society for the Study of Social Problems*. Chicago.
- Parsons T.* 1942. *Age and Sex in the Social Structure of the United States // American Sociological Review*. Vol. 7. P. 604-616.
- Parsons T.* 1951. *The Social System*. New York: Free Press.
- Parsons T.* 1968. *The Structure of Social Action*. Vol. 1. Marshall, Pareto, Durkheim. New York: Free Press.
- Parsons T.* 1982a. *The Role of Theory in Social Research // Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution / Ed. by L. Mayhew*. Chicago: University of Chicago Press. P. 65-75.
- Parsons T.* 1982b. *The Superego in the Theory of Social Systems // Talcott Parsons on Institutions and Social Evolution / Ed. by L. Mayhew*. Chicago: University of Chicago Press. P. 129-144.
- Parsons T. and Bales R.* 1956. *Family Socialization and Interaction Process*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Parsons T. and Bales R.* 1955. *Family, Socialization and Interaction Process*. New York: Free Press.
- Plager J.* 1970. *Structuralism*. New York: Basic Books.
- Plager J.* 1965. *The Moral Judgment of the Child (1932)*. New York: The Free Press.
- Pleck J.* 1976. *The Male Sex-Role: Definitions, Problems and Sources of Change // Journal of Social Issues*. Vol. 32. No. 3. P. 155-164.

- Pleck J.* 1981. *The Myth of Masculinity*. Cambridge (MA): MIT Press.
- Power M.* 1975. The Making of Woman's Occupation // *Hezale*, Nos. 1, 2, P. 25-34.
- Ram K.* 1981. Sexual Violence in India // *Refractory Girls*, Vol. 22, P. 2-8.
- Rappaport R. and Buchbinder G.* 1975. Fertility and Death Among the Marrying // *Sex Roles in the New Guinea Highlands* / Ed. by P. Brown and G. Buchbinder. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Raymond J.* 1979. *The Transsexual Empire*. Boston: Beacon Press.
- Read K.* 1952. The Nama Cult of the Central Highlands, New Guinea // *Oceania*, Vol. 23, No. 1, P. 1-25.
- Reay M.* 1959. *The Kuna*. London: Cambridge University Press.
- Reinharz S.* 1983. *Experiential Analysis: A Contribution to Feminist Research // Theories of Women's Studies* / Ed. by G. Bowles and R. Klein. London: Routledge & Kegan Paul, P. 162-191.
- Rich A.* 1976. *Of Women Born: Motherhood as Experience and Institution*. New York: W. W. Norton
- Rich A.* 1979. *On Lies, Secrets, and Silence*. New York: Norton.
- Rich A.* 1980. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, Vol. 5, P. 631-660.
- Rich A.* 1985. *Blood, Bread, and Poetry*. London: the Women's Press.
- Richards R., Ames J.* 1983. *Second Serve: The Renée Richards Story*. Briarcliff Manor (NY): Stein & Day.
- Rosaldo M. and Lamphere L., eds.* 1974. *Woman, Culture and Society*. Stanford: Stanford University Press.
- Rossi A.* 1984. Gender and Parenthood // *American Sociological Review*, Vol. 49, P. 1-19.
- Rovntree M.* 1970. More on the Political Economy of Women's Liberation // *Monthly Review*, Vol. 21, No. 8, P. 26-32.
- Rubin G.* 1975. The Traffic in Women: Notes on the 'Political Economy' of Sex // *Toward an Anthropology of Women* / Ed. by R. Reiter. New York: Monthly Review Press, P. 157-210.
- Rubin L.* 1976. *Worlds of Pain: Life in the Working-Class Family*. New York: Basic Books.
- Rubin Z.* 1970. Measurement of Romantic Love // *Journal of Personality and Social Psychology*, No. 6, P. 265-273.
- Rubin Z.* 1975. *Loving and Leaving*.—Unpublished paper.
- Sacks H.* 1972. On the Analyzability of Stories by Children // *Directions in Sociolinguistics* / Ed. by J. Gunperz and D. Hymes. New York: Holt, Rinehart & Winston, P. 325-345.
- Sahlins M.* 1960. The Origin of Society // *Scientific American*, Vol. 203, No. 3, P. 76-85.
- Sahlins M.* 1972. *Stone Age Economic*. Chicago: Aldine/Atherton
- Sartre J.-P.* 1958. *Being and Nothingness*. London: Methuen.
- Sartre J.-P.* 1968. *Search for a Method [The Question of Method]*. New York: Vintage Books.
- Sartre J.-P.* 1971-1972. *L'Idiot de la famille*. Paris: Gallimard.
- Sartre J.-P.* 1976. *Critique of Dialectical Reason*. London: New Left Books.

- Sassen G.* 1980. Success Anxiety in Women: A Constructivist Interpretation of Its Sources and Its Significance // *Harvard Educational Review*, Vol. 50, P. 13-225.
- Schlegel A.* 1977. *Sexual Stratification*. New York: Columbia University Press.
- Schor N.* 1987. *Dreaming Dissymmetry // Men in Feminism* / Ed. by A. Jardine and P. Smith. New York: Methuen.
- Schor N.* 1987. *Dreaming Dissymmetry // In Other Worlds* / Ed. by G. Spiwak. New York and London: Methuen.
- Schor N.* 1988. The Essentialism That Is Not One // *Differences*, Vol. 1, No. 2, Vol. 10, P. 130-149.
- Schutz A.* 1962. Commonsense and Scientific Interpretations of Human Action // *Schutz A. Collected Papers*. The Hague: Martinus Nijhoff, Vol. 1, P. 3-47.
- Schutz A.* 1962. On Multiple Realities // *Schutz A. Collected Papers*. The Hague: Martinus Nijhoff, Vol. 1, P. 207-259.
- Scott J.* 1965. The Role of Collegiate Sororities in Maintaining Class and Ethnic Endogamy // *American Sociological Review*, Vol. 30, No. 4, P. 415-426
- Scott J.* 1986. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*, Vol. 91, P. 1053-1075.
- Scott J.* 1988. Deconstructing Equality Versus Difference // *Feminist Studies*, Vol. 14, No. 1, P. 33-50.
- Secombe W.* 1974. *Housework under Capitalism* // *New Left Review*, Vol. 83, P. 3-24.
- Sexual Difference: A Theory of Political Practice*. Milan Women's Bookshop, Bloomington: Indiana University Press.
- Sexual Difference: A Theory of Social Symbolic Practice*. 1990. Bloomington: Indiana University Press.
- Sherwin S.* 1988. *Philosophical Methodology and Feminist Methodology / Feminist Perspectives: Philosophical Essays on Method and Morals* / Ed. by L. Code, et al. Toronto: University of Toronto Press, P. 13-28.
- Simpson E. L.* 1974. *Moral Development Research: A Case Study of Scientific Cultural Bias // Human Development*, Vol. 17, P. 81-106.
- Slater Ph.* 1961. *Toward a Dualistic Theory of Identification* // *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*, Vol. 7, No. 2, P. 113-126.
- Smith B.* 1983. *Home Girls: A Black Feminist Anthology*. New York: Kitchen Table Press.
- Smith B.* 1985. *Towards a Black Feminist Criticism // The New Feminist Criticism* / Ed. by S. Showalter. New York: Pantheon.
- Smith D.* 1979. *A Sociology for Women // The Prism of Sex: Essays in the Sociology of Knowledge* / Ed. by J. Sherman and E. Beck. Madison: University of Wisconsin.
- Smith D.* 1989. *Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy // Feminism and Sociological Theory* / Ed. by R. Wallace. Sage Publications, P. 34-64.
- Smith D.* 1981. *The Active Text*.—Paper presented at the meetings of the World Congress of Sociology, Mexico City.
- Smith D.* 1987. *The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology*. Boston: North-Eastern University Press.

- Smith D. 1988. Writing Sociology: The Feminist Contradiction.— Paper presented at the conference, Feminist Transformations of the Social Sciences, Hamilton College, Clinton, New York.
- Sneider D. and Gough K., eds. 1967. *Matrilineal Kinship*. Berkeley: University of California Press.
- Sonenschein D. 1966. Homosexuality as a Subject of Anthropological Investigation // *Anthropological Quarterly*. No. 2. P. 73-82.
- Spelman E. 1989. *Essential Woman*. Boston: Beacon Press.
- Spender D. 1982. *Women of Ideas and What Men have Done to Them*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Spivak G. 1990. In *Other Worlds*. New York: Routledge.
- Stacey J. 1979. When Patriarchy Kowtows: The Significance of the Chinese Family Revolution for Feminist Theory // *Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism* / Ed. by Z. Eisenstein. New York: Monthly Review Press. P. 299-348.
- Stacey J. 1988. Can there Be a feminist Ethnography // *Women Studies International Forum*. Vol. 11. P. 21-27.
- Stacey J. and Thorne B. 1985. The Missing Feminist Revolution in Sociology // *Social Problems*. Vol. 32. P. 301-316.
- Stack C. 1974. *All Our Kin*. New York: Harper & Row.
- Stanley L. and Wise S. 1983. *Breaking out: Feminist Consciousness and Feminist Research*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Stanton D. 1986. Difference on Trial: a Critique of the Maternal Metaphor in Cixous, Irigaray, and Kristeva // *The Poetics of Gender* / Ed. by N. Miller. Columbia University Press.
- Stein A. 1989. Three Models of Sexuality // *Sociological Theory*. No. 7. P. 1-13.
- Steiner G. 1975. *After Babel*. London and New York: Oxford University Press.
- Steinmann A., Fox D.J. 1974. *The Male Dilemma*. New York: Aronson.
- Stevens J. *The First Ten Years (Forthcoming)*.
- Stinchcombe A. 1983. The Origins of Sociology as a Discipline // *Ars Sociologica*. Vol. 27. P. 1-11.
- Stoller R.J. 1985. Presentation of Gender. New Haven (CT): Yale University.
- Strathern M. 1972. *Women in Between*. New York: Seminar.
- Straus M.A. 1978. *Wife-Beating: How Common and Why?* // *Victimology*. Vol. 2. Nos. 3-4. P. 443-458.
- Strober M.H. 1976. *Toward Dimorphics: A Summary Statement to the Conference on Occupational Segregation* // *Signs*. Vol. 1. No. 3. Part 2. P. 293-302.
- Strunk W. Jr., and White E.B. 1958. *The Elements of Style* (1918). New York: Macmillan.
- Thompson D. 1985. *Flaws in the Social Fabric: Homosexuals and Society in Sydney*. Sydney: George Allen & Unwin.
- Thompson E.P. 1963. *The Making of the English Working Class*. New York: Vintage.
- Thompson E.P. 1978. *The Poverty of Theory*. London: Merlin Press.
- Thorne B. 1980. *Gender... How Is It Best Conceptualized?* (Unpublished manuscript).

- Thorne B. 1986. *Girls and Boys Together... But Mostly Apart: Gender Arrangements in Elementary Schools* // *Relationships and Development* / Ed. by W. Hartup and Z. Rubin. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum. P. 167-82.
- Thorne B. and Luria Z. 1986. *Sexuality and Gender in Children's Daily Worlds* // *Social Problems*. Vol. 33. P. 176-190.
- Tolson A. 1977. *The Limits of Masculinity*. London: Tavistock.
- Tresemer D. 1975. *Assumption Made About Gender Roles* // *Another Voice: Feminist Perspectives on Social Life and Social Science* / Ed. by M. Millman and R. Kanter. New York: Anchor/Doubleday. P. 308-339.
- Tsuan N. & Tong R. 1995 (Ed.) *Feminism and Philosophy. Essential Readings in Theory, Reinterpretation, and Application*. Westview Press, Boulder.
- Van Baal J. 1966. *Dema*. The Hague: Nijhoff.
- Vogel L. 1973. *The Early Family* // *Radical America*. Vol. 7. Nos. 4-5. P. 9-50
- Weeks J. 1986. *Sexuality*. London, Tavistock.
- Wesley F. and Wesley C. 1977. *Sex-Role Psychology*. New York: Human Science Press.
- Wesson G. 1975. *Brian's Wife, Jenny's Mum*. Melbourne: Dove.
- West C. 1984. *When the Doctor is a "Lady": Power, Status and Gender in Physician-Patient Encounters* // *Symbolic Interaction*. No. 7. P. 87-106.
- West C. and Iritani B. 1985. *Gender Politics in Male Selection: The Male-Older Norm.— Paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association*. August, Washington (DC).
- West C. and Zimmerman D. H. 1983. *Small Insults: A Study of Interruptions in Conversations Between Unacquainted Persons* // *Language, Gender and Society* / Ed. by B. Thorne, C. Kramarac, and N. Henley. Rowley (MA): Newbury House. P. 102-117.
- West C. and Zimmerman D. 1991. *Doing Gender* (1987) // *The Social Construction of Gender* / Ed. by J. Lorber and S. Farrell. Sage Publications. P. 13-37.
- White H. 1976. *The Fictions of Factual Representation* // *Selected Papers from the English Institute* / Ed. by A. Fletcher. New York: Columbia University Press. P. 21-44.
- White P. 1979. *Twyborn Affair*. London: Jonathan Cape.
- Writing J., et. al. 1958. *The Function of Male Initiation Rites at Puberty* // *Readings in Social Psychology* / Ed. by E. Maccoby et al. New York: Holt.
- Wieder D.L. 1974. *Language and Social Reality: The Case of Telling the Convict Code*. The Hague: Mouton.
- Wilden A. 1968. *The Language of the Self*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
- Williams C. 1981. *Open Cut*. Sydney: George Allen & Unwin.
- Williams F.E. 1936. *Papuan of the Trans-Fly*. Oxford: Clarendon
- Williams W.L. 1986. *The Spirit and the Flesh: Sexual Diversity in American Indian Culture*. Boston: Beacon.
- Willis E. 1984. *Radical Feminism and Feminist Radicalism* // *The 60s Without Apology* / Ed. by S. Sayres, et al. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Willis P. 1977. *Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs*. New York: Columbia University Press.

- Wilson T. P. 1970. Conceptions of Interaction and Forms of Sociological Explanation // American Sociological Review. Vol. 35. P. 697-710.
- Witgenstein L. 1978. Philosophical Investigations / Trans. by G. Anscombe. New York: Macmillan.
- Witgenstein L. 1979. On Certainty / Ed. by G. Anscombe and G.H. von Wright. New York: Harper Torchbooks.
- Writing M. 1973. Les Guerilleres. New York: Avon.
- Writing M. 1973. Le corps lesbien. Paris: Minuit.
- Writing M. 1991. The Straight Mind and Other Essays. London: Harvester Wheatsheaf.
- Wolff C. 1971. Love Between Women. London: Harper & Row: Blackworth.
- Wood Y. 1929. A Room of One's Own. New York: Harcourt Brace and World.
- Wrong D. 1961. The Over-Socialized Conception of Man in Modern Sociology // American Sociological Review. Vol. 26. P. 183-193.
- Young I. 1981. Beyond the Unhappy Marriage: A Critique of the Dual System Theory // Women and Revolution / Ed. by L. Sargent. Boston. South End Press. P. 43-69.
- Young M. and Wilmore P. 1966. Family and Kinship in East London (1957). London: Penguin Books.
- Zilboorg G. 1973. Masculine and Feminine: Some Biological and Cultural Aspects (1944) // Psychoanalysis and Woman / Ed. by J. Miller. New York: Penguin Books. P. 96-131.
- Ziller A. 1980. Affirmative Action Handbook. Sydney: Review of NSW Government Administration.
- Zimmerman D. and Wieder D. 1970. Ethnomethodology and the Problem of Order: Comment on Denzin // Understanding Everyday Life / Ed. by N. Denzin. Hawthorne (NY): Aldine. P. 287-295.

Справка об авторах

Роза Брайдовитц — профессор в области исследований женщин и научный директор школы исследований женщин (Университет Утрехта, Нидерланды, есть NOISE). Автор книг «Образцы диссонанса: исследование женщин в современной философии», 1991 («Patterns of Dissonance: A Study of Women in Contemporary Philosophy»), «Номадические субъекты: воплощение и полые различия», 1994 («Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference»).

Карол Галлицки — американский философ и психолог, профессор (Гарвардский университет), женщина года (1984, Журнал Ms). Автор книги «Другим голосом. Психологическая теория и развитие женщины», 1982 («In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development»), соавтор книги «Встреча на перекрестках: психология женщины и развитие девочки» («Meeting at the Crossroads: Women's Psychology and Girl's Development»).

Док Заммерман — профессор социологии (Университет Калифорнии, Санта-Барбара, США). В настоящее время занимается исследованием структуры разговора в институциональных контекстах и в группах сверстников. Пишет в соавторстве с Кэндис Уэст.

Роберт Каннелл — президент социологической ассоциации Австралии, профессор социологии (университет Сиднея, Австралия). Автор книг «Гендер и власть. Общество, личность и сексуальная политика», 1987 («Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics»), «Школы и социальная справедливость», 1993 («Schools and Social Justice»), «Модели мужественности», 1995 («Masculinities»).

Джудит Лорбер — профессор социологии (колледж Бруклин, Университет г. Нью-Йорка, США). Автор книг «Женщины-врачи: карьера, статус и власть», 1984 («Women Physician: Careers, Status and Power»), «Парадоксы гендера», 1994 («Paradoxes of Gender»), редактор книги «Социальное конструирование гендера», 1991 («The Social Construction of Gender»).

Гэй Рубин — американский антрополог. Автор известных статей «Обмен женщинами: заметки о "политической экономике" пола» («The Traffic in Women. Notes on the 'Political Economy' of Sex», 1975), «Размышления о сексе: заметки к радикальной теории сексуальной политики», 1984 («Thinking sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality»).

Дороти Смит — профессор социологии (Институт исследования образования Онтарико, Университет Торонто, Канада), адъюнкт-профессор социологии (Университет Виктории). Автор книг «Мир повседневности как проблема исследования: феминистская социология», 1987 («The Everyday World as Problematic: A Feminist Sociology»), «Концептуальные практики власти: феминистская социология знания», 1990 («The Conceptual Practices of Power: A Feminist Sociology of Knowledge»), «Тексты, факты и фемининность: исследование отношений правления», 1990, 1993 («Texts, Facts, and Femininity: Exploring the Relations of Ruling»).

Кэндис Уэст — профессор социологии (Университет Калифорнии, Санта-Круз, США). Среди ее работ — «Когда доктором является женщина: власть, статус и гендер во взаимодействиях врача и пациента» («When the Doctor Is a 'Lady': Power, Status and Gender in Physician-Patient Encounters»), «Гендер, язык и дискурс», «Создание гендера», 1991, в соавторстве с Д. Зиммерманом («Doing gender»), «Место женщины в повседневном разговоре: размышления по поводу взаимодействия родителя и ребенка», 1998, в соавторстве с Д. Зиммерманом («Women's Place in Everyday Talk: Reflections on Parent-Child Interaction»). Пишет в соавторстве с Доном Зиммерманом.

Сьюзен Фаррелл — социолог (Университет г. Нью-Йорка, США), магистр богословия. Соредактор книги «Социальное конструирование гендера», 1991 («The Social Construction of Gender»).

Нэнси Ходоров — американский социолог. Автор книг «Воспроизводство материнской заботы. Психология и социология гендера», 1978 («The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender»); «Феминизм и психоаналитическая теория», 1989 («Feminism and Psychoanalytic Theory»).

Дэвид Бетке Эпштайн — профессор социальной и политической этики (Университет Чикаго, США). Автор книг — «Мужчина в публичном, женщина в приватном. Женщины в социальной и политической мысли», 1981 («Public Man, Private Woman. Women in Social and Political Thought»), «Семья в политической мысли», 1982 («The Family in Political Thought»). Последние публикации: «Реальная политика в центре повседневной жизни» («Real Politics at the Center of Everyday Life»), 1998; «Новое вино и старые бутылки: международная политика и этический дискурс», 1999 («New Wine and Old Bottles: International Politics and Ethical Discourse»).

Татьяна Барчунова — канд. филос. наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, переводчик с английского языка. Возглавляет неправительственную библиотеку по гуманитарным наукам (Ресурсы) Центр гуманитарного образования, г. Новосибирск).

Екатерина Герасимова — магистр социологии, аспирантка Европейского университета в С. Петербурге, сотрудник Центра независимых социальных исследований.

Елена Здравомишлова — канд. социол. наук, доцент Европейского университета в С. Петербурге, координатор исследовательских проектов Центра независимых социологических исследований, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН.

Юлия Зенкова — магистр социологии, аспирантка Европейского университета в С. Петербурге.

Ирина Меренко — сотрудник Санкт-Петербургского центра гендерных проблем.

Анна Темкина — Ph.D, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН.

Жанна Чернова — магистр социологии, аспирантка Европейского университета в С. Петербурге.

Софья Чувкина — канд. социол. наук, сотрудник Центра независимых социологических исследований.

Андрей Ханжиги — сотрудник Центра независимых социологических исследований

Наталья Аргожская — магистр политических наук, аспирантка Европейского университета в С. Петербурге.